

Мэри Брэддон

До горького конца

Мэри Элизабет Брэддон

До горького конца

«Public Domain»

1872

Брэддон М.

До горького конца / М. Брэддон — «Public Domain», 1872

«Старомодный сад раскинулся в самой середине патриархального Кента. Такого сада не одобрил бы ни один современный садовник, но, тем не менее, это сад благовонный и красивый и очень любимый его обладателем, который находится далеко за морем, пытаясь поправить состояние в австралийских золотых приисках, и вспоминает со многими тайными вздохами об этой единственной зеленой долине, которую он может назвать своим домом. Она была его домом сорок лет и домом его предков несколько столетий. Тяжело расстаться с таким местом, но Ричарду Редмайну пришлось взглянуть прямо в лицо этой печальной возможности...»

Содержание

Глава I	6
Глава II	10
Глава III	18
Глава IV	22
Глава V	30
Глава VI	35
Глава VII	39
Глава VIII	43
Глава IX	49
Глава X	53
Глава XI	56
Глава XII	61
Глава XIII	65
Глава XIV	70
Глава XV	77
Глава XVI	82
Глава XVII	87
Глава XVIII	92
Глава XIX	96
Глава XX	105
Глава XXI	114
Глава XXII	119
Глава XXIII	126
Глава XXIV	130
Глава XXV	135
Глава XXVI	141
Глава XXVII	149
Глава XXVIII	152
Глава XXIX	156
Глава XXX	159
Глава XXXI	163
Глава XXXII	170
Глава XXXIII	173
Глава XXXIV	180
Глава XXXV	185
Глава XXXVI	188
Глава XXXVII	192
Глава XXXVIII	195
Глава XXXIX	201
Глава XL	208
Глава XLI	213
Глава XLII	216
Глава XLIII	221
Глава XLIV	226
Глава XLV	229
Глава XLVI	235

Глава XLVII	238
Глава XLVIII	241

Мэри Брэддон

До горького конца

Глава I

В цветущей долине

Старомодный сад раскинулся в самой середине патриархального Кента. Такого сада не одобрил бы ни один современный садовник, но, тем не менее, это сад благовонный и красивый и очень любимый его обладателем, который находится далеко за морем, пытаясь поправить состояние в австралийских золотых приисках, и вспоминает со многими тайными вздохами об этой единственной зеленой долине, которую он может назвать своим домом. Она была его домом сорок лет и домом его предков несколько столетий. Тяжело расстаться с таким местом, но Ричарду Редмайну пришлось взглянуть прямо в лицо этой печальной возможности.

Нет в этом саду роскошных куртин всевозможных форм, нет чудес из бордюрных цветов, нет одноцветных масс, нет редких растений, но вы найдете тут две длинные, широкие гряды со смесью старомодных цветов, большую зеленую лужайку, старые яблони и груши, пару орешковых кустов, испанский каштан, низкий, но с широко разросшимися ветвями, образующими тенистый шатер, и одинокий старый кедр. Сад отделен от внешнего мира и от огибающей его тихой дороги высокими кирпичными стенами, обсаженными фруктовыми деревьями и увенчанными колючими растениями, стенами, которые сами по себе достойны карандаша живописца. Рядом с этим садом есть большой фруктовый сад, отделенный от него только изгородью душистого шиповника, где густая сочная трава испещрена колеблющимися тенью листьев, где хорошо отдыхать в жаркие летние дни. А в конце фруктового сада есть пруд, где стаи уток плещутся среди водяных лилий, а за прудом расстилаются луга и поля Брайервудской фермы.

Сад, дом со службами и ферма принадлежат Ричарду Редмайну, одержимому манией к золоту и отправившемуся в Австралию в надежде поправить состояние, значительно пострадавшее в последние годы от неурожаев, неудачных спекуляций в торговле скотом, от падежей, болезни картофеля и вообще от всех ударов, постоянно угрожающих злополучным фермерам.

Он оставил дома своего младшего брата, человека кроткого и несколько слабоумного, мало сделавшего для себя в жизни и всегда находившегося в зависимости от владельца Брайервуда, и жену своего брата, женщину, далеко не кроткую и не слабоумную, но вздорную и злую на язык, хотя и не с дурным сердцем. Этой паре, Джемсу Редмайну и жене его Ганне, оставлена на попечение ферма.

Оставлено и еще нечто бесконечно более ценное. Как ни дорог отсутствующему каждый акр старых владений, но он покинул нечто несравненно более дорогое для его сердца, – дочь свою, Грацию, свое единственное дитя, высокую, стройную, темноволосую девятнадцатилетнюю девушку.

Ее никак нельзя было назвать красавицей, эту дочь фермера, воспитанную несоответственно со своим положением, как утверждал весь маленький Кингсберийский мир. Она действительно не могла взять человечество приступом ни при каких обстоятельствах, но все же была красива и привлекательна; приятно было следить за ее фигурой, когда она бродила по дому и по саду, высокая, тонкая и грациозная, как полевые лилии; приятно было смотреть на ее нежное молодое лицо, увенчанное рыжевато-темными волосами, местами отливавшими золотом, – лицо, главную прелест которого составлял его молочно-белый цвет, едва оживленный слабым румянцем.

Грацию Редмайн заучили, говорила мистрис Джемс, которой хотелось видеть свою племянницу хорошей хозяйкой на скотном дворе и в птичнике. Девушка действительно вела жизнь бесполезную, и в этом отношении мистрис Джемс была права. Грация ничего не смыслила в делах фермы. Она очень любила старый дом, с наслаждением бродила между цветами и проводила праздные утра в фруктовом саду; она любила все живые существа, которые ее окружали, начиная со старой скотницы Молли, которую знала с детства, и кончая желтым утенком, вылупившимся только накануне, но далее не шла. Она пробыла три года в пансионе в Танбридже и Вельсе, и вернулась домой с неизменными украшениями, слегка играя на фортепиано, слегка говоря по-французски, умея произнести несколько неправильных итальянских фраз и рисовать на доске небывалые цветы и с ненасытимою страстью к романам.

Отец купил для нее в Танбридже подержанный рояль, выбранный скорее за его наружные, чем за его внутренние достоинства, но принявший чрезвычайно величественный вид в углублении старомодной гостиной. Фермер любил слушать пение дочери в летние сумерки перед ужином, и ее нежный голос нравился ему не менее от того, что погружал его в преждевременную дремоту, пока звон посуды в соседней кухне и резкий голос мистрис Джемс, спрашивавшей, намерены ли они наконец, идти ужинать, не возвращали его из блаженного мира грез в грубый мир действительности.

Она была его единственная дочь, его красивая, темноволосая Грация, очень похожая на единственную женщину, которую он любил, на его чистую, простосердечную жену, преждевременно разлученную с ним внезапною смертью двенадцать лет тому назад. Дочь была теперь единственным существом на земле, которое он мог любить и лелеять, и все обилие любви сильного мужчины обратилось на эту прекрасную молодую голову. Тяжело ему было покинуть ее в цвете ее молодости, но после долгой борьбы с неблагоприятными обстоятельствами он пришел к убеждению, что это неизбежно. Один из его старых друзей, человек, потерпевший неудачу как мелкопоместный фермер, делал чудеса в золотых приисках и прислал ему блестящий отчет о своих успехах. Редмайн был человек предпримчивый, беспокойный, не мог удовольствоваться умеренным благосостоянием, а соревнование было всегда его бичом. Он носился с этим письмом, написанным с воодушевлением и, может, быть, с некоторыми преувеличениями, носился с ним как с ключом к большому богатству. Ночь за ночью видел он себя стоящим по колено в грубої глине и загребающим лопатой кучи яркого золота при свете полной луны. Утро за утром, просыпаясь, взглядал он на ярко освещенные летним солнцем стены своей спальни, с мучительною мыслью, что жизнь его заключена в этих тесных границах. Правда, тут была его дочь, которую он любил более всего на свете, но любовь к ней заставляла его еще сильнее стремиться поискать счаствия в далеком kraю. Если не принять каких-нибудь мер, самых решительных мер, думал он, Брайервуд будет продан. Он был в долгах, и не надеялся расплатиться.

Может быть, никто, кроме человека в отчаянном положении, и притом человека, мало знакомого с тем, что делалось за границами его владений, не подумал бы об искации золота, как о средстве поправить состояние. Но это было в первые дни золотой горячки, когда надежды на богатство, ожидающие искателей в этой незнакомой земле Тома Тидлера, были сильнее, чем в настоящее время. Чарльс Редмайн среди своих будничных забот и все усилившимся затруднений своего положения думал об этой далекой заморской стране, думал до тех пор, пока ему не начало казаться, что путь, к ней указывает блестящая звезда, за которую ему стоит только пойти, чтобы все поправить.

Если даже придется потерпеть неудачу, думал он, это будет легче, чем сидеть дома, сложа руки, и смотреть прямо в лицо разорению. Он созвал всех своих кредиторов и описал им откровенно свое положение. Они еще не вышли из терпения и были вполне уверены в его добросовестности. В сущности долги его были невелики, едва достигали в сложности тысячи пятисот

фунтов, между тем как одна ферма стоила тысячи четыре, но так как он не мог заплатить их, не продав часть земли, они казались ему громадными.

Кредиторы всеми силами старались отговорить его от безрассудного намерения, но соглашались ждать, а это было все, что он от них хотел.

— Я не боюсь, — сказал он, когда один из них, старый друг, пытался выставить его намерение в самом мрачном свете. — Что-то говорит мне, что меня ожидает успех, если я буду тверд. Пройдет, может быть, год, два, три, прежде чем я что-нибудь сделаю. Больше трех лет я ни в каком случае там не останусь и прошу вас подождать, в самом худшем случае, три года. Само собою разумеется, что я не ожидаю такого снисхождения даром, я буду платить вам всем по пяти процентов в год.

«Это щедро и благородно со стороны мистера Редмайна», — сказали кредиторы. Один недовольный господин хотел было возразить, но был тотчас же остановлен своими товарищами. Мистер Редмайн взглянул на дело справедливо, и они все желают ему успеха. Что ни говори, а находят же люди кучи золота, и почему же ему не получить долю в столь обыкновенном счаствии. Может быть, тогда не было ничего слышно о несчастных золотоискателях, они погибали безвестно и бесславно, так что казалось, что человеку нужны только заступ и лопата, чтобы приобрести громадное богатство.

До такого образа мыслей довел себя и Ричард Редмайн, мечтая, ропща на свою судьбу и с отвращением отвернувшись от фермы, где все, по-видимому, шло дурно. Там, вдали, было богатство, и стоило только решиться пойти и взять его. Он был деятелен, силен, как Геркулес, ни разу в жизни не испытал болезни, был меткий стрелок, — словом, мог надеяться не пропасть в чужой стране. От мелких неприятностей своей жизни дома он с нетерпением обратился к жизни, ожидавшей его впереди, и в одно прекрасное мартовское утро, после упомянутого дружеского свидания со своими кредиторами, отправился в Лондон, купить себе недорогой снаряд, взял место на корабле, стоявшем тогда в доке и отходившем через педелью, сдал свой багаж и вернулся в Брайервуд, чтобы проститься с дочерью.

Тяжелая была сцена, когда он объявил ей о своем намерении. Девушка страстно любила отца. И к кому же другому могла она привязаться со всею силою своей горячей, любящей натуры? До сих пор он не намекнул ей ни одним словом о своем намерении. Она слышала, что он говорил как будто с завистью об австралийском золоте и о счаствии своего друга Моргана, слыша, как он сравнивал хлопотливые и мелочные труды жизни фермера с жизнью в стране, где внезапные обороты колеса фортуны поднимают человека в одну неделю из нищеты к богатству. Она сочувствовала ему, утешала его, но ей в голову не приходило, что он задумал покинуть Брайервуд. Это казалось невозможным. Когда он объявил ей о своем намерении, она взглянула на него молча, и на лице ее выразилось такое страдание, что отец был тронут до глубины души.

— Вы шутите, папа, — воскликнула она. — Вы хотите испугать меня.

— Нет, дитя мое, я не шучу, — отвечал он, нежно обнимая ее и гладя ее голову, опустившуюся на его грудь. — Но ты не должна горевать. Я покидаю тебя для твоего же блага. Нам придется бы продать Брайервуд, если б я продолжал сидеть, сложа руки, между тем как мы идем к разорению. Все, что я мог бы сделать здесь, Джим сделает не хуже меня. Я уезжаю на год, или около того, самое большее на три года.

— На три года! — воскликнула Грация. — О, папа, папа, возьмите меня с собой.

— Взять тебя на золотые прииски? Нет, моя милая птичка, такая жизнь слишком тяжела для тебя. Я нежил тебя и отдавал в пансион не для того, чтобы свести тебя с такими грубыми людьми, с какими мне придется работать там.

— Как бы ни была тяжела жизнь, какие бы лишения мне ни пришлось испытать, я везде буду в безопасности с вами.

«Я везде буду в безопасности с вами». Эти слова преследовали его много лет, как постоянный упрек.

Он старался утешить ее, ободрить, но Грация не могла думать ни о чем, кроме незнакомого моря, которое ему придется переплыть, кроме незнакомой земли, где ему придется трудиться.

— Сердце мое разбьется, папа, если вы уедете, — объявила она и твердо отказалась от утешений. Он, однако, уехал, и ее сердце разбилось не совсем. Горе было велико. Ночь за ночью она плакала, пока не засыпала в своей хорошенькой комнате под черепичною кровлей, утро за утром она просыпалась с чувством одиночества и грусти. Но ей было еще только восемнадцать лет. Мало-помалу надежда возродилась. Веселое письмо, объявлявшее о благополучном прибытии странника, было первым утешением, вызвавшим улыбку на красивом молодом лице. С этих пор началось обыкновение ждать следующего письма. Сердце ее не разбилось: это ждало ее впереди.

Глава II Брайервуд унижен

У мистера и мистрис Джемс Редмайн было два сына, два рослых, угловатых сына, девятнадцати и двадцати лет. Необразованные до степени, внушавшей презрение их кузине Грации, они были юноши трудолюбивые и хорошие хозяева. Оставшись со своим отцом неограниченными распорядителями в ферме, они повели дело по-своему, и хозяйство начало, видимо, поправляться после отъезда хозяина. Ричард Рейдман был человек нетерпеливый, предприимчивый, непостоянный, в последнее время делал все новые опыты, тратил деньги на земледельческие машины, большую часть которых бросал как негодные после нескольких месяцев испытания. Джемс был расчетливее и осторожнее, никогда не упускал из виду копеечных выгод, и не прошло года после отъезда Ричарда Редмайна, как дела фермы значительно поправились. Доходами еще нельзя было похвалиться, но семейство могло жить, платя за все чистыми деньгами, и убытков не было. Такое положение дел было уже шагом к лучшему.

— Если бы только отец остался дома!.. — вздохнула Грация, когда дядя ее рассуждал однажды на эту тему.

— Если бы отец ваш остался дома, — возразила мистрис Джемс своим резким голосом, — дела не могли бы поправиться. Он продолжал бы все портить своими нововведениями, не имея терпения дождаться спокойно результата, один день работая как вол, на другой сидя, сложа руки и ворча на свои неудачи. Нет, ему гораздо лучше быть там, где он теперь. В Австралии, может быть, можно что-нибудь сделать с его манерой работать, но здесь этим ничего не возьмешь.

Грация вспыхнула и начала защищать отца. Покинув Брайервуд, чтобы поискать счастья за морем, он принес жертву, достойную героев римской истории, думала она, припоминая Марка Курция, который выдигался из темного фона классической истории как особенно интересный молодой человек, автограф которого она с удовольствием присоединила бы к своей скромной коллекции подобных драгоценностей. Ее мысли в этот период ее жизни с любовью следовали за отцом; пришло время, и пришло слишком скоро, когда они последовали за другим. Она видела его во сне трудающимся под далеким небом, она молилась за него. Могла ли она вынести равнодушно, чтобы его осуждали в ее присутствии?

Мистрис Джемс приняла ее возражение снисходительно.

— Грация хорошо делает, что стоит за отца, — сказала она, — и я не имею ничего против Ричарда. Я хотела только сказать, что он слишком упрям и горяч для такого рода работы. Он более способен бороться с препятствиями в чужих краях, чем терпеливо ждать, пока созреет его рожь и откормится для продажи его скот.

Со времени отъезда Ричарда Редмайна прошло пятнадцать месяцев. Было начало июня, в Брайервудском саду зацветали розы. Отсутствующий думал о них среди шума своей тревожной жизни и воображал себя сидящим под большим кедром, под которым он выкурил так много трубок и выпил так много чашек чая, поданных ему дочерью в теплые летние вечера. Приближался сенокос, и мистрис Джемс была погружена в хлопоты, готовя пироги с мясом и с крыжовником для косцов, способных поглотить, как стая саранчи, все находившееся в ее кладовой, как бы ни была она полна. Словом, лето только что начиналось, когда мистрис Джемс внезапно попала на новый способ увеличить свой доход.

В трех милях от Брайервуда был прекрасный старинный дом, окруженный запущенным парком, — благородное поместье времен Тюдоров, сохранившееся в своем первобытном виде со дней знаменитого Гарри, но в последнее время оставленное в пренебрежении, как и окружавший его парк.

Настоящий владелец Клеведона, – так называлось это поместье, – сэр Френсис Клеведон, был слишком беден, чтобы жить в нем, и терпеливо выжидал за границей, чтобы какой-нибудь счастливый случай, как, например, давно ожидаемая смерть старой тетки, которой он был наследником, дал ему возможность поселиться во владениях своих предков. Не по своей вине жил этот молодой человек изгнаником. Отец его, сэр Лука, был одним из светил великосветского общества во дни регентства и расточил большое состояние; играя с Фоксом и кутя с Шериданом. Он провел молодость бурно, женился поздно, увез жену за границу и допустил детей вырасти вдали от отечества.

Он прожил все свои деньги и заложил Клеведон; но, к счастью, был так стеснен законами о наследовании; что должен был оставить имение неприкосновенным. Когда, наконец, подагра в желудке прекратила его жизнь, сын его Френсис, тогда пятнадцатилетний мальчик, наследовал титул и обремененное долгами имение, поселился с матерью и сестрой в скромной квартире на краю Парижа, предоставив Клеведон умному управляющему, делавшему все возможное, чтобы выкупить имение доходами, которые оно приносило.

При жизни отца это было невозможно. Сэр Лука до конца сохранил расточительные привычки, которыми славился даже в кругу безумцев, среди которых вращался. Пить шато-марго, есть землянику в феврале и персики в апреле, бросать пригоршни серебра извозчикам, иметь две абонированные ложи в опере и одну в Водевиле, держать пари каждую весну в Лоншане, играть каждую осень в Бадене и в Гамбурге он считал жизненною необходимостью, между тем как бедная жена его, чтобы сберечь несколько пенсов и шиллингов, покупала своим детям бумажные перчатки вместо лайковых и уничтожала пудинг в их скромном обеде.

Когда сэр Лука умер, положение дел поправилось, по мнению мистера Ворта, управляющего, который с этих пор начал надеяться выкупить со временем Клеведон. Молодой баронет, мать его и сестра были так благоразумны, что согласились жить на: то; что он найдет возможным уделить им из доходов; И через год после смерти сэра Луки переселились из Парижа в Брюгге, где жизнь была дешевле.

В продолжение двадцати пяти лет Клеведон был на попечении слуг. Весь штат состоял из старого дворецкого, жены его, двух работящих молодых женщин; одной для дома, другой для молочни, дряхлого садовника, который тщательно поддерживал небольшой цветник, существовавший еще при его старой барыне, матери сэра Луки, и оставлял, в полном пренебрежении остальную часть парка. Доход с одной домашней фермы, при заботливом управлении доставлял ежегодно сумму, которая, как леди Клеведон уведомила мистера Ворта, была совершенно достаточна для нее и для ее двух детей.

Спустя год после смерти баронета, мистер Ворт предложил вычистить леса (пока был жив сэр Лука, он уверял, что нет хворостинки, годной для сруба), и этим способом приобрел около шести тысяч фунтов, которым облегчил груз долгов, лежавших на имении. Будущее прояснилось, и мать с сыном, гуляя по тихим бульварам Брюгге, весело говорили о том времени, когда они будут жить дома. Они всегда называли Клеведон своим домом, хотя не провели ни одной ночи под его готической кровлей. Матери не суждено было дождаться осуществления этих надежд, она умерла немного лет спустя после смерти мужа, а сэр Френсис отправился путешествовать, оставив сестру в Брюгге, в монастырском пансионе.

В продолжение всех этих лет можно было отдать дом в наймы и создать таким образом новый источник дохода, но против того восстало гордость. Сэр Лука мог вынести что угодно, как объявил он, только не это, только не допустить чужих поселиться в доме, где он родился и где угощал в продолжение двух блестящих недель принца регента. Торговать домом своих предков! Осквернить домашний очаг всех Клеведонов из-за денег какого-нибудь магната Сити! Письмо, в котором мистер Ворт сделал это предложение, едва не довело баронета до апоплексического удара. Он две недели не мог успокоиться после этой «дерзости», как он выражался. Когда он умер, жена его и сын, изуважения к его предрассудкам, решились не отдавать в наймы

своего старого дома, и Клеведон, оставшись на попечении слуг, медленно приходил в разрушение. Местами пробивалась сырость, местами крысы прогрызли панель, и постепенная порча обнаруживалась с погреба да чердака.

Джон Ворт, управляющий, жил в своем собственном, не красивом, но удобном кирпичном домике, на лугу деревни Кингсбери, на расстоянии мили с половиной от Брайервуда. Он был дружен с Редмайнами и любил заходить на ферму, чтобы выкуриТЬ вечернюю трубку, сытно поужинать или напиться чаю под развесистым кедром, куда Грация приходила иногда фантазия поставить чайный стол в благовонные летние вечера или в знойное время жатвы. Тут все любили его, хотя людям незнакомым он едва ли показался бы привлекательной личностью. Это был человек лет шестидесяти и более, высокий, с честным, суровым лицом, загрубевшим и покрасневшим от пребывания на воздухе во всякую погоду, с седыми волосами, жесткими и короткими как щетка, и с густыми седыми бакенбардами. Он не имел ни жены, ни детей и очень любил Грацию, которая обращалась с ним опасно обворожительным образом, полудерзко и полуласково.

Новое средство увеличить свой доход тетушка Ганна нашла при содействии мистера Ворта. Он зашел к ним однажды вечером, в июне, когда они сидели за чайным столом, Грация с романом на коленях, ее два кузена поглощая холодную ветчину и бобы с таким аппетитом, что можно было подумать, что они не ели с недели. Грация не могла смотреть на них без отвращения. Ей хотелось, чтобы чайный стол имел более изящный вид, чтобы на нем стояло блюдо с земляникой, ваза с цветами и китайская тарелка с бутербродами, подобными тем воздушным бутербродам, какие подавались в гостиной мисс Тульмин, но ничего более существенного. Мисс Тульмин была содержательница пансиона, в котором Грация почерпнула все свои понятия о приличии. Там она получила тот взгляд на жизнь и на людей, который так легко сообщается в подобных заведениях, и считала теперь несчастьем быть дочерью фермера и еще большим несчастьем быть племянницей тетушки Ганны, которая была так неприятно трудолюбива и имела склонность засучивать рукава при всяком удобном случае, которая принимала деятельное участие в ежемесячной стирке и не только не стыдилась этого факта, но даже хвасталась им. Грация не ладила с окружавшими ее, в особенности с тех пор, как единственный человек, которого она любила, покинул тесный семейный круг. Бедствовать в Австралии, казалось ей, было бы гораздо легче, чем выносить неприятности ее будничной жизни, слушать целый день ворчливый голос тетки, носить по вечерам ситцевые платья и подвергаться наставлениям за то, что она не любит хозяйство. В пансионе мисс Тульмин были дочери адвокатов и докторов, девушки, для которых жизнь была веселым праздником, которые возвращались с вакаций с веселыми рассказами о собраниях и пикниках, о крокете и танцах. Бедная Грация ни разу не была на балу и не могла играть одна в крокет, хотя обширная лужайка в саду была для этого как нельзя более удобным местом. Правда, тут были ее кузены, которые охотно отдали бы ей свободное время своей трудолюбивой жизни, но руки и сапоги кузенов были из самых грубых и не согласовались с понятием Грации о приличии. Ей казалось, что бит крокета никогда не должен попадать в руки менее изящной особы, чем кингсберийский священник, худой и бледный молодой человек, с слабым голосом, пользовавшийся большим почетом у окрестных помещиков и делавший ежегодно два церемонных визита в Брайервуд.

Грация отложила в сторону роман и налила большую чашку чая для управляющего. Она была всегда; рада видеть его. Мистер Ворт приносил им новости из внешнего мира и об интересном изгнаннике, сэре Френсисе Клеведоне, о котором она всегда готова была слушать. Она воображала его себе похожим на Эдгара Равенсвуда, величественным, мрачным и неучтивым.

— Нет ли письма из Австралии? — спросил мистера Ворта. — Третьего дня пришла, кажется, почта.

Грация покачала грустно головой; в этот раз письма не было.

– Последнее было длинное, и отец сказал нам, чтобы мы не ждали от него писем с каждою почтой. Если с ним случится что-нибудь, говорит он, мы это наверное узнаем от друга его Моргана.

– Конечно. Это большое утешение для вас, что он там не один.

Управляющий задумался, прихлебывая свой чай, а Грация смотрела на него, ожидая, чтобы он сказал им что-нибудь новое об интересном изгнаннике.

– У нас будет редкий сенокос в этом году, Джемс, – сказал мистер Ворт, а Джемс Редмайн в ответ слабо улыбнулся и сказал: – Да, если только в продолжение следующих двух суток выпадет дождь.

На дождь надежды мало. Мой барометр не опускался ниже тридцати две последние недели. У нас лет десять уже не было таких трав, как в этом году.

– И это поправит дела сэра Френсиса? – спросила Грация с жаром.

– Конечно, моя милая, – отвечал мистер Ворт весело. – Одно сено даст по меньшей мере семьсот фунтов для уплаты долга. Для сэра Френсиса приятно работать. Он не брал более двухсот пятидесяти фунтов в год из доходов с тех пор, как умер его отец. Позвольте еще чашку чая, только не так сладко.

– Есть надежда, что сэру Френсису можно будет скоро вернуться сюда? – спросила Грация, наливая чай.

– Едва ли, если только не умрет внезапно его тетка, мистрис Кальвер, и не оставит ему своих денег. Но она, кажется, решилась не расставаться с ними как можно дольше.

– А она очень богата? – спросила Грация не столько для того, чтобы получить ответ, сколько для того, чтобы поддержать разговор. Она уже давно знала все, что мог сообщить ей мистер Ворт о мистрис Кальвер, но ей никогда не надоедало слушать все, что касалось семейства Клеведон. Они были единственные аристократы, о которых она что-нибудь знала, и служили для нее представителями благородства и величия.

– Богата ли она? Еще бы: она получает тысяч шесть или семь в год. На эти деньги можно было бы жить спокойно в Клеведоне. Сэр Лука проживал сорок тысяч в год, но теперь не прежние времена, и сельский джентльмен может жить скромно. Мистрис Кальвер, сестра отца сэра Френсиса, как вы знаете, и в свое время была известная красавица. Она охотилась с гончими, интриговала для брата на выборах и заставляла всю страну говорить о себе, так или иначе. За нее, говорят, сватались первейшие женихи, но она все ломалась и вышла замуж тридцати пяти лет за желтого старика, нажившего себе состояние в Индии. У них никогда не было детей, и все ее состояние должно перейти к ее племяннику. Она на десять лет старше брата, следовательно, теперь ей с лишком восемьдесят лет.

– Надеюсь, она проживет недолго, – воскликнула Грация. – Нет, я не то хотела сказать. Я хотела сказать, что мне было бы очень приятно, если бы сэр Френсис и сестра его приехали в свое имение. Жаль смотреть, как портится старый дом.

– Земля-то во всяком случае не портится, – сказал управляющий.

– Нет, конечно, нет. О земле заботитесь вы, умный, добрый мистер Ворт, и, кажется, бережете каждый клок травы и каждый колос. Я говорю только о доме. Обои, панель, кабинеты и все прекрасные вещи, которые вы мне однажды показывали, пропитаны сыростью и гнилью. Воображаю, какое это было великолепное место, когда там гостили Георг IV.

– Да, тогда было хорошо в Клеведоне, – сказал мистер Ворт, вздохнув. – В эти две недели было истрачено более сотни фунтов на одни восковые свечи – я видел счет из свечной лавки – и полтораста фунтов на освещение парка и оранжерей китайскими фонарями в день сельского праздника. Принц, сэр Лука и еще двое или трое сиживали, играя в карты и уничтожая кюрасо часов до четырех или до пяти утра. Хорошее было время!

– Сэра Френсиса тогда еще не было на свете? – спросила Грация.

— Да, это было еще до женитьбы его отца. Он не думал о женитьбе, пока не промотал всех своих денег, и тогда влюбился в дочь викария, мисс Агнесу Вильдер, восемнадцатилетнюю девушку. Многие, вероятно, считали его хорошей партией для нее, и мистер Вильдер был того же мнения. Как бы то ни было, но никто не помешал этому браку, а сама мисс Вильдер любила своего жениха. Он и тогда был еще красивый мужчина, несмотря на свои пятьдесят лет. Однажды утром они обвенчались в Кингсберийской церкви и отправились в Париж, чтобы провести там медовый месяц, но оттуда уже не возвратились. Сэр Лука не смел глаз показать в Англии.

— Бедная жена его! Ей досталась тяжелая участь, — заметила Грация, сочувствовавшая всем членам семейства Клеведон.

— Да, моя милая, и она была доброю женой для такого дурного мужа, каких мало. И я слышал, что в молодости она была женщина гордая. Мистер Вильдер был человеком хорошего происхождения и дал своим детям отличное воспитание.

Пока шел этот разговор, Джек и Чарли Редмайн продолжали есть свои бобы и ветчину, равнодушные к рассказу, слышанному уже несколько раз. Управляющий любил говорить о людях, которым служил, и его слушали большею частью из учтивости. Не все так интересовались старою историей, как Грация. Дядя Джемс задремал, убаюканный мягким летним ветром, проникавшим под ветви кедра. Тетушка Ганна вынула из кармана серый шерстяной чулок, как легкую дамскую работу, употребляемую при гостях, и принялась прилежно штопать его.

— Не знаете ли вы, мистер Джемс, где здесь можно найти квартиру, удобную для джентльмена? — спросил неожиданно мистер Ворт.

Мистрис Джемс подумала и покачала головой.

— Я знаю здесь в Кинсбери только две свободные квартиры: у мистрис Фриман на деревне и у мистрис Петер на лугу возле вас.

— Ни одна не годится, — возразил управляющий, — слишком малы, я видел их. Мне нужно помещение для джентльмена, который приедет сюда месяца на два. Я желал бы найти для него приличную гостиную, удобную спальню, хороший сад и хорошо подготовленный стол. Если вы знаете какую-нибудь ферму не далее шести миль отсюда, где его согласились бы принять...

— Нет, я такой фермы не знаю, — прервала мистрис Джемс, и потом, подумав и взглянув на своего дремавшего мужа, прибавила: — Но я не вижу причины почему бы нам самим не взять его. Спальня Ричарда стоит пустая, а лучшая гостиная употребляется не более раза в месяц. Заплатит он, надеюсь, хорошо.

— Он заплатит хорошо, даже щедро, за такие удобства, какие найдутся у вас.

— Взять жильца! — воскликнула пораженная Грация. — Тетушка Ганна!

— Взять жильца, — повторила тетка. — А почему же не взять? Почему не сделать полезного употребления из пустых комнат? Мы не должны пренебрегать никакою прибылью, когда отец ваш выбивается из сил, чтобы заплатить свои долги. Я ожидала, что вы обрадуетесь возможности помочь ему по мере сил.

— Конечно, тетушка, но не думаю, чтобы отцу понравилось, что мы пускаем к себе жильцов.

Мелочная пансионская гордость восстала. Что сказала бы мисс Тульмин и все ее воспитанницы, узнав, в каком положении находится их бывшая подруга? Грация была полгода тому назад на прощальном празднике в пансионе и посещала изредка свою прежнюю наставницу и еще мерила все существующее меркой мисс Тульмин.

— Он джентльмен, — сказал мистер Ворт, — или должен бы быть джентльменом, потому что в жилах его течет благородная кровь.

Последние слова несколько смягчили Грацию. Она была уверена в превосходстве людей благородного происхождения, считая их существами совершенно отличными от обыкновенных смертных, с которыми она проводила жизнь.

— Не думаю, чтобы это понравилось отцу, — повторила она и более уже не протестовала.

— Когда отец ваш уезжал, — возразила ей тетка, — он отдал мне в полное распоряжение дом и скотный двор. Я поручаю все вам, мистрис Джемс, сказал он. Пусть Грация читает свои книги, играет на фортепиано и наслаждается жизнью. Я уверен, что она не будет мешать вам в хозяйстве. Это его слова, Грация, и вы их слышали.

— Да, — отвечала Грация, — но я уверена, что ему не могло прийти в голову, что мы обратим Брайервурд в наемную квартиру.

Мистер Ворт сожалел, что огорчил свою любимицу. Она сидела, полуутвернув от него голову и надув свои розовые губки.

— Оставим это, если Грация не согласна, — сказал он.

— Я стыжусь вашей гордости и вашего тщеславия, Грация, — воскликнула мистрис Джемс. Противоречие племянницы заставило ее сильнее ухватиться за свое намерение. — Я думала, что вы обрадуетесь возможности приобрести несколько фунтов для отца. Все, что заплатит джентльмен за помещение, будет чистою прибылью, и от содержания его, надеюсь, будет какая-нибудь выгода, и притом вы оказали бы этим услугу другу вашему, мистеру Ворту.

— Хорошо, пусть он приедет, — сказала Грация. — Я на все готова для отца.

— Вам не будет до него никакого дела, — возразила мистрис Джемс, супруг которой уже проснулся и смотрел на нее широко раскрыв глаза. — Сара будет прислуживать ему, а я буду стряпать для него. Джентльмены прихотливы насчет стола. Не хотите ли посмотреть комнату Ричарда, мистер Ворт?

Джемс Редмайн между тем совсем очнулся, и жена объявила ему в чем дело тоном, по которому он понял, что ради семейного спокойствия не должен противоречить ее намерению.

Они отправились осматривать комнату Ричарда, и даже Грация удостоила присоединиться к ним. Покорившись перспективе иметь в доме жильца, она невольно заинтересовалась им. Появление нового лица составляло эпоху в ее однообразной жизни.

Губерт Вальгрев, — так звали незнакомца, — был, по словам мистера Ворта, адвокат, человек трудолюбивый и уже имевший порядочную практику. У него были кое-какие собственные средства, происходил он от хорошей фамилии, но был почти одинок в мире, не имея близких родных. Он вынес недавно серьезную болезнь, причиною которой была чрезмерная работа, и врачи предписали ему два или три месяца отдыха в каком-нибудь спокойном загородном месте, где он мог бы пользоваться чистым воздухом и уединением.

— Бездействие не в его характере, — сказал мистер Ворт, — но врачи объявили ему, что если он не бросит работы, то окончательно расстроит свое здоровье, и он принужден покориться и пишет мне, чтобы я нашел ему здесь помещение.

— Так он знает это место?

— И да, и нет. Он провел здесь только один день.

— А вы, надеюсь, давно знаете этого человека?

Необходимо было увериться в благонадежности их будущего жильца.

— Ему было два года, когда я познакомился с ним, — отвечал мистер Ворт с задумчивою улыбкой.

— Этого достаточно. Я знаю, что вы не стали бы рекомендовать человека нестепенного.

— О, он человек степенный, даже слишком степенный для своих лет, как мне иногда кажется. Он не способен на увлечения. Он совершенный контраст с своим... с молодыми людьми моего времени.

Спальня Ричарда Редмайна была большая прохладная комната, с тремя передними окнами, выходившими в сад и с боковым окном, из которого можно было видеть поворот большой дороги, очень удобная комната со старинными, красного дерева, комодами и бюро, с красивою кроватью, с канифасовыми занавесками у постели и окон, с узкими полосами

полинявших брюссельских ковров, с окрашенным темною краскою умывальником, установленным простою белою посудой, с парой вышитых шерстью по канве картин, изображавших сон Иосифа, в рамках под стеклами, с четырьмя ярко раскрашенными гравюрами охотничих сцен, со старинным индийским чайником и полудюжины треснувших чашек на высоком камине и со всемаглующим запахом сущеной лаванды, – комната, в которой человек мог жить и умереть спокойно.

Мистер Ворт оглядел ее и одобрил.

– Я напишу ему, что он может привезти с собою свою ванну. Надеюсь, что вы дадите ему холодной воды сколько ему понадобится.

– О, конечно, – отвечала мистрис Джемс недовольным тоном. – Пусть берет сколько хочет воды, если он из тех господ, которые не могут жить без того, чтобы не полоскаться.

Мистрис Джемс смотрела с отвращением на всякое излишнее употребление воды, как на прихоть, сопряженную с тратой времени при ношении воды взад и вперед и с пачкатней лестниц и коридоров.

– Вы знаете лучшую гостиную, – сказала она.

Мистер Ворт хорошо знал эту парадную комнату, употребляющуюся только в редких случаях и благовейно охраняемую под замком от осквернения ногами простых смертных. Большая, низкая комната, полуокруглое окно, массивная дубовая резьба на потолке, обитые вылинявшим ситцем кресла и диван, – и какой диван! Небольшой отряд пехоты мог бы отдохнуть на нем, если отдых возможен на чем-нибудь столь жестком, – тяжелый квадратный стол красного дерева, старый буфет, украшенный двумя медными львиными головами с кольцами в носах, три треснувшие китайские вазы, семейная библия и *Исаак Уальтон* в кожаном переплете, ковер, с которого исчезла всякая ткань ярких цветов полстолетия тому назад, но все еще бережно сохраняемый под полотною покрышкой белоснежной чистоты, – такова была гостиная, прохладная, полутемная комната, с окном, заросшим розами и жимолостью, комнаты, в которой можно было продремать лето и промечтать зиму у камина, не замечая, что жизнь идет вперед.

– Лучшая гостиная годится как нельзя более, сказал мистер Ворт. – Какие же ваши условия? Достаточно ли буден трех гиней в неделю за помещение и за содержание?

– Достаточно, – отвечала тетушка Ганна, сообразившая, что две гинеи из трех будут чистою прибылью.

Я согласна, если Джемс согласен.

Ссылка на Джемса была вежливою фикцией, супружеским комплиментом. Весь Кингсбери знал, как слаб голос Джемса Рейдмайна в Брайервуде.

– Следовательно, дело кончено, – сказал мистер Ворт. – Я напишу мистеру Вальгреву, что он может приехать когда хочет.

– Да, – отвечала тетушка Ганна. – Я не из тех хозяев, которые не выметают пыль из угла в угол по целому году, а весной поднимают такую уборку, что ставят весь дом вверх дном и называют это хорошим хозяйством. Мыть каждую пятницу, мести каждый вторник – вот мое правило. Понедельник остается для стирки, среда для глаженья, четверг для печенья, а суббота для общей уборки.

– Боже, тетушка Ганна! – воскликнула Грация с нетерпеливым жестом. – Какое дело до всего этого мистеру Ворту!

– Если не мистер Ворт, то некоторые особы могут это выслушать с пользой для себя. В наше время дочери фермеров ведут себя как герцогини, даже хуже: герцогини, по крайней мере, воспитаны не в грошевых пансионах.

– Это лучший пасион в Вельсе, – вспыхнула Грация. – Отец не отдал бы меня в плохой.

Несправедливость к ее отцу обижала ее всего сильнее.

Мистер Ворт учтиво вмешался между спорившими.

— Я сегодня же напишу мистеру Вальгреву, и он приедет к вам в субботу или в понедельник.

— Мне все равно, когда бы он ни приехал, — отвечала мистрис Джемс.

Они вернулись в сад, где чай был заменен двумя квадратными бутылками можжевеловой настойки, коричным кувшином с холодной весенней водой и парой кружек. Грация была задумчива. Принять жильца было унижением, но она не могла не думать о нем. Чужие люди были так редки в Кингсбери, а принять чужого человека в свой дом было эпохой в жизни. Они вперед будут вести свое летоисчисление с этого события и разделять жизнь в Брайервуде на две половины — до приезда мистера Вальгрева и после приезда мистера Вальгрева.

Глава III

«О, помните ли, как мы встретились с вами в первый раз?»

Он приехал в субботу в начале вечера, тихого, солнечного вечера, с легким ветерком, способным лишь колебать только что распустившиеся розы. Брайервуд показался сплошь покрытым розами утомленным Лондоном взором Губерта Вальгрева. Розы образовали занавес у входа, розы, белые и красные, охваченные бледно-желтою жимолостью, вились до самой крыши, кусты махровых и диких роз покрывали узкий садик между большою дорогой и домом, а в боковую калитку мистер Вальгрев бросил взгляд на старомодный сад, весь покрытый розами.

— Славное место, — пробормотал он утомленным, полунаадменным тоном. — Фермы обыкновенно бывают безобразны.

Все семейство, только что кончившее чай в ежедневной гостиной, услышало стук экипажа, и за канифасовым занавесом появилась небольшая группа, в которой Грация была, конечно, не из числа наименее любопытных. Она забыла, каким унижением был приезд жильца в своем нетерпении увидать его.

Джек и Чарли Редмайн пошли, по приказанию матери, помочь внести багаж приезжего: большой сундук, очевидно вынесший много поездок и, судя по тяжести, наполненный книгами, большой кожаный чемодан, еще более изношенный, два кожаных мешка, три или четыре удочки и души.

— О! — воскликнула мистрис Джемс с нескрываемым отвращением, — я так и ожидала, что он полоскун.

— Он смотрит джентльменом, — сказала Грация задумчиво.

Одному Богу известно, откуда она получила свое понятие о джентльмене, если только не судила по ректору, беспокойному маленькому человеку, вечно ссорившемуся с тем или с другим из своих прихожан, или по викарию, костлявому двадцатидвухлетнему юноше, по-видимому, не переставшему вырастать из своих платьев.

— Он смотрит джентльменом, — повторила Грация мечтательно.

И действительно, мистер Вальгрев носил на себе тот отпечаток благородства, ту невыразимую грацию и величие, которые внушают простолюдинам мысль, что высшее сословие создано из другого материала, чем они.

Он был высок, но не слишком; худощав, но также не слишком. Лицо его обнаруживало следы недавней болезни и едва ли могло называться красивым: темные волосы, редкие спереди, болезненный, смуглый цвет лица, серые глаза, казавшиеся черными, прямой нос, насмешливый рот, способный выразить многое или ровно ничего, смотря по желанию его обладателя. На вид ему можно было дать лет тридцать пять. Грации он показался старше. Романтичность, которую она, может быть, окружила его образ в своем воображении, должна была рассеяться при виде действительности.

— Но он смотрит джентльменом, — сказала она в третий раз, вынимая из корзинки лоскуток бесполезной работы, ненавистной для глаз мистрис Джемс, и садясь у окна, выходившего в сад. В общей гостиной было два окна с двух сторон и стеклянная дверь, выходившая в сад.

В доме послышалось движение, раза два прозвучал колокольчик, резкий голос мистрис Джемс не умолкал, отдавая приказания служанке. Обед, приготовленный для приезжего, был подан в лучшей гостиной.

Грация прокралась к полуотворенной двери, высунула голову и стала слушать. Дверь соседней комнаты была отворена настежь, и она услыхала учтивый, утомленный голос, все одобрявший, но с неприятною холодностью, как ей показалось.

— Благодарю. Комнаты очень хороши, прохладны и удобны, а это все, что мне нужно. Да, я выпью стакан вашего домашнего эля, если позволите. Мне пришлют из Лондона корзину вина. Я надеюсь получить ее сегодня вечером.

Потом, после небольшой паузы:

— Я должен поблагодарить вас за то, что вы приняли меня в свой дом. Мистер Ворт говорит, что вы до сих пор никогда не пускали к себе жильцов.

— Дело в том, сэр, — начала мистрис Редмайн, которая была сама скромность, — что обстоятельства брата моего мужа, Ричарда Редмайна, который находится теперь в Австралии на золотых приисках, где сколько я могу судить, он не приобрел еще ни копейки, — обстоятельства его, видите ли, теперь не то что были прежде, и я не сочла себя в праве отказаться от прибыли, как бы ничтожна она ни была, хотя племянница моя, Грация, воспитывавшаяся в пансионе, где девушкам набивают голову всяким вздором, и называют это образованием, наша Грация об этом и слышать не хотела.

— Слышать не хотела обо мне? — повторил приезжий своим протяжным, ленивым тоном, как бы говоря о предмете, ни мало его не интересовавшем. — Надеюсь, что прежде чем я покину Брайервуд, мисс Редмайн убедится, что я вовсе не такая неприятная личность, как она полагает.

— Помилуйте, сэр! Она не имела ничего против вас лично, ей только неприятно иметь в доме жильца, и она точно так же стала бы противиться, если бы на вашем месте был епископ Кентерберийский.

Грация покраснела до ушей, пока шел этот разговор. Она досадовала на тетку за то, что та заговорила о ней, досадовала на жильца, за его высокомерный тон, такой тон, как будто она была уж так много ниже его.

Приезжий, со своей стороны, представлял себе дочь фермера толстою, краснощекою девушкой, с веснушками и одетую карикатурой лондонских мод.

— Она, вероятно, играет на фортепиано, ваша племянница? — спросил он, отказавшись от малинового торта и сливок, которыми угождала его мистрис Джемс.

Он с ужасом воображал, какие мучения придется ему вытерпеть от музыки сельской барышни. «Почему наши законодатели не дадут женщинам мужские права? — спросил он себя. — Тогда брайервудская племянница ходила бы за сохой или надсматривала бы за косцами».

— Да, сэр, она играет на фортепиано, — отвечала мистрис Джемс, резкий дискант которой звучал еще резче после плавного тона приезжего. — Ричард научил ее всем подобным пустякам. У нее есть способности к музыке, насколько я в этом судья. Но если ее игра будет мешать вам, мистер Вальгри, — тетушка Ганна иначе не называла жильца, как этим искаженным именем, — скажите только слово, и фортепиано не будет открываться, пока вы у нас.

— Ни за какие блага в мире, моя добрая мистрис Редмайн. Пусть молодая особа играет, сколько ей угодно и забудет о моем темном существовании. Я приехал к вам не на такое короткое время, чтобы принять подобную жертву. Мне хотелось бы пробыть у вас подольше и ездить отсюда в Лондон, когда соберусь с силами. Я привык трудиться и не могу оставаться долго без дела.

Мистрис Джемс взглянула на большой сундук, поставленный у двери гостиной, и на кучу книг в старых кожаных и бумажных переплетах, выброшенных из него на пол.

— Вы, кажется, не намерены лениться здесь, сэр, — сказала она, простосердечно считая чтение самою трудною работой.

– Нет, – отвечал мистер Вальгрев с легким вздохом. – Адвокат должен много и серьезно заниматься, чтобы иметь успех в свете, а я не стыжусь сознаться, что считаю известность наградой, для которой стоит трудиться.

Он впадал в откровенность, тон его стал уже менее апатичным. Грации он более нравился после его слов об ее музыке. Она тихо вернулась на свое место и принялась за работу, стыдясь, что позволила себе подслушивать.

После обеда, за которым он ел умеренно и с видом человека, равнодушного к пище, мистер Вальгрев закурил сигару и вышел в сад. Солнце уже село, но над западною стеной еще догорала алая заря, а выше небо было бледно-зеленое, постепенно темневшее, сохраняя только местами яркий оттенок и напоминая опал с его пятнами. Губерт Вальгрев шел медленно по траве, лениво наслаждаясь красотой места и атмосферой.

– Право, это совершенство в своем роде, – сказал он. – Старый Ворт не преувеличивал, хваля красоту, места. Каждая часть старого дома имеет свою оригинальную прелест, каждая тропинка в этом саду восхитительна. Но все же трудно представить, как человек может жить здесь год за годом, вдали от жизненной борьбы и без всякой цели впереди, радуясь, что это лето даст ему урожай не хуже прошлого, что доход текущего года будет только немногим менее, а может быть и более дохода прошлого года, спокойно следя месяц за месяцем за жизнью природы, за высиживанием яиц, за ростом шерсти, за откармливанием скота, за созреванием ржи и ничего не ожидая от будущего. Нет я не могу себе представить чувства этого человека. Я скорее согласился бы сидеть в доме умалищенных или в тюрьме, чем жить такою жизнью.

Человек, находившийся в это время в Австралии, ожидая счаствия в золотых приисках, разделял чувства мистера Вальгрева. Он тоже не был создан для жизни фермера.

Пока мистер Вальгрев бродил медленно по саду, останавливаясь по временам, чтобы полюбоваться на розовый куст, но тотчас же забывая о своем намерении, и глядел на цветы, очевидно, не замечая их, Грация следила за ним из-за канифолового занавеса, интересуясь знать, о чём он думает и каково его прошлое.

Мистер Ворт сказал им о нем очень немного, – только, что у него нет близких родных и что он одинок, но этого было достаточно, чтобы возбудить сочувствие к нему в мягким сердце девушки. Она жалела его, полагая, что такое одиночество должно быть источником грусти. Когда же она увидела его, сожаление значительно ослабело. Он не смотрел человеком, жизнь которого омрачена горем. Он казался ей человеком холодным, энергичным, и она припомнила его слова об успехе в жизни. Он честолюбив, а для честолюбивого человека сердечные привязанности имеют мало значения, думала Грация. И он непременно достигнет своей цели и будет судьей или чем-нибудь в этом роде. Она очень мало сочувствовала форме его честолюбия. Будь он военный, задавшийся мыслью отличиться пред своими товарищами, она считала бы его героем. Но адвокат... трудно окружить романтическим сиянием голову в парике с безобразною черною заплаткой на макушке. Грация была однажды в маленькой судебной палате в Медстоне, когда у ее отца был незначительный процесс, и составила себе понятие о судебном сословии по двум или трем ленивым судьям, которых видела там.

Было около десяти часов вечера, когда мистер Вальгрен докурил третью сигару, подробно осмотрев оба сада и заглянув на двор фермы, где семейство безукоризненных поросят визжало и состязалось над своим ужином, состоявшим из плохого картофеля и снятого молока, и возвратился в свою гостиную. Две тусклые свечи горели и больших старомодных подсвечниках накладного серебра. Он позвонил и потребовал еще пару, поставил все четыре свечи у своего левого локтя, выбрал из кучи книг четыре толстые тома и начал читать.

Не прошло десяти минут, как послышались звуки фортепиано и тихое пение.

Он оттолкнул от себя книги и опрокинулся на спинку кресла.

– Если это будет продолжаться, – пробормотал он, – мне лучше и не приниматься за работу, а если это будет повторяться каждый вечер, Брайервуд увидит меня не долго.

Он, однако, слушал, и скоро нахмуренный лоб прояснился и на лице его показалась слабая улыбка. Он прослушал жалобный немецкий вальс, очень старый и сыгранный с нежною грацией, соответствующей мелодии, прослушал старую балладу «О, помните ли, как мы встретились с вами в первый раз?», стоящую сотни наших современных гостиных романсов. Он слушал, и слушал с удовольствием. Но музыка продолжалась не более четверти часа. Не много времени пришлось потерять. Он возвратился к своим книгам с подавленным вздохом сожаления и постарался сосредоточить мысли на решении государственного судьи в одном важном деле, несколько сходном с тем, которое он должен был защищать в следующую зиму.

Этот тихий, нежный голос преследовал его несколько времени, мешая ему оценить по достоинству самые важные пункты в речи судьи. Ему с трудом удалось освободиться от него, и он не был бы недоволен, если бы пение началось снова.

Но этого нельзя было ожидать. Он слышал хлопанье дверей, стук засовов и замков у наружных входов, и скрип старой лестницы под легкими и тяжелыми шагами. Вошла служанка, чтобы спросить, не нужно ли ему что-нибудь и в котором часу он будет завтракать на следующее утро.

– В девять или в десятом. Я не люблю вставать рано. Кто это пел сейчас?

– Мисс Грация, сударь. Она у нас мастерица петь.

И служанка поклонилась и вышла, удивляясь на лондонского джентльмена, которому для чтения нужны четыре свечи.

– Должно быть, так всегда делается в Лондоне, – подумала она. – Они, бедные, слепнут там от дыма.

Мистер Вальгрев читал почти до трех часов, потом угостил себя успокоительной сигарой, выпил стакан холодной воды и ушел в свою спальню, в большую старомодную спальню, в которой Ричард Редмайн провел столько беспокойных ночей, раздумывая о своих затруднениях.

Глава IV Тицианов цвет

Следующее утро было ясное и теплое, настоящее июньское утро и к тому же воскресное, оживленное благовестом кингсберийских колоколов, звонивших гимн, который доносился мягко и отчетливо до Брайервуда и врывался в отворенное окно Губерта Вальгрева, вплетаясь в сновидение, в котором он видел себя далеко от Брайервуда, слушающим голос, не отличающийся мягкостью голоса Грации Редмайн. Колокола разбудили его наконец, и он, зевнув, осмотрелся и обрадовался, увидев себя в тихой ферме. «Слава Богу за спокойный день, — подумал он. — Ни религиозной церемонии в атмосфере, пропитанной пачулей при двадцатипятиградусной жаре, ни Кенсингтонского парка после завтрака, ни мелких скандалов и сплетен, ни страшного, страшного, страшного обеда в восемь часов вечера, под аккомпанемент монотонных шагов одинокого путника в пыльном сквере, раздающихся в промежутках между разговорами, ни Мендельсона вечером не придется испытать здесь. Слава Богу за день отдыха, за день, в который я могу жить мою собственную жизнью».

Такие мысли были неблагодарностью со стороны мистера Вальгрева. Он добровольно избрал образ жизни, на который роптал теперь, и намеревался жить так и впредь.

Он встал и оделся, употребив на свой туалет не мало времени и наслаждаясь редким для него сознанием, что нет для него никакой необходимости спешить. Он привык жить, постоянно спеша: одеваться с часами, открытыми на туалетном столе, завтракать с часами на подносе, спешить из одного места в другое, не терять ни минуты из времени, которое мог посвящать чтению, проводить дни в нравственной лихорадке и половину ночей в бессоннице от чрезмерного утомления.

Не мудрено, что силы его наконец изменили ему при такой жизни. Но даже теперь, предупрежденный докторами, что отдых ему необходим, он не мог предаться полному бездействию. Привычка к труду была слишком сильна, и он привез с собой свои книги, намереваясь много читать.

Колокольный звон смолк, и водворилась тишина, отрадная летняя тишина, нарушаемая журчанием пчел, пением птиц и жалобным голосом кукушки в ближней роще. Благовест должен был повториться в одиннадцать часов, но мистер Вальгрев не имел намерения идти в церковь. Он собирался предаться наслаждению, полному праздности и выпить до дна чашу простых сельских удовольствий, столь новых для него. С этим намерением он сошел в гостиную в своем утреннем сюртуке, подкатил стол к открытому окну и тотчас же набросился на связку еженедельных журналов, которые захватил с собой в Брайервуд. Тут были *Atheneum*, *Saturday Review*, *Spectator*, *Observer*. Вот как мистер Вальгрев начал наслаждаться сельскою жизнью.

Церковные колокола отзвались в последний раз, прежде чем он покончил со своим завтраком и прочел половину журналов. В ферме было тихо, как в пустой сельской церкви, когда путник благоговейно входит в нее в летний вечер. Дома осталась одна служанка Салли, чистившая горох на крыльце задней половины дома и размышлявшая о неблагопристойном поведении жильца, который сидит, развалившись в кресле — семейной святыне, посвященной прадедам и прабабушкам семейства Редмайнов, протянув ноги на другое, и читает газеты, когда все здравомыслящие люди, не связанные службой, ушли молиться в церковь.

Журналы были наконец дочитаны. Мистер Вальгрев усмехнулся раза два саркастическую улыбкой над широкими столбцами *Saturday*, местами бранился, местами удивлялся, наконец отодвинул журналы в сторону, с обычным замечанием, что в них нет ничего интересного. Утренняя свежесть уже давно исчезла, солнце было на зените. Мистер Вальгрев вышел в сад, обошел все места, которые видел накануне, полюбовался на розы, полюбовался на кедр, побро-

дил по сочной траве фруктового сада, заглянул на двор фермы и познакомился со старым ослом, вспомнив самого веселого из английских писателей, Лоренса Стерна, навеки связавшего воспоминание о себе с ослиною породой. Осел по характеру животное общительное; главная неприятность его жизни состоит, может быть, в том, что лошади не хотят его знать.

На дворе фермы спал старик, сидя на низкой ограде свиного хлева, на солнечном припеке. Мистер Вальгрев вошел и вышел, не разбудив его.

— Вот это сон! — сказал он, медленно удаляясь. — Воображаю, как ему приятно спать на солнце и в аромате свиного хлева.

Обойдя сад, посидев под кедром, понюхав розы, мистер Вальгрев вернулся в дом. Утренняя служба отошла. Он почувствовал запах жареного мяса и увидел в отворенную дверь общей гостиной своих хозяев, сидевших за обедом. Ему бросилась в глаза молодая голова с рыжевато-темными волосами, но лица он не видел.

«Вот настоящий ценитель цветов», — сказал он про себя и вошел в свою гостиную, нисколько не заинтересованный.

Вслед за ним пришла служанка, спросить, не хочет ли он завтракать. Нет, он не хочет ничего, если только не получена корзинка содовой воды, которую он заказал прислать. Никакой корзины не было получено. Посылки доходили скорее из Лондона в Эдинбург, чем из Лондона в Брайервуд. Ближе Танбриджа не было станции железной дороги, и единственным сообщением между этой станцией и Брайервудом служила грязная проселочная дорога.

Служанка возвратилась к своему обеду в задней кухне, а мистер Вальгрев, выпив до дна чашу сельских удовольствий, зевнул и взглянул сомнительно на свои книги.

Он обещал своему доктору дать себе отдых, а между тем, проработал накануне до трех часов ночи. Нет, в этот день не следовало приниматься за работу. Он обошел комнату, осмотрел с кислою улыбкой ее артистические украшения — старая гравюра, изображающая смерть генерала Вольфа, реформу палаты общин, Даниила в яме со львами и так далее — взглянул на *Исаака Уальтона*, на *Словарь Джонсона* и на старый номер земледельческого журнала и вернулся к столу у окна.

«Надо написать Августе», — сказал он, открывая большую сумку из русской кожи. «Она, вероятно, ждет письма. Что мне ей написать? О старике, спавшем между свиньями, или о дружелюбном осле? Или распространиться о розах и о голосе девушки? Немного материала нашел бы в Брайервуде Гораций Вальполь. Но что-нибудь написать надо».

Он взял лист почтовой бумаги с готическим вензелем и начал:

«Милая Августа, — пишу несколько строк, чтобы уведомить вас о моем прибытии в Брайервуд. Это славное старое место: ослы и розы, свиньи и земляника со сливками и все тому подобное, но скука ужасная. Я прочел сегодня все журналы, которые привез с собой, и боюсь, что буду вынужден идти к вечерней службе в Кингсберийскую церковь для того только, чтобы как-нибудь убить время. В какой ужас приведут вас эти слова! Но дело в том, что я намеревался вознаградить себя за все, что вытерпел от вашего фаворита, мистера Рередоса из Вест-Бромптона, временным переходом в язычество. Я уверен, что пока я пишу это, вы принимаете ваших обычных воскресных посетителей, рассуждаете о проповеди, о церковном соборе. Потом пойдете в парк, будете ходить взад и вперед, и дивиться на странные существа из низших слоев общества, с которыми там встретитесь. Были ли вы вчера в Ковент-Гардене? Я видел, что давали Фаворитку. Воздух здесь — сама чистота и, надеюсь, поправит меня скоро. Я намерен послушаться докторов и отказаться до зимы от наслаждений цивилизованной жизни. Лишнее говорить, что мои мысли стремятся к вам из моего заключения и что вы

осветили бы своим присутствием мое уединение. Передайте мое почтение вашему батюшке и верьте в неизменную преданность вашего
Губерта Вальгрева».

«Самое бессодержательное послание, какое когда-либо было написано», – сказал он, адресовав свое письмо мисс Валлори, 10, Акрополис-сквер, Южный Кенсингтон.

Тем не менее факт, что оно было написано, успокоил его. Он растянулся на диване и заснул таким же сладким сном, как старый пахарь на дворе фермы. Разбудил его благовест к вечерней службе. Он быстро встал и сходил за свою шляпой.

«Пойду посмотреть, на что похожи провинциалы», – сказал он себе.

Он постучал в дверь общей гостиной, чтобы расспросить о дороге в церковь. Мистрис Джемс, в торжественном воскресном чепце, ответила на его вызов, отворив дверь достаточно широко, чтобы он мог окунуть взглядом всю комнату. Обладательницы тициановских волос там не было.

«Ушла, вероятно, в церковь или в сад», – подумал он.

Мистрис Джемс дала ему самые точные указания, как найти Кингсбери и Кингсберийскую церковь.

– Но вы опоздаете, сэр, – прибавила она. – Туда полчаса ходьбы, а прошло уже с четверть часа, как отзвонили.

– Ничего, мистрис Джемс. Я иду посмотреть церковь.

– В церкви мало интересного для столичного жителя, сэр, но ректор – человек хороший, и вы не будете сожалеть, что послушаете его.

– Надеюсь извлечь пользу из его наставлений, – сказал мистер Вальгрев, улыбаясь.

Он пошел, как ему было указано, по луговой тропинке, между живыми изгородями выше роста человеческого, изобиловавшими жимолостью, шиповником, наперсточкою травой и папоротником. Славная была прогулка. Он не чувствовал себя одиноким, он забыл Августу Валлори и Акрополис-сквер, забыл свои честолюбивые мечты, забыл все, кроме наслаждения дышать благовонным воздухом и видеть над головой безоблачное синее небо. Ему пришлось пройти около двух миль, но для него, утомленного городского жителя, это было райскою прогулкой. Он не чувствовал ни усталости, ни слабости, хотя только что оправился от тяжелой болезни и даже пожалел, когда внезапно поворот дороги вывел его из лугов на небольшой холмистый выгон, среди которого возвышалась Кингсберийская церковь – невзрачное здание, окруженнное деревьями.

Богослужение производилось на старинный лад. Древнее установление, причетник, было в полной силе. Номер певшегося гимна выставлялся для удобства слушателей белыми цифрами на небольшой черной доске. Проповедь была дружеским рассуждением практическим до крайности и вполне примененным к сердцам и умам слушателей.

Пока пелись гимны, мистер Вальгрев смотрел по сторонам. Он поместился в конце церкви, у двери, в тени небольшой галереи, и мог видеть все, не привлекая на себя внимания.

Да, вот она голова с тициановскими волосами. Он узнал ее тотчас же, хотя пред тем видел ее только мельком. У одной из высоких скамеек, на половине пути к среднему приделу, стояла высокая, стройная девушка, в зеленом кисейном платье и в соломенной шляпке, из-под которой спускалась масса рыжевато-темных волос. Лица ее ему не удалось увидеть в продолжение службы.

«Я уверен, что у нее цвет лица, обыкновенно сопровождающий подобные волосы, болезненно-белый, испещренный веснушками, – подумал он. Но, судя по форме головы и по этому узлу великолепных волос, можно вообразить ее хорошенъкою».

И он уже воображал ее хорошенъкою; он желал, чтобы она оказалась хорошенъкою. Когда окончилась проповедь, он стал так, чтобы выйти рядом с Грацией Редмайн. Он заметил, что она застенчиво взглянула на него и очевидно узнала его.

Она оказалась очень хорошенъкою. Нежное молодое лицо, которое никак нельзя было назвать правильным, произвело на него впечатление безукоризненной красоты. Оно было так не похоже на... на другие ему знакомые лица, оно отличалось такою нежностью и женственностью. «Лицо, способное свести с ума благоразумного человека, — подумал он. — К счастью, я ни разу в жизни не был влюблен и могу восхищаться красотой отвлеченно. Будь я художник, я поспешил бы перенести эту девушку на полотно. Какая Гретхен вышла бы из нее!»

Он следовал за ней на почтительном расстоянии, пока она шла по выгону, но на повороте решился поравняться с ней.

— Мисс Редмайн, если не ошибаюсь? — сказал он, улыбаясь и сторонясь, чтобы дать ей пройти.

— Да, — отвечала она, наклонив робко голову и вспыхнув ярким румянцем.

Этого было достаточно для мистера Вальгрева, чтобы продолжать разговор.

— Я ходил слушать вашего ректора. Славный старик; так не похож на людей, которых мне приходится слушать в городе. И ваша старая церковь прекрасна своею патриархальною простотой. Скамьи только немного жестки, и ваши приютские дети производят не совсем приятный шум своими сапогами. Если бы их поместили в какой-нибудь верхний ярус и запретили бы им сваливаться вниз, было бы лучше.

Мисс Редмайн улыбалась, но ей было немного досадно на него за его слова, казавшиеся ей насмешкой над Кингсберийскою церковью. Он как будто смотрел на все, что ее окружало, с высоты для нее недоступной. Это ее обижало.

Он продолжал говорить о проповеди, о церкви, о детях, расспрашивал свою спутницу о Кингсбери, об окрестностях, есть ли места, которые стоит осмотреть, и так далее, сокращая таким образом обратный путь, который Грация имела полное право считать очень утомительным.

Она сообщила ему о поместье сэра Френсиса Клеведона.

— Вы, конечно, сходите туда, — сказала она. — Это не показное место, то есть оно не показывается посторонним, но так как вы знакомы с мистером Вортом, то можете осмотреть его беспрепятственно.

— Я уже видел его однажды, но не прочно сходить туда еще раз, — сказал мистер Вальгрев задумчиво.

— Прекрасный старый дом с величественною обстановкой. Жаль, что он приходит в разрушение, не правда ли?

— Я надеюсь, что он будет скоро восстановлен, — сказала Грация и начала рассказывать своему спутнику все, что знала о сэре Френсисе Клеведоне и о надежде на своевременную кончину его родственницы, долженствующую дать ему возможность поселиться в Клеведоне.

Мистер Вальгрев слушал, ее с таким мрачным лицом, что Грация внезапно остановилась, полагая, что ее рассказ утомил его. Он даже не заметил остановки и шел несколько минут задумавшись, потом, как бы опомнившись, резко повернулся к ней и заговорил о ферме, об ееяде, тетке и кузенах, и наконец об ее пении.

— Надеюсь, что я не мешала вам, — сказала она, когда он похвалил ее голос. — Я очень люблю музыку, она мое единственное развлечение, но если я мешаю вам...

— Я прошу вас мешать мне так каждый вечер, хотя это, конечно, не подвинет вперед моих юридических занятий. Так вы любите музыку? Я понял это по вашей игре и по вашему пению: в них слышно чувство, выходящее прямо из души. Этому не научит никакой учитель, как бы ни был он хорош. Были вы когда-нибудь в Лондоне?

— Нет, — отвечала Грация со вздохом.

— Так вы никогда не были ни в итальянской опере, ни в одном из тех концертов, которыми изобилует Лондон. Это большое лишение для такой любительницы музыки, как вы.

Он подумал как много лишений в жизни этой девушки, заключенной, может быть, навсегда среди зеленых полей и ферм.

«Бедная, — думал он с сожалением. — Ей следовало бы родиться дочерью джентльмена. Жаль, что такой прекрасный цветок прозябает в глухи. Выйдет она замуж за какого-нибудь толстого фермера, по всей вероятности, за одного из тех доморощенных юношей, которые вносили вчера мой багаж, и будет счастлива, не подозревая, что для нее возможна лучшая жизнь».

Они шли между тем мимо высоких живых изгородей, благоухавших жимолостью и шиповником, и самый воздух казался мистеру Вальгреву наслаждением после Лондона с его обществом, с тяжелою работой и болезнью.

— Как бы то ни было, — сказал он, — мы родились в прекрасном мире и должны только уметь пользоваться жизнью.

А сам он едва не свел себя в могилу непосильным трудом, к которому не побуждало его ничто, кроме честолюбивого желания обогнать своих товарищей. Теперь, среди этого сельского ландшафта, мирный характер которого был ему более знаком в картинах Кресвика и Линнеля, чем в действительности, он начал впервые сомневаться в благородстве своих поступков и спросил себя не лучше ли было бы относиться к жизни проще, предоставив фортуне обратиться к нему когда ей вздумается, и взять свою долю наслаждения жимолостью и шиповником и этим невинным девичьим обществом, казавшимся также необходимою принадлежностью сельского вида и летнего дня.

Он внезапно заговорил о самом себе с излишним одушевлением, как говорят, со слушателем, которого считают ниже себя по умственному развитию, заговорил весело, но с оттенком эгоизма о своей одинокой жизни в Лондоне, о своих специальных занятиях и так далее, и набросал описательный очерк лондонского общества.

Очень скоро пришлось ему убедиться, что его слушает не хорошенекая кукла. Вся ясность лица Грации исчезла, пока он говорил. Она была наделена природой тонким юмором и поэтическим чутьем; эта провинциальная девушка была хорошо знакома с легкой литературой, прочитав в тишине сада Скотта, Диккенса, Теккерея, Байрона, Теннисона, Гуда, Лонгфелло, и прочитав не по разу, а по нескольку и с тонкой оценкой.

— Вы напоминаете мне Пенденниса, — сказала она, когда он описал ей свою холостую жизнь.

— Неужели? Мне было бы приятнее напомнить вам кого-нибудь получше этого эгоистичного, бесцветного молодого циника. Герой этой книги Баррингтон. Впрочем, мне кажется, что всякий одинокий человек, трудящийся только для себя, должен казаться эгоистом. Если бы я работал для кучи голодных детей, вы считали бы меня героем.

— Я не вижу, почему честолюбие должно всегда казаться эгоизмом, — возразила Грация застенчиво. — Я уважаю людей честолюбивых, энергичных, предприимчивых, хотя сама веду такую праздную жизнь. Мой отец уехал в Австралию, чтобы составить себе состояние. Разве я не удивлюсь его мужеству, несмотря на то, что для меня его отсутствие большое лишение?

— Вы, конечно, удивляйтесь ему, но он работает для нас, у него есть цель, не касающаяся его лично, и такая прекрасная цель, — прибавил он понизив голос.

— Он работает столько же для Брайервуда, как для меня, даже более. Он очень гордится древностью своего рода и Брайервудом, принадлежащим Редмайнам около трехсот лет.

Лицо ее спутника слегка омрачилось.

— Да, — сказал он задумчиво, — даже в наше практическое время встречаются люди, гордящиеся подобного рода вещами. Что такое имя? Один позорит свое славное имя и уничтожает великолепное состояние безумною расточительностью, другой работает, как раб, чтобы выйти из неизвестности. Оба безумцы, конечно.

Они были уже в Брайервуде и, подойдя к калитке сада, церемонно расстались. Для Грации эта встреча была почти приключением. Ее сердце сильно билось, когда она вошла в свою

озаренную солнцем комнату с решетчатыми окнами и с толстыми перекладинами на потолке, — комнату, в которой уже жили, когда королем был Яков I.

В доме пахло обедом, когда она сошла вниз с веткой пунцовых роз на груди и в нарядном воротничке. В этот день одна из уток свершила последний период своего существования, чрезвычайно хлопотливый для тех, кому не суждено было есть ее. К ее вульгарному запаху слегка примешивался аромат вишневого торта.

Тетушка Ганна сутилась в коридорах, присматривая за служанкой, которая носила блюда, конвульсивно сжимая их грязными руками, не сводя с них глаз и тяжело переводя дух.

Часы воскресного вечернего чая были самым спокойным временем в Брайервудской жизни: дядя Джемс дремал над своею газетой, тетушка Ганна разливала чай, два молодых человека громко жевали, как кролики, латук и поглощали хлеб с маслом, воздерживаясь от разговоров из опасения получить выговор за профанацию священного дня. Сколько таких воскресных вечеров провела Грация, сидя у отворенного окна, лениво перелистывая книгу гимнов и разглядывая цветы, засушенные между страницами! То были не несчастные вечера, но только скучные и одинокие, когда она мечтала о крыльях какой-нибудь сильной морской птицы, на которых могла бы перелететь море и присоединиться к своему отцу и к его тяжелой колониальной жизни.

Поэтому маленькая суeta, сопровождавшая обед жильца, даже испуганное лицо бедной Сарры и ворчливость тетушки Ганны были не неприятны Грации. Все это нарушало ежедневную рутину, и она забыла что иметь жильца было унижением. Тетушка Ганна вошла вслед за ней в гостиную, ворча на людей, которые имеют обыкновение обедать, когда другие думают об ужине.

— Вам бы спросить его, тетушка, не хочет ли он обедать в воскресенье пораньше? — сказала Грация. Он, по-видимому, человек добродушный.

— Все вздор, душа моя. Что вы знаете об его добродушии? Вы видели его только в окно, можете ли вы судить о нем?

— Я видела его сегодня, как возвращалась от вечерни. Он говорил со мной и прошел со мной немного и был очень любезен.

Мистрис Джемс взглянула на нее задумчиво, почти с неудовольствием. Мистер Ворт ручался за степенность жильца, а мистер Вальгрев не был в первом цвете молодости и не отличался вкрадчивыми манерами, с которыми женщины соединяют идею об опасности. Тем не менее ему не следовало ухаживать за дочерью Ричарда Редмайна. Никакого сближения между ними нельзя было допустить.

— Много ли прошел он с вами? — спросила мистрис Джемс строго.

Грация покраснела. Это было, конечно, очень неблагоразумно, ибо она не имела никакой причины краснеть, но такой строгий допрос из-за таких пустяков привел в негодование вспыльчивую девушку.

— Он подошел ко мне на повороте и проводил меня до дому.

— Так он шел с вами всю дорогу? Как же вы говорите немного?

— Я не могла помешать ему идти рядом со мной, тетушка, и говорить со мной. Я не могла обойтись с мим грубо когда он был так почтителен со мной, словно я женщина его круга.

— Не знаю, понравилось ли бы вашему отцу, что вы разговариваете с незнакомыми мужчинами, — сказала тетушка Ганна.

— Не знаю, понравилось ли бы отцу, что мы пускаем к себе жильцов, — возразила Грация, и мистрис Джемс прикусила язык, поняв, наконец, что ее экономические расчеты побудили ее на такой поступок, который Ричард Редмайн — самый гордый человек, какой когда-либо существовал в Кенте — счел бы оскорблением своего рода.

— Полно, полно! — воскликнул дядя Джемс. — Вы, верно, ссоритесь. Что за беда, что девушка отвечала учтиво джентльмену, заговорившему с ней? Не бежать же ей было от него,

как от дракона, готового проглотить ее? Я люблю, чтобы девушка умела говорить смело и просто. Он джентльмен, за это нам ручается мистер Ворт, который иначе не стал бы рекомендовать его нам.

– Не его дело провожать Грацию, – сказала мистрис Джеме.

– Он не провожал меня, тетушка! – воскликнула Грация с негодованием. – Что за вздор приходит вам и голову? Он был в церкви и я была в церкви, и нам пришлось возвращаться по одной дороге.

– Ну, хорошо, пусть будет по-вашему, – вздохнула тетушка. – Но в следующее воскресенье вы не пойдете к вечерней службе.

В эту минуту сам виновник разговора подошел к растворенному окну, ища общество, и дружески заговорил с Джемсом Редмайном об окрестных видах а вообще о предметах, которыми, по его предположению, должен был интересоваться фермер. Грация удалилась в угол комнаты и открыла книгу с гимнами, но как ни старалась она сосредоточить внимание на знакомых стихах, слух ее не отрывался от флегматического голоса жильца, голоса так не похожего на все знакомые ей кентские голоса.

В Брайервуде было семейным обычаем проводить воскресные вечера и вообще все свободные вечера, более или менее, в саду. Появление жильца не могло сразу изменить заведенного порядка вещей. Джемс Редмайн взял свою трубку и ящик с табаком, молодые люди перенесли стол и стулья под большой кедр, и скоро все семейство уселось там по обыкновению, и только мистер Вальгрев сомнительно переминался с ноги на ногу возле них, продолжая рассуждать с фермером о земледелии.

– Принеси-ка мистеру Вальгри кресло, Чарли, – сказал Джемс сыну. – Он, может быть, не откажется выкуриТЬ сигару с нами по-домашнему.

– С величайшим удовольствием, – отвечал мистер Вальгрев. – Но я попрошу вас привести мне не кресло, а стул, Чарли. Вы действительно позволите мне выкуриТЬ здесь сигару, мистрис Редмайн?

– Бог с вами, – отвечал за нее муж. – Она не имеет ничего против табаку, она к нему давно привыкла. Садитесь и будьте, как дома. Если вы не брезгуете таким напитками, как можжевеловая настойка, я могу вам ее предложить.

– Благодарю вас. Нет ничего лучше можжевеловой настойки, но я принужден соблюдать строгую диету.

– Вы, вероятно, принадлежите к одному из обществ воздержания, – сказала тетушка Ганна, к стыду своей племянницы.

– Нет, я хотел сказать, что мне вредно пить что-нибудь крепче хереса с содовою водой.

– Вот это я называю помоями, – сказал фермер, и Грация опять вспыхнула. Пансионское воспитание сделало ее чувствительную к подобным мелочам.

Мистер Вальгрев уселся между ними и закурил сигару.

– Мне очень приятно быть принятым в ваш семейный кружок, – сказал он. – О прелести одиночества можно говорить только в толпе, но, очутившись среди меленых полей, человек начинает ценить общество своих близких.

Солнце зашло за ряд лип и смоковниц, и небо изменилось из золотого в розовое и из розового в пунцовое пока мистер Вальгрев разговаривал и курил под кедром. Грация сидела немного поодаль, за массивною фигурой кузена своего Чарли. Мало-помалу разговор отдался от земледелия и вместе с тем от Джемса Редмайна, который не мог говорить ни о чем, кроме урожаев, ярмарок и самых обыденных предметов. Мало-помалу разговор был покинут всеми, кроме мистера Вальгрева и Грации, хотя последняя только стыдливо отвечала, редко решаясь высказать свою собственную мысль.

Дремать в воскресные вечера было неизменным обыкновением тетушки Ганны. Во все другие вечера она была бодра и деятельна до последней степени, хотя в будни работала втрое

более, чем в праздники, по богослужение, парадный чепец на голове, чтение Библии и вообще торжественная обстановка воскресных дней располагали ко сну, и более получаса после вечернего чая она не могла сидеть с открытыми глазами. В этот вечер спокойный разговор мистера Вальгрева, с безмолвными промежутками, когда он задумчиво курил сигару и любовался небом, усиливал снотворное влияние дня, и тетушка Ганна, намеревавшаяся не спускать глаз с племянницы и жильца, впала в сладкую дремоту, скрестив свои работящие руки на нарядном шелковом переднике и тихо кивая головой в воскресном чепце.

Они могли говорить что им угодно, Грация и жилец. Среди девственного леса они не были бы более одиноки.

Мистер Вальгрев сравнивал с этим вечером многие другие воскресные вечера, какие ему приходилось проводить в последние годы, с тех пор как начал успевать на своем поприще и приобрел некоторую известность, — воскресные вечера у знакомых, которые принимали в этот день, воскресные вечера в обширных гостиных Акрополис-сквера, оживленные музыкой Баха и Генделя, воскресные вечера в более интимном кружке в Ричмонде или в Гринвиче, все с теми же обедами, все с теми же винами, все с теми же разговорами. Во сколько раз приятнее было сидеть под кедром в благоухавшем розами старом саду, разговаривать под мирный храп дяди Джемса и тетушки Ганны и видеть пред собой красивое молодое лицо, обращенное к нему в летних сумерках! Человек по природе эгоист. Мистеру Вальгреву приятно было говорить так свободно о себе, о своих чувствах, о своих вкусах и инстинктивно сознавать, что ему удивляются, что его понимают, приятно было быть центральною фигурой в группе, а не одним из толпы. Он еще не задавал себе труда анализировать свои чувства, но мало-помалу, после того как семейство Редмайнов пожелало ему доброй ночи и удалилось, унося с собой, как табор цыган, все свои принадлежности, — мало-помалу, в тишине летней ночи, при свете звезд, гуляя один по саду и куря последнюю сигару, он дошел до того, что сознался себе, что никогда в жизни не был так счастлив, как в этот вечер.

«Сентиментально, — сказал он, — но успокоительно. Я начинаю думать, что в этом-то и состоит счастье. Что может быть лучше как удалиться на время от многолюдного общества, отдохнуть от работы и пожить немного своею собственою жизнью, не стремясь ни к какой далекой цели? Какая она хорошенъкая! И какая умная, как высоко стоит над всем ее окружающим! Жаль; когда-нибудь убедится, что такая жизнь слишком тесна для нее и что муж фермер слишком скучен и груб».

Он много думал, гуляя по саду, о Грации Редмайн, во-первых, потому, что она была единственная личность в Брайервуде, о которой стоило думать, во вторых, потому, что он был удивлен, найдя такую девушку в таком захолустье. Он думал о ней и сравнивал ее с другими женщинами, которых знал, и последние нимало не выигрывали от сравнения. Позже ему снились странные сны, в которых прекрасный образ Грации Редмайн, в венке из диких роз, являлся среди самых фантастических обстоятельств.

Глава V

Мистер Вальгрев удовлетворяет свои общежительные наклонности

После вышеописанного воскресного вечера мистер Вальгрев сделался своим человеком в Брайервуде. Он не злоупотреблял этой привилегией, посвящая дни длинным прогулкам, а вечера серьезному чтению, но в каждом дне бывали минуты и в каждом вечере дружеский час, которые он проводил под кедром или в семейной гостиной, разговаривая с Грацией, рассматривая ее книги и ноты. Вообще он держал себя так скромно, что тетушка Ганна не находила повода жаловаться на него и думала, что лучшего жильца и желать нельзя. Он настоял, чтобы она поменьше заботилась об его обедах, чтобы вместо обильных банкетов в шесть часов вечера, которые она считала необходимыми, ему подавали в половине восьмого только холодный ростбиф с салатом или котлету. В десятом часу, когда Редмайны ужинали, он выпивал большую чашку крепкого чая и был готов приняться за своиочные занятия, когда семейство расходилось по спальням. Но час между своим поздним обедом и чаем он посвящал всецело наслаждению сумерками и садом, разговаривая о земледелии с дядей Джемсом под кедром или наблюдая, как Грация ухаживала за своими розами и срезала большими садовыми ножницами засохшие цветы. Она чувствовала себя теперь в его обществе совершенно свободно и уже немало выиграла от знакомства с ним, прочитав много нового под его руководством. Он выписал для нее из Лондона небольшой пакет книг, — сочинения мистрис Броунинг, Аделаиды Проктер и других современных светил, о которых она до его приезда не имела никакого понятия.

Лето было необычайно хорошо. День за днем солнце светило с безоблачного неба, и Джемс Редмайн, уверяющий, что в Англии засуха никогда не приносит вреда, был вполне доволен погодой. Мистер Вальгрев провел уже пять недель в Брайервуде, прервав только раз свое сельское уединение случайной поездкой в Лондон для свидания с двумя важными клиентами, которых надо было уверить, что его вакация продлится не слишком долго. Ничто не могло задержать его в Лондоне, сезон кончился, знакомые его разъехались, мистер Валлори был с дочерью своей в Германии, и мистер Вальгрев пробыл вне фермы только день. Кентский воздух оказывал самое благодетельное влияние на его здоровье, и доктор его, к которому он заехал в Лондон, был удивлен, увидав его.

— Я вижу, что вы исполняете мой совет и даете полный отдых своему утомленному мозгу, — сказал он.

Мистер Вальгрев не трудился разуверять его. Нет, он не давал полного отдыха своему мозгу. У него было на руках судебное дело, на которое он возлагал большие надежды, с помощью которого он надеялся сразу и навсегда возвыситься над уровнем посредственности, и он усердно трудился над ним. Но работа казалась теперь необыкновенно легкой, и жизнь его была спокойнее и приятнее, чем когда-либо. Ему никогда в голову не приходило, что сельская жизнь придется ему так по вкусу.

Он обошел все окрестности на расстоянии двадцати миль от Брайервуда и осмотрел все поместья и развалины, доступные для туриста, с единственным только исключением: в Клеведоне он не был. Однажды утром, проходя мимо растворенных окон семейной гостиной, где Грация упражнялась на фортепиано, а тетушка Ганна сидела, погрузившись в исследование какой-то одежды мужа, требовавшей серьезной починки, он остановился и предложил им сходить в Клеведон вместе.

— Вы знаете это место и знаете Ворта, — сказал он. — Мы можем уговориться с ним, чтоб он встретил нас у дома. Почему нам не устроить таким образом импровизированного пикника?

Возьмем с собой холодный обед и пообедаем в той комнате, где сэр Лука Клеведон уговаривал принца регента. Я не был ни на одном пикнике с тех пор, как приехал сюда, а мне помнится, что когда я был мальчиком и проводил лето в одной ферме в Норфольке, доставили мне там удовольствие быть на полутора пикников, по крайней мере. Я имею право жаловаться на недостаток гостеприимства с вашей стороны, мистрис Редмайн.

Грация засмеялась тихим, счастливым смехом, и даже грубые черты мистрис Джемс озарились улыбкой, когда она подняла голову, не успев разрешить занимавшего ее вопроса, положить ли заплату или пришить новый обшлаг.

— Вы шутите, мистер Вальгри, — сказала она. — Разве вам можно угодить нашими пикниками? Вы потребуете оркестр и коляску четверней прежде, чем назовете что-нибудь пикником.

— О, нет, моя милая мистрис Редмайн. Холодная телятина, салат и бутылка хересу, — вот все, что мне нужно. Я прошу вас и ваше семейство идти со мной в Клеведон, и смею думать, что мы пообедаем там с неменьшим удовольствием, чем принц регент, как бы ни был искусен повар сэр Луки.

Тетушка Ганна поколебалась с минуту, взглянула пристально на племянницу — не она ли причиной любезности жильца, но не могла ничего возразить против предложения. Неучтиво было бы отказаться исполнить желание такого примерного жильца, и такое желание, которое было снисхождением с его стороны.

— Хорошо, сэр, — сказала она, — если вам угодно провести день в Клеведоне с Джемсом и со мной, с Грацией и ее кузенами, я согласна, но только едва ли это доставит вам удовольствие. Мы, как видите, люди простые и...

— Вы славные люди, мистрис Редмайн, Поверьте мне, что я лучшего общества не желаю.

Он бросил взгляд на Грацию, прилежно учившую страницу из своих нот. Он не мог увидеть ее глаз, но розовые губы улыбались радостной улыбкой, доказывавшей, что мысль о пикнике доставляет ей удовольствие.

— Так не пойти ли нам завтра? Чем скорее, тем лучше, потому что погода может испортиться.

— За погоду не опасайтесь, — возразила тетушка Ганна, придумывавшая обед для пикника и рассчитывавшая, сколько времени потребуется для его приготовления. — Послезавтра будет удобнее, — сказала сна.

— В таком случае, послезавтра. Так вы уговоритесь с мистером Вортом. Или я сам схожу к нему сегодня, если хотите.

— Как вам угодно, мистер Вальгри. Я уверена, что мистер Ворт исполнит с удовольствием всякое ваше желание.

— Да, — отвечал жильтя своим задумчивым тоном. — Ворт был всегда моим другом.

— Он сказал, что давно знает вас, — решилась заметить мистрис Джемс, которая, как женщина, не могла не интересоваться прошлым своего жильца.

— Он знает меня с рождения, — отвечал мистер Вальгрев.

Грация взглянула на него большими, пытливыми глазами. Он никогда не говорил им ничего ни о своих родителях, ни о своем доме, ни о своем детстве. То, что он сказал сейчас о лете, проведенном в Норфольке, было все, что они знали об его юности, и Грация, у которой было так много свободного времени, провела немало праздных часов, думая о нем.

Мистер Вальгрев зашел к управляющему на обратном пути после длинной прогулки. Одиночное скитальчество начинало надоедать ему, и он чувствовал себя все более и более расположенным проводить дни в Брайервуде. Плодовый сад был чрезвычайно удобным местом для чтения. Он привез с собой некоторые из своих любимых авторов: Монтеня, Бартона, Стерна, и выписал впоследствии из лондонской библиотеки ящик книг новейшей литературы: последние сочинения Фроуда и Мотлея, новейшие произведения по метафизике, темно-синий томик со стихами сомнительного достоинства и последний французский роман. С таким запа-

сом он полюбил фруктовый сад, где так хорошо было лежать на короткой тенистой траве под яблоней, осыпавшей его по временам градом мелких недозревших яблок.

Мистер Ворт согласился беспрекословно исполнить его желание, но был удивлен пикником и сближением мистера Вальгрева с Редмайнами.

— Мне казалось, что это не в вашем характере, — сказал он.

— Ничто не в моем характере, кроме тяжелого труда, милый Ворт. Праздность для меня такая новость, что я перестал быть самим собой. Я жажду какого-нибудь сельского развлечения. Эти люди очень добры, и я в последнее время сошелся с ними. Я, право, не подозревал, что человек такое общительное животное. Миг казалось, что с книгами и с рыбной ловлей я не буду чувствовать ни малейшей потребности в обществе людей, но случилось так, что я через неделю или дней через десять после моего приезда сюда стал искать общества почтенных Редмайнов. Итак, послезавтра, Порт. Вы встретите нас у старого дома?

— Я встречу вас у дома, если угодно, но не лучше ли мне выйти к южным воротам? Это ближайший вход от Прайервуда, и оттуда я проведу вас парком. Вы два года тому назад осмотрели дом с чердака до погреба. Я не ожидал, что вам вздумается осматривать его опять.

— Почему же? Мне нравится это заброшенное место. В этот раз я, конечно, не буду заглядывать во всякий закоулок и во всякую щель, как два года тому назад, когда мне хотелось оценить по достоинству наследство сэра Френсиса Клеведона. (Последние слова были сказаны с горечью, как будто такой низкий порок, как зависть, не был чужд мистеру Вальгреву). — Мне хочется провести в Клеведоне спокойный, праздный дин, бродя по дому и по парку.

Ничто не могло быть естественнее такого желания, и Джемс Ворт, искренно желавший доставить удовольствие мистеру Вальгрену, не сделал никакого возражения.

День пикника был одним из великолепнейших летних дней. Термометр показывал двадцать градусов в тени, и солнце светило с безоблачного неба, когда Губерт Вальгрев и Грация Редмайн шли по узкой тройнике между зреющей рожью и высокими живыми изгородями. Мистрис Джемс и муж ее отстали немного, утомленные дневной работой, оконченной ради прогулки в полдня. Сыновья их составляли арьергард, держа в руках корзины, в которых по временам слышался глухой звон, приятно напоминавший о прохладительных напитках.

Грация была в выцветшем кисейном платье, превратившемся почти в белое, и в большой круглой соломенной шляпке, под тенью которой ее темно-голубые глаза блестали, как звезды. Она была весела, как жаворонок, паривший над ней в лазоревой вышине, и разговаривала с жильцом, в присутствии которогочувствовала себя теперь совершенно свободно. Ее живость и ум приводили его в восхищение. Ни в одной из женщин, с которыми ему приходилось говорить в том мире, который был его миром, не встречал он такой богатой фантазии, такой способности понимать его, такой симпатичности, как в этой дочери фермера.

— Вам следовало бы быть поэтом, Грация, — сказал он ей. Он ни у кого не спрашивал позволения называть ее по имени. Все звали ее Грацией, и он последовал общему примеру. — Вам следовало бы быть поэтам. Некоторые из наших самых симпатичных и правдивых современных поэтов женщины. Знайте, Грация, что я буду искренно огорчен, если услышу когда-нибудь, что вы вышли замуж за фермера и превратились в такую же довольную своей судьбой фермершу, как ваша тетушка Ганна.

Бледное лицо Грации вспыхнуло ярким румянцем, синие глаза сверкнули гневом. Характер мисс Редмайн был не из кротких.

— Я никогда не выйду замуж за фермера, — воскликнула она.

Они стояли друг против друга у калитки, где остановились, чтобы дождаться остальных.

— Вы думаете, что не выйдите? — спросил мистер Вальгрев самым непринужденным тоном. — Но почему вы так рассердились на меня за мое предположение, что это может, случиться? Отец ваш фермер, дядя а двоюродные братья фермеры, вы живете, так сказать, в атмо-

сфере фермеров. Что же странного в моем предположении, что вы и замуж выйдете за фермера?

— Я никогда не выйду замуж за фермера, — повторила Грация все еще с оттенком досады во взгляде и голосе. — Мне кажется, что я вовсе не выйду замуж. Я охотно предпочла бы...

Она не договорила и устремила задумчивый взгляд вдаль.

— Что вы предпочли бы?

— Уехать к моему отцу в Австралию и вести с ним бродячую жизнь.

— А! Вам кажется, что это было бы поэтично, оригинально. Бродячая жизнь в девственных лесах, среди тропической растительности и все тому подобное. Но вам пришлось бы разочароваться, Грация. Ничего, кроме тяжелых лишений и опасностей, не нашли бы вы в такой жизни, — в жизни среди людей, развращенных всеми пороками, какие развивает корысть. Нет, Грация, нет, не мечтайте об Австралии. Ожидайте возвращения, им того отца, развивайте свой ум, принадлежащий к числу исключительных, и, может быть, лет через десять Англия будет гордиться Грацией Редмайн.

Девушка вздохнула и не отвечала. Он тоже замолчал и стал задумчив.

Жарко было идти в Клеведон по хлебным полям и потом около полукилометра по пыльной большой дороге, но зато каким наслаждением было подойти к южному входу, где ждал их мистер Ворт, куря трубку под тенистым навесом. У ног его стояла каменная бутыль.

— Я думал, — сказал он, — что не мешает принести вам сюда чего-нибудь прохладительного и сделал третьего дня молочный пунш по превосходному рецепту, который дал мне дворецкий сэра Луки. Ему следовало бы постоять подольше, хотя и теперь он не дурен.

— Боже мой, вы хотите напоить нас всех допьяна, мистер Ворт! — протестовала тетушка Ганна. — Я знаю, что такое этот молочный пунш сэра Луки, вы приносили нам его прошлый год во время уборки хлеба. Это самый опасный напиток, какой только можно придумать.

Мистер и мистрис Редмайн имели много, что сообщить мистеру Ворту, и ушли с ним вперед, молодые люди углубились в лес, чтобы поискать белок, а мистер Вальгрев и Грация остались опять вдвоем. Они шли не спеша, останавливаясь по временам полюбоваться на величественное старое дерево или на длинную аллею, углублявшуюся в лесную чащу. С этой стороны парк не подвергался опустошениям сэра Луки, который был согласен с мнением Шеридана, что лес есть прямой источник для уплаты долгов джентльмена. Много благородных дубов, буков, вязов и каштанов погибло во время его опустошительного господства над Клеведоном, но лес на южной стороне парка был низшего достоинства и избежал даже несколько лет тому назад окончательной расчистки, посредством которой мистер Ворт уплатил часть долгов, тяготевших на имении сэра Френсиса.

Грация была молчалива и отвечала рассеянно, когда мистер Вальгрев обращался к ней. Он смотрел на нее и удивлялся, не зная, чему приписать такую перемену. Четверть часа назад она была так жива и весела.

— Так вы очень любите отца, Грация? — спросил он.

— Люблю ли я отца? — повторила она порывисто дрожащим голосом и со светлым взглядом, сделавшим ее необыкновенно прекрасной. — Кого же мне и любить, если не его? Я не хочу быть неблагодарной к дяде Джемсу и к тетушке Ганне. Они очень, очень добры со мной, и я привязана к ним, даже люблю их своего рода любовью. Но отца — я люблю его всем сердцем и всей душой. Знаете ли, что целый год после его отъезда не было ночи, чтобы я не видела его во сне, не чувствовала прикосновения его руки, не слышала его голоса; не было утра, чтобы я просыпалась без мучительного разочарования при мысли, что его нет со мной. Теперь сны уже не так живы, с тех пор прошло много времени, но я скучаю о нем не менее.

— Знаете вы приблизительно, когда он вернется?

– О, нет, может быть, вернется очень скоро, может быть, не вернется еще несколько лет. Он сказал, что ни в каком случае не пробудет там более трех лет, но я знаю, что он не приедет сюда, пока не достигнет своей цели.

– То есть, пока не наживет состояния?

– Пока не приобретет столько денег, чтобы заплатить все свои долги до последнего шиллинга.

– Желаю ему полного успеха. Если б я верил, что, копая землю, можно найти золото, я купил бы себе заступ и последовал бы примеру вашего отца. Юридическая карьера – чрезвычайно медленный путь к богатству. Что же касается славы, то если юрист остановится, не достигнув до шерстяного мешка, я сомневаюсь, чтоб его имя дошло до потомства, что бы он ни сделал. Быть чем-нибудь менее значительным, чем лорд Турло, значит не быть ничем, а вы едва ли когда-нибудь слышали о лорде Турло. Поэт в наши дни, как бы ни был он ничтожен, всегда найдет место в сердце женщин. Я держу пари, что если бы вас спросили, кто имеет более прав на известность – Кирке Вайт или лорд Брум, вы сказали бы, что Кирке Вайт и что Летиция Лондон, как писательница, стоит выше Юниуса.

– Я очень люблю поэзию, – отвечала Грация.

– И прекрасно, дитя мое. Продолжайте развивать свой ум серьезным чтением и когда-нибудь вы будете таким же поэтом, как мисс Проктер, поэтом чувств, полным нежности и музыки. Но вспомните, что сказал о поэтах Шелли: «Они узнают в страдании то, чему учат в песнях». И вам, вероятно, придется пройти так или иначе через этот образовательный процесс, – полюбить недостойного человека, разочароваться в своих лучших мечтах и так далее.

Девушка бросила на него опять быстрый взгляд, в этот раз полный гнева.

– Почему вы так думаете? – спросила она с негодованием. – Будто я уж такое глупое существо, что должна непременно полюбить недостойного человека. Я не намерена любить никого, кроме моего отца. Если во всех книгах, которые я прочла или хоть в половине из них говорится правда, любовь не приносит ничего, кроме горя.

– О, нет, Грация, иногда любовь приносит невыразимое счастье, возвращает молодость, открывает новый мир, бывает началом новой жизни, – сказал мистер Вальгрев с несвойственным ему жаром.

Глава VI

Грация находит сходство

Они были уже недалеко от дома и скоро вышли из густого леса на обширную лужайку, отделявшуюся от парка только тонкой железной решеткой. Тут ждало их остальное общество, вытирая лица большими носовыми платками и уже в состоянии сильного расслабления. Пред ними возвышался старый дом, величественное здание с массивным центром и с широко раскинувшимися направо и налево пристройками, оканчивавшимися с каждой стороны небольшой колоннадой, составлявшей прямой угол с зданием. Над главной дверью, низкой и широкой, находилось большое окно, которое само по себе было картиной. Крыша маскировалась каменным карнизом, прозрачным, легким и изящным, как роскошное кружево.

— Славное старое место! — сказал мистер Вальгрев. — Благородный фон для жизни человека. Жаль, что такой дом уступлен крысам и паукам.

— Недолго осталось крысам и паукам владеть им, — сказала Грация. — Сэр Френсис скоро возвратится.

— Может быть, — отвечал мистер Вальгрев задумчиво. — Я не верю в реставрации.

Мистер Ворт позвонил, и после значительного промежутка дверь была отворена дворецким, дряхлым стариком с длинными седыми волосами и с потухшими голубыми глазами, видевшими в лицо Георга IV. Старик просиял, увидав мистера Ворта и с любопытством устремил свои тусклые глаза на Губерта Вальгрева. Он очень охотно согласился показать дом.

— Очень рад видеть вас и ваших друзей, мистер Ворт, — сказал он. — Я и старуха моя совсем отупели, не видя здесь никого, кроме двух служанок и мясника раз в неделю. Если бы не наша привязанность к этому месту, мы, кажется, не вынесли бы такой жизни. Вам угодно осмотреть все лучшие комнаты, — продолжал он, отворяя одну из множества дверей в большой швейцарской и вводя своих посетителей в длинную мрачную комнату, увшанную фамильными портретами с черным мраморным камином в конце, с таким гигантским камином, что его массивный фронтон поддерживался двенадцатью коринфскими колоннами, придававшими ему вид входа в гробницу. — Потолки в верхнем этаже стали гораздо хуже с тех пор, как вы видели их в последний раз, — продолжал дворецкий. — Крыша протекает, а весной у нас были сильные дожди. Что же касается крыс, о них лучше и не говорить. Чем только они тут живут, я и понять не могу, но они живут, растут и множатся. Это столовая Якова I, так названная потому, что его величество, когда гостили здесь, обедал ежедневно в этой комнате в час пополудни, с Робертом Карром графом Сомерсетским по левую руку и с сэром Джоном Клеведоном по правую, и говорят, что сэр Джон был красивее Карла. Вот его портрет в зеленом бархатном платье.

Все обернулись к портрету, на который указывал старый дворецкий. Грация уже видела его однажды, но взглянув на него в этот раз, она вздрогнула и тихо вскрикнула.

— Что с вами, Грация? — спросил Джемс Редмайн.

— Я взглянула на портрет. Он так похож...

— На кого?

— На мистера Вальгрева, дядя.

Все, конечно, обернулись к мистеру Вальгреву, который сидел в конце большого дубового стола и задумчиво осматривал комнату.

Портрет Джона Клеведона изображал человека с короткими темными волосами, завивавшимися мелкими локонами над высоким, несколько лысым лбом, с блестящими серыми глазами, казавшимися черными от черных ресниц и бровей, и с коротким орлиным носом с красиво очерченными ноздрями. Если бы не нос и брови, придававшие лицу какое-то зловещее

выражение, оно могло бы называться очень красивым. И не физической только красотой отличалось оно: нельзя было сомневаться в силе ума человека с таким лицом.

Мистер Вальгрев поднял глаза и устремил внимательный взгляд на портрет. Да, сходство действительно было, и скорее в выражении, чем в чертах лица, хотя и в чертах было много сходного. Глаза у обоих были одного цвета, волосы росли одинаково над задумчивыми лбами. Когда живой человек смотрел на изображение умершего, лица их казались еще более сходными. Можно было подумать, что между ними существует какая-нибудь таинственная связь.

— Мне очень лестно такое замечание, — сказал мистер Вальгрев холодно. — Сходство, хотя бы самое слабое, с человеком, оспарившим первенство у красивого негодяя Карра, должно внушать гордость. Но мне кажется, что оно существует только в поэтическом воображении мисс Редмайн.

— Нисколько, — воскликнул дядя Джемс. — Всякий скажет, что вы на него похожи.

— В таком случае джентльмен должен иметь сходство и с моим покойным господином, — сказал Тристрам Молес, дворецкий. — Сэр Лука был настоящий Клеведон. Мои старые глаза теперь плохо видят, но если джентльмен похож на одного, он похож и на другого.

Мистер Ворт нетерпеливо повернулся.

— Лучше было бы не терять здесь попусту времени, если вы хотите осмотреть дом, — сказал он, и все отправились далее и осмотрели столовую с ее открытым готическим потолком, столовую, в которой могли свободно обедать сотни двух людей, бильярдную, музыкальную комнату, утреннюю комнату, бальную комнату, и вернулись назад в швейцарскую по ряду сравнительно небольших комнат, выходивших окнами в голландский сад, а из швейцарской отправились наверх, огласив дом шумом своих шагов по широкой каменной лестнице.

Наверху были парадные спальни с высокими перинами, с занавесами и с общим видом необитаемости; были и другие комнаты, в которых мебель и отделка были новее, но на всем лежал более или менее отпечаток обветшалости. Нечистоты нигде не замечалось. Мистрис Молес и ее помощницы неутомимо старались поддерживать в доме порядок, но местами пропахивалась сырость, местами отстали обои, в одной комнате треснула панель, в другой было разбито окно. Все, что могло полинять — полиняло, все, что могло сгнить — сгнило, но дом в начале был так великолепен, что казался великолепным и в разрушении.

Во все времена осмотра мистер Вальгрев и Грация были вместе. Так случилось, ни с той, ни с другой стороны не заметно было старания быть ближе друг к другу. Мистер и мистрис Редмайн разговаривали с управляющим, жаждавшим новостей из другого, не кингсберийского мира, и все трое по временам останавливалась, пока мистер Ворт задумчиво разглядывал успехи разрушения. Обойдя все комнаты, осмотрев темные картины, китайский фарфор и все хорошенъкие безделушки, к которым некогда прикасались с любовью руки, теперь уже не существовавшие, Грация и ее спутник приостановились в комнате с красивым большим окном над главным входом. Эта комната, самая красивая, самая веселая в верхнем этаже, была гостиная, отделанная в индийском вкусе, с оригинальными резными стульями, со шкафами сандального дерева, со шкатулками из слоновой кости с серебром, с большими вазами, наполненными сухими розовыми листьями все еще издававшими слабый запах.

— О, какая милая комната! — воскликнула Грация с восторгом, остановившись перед окном и глядя на обширный вид, прекрасный в своем пышном летнем убранстве. — Как приятно, должно, быть жить, имея постоянно перед глазами такую картину! Наш Брайервуд в низменном месте, и мы не видим ничего, кроме нашего сада. Это комната леди Клеведон, — не последней леди Клеведон, та, бедная, никогда не была здесь, — но матери сэра Луки. Она была дочерью индийского генерала, и все эти вещи прислал ей отец. На камине есть миниатюрный портрет сэра Луки, снятый с него, когда он был еще мальчиком, — продолжала она, переходя комнату, чтобы взглянуть на портрет. — Какая хорошенькая курточка и какой большой воротничок! Да, сходство, конечно, есть.

— С кем?

— С вами. Разве вы не помните, что сказал мистер Молес? Если вы похожи на сэра Джона, вы должны быть похожи и на сэра Луку. И сходство действительно есть, в особенности в глазах и в выражении.

— Странно, — сказал мистер Вальгрев равнодушно.

— Мне, может быть, следует гордиться таким сходством. Клеведоны, по-видимому, такие важные люди.

— Их род, — сказал мистер Ворт, очень древний, и был еще известен во дни Плантагенетов. Жаль, что сэр Лука прожил все состояние, не правда ли?

— Я уверен, что сын его с вами согласен, — отвечал мистер Вальгрев сухо. — Впрочем, по словам мистера Ворта, имение очистится от долгов через год или два, и сэр Френсис получит возможность поселиться здесь. Приятно сделаться обладателем такого поместья тридцати лет от роду. Владея им, можно не трудиться для приобретения известности, оно даст известность.

— Желали бы вы быть в таком положении? — спросила Грация улыбнувшись.

— Очень. Я многое отдал бы, Грация, чтобы не быть в зависимости от света, чтобы не быть вынужденным идти по дороге, намеченной много лет тому назад и во что бы то ни стало достигнуть известной цели. Я сам не знал, как трудно будет достигнуть этой цели, как тяжело не иметь свободы жить как угодно, пока не... до последних дней.

Девушка взглянула на него с удивлением и с очень бледным лицом.

— Как же вы узнали это в последние дни? спросила она.

— В эти дни я сделал роковое открытие, Грация.

— Какое открытие?

— Что я люблю вас.

Она с минуту поглядела на него недоверчиво и заслезилась слезами.

Он обнял ее и прижал к себе, глядя на нее с любовью, но не с торжеством счастливого влюбленного.

— Моя дорогая, моя бесценная, не плачьте. Я не стою ни одной из этих слез. Тайна выскажана, хотя я не имел намерения ее высказывать. Я обнял вас на минуту, в первый и в последний раз. Я, видите, даже не целую вас. Я люблю вас всем сердцем и всею душой, Грация Редмайн, но я помолвлен с другою женщиной. Я говорю вам оба факта разом. Вся моя будущность зависит от брака, а я недостаточно равнодушен к своей будущности, чтоб от него отказаться.

Грация тихо высвободилась из его рук. Лицо ее сияло. Он любит ее, а потом хоть потоп! Какое ей было дело в эту минуту торжества, что он должен жениться на другой женщине?

Знать, что он любит ее, было само по себе таким счастьем, что в ее сердце не было места для горьких чувств.

— Вам было бы неприятно, если бы я вышла замуж за фермера? — спросила она, с улыбкой глядя на него.

— Избави Бог. Я желал бы, чтобы вы остались навсегда в стороне от толпы, отдельною блестящею звездой. Я должен идти мою дорогой и жить моей жизнью; так написано в книге судеб. Но знать, что Грация Редмайн стоит выше мира, в котором я живу, было бы большим утешением для меня.

Утешением для него! Он даже не подумал, не нуждается ли она тоже в утешении. Однако он знал, что она любит его, он подозревал это уже несколько дней и теперь думал, что поступил замечательно благородно, сказав ей откровенно о своем положении. Очень немногие поступили бы так на его месте, думал он.

Дверь комнаты была полуотворена, и в эту минусу послышались приближавшиеся шаги и голоса остального общества. Грация вытерла слезы и отошла к окну, чтобы собраться с духом для встречи с своими родственниками. Мистер Вальгрев последовал за ней, открыл окно и сделал какое-то замечание о ландшафте, чтоб прикрыть ее волнение.

— Ну, теперь когда мы осмотрели весь дом, мистер Вальгрев, не мешает нам подумать и о подкреплении сил, — сказал Джемс Редмайн. — Где мы будем обедать, в саду или в парке?

— Не в саду и не в парке, — отвечал мистер Вальгрев. — Мы вообразим себя Клеведонами и пообедаем в большой столовой.

— Э, так вы вот как! А я думал, что вы хотите непременно раскинуть скатерть на траве и пообедать на воздухе. Впрочем, надеюсь, что мистер Молес не имеет ничего против вашего желания.

— Решительно ничего, мистер Редмайн. Вы можете расположиться в столовой как вам угодно. Все, кого бы ни привел мистер Вальгрев, здесь дорогие гости. Я и жена моя принесем все, что вам нужно.

— Мы сами принесли с собою все, что нам нужно, — гордо возразила мистрис Редмайн. — Я собственными руками уложила корзины.

— Если так, то мы будем только прислуживать вам, мистрис Редмайн, — отвечал дворецкий.

Все отправились вниз. Тетушка Ганна и мистер Молес шли впереди, таинственно рассуждая об обеде; мистер Ворт и мистер Редмайн следовали за ними, толкуя о земледелии. Грация и Губерт Вальгрев были последние.

— Проведем счастливо хоть один день, Грация, — сказал он, спускаясь медленно по широкой лестнице.

— Забудем, что существует будущее, и будем счастливы настоящим.

— Могу ли я не быть счастлива, когда я с вами? — отвечала она, не подозревая, как опасно было с ее стороны такое откровенное признание.

Глава VII

Если бы этот день длился вечно!

В конце столовой был небольшой овальный стол, небольшой сравнительно с другими столами, стоявшими по обеим, сторонам комнаты, но такой, что вокруг него могли свободно усесться человек двенадцать или четырнадцать. На этом столе обедал принц регент с немногими избранными, когда все графство съезжалось в Клеведон, и на этом же столе было выложено, по настоянию мистера Вальгрева, все, что заключалось в корзинах мистрис Редмайн. Он сам помог расстелить скатерть и подавал Грации стаканы, ножи и вилки так проворно, как будто это было для него делом привычным.

— У нас пикники бывают большею частию в комнатах, — сказал он, — и я всегда помогаю накрывать стол, когда у меня завтракают или обедают друзья мои. Какое угожение вы приготовили нам, мистрис Редмайн! Я просил только телятины и салату, а вы приготовили роскошный обед. Пирог с голубями, вареная говядина, цыплята под соусом — и скажите, пожалуйста, что это за мокрая смесь в каменной чашке? Разве мы возвратимся к дням нашего детства и будем есть творог с сывороткой?

— Это пирожное, мистер Вальгрев, — возразила тетушка Ганна обиженным тоном. — Его не легко делать, но в этот раз оно мне удалось. Многим оно очень нравится.

— Будьте уверены, мистрис Редмайн, что я сумею оценить ваше пирожное. Теперь, Грация, садитесь в конце стола и будьте леди Клеведон, а я сяду против вас и буду сэр Губерт. Мистер Ворт, садитесь направо от ее светлости, мистрис Редмайн, я прошу вас сесть рядом со мной, а остальные где кому угодно.

Молодые Редмайны вернулись к этому времени из парка, и все общество, за исключением Грации, принялось с большим аппетитом уничтожать пирог с голубями, вареную говядину, цыплят, соус и другие приправы в виде огурцов, салата и т. п.; между тем как мистер Молес, дворецкий, прислуживал им с таким же торжественным видом, будто воображал себя во главе толпы служителей на одном из банкетов давно минувших времен. Он усмехнулся раза два спокойной улыбкой при шутливых замечаниях мистера Вальгрева, но вообще был олицетворением торжественности и разливал брайервудское пиво и херес мистера Вальгрева так же величественно, как в былое время разливал дорогой рейнвейн и мадеру.

Обед прошел очень весело. Мистер Вальгрев казался таким довольным, как будто слава его и состояние были уже составлены, и ему осталось только наслаждаться жизнью. Он говорил и шутил неумолкаемо, между тем как молодые Редмайны, одаренные смутным чувством юмора, громко хохотали в промежутках между своим важным занятием, а Грация улыбалась на своем почетном месте и сияла как фонтан под солнечными лучами. Ей не нужно было говорить. Достаточно было, что она смотрела такою веселою и прекрасною. Может быть, всякая птичка в Брайервудском саду могла съесть столько же, сколько съела в этот день мисс Редмайн, по человек способен наслаждаться пищей только когда все духовные радости угасают в его душе. Грация питалась в этот день пищею, выросшую не на земной почве. Она была в волшебном мире и смотрела на действительность такими же глазами, как Титания, ласкавшая своего прозаического возлюбленного.

Они провели в столовой часа два, показавшиеся Грации получасом невозмутимого блаженства, потом отправились в цветник.

Клеведонский цветник занимал около восьми акров и был когда-то главным украшением поместья. Оставленный в печальном пренебрежении, он густо зарос кустами жасмина, роз и жимолости. Дорожки покрылись мхом, над аллеями образовались непроницаемые зеленые своды; тут валялась сломанная статуя, там лежал пустой мраморный водоем от фонтана.

В конце одной из аллей был большой пруд, полу-заросший водяными лилиями, другая выходила на широкий луг, окруженный густою изгородью из остролистника. Только трава местами была скошена, и итальянский цветник леди Клеведон содержался в порядке. Все остальное было в хаотическом состоянии.

— Если бы я был миллионер, я оставил бы хоть один сад в таком виде, — сказал мистер Вальгрев, гуляя между розовыми кустами и цепляясь за ветки, преграждавшие дорожки. — Я всегда воображал себе розовую беседку у Бендермировского потока таким же заглохшим местом. В этих густых массах зелени встречаются такие чудные формы и краски, каких никогда не составит никакой садовник.

Грация, конечно, согласилась с ним. Она считала всякое слово, выходившее из его уст, перлом премудрости.

Отыскав зеленую беседку, большую и прохладную, мистер Ворт и дядя Джемс остались в ней курить и пить молочный пунш, и пригласили в свой приют старого дворецкого. Но нельзя было ожидать, что мистер Ворт останется в обществе дворецкого, и мистрис Джемс нимало не удивилась, когда он, попробовав пунш, ушел гулять так же, как и Грация, с ее кузенами. Кузены скоро скрылись из скучного сада в лес, где можно было погоняться за разною дичью и полазить по деревьям, и Грация осталась опять наедине с мистером Вальгревом.

Этот день был, может быть, самым счастливым днем ее краткой жизни, — днем невозмутимого блаженства. Что за беда, что ее возлюбленный вслед за признанием в своей любви сказал ей, что между ними лежит непроходимая преграда? Придет время, когда мысль об этом приведет ее в отчаяние, но это время еще не пришло. Он любил ее, и в этом заключалось все счастье, какое она могла себе вообразить. Она думала о нем, как о человеке, стоящем несравненно выше ее, она отдала ему свое сердце в детском неведении, что приносит жертву. Жизнь ее была в последнее время очень хороша только потому, что он был близко от нее. Даже когда она считала его равнодушным к ней, ей было достаточно видеть его лицо, слышать его голос. Каково же было ей узнать, что он любит ее, что это высшее, почти невероятное счастье выпало на ее долю? Из всех женщин, которые обожали его — девушка с таким сентиментальным характером, как Грация, способна вообразить, что все другие женщины, встречавшиеся с ее идеалом, не могли не обожать его — из всех женщин он выбрал ее. Непостижимое снисхождение! Безумное сердце все еще замирало от восторга при воспоминании о блаженном мгновении, когда он произнес: «Грация, я люблю вас».

Что же касается мистера Вальгрева, это прогулка по запущенным цветникам и фруктовым садам, со случайными остановками для того, чтобы нарвать роз или набрать земляники на широкий фиговый лист, показалась ему тоже далеко не неприятною, хотя в его чашу наслаждения примешивалась доля горечи и сожаления. Счастливое лицо Грации даже среди роз омрачалось в его глазах страшною тенью будущего. Как ни хорош был этот день, следующий был близко. Как покинуть девушку, так горячо его любящую? Он сознавал, что это будет для него большим испытанием. Но неделю тому назад он смотрел очень легко на свое увлечение и говорил себе, что он менее кого бы то ни было способен горевать при разлуке. Хорошенькие лица были для него не новостью. Он жил между привлекательными женщинами, которые ухаживали за ним с тех самых пор, как его профессиональная карьера стала подавать надежды на богатую жатву в будущем.

«Как бы тони было, но я сказал ей правду, — думал он, глядя на оживленное лицо Грации, сиявшее величайшим счастием. — Я этим очень доволен. Какое она милое, доверчивое существо, нимало не заботится о будущем, неспособна ни на какие эгоистические расчеты, довольна только тем, что любима! Жаль, что я не придержал языка. Мне следовало бы завтра же уехать из Брайервуда. Остаться здесь все равно, что остаться на краю пропасти. Однако...» Однако он намеревался остаться и остался.

Послеобеденное время продолжалось три часа. Трубки, разговоры, пунш и сладкая дремота сократили для старших течение времени, и только когда стало заметно смеркаться, когда посвежел воздух и летний ветерок зашумел деревьями, они поняли, что незаметно подкрался вечер, и мистрис Джемс захлопотала о чае. Без чая праздник казался бы неоконченным.

К счастию, все было уже приготовлено, иначе они не успели бы напиться засветло. Сыновья мистрис Редмайн выбрали в роще удобное место, развели костер, вскипятили воду. «Матушке» осталось только заварить и разлить чай.

Все весело отправились в рощу, оглашенную голосами птиц, которым следовало бы быть соловьями, если они ими не были, и уселись на зеленой лужайке, окруженной высокими каштанами, между тем как невдалеке трещал и дымился догоравший костер.

Грация с восторгом захлопала руками.

– О, как хорошо было бы остаться здесь навсегда! – воскликнула она.

«О, как хорошо было бы остаться здесь навсегда, как хорошо было бы, если б этот день длился вечно!» – подумала она, и вдруг ей представилось, что этот блаженный день унесет с собой все ее счастье. Она впервые начала сознавать настоящее положение вещей, впервые явилось у нее предчувствие будущих страданий, разлуки, слез, смерти. Разве лишиться его не все равно, что умереть? – подумала она.

Он сел рядом с ней. Тетушка Ганна посмотрела на них подозрительно, но не заметила ничего особенного в их обращении. Очень естественно, что мистер Вальгрев любезен с Грацией, которая действительно хорошенъкая девушка и на пятнадцать лет моложе его. Опасности никакой нет, решила она.

Пить чая прошло приятно, мирно, патриархально. Молодые Рейдманы и отец их ели и пили с таким аппетитом, как будто в рот ничего не брали в последние сутки. К чаю были поданы в изобилии мелкие морские раки, такие красные и хорошенъкие, что хотелось нанизать из них ожерелье, – раки и сладкий пирог. Молодые Редмайны ни от чего не отказывались и были так шумно веселы в своем возбужденном состоянии, что Губерт Вальгрев и Грация могли незаметно вести тихий, неслышный для других разговор. Грация опять прояснилась и опять забыла, что жизнь не ограничилась одним этим днем, забыла все, кроме того, что он был с ней.

Сумерки превращались в ночь, когда общество, уложив посуду в корзины, отправилось в обратный путь. Пока остальные собирались, мистер Вальгрев и Грация ушли немного вперед, но не скрылись из виду, так что тетушка Ганна могла видеть светлое платье своей племянницы, мелькавшее между деревьями, могла слышать ее счастливый смех. Лишь только все остальные собрались вместе и пустились в путь, как пронзительный крик огласил рощу.

– Боже праведный! Это что такое? – воскликнула мистрис Джемс. – Это голос Грации. Беги скорей, Чарли.

Оба брата бросились вперед, и один из них наткнулся на мистера Вальгрева, который возвращался, держа на руках Грацию. Голова ее лежала на его плече, лицо было покрыто смертельной бледностью.

– Она в обмороке, – сказал он. – Я не понимаю, почему она так испугалась. Мы сели на опрокинутое дерево, чтобы дождаться вас, и вдруг ехидна проскользнула между нами и проползла по ее платью. Она так испугалась, что упала в обморок.

Он тихо опустил ее на траву и положил ее голову на колени тетки. Все родные казались более испуганными, чем можно было ожидать.

– Это только обморок, – сказал мистер Вальгрев успокоительно. – Опустите ее голову на траву, и она скоро придет в себя. Сделайте одолжение, Чарли, сбегайте за водой.

Он стоял на коленях возле девушки, держа одну из ее холодных рук. Лицо ее было бледно как у мертвый, и тетушка Ганна не сводила с него испуганного взгляда.

— Для нее обморок не то что для других, — сказала она, растирая свободную руку племянницы. — Ее не легко привести в чувство. То же самое было с ней в день отъезда ее отца, и намучились же мы тогда с ней. Я думала, что она умерла. Всему причиной, как видите, ее сердце.

— Ее сердце! — воскликнул мистер Вальгрев с испугом. — Что же такое с ее сердцем?

И он поспешно положил руку на грудь девушки.

— Боюсь, что у нее есть какой-нибудь порок в сердце. Ее мать умерла от болезни сердца, пошла однажды наверх за работой и упала у лестницы. Доктор сказал, что ее сердце мгновенно перестало биться. Этот же доктор говорил, что Грация не долговечна, — слишком похожа на мать.

Он почувствовал слабое сотрясение под своею рукой. Слава Богу, сердце, так горячо, так безумно любившее его, не перестало биться. Но он так испугался, что когда Грация открыла глаза и взглянула на него, он был так же бледен, как она.

Она вздохнула долгим, дрожащим вздохом, выпила несколько ложек воды, объявила, что чувствует себя совершенно здоровою, и встала, дрожа с головы до ног.

— Я, кажется, перепугала вас, — сказала она. — Это было очень глупо с моей стороны, но я ужасно испугалась этой гадкой ехидны. Она никого не укусила, не правда ли? — спросила она и с беспокойством взглянула на Губерта Вальгрева.

— Нет, Грация, никакой беды не случилось, — отвечал он с ободрительной улыбкой, хотя лицо его было все еще бледно. — Вы испугались самого безвредного червя. Я не думал, что вы нервны как великосветская барыня.

— Но ведь это была ехидна, — оправдывалась Грация. — От укуса ехидны часто умирают. И она проскользнула между нами, как будто... как будто...

Она не договорила, но Губерт Вальгрев понял, что она хотела сказать: «как будто пришла разлучить нас».

— Возьмите мою руку, мисс Редмайн, — сказал он самым непринужденным тоном, — и не бойтесь ехидн. Я считаю их вполне безвредными, если только они не принимают образа двуногих. Чувствуете вы себя в силах идти домой? Или хотите отдохнуть немножко?

— Я нисколько не устала. Я хочу идти не отдыхая.

И они пошли рука в руку по узким тропинкам между полями, посеребренными лунным сиянием, то задевая усатый ячмень, пушистый овес и быстро созревавшую рожь, то выходя на лужайку, покрытую мягкою молодою травой с кое-где чернеющими группами деревьев. Они были одни, хотя шли только на расстоянии нескольких шагов от Редмайнов, и Грация забыла об ехидне.

Глава VIII

Вспомни, как она плакала, прощаясь с тобою

Прошло, однако, несколько времени, прежде чем мистер Вальгрев забыл то, что слышал в саду о болезни сердца и о смерти матери Грации. На следующий день он нашел случай распросить мистрис Джемс о подробностях этого события и заставил ее повторить слова доктора о Грации. Оказалось, что невинное молодое сердце никогда не подвергалось исследованию; доктор сказал только однажды мистрис Джемс, что замечает в наружности ее племянницы нечто не совсем хорошее и опасается, что в ней разовьется та же болезнь, которая и была причиной смерти ее матери. В то время, когда это было сказано, Ричард Редмайн был еще в Англии, но его невестка не сочла нужным пугать его словами доктора.

— Если это болезнь сердца, — сказала мистрис Джемс, — она неизлечима; если же доктор ошибся, жестоко было бы пугать бедного Ричарда, у которого в то время было и без того много неприятностей.

— Вы совершенно правы, мистрис Редмайн. — Доктору просто хотелось приобрести лишнюю практику. В таком благодатном климате его профессия не выгодна. Болезнь сердца! Я никогда не поверю, что у вашей племянницы болезнь сердца. В ее годы это невероятно.

— И мне так кажется, мистер Вальгри, но ее матери было только двадцать семь лет, когда она умерла. Норбиты вообще недолговечны. Мать Грации была из семейства Норбитов.

Но мистер Вальгрев не хотел отказаться от своей точки зрения, не хотел допустить, чтобы такое милое существо, как Грация Редмайн, было обречено исчезнуть из мира преждевременно и мгновенно. Он смеялся над мнением доктора, пока не освободился от тревоги, которую оно ему внушало.

Несколько дней спустя после пикника, случилось событие, отвлекшее его внимание в другую сторону. Он почти решился покинуть Брайервуд и провести остаток своей длинной вакации где-нибудь в другом месте. Он сознавал опасность своего положения в Брайервуде. Здоровье его уже поправилось, и во всех отношениях благоразумнее было уехать.

Однажды вечером он уложил свой чемодан, отыскал свой путеводитель и начал внимательно изучать дороги. Почему не провести осень за границей? В Испании, например? Ему давно хотелось побывать в Испании, чтоб увидеть Альгамбру, но в этот вечер черноокие девушки и бой быков не имели ничего привлекательного для него, и он с досадой бросил свой путеводитель в дальний угол.

«Почему мне бежать от нее, когда я люблю ее так сильно? — спросил он себя. — Разве не может человек жить двумя жизнями — отдать свое внешнее существо и труд свету, а сердцем жить для самого себя? Другие поступают не так. Есть ли на свете человек, который отказался бы от такого сокровища, как эта девушка?»

И мистер Вальгрев впал в глубокую задумчивость, и лег в постель на рассвете, чтобы провести три мучительных часа, ворочаясь с боку на бок, терзаемый самыми тревожными мыслями, какие когда-либо приходили ему в голову. Он старался примирить вещи непримиримые. План его будущности был уже давно составлен и составлен очень умно, как он думал. Он не хотел допустить в нем никаких изменений, и все новое, что могло возникнуть в его жизни, должно было подчиниться этому плану. Он был не такой человек, чтобы свернуть с дороги, которую сам проложил для себя, с широкой дороги к славе и к богатству. Он ни от чего не хотел отказаться.

Но если бы можно было сохранить все, чем он так дорожил и вместе с тем не отказался от счастья, которое было так возможно и близко. Слава и богатство придут в будущем, он не сделает ничего, что могло бы преградить дорогу к ним. Но почему не воспользоваться сча-

стием, которое дается в настоящем и не предоставить будущему, насколько оно касается Грации Редмайн, устроиться по воле судьбы? Если зловещее предсказание доктора оправдается, и она действительно проживет недолго, тем легче будет обеспечить ее счастье в будущем. Не было жертвы, кроме полного отречения от своих планов, которой он не принес бы для нее, и он строил план за планом, разрушая их один за другим, и, встав утром с постели, сказал решительно:

«Я ставлю себе долгом забыть ее. Таким шагом люди всегда губят себя. Рано или поздно приходится пожалеть о своей неосмотрительности. Я прожил до сих пор, не сделав ни одной ошибки. Глупо было бы начинать теперь».

Он сошел вниз и вышел в сад. Было еще рано. В доме, молочне и в ферме веселая суeta фермерской жизни была во всем разгаре. Грация, с корзиной на руке и прекрасная как Тенни-сонова дочь садовника, срезала в саду большими садовыми ножницами поблекшие розы.

Яркий румянец, ожививший ее бледное лицо, взгляд радостного удивления, – как все это было хорошо!

«А я должен отказаться от всего этого», – подумал мистер Вальгрев с мучительной болью. К этому времени он уже окончательно решил уехать, но не мог собраться с духом сказать это ей. «Лучше отложить до последней минуты и тогда одним отчаянным усилием покончить все», – подумал он.

Они пошли бродить по саду. Грация продолжала срезать розы, делая свое дело не так старательно, как сделала бы его, если бы с ней не было ее спутника. Он говорил с ней, его глаза следили за ней. Он не сказал ей ни слова о своей любви после того дня, который они провели в Клеведоне, не сказал ей вообще ничего такого, чего не мог бы повторить при ее тете или дяде, но она была вполне счастлива. Она не забыла, что он помолвлен с другою, что он уедет и оставит ее одну, но она не могла горевать, пока он был с ней.

Они провели в саду около часу. Грация завтракала полчаса тому назад, завтрак мистера Вальгрева ждал его в прохладной гостиной. Он, наконец, медленно повернулся к дому. Грация продолжала идти рядом с ним. В это время, когда тетушка Ганна была занята в молочне, некому было следить за ними. Они разговаривали о книгах, которые Грация прочла в последнее время, о книгах, которые открыли ей новый мир, и мистер Вальгрев восхищался ее меткими суждениями.

– Если все воспитанницы мисс Тульмин похожи на вас, Грация, я во что бы то ни стало отдам моих дочерей в ее пансион, – сказал он.

Она посмотрела на него с минуту и побледнела. «Моих дочерей». Он говорит о том времени, когда будет женат на другой, когда она, Грация, не будет существовать для него. Его беспечные слова резко напомнили ей, что он для нее чужой и всегда будет чужим.

– Вы забудете о моем существовании к тому времени, когда надо будет выдать в пансион ваших дочерей, – сказала она.

– Забуду о вашем существовании, Грация! Никогда. Судьба управляет нашими жизнями, но не нашими сердцами. Я никогда не забуду вас. Я поступил очень неблагородно, сказав вам о впечатлении, которое вы произвели на меня. Это было оскорблением как для вас, так и для... для другой особы. Но надеюсь, что вы простите меня.

Он говорил так спокойно, как только мог, но чувства его были далеко неспокойны. Она молчала. Хладнокровный тон его извинения задел ее за живое. Она сама не знала, на что надеялась, о чем мечтала в последние дни, но дни эти были так полны счаствия, что образ ее соперницы, женщины, на которой он должен был жениться, казался ей смутным и неопределенным.

– Мне нечего прощать вам, – сказала она холодно. – Оскорблена не я, а она... другая осoba.

— Другая особа, конечно, очень оскорбилась бы, если б я сознался ей во всех моих прегрешениях. Но я не имею ни малейшего намерения сознаваться. Другая особа умрет, не узнав ничего. Но я хочу быть уверен, что вы простите меня, Грация. Поднимите глаза и скажите: я прощаю вам, что вы так горячо любите меня.

Грация улыбнулась горько улыбкой.

— Так горячо что вы... что вы уедете и женитесь на другой, — сказала она.

— Дорогая моя! — воскликнул мистер Вальгрев, которому вовсе не нравился неожиданный оборот разговора, — в нашем мире мало людей, которые могут жить как им нравится. Я уже давно избрал себе дорогу. Я не могу поступать, как мне угодно. Если б я мог...

— Если бы вы могли, — перебила его Грация с отчаянною решимостью, столь же неожиданною для нее самой, как и для него, — если бы вы могли поступать как вам угодно, вы женились бы на бедной дочери фермера.

— Да, Грация, я женился бы на вас, если бы был обладателем Клеведона и имел пять тысяч годового дохода. Но мне приходится прокладывать себе дорогу в жизни, и я так малодушен, что дорожу успехом. Я помолвлен с женщиной, состояние которой поможет мне приобрести и поддержать положение в свете. Я как будто продаю себя, не правда ли?

— Да, похоже на то.

— Мужчины поступают так часто, так же часто, по крайней мере, как женщины, и в десяти случаях из двадцати спекуляция оказывается удачною. Я надеюсь быть очень удовлетворительным мужем. Я не промотаю состояния моей жены и буду сопровождать ее на званые обеды. Я, может быть, даже дам ей такое же место в моем сердце, какое она даст мне в своем, но я любил только одну женщину, и женщина эта Грация Редмайн.

Девушка молчала. Он был жесток, он был низок, ко ей тем не менее приятно было слышать, что он любит ее. Она верила ему всем сердцем и всею душой.

— Я не ожидал, что разговор наш примет такой оборот, — продолжал он после довольно долгой паузы. Я хотел проститься с вами и уехать, не сказав ни одного лишнего слова.

Она подняла на него глаза с внезапным ужасом в лице.

— Вы уезжаете! — воскликнула она. — Скоро?

— Очень скоро, сегодня, если будет возможно. Что мне делать здесь? Разлука необходима, чем скорее, тем лучше.

Она хотела отвечать ему, но ее губы только задрожали, и слезы выступили на глазах. Никакое красноречие не тронуло бы его так, как этот безмолвный взгляд, как эти детские слезы. Она любила его, может быть, только безответною детскую любовью, но как чиста и прекрасна была эта любовь!

Они бессознательно удалялись от дома с тех пор, как разговор их принял более нежный оборот и медленно приближались к фруктовому саду, где никто не мог видеть их. Мистер Вальгрев обнял рукой талию Грации и прижал ее к себе, утешая ее, пока ее голова не опустилась на его плечо. Он нагнулся и поцеловал ее чистый молодой лоб.

Вот как он начал забывать ее!

— Дорогая моя, — сказал он умоляющим тоном, — ваши слезы терзают мое сердце. Я хочу поступить благоразумно и справедливо. Клянусь мою душою, Грация, что я отказался бы от всех светских расчетов, в эту минуту он полагал, что говорил правду, — если бы честь моя не была связана с браком, о котором я говорю. Но честь моя обязывает меня исполнить обещания. Я был бы самым низким из обманщиков, если бы не исполнил его. Так будем же благоразумны, моя милая. Я хочу поступить так, как будет лучше для вас, для нас обоих. Разве вы не согласны со мной, что я поступлю благоразумно, уехав отсюда?

— Не знаю, будет ли это благоразумно или глупо, отвечала она рыдая, — но я знаю, что сердце мое разобьется, если вы уедете.

Он крепче прижал ее к себе. Боже, почему нет у него пяти тысяч годового дохода, почему не имеет он возможности жениться на этой провинциальной девушке!

– Но подумайте, дорогая моя, – сказал он, всеми силами стараясь не выйти из границ благоразумия, – подумайте, что разница только в неделе или около того. Мне очень приятно быть с вами. Я не знал, что такое счастье, пока не знал вас, но не могу же я оставаться здесь навсегда. Рано или поздно надо будет расстаться, и каждый лишний час, который мы проведем вместе только усилит горечь разлуки. Не лучше ли было бы расстаться немедленно? Скажите да, Грация, ради наг обоих.

– Не могу, – отвечала она. – Я не могу желать, чтобы вы уехали. Если вы счастливы здесь, для чего спешить? Я знаю, что никогда не буду для вас чем-нибудь больше того, что я теперь, что вы рано или поздно должны уехать к той, к другой.

– И вы все-таки желаете, чтобы я остался?

– Да, да.

– Хорошо, я останусь, но помните. Грация, что я остаюсь по вашей просьбе. Когда придет время расстаться, вы будете благоразумны. Мы погребем нашу любовь в глубокую, глубокую могилу, и вы забудете о моем существовании.

– Мы погребем нашу любовь, – отвечала она покорно.

Мистер Вальгрев вернулся к своему завтраку с очень плохим аппетитом и с смутным сознанием, что в конце концов он все же остался в глупом положении. Все колебания из стороны в сторону, все принятые и отброшенные намерения и окончательные решения уехать не привели ни к чему. Он обещал оставаться.

«Да поможет Бог всякому тридцатипятилетнему человеку, имевшему несчастие приобрести любовь восемнадцатилетней девушки!» – сказал он себе. «Милая Грация, какой она еще ребенок!»

Грация возвратилась в гостиную, набрав только четверть корзинки поблекших роз, хотя их было немало на кустах. Из полуотворенной двери кухни, выходившей в коридор, слышался громкий говор и протестующий голос мистрис Джемс.

– Ничто не могло быть несвоевременнее, – восклицала она. – Добрых два месяца прежде, чем можно было ожидать. А я все обдумала, все устроила и все было бы как следует, если бы только младенец родился в свое время.

Грация слушала с недоумением, но через несколько минут мистрис Джемс вбежала в комнату и объяснила ей, в чем дело.

– Вообразите, Грация! Присцилла Спроутер родила вчера ночью.

Присцилла Спроутер, дочь мистрис Джемс, была замужем за богатым кондитером небольшого городка Чикфильда, в сорока милях от Брайервуда. Преждевременно родившийся младенец был вторым внуком мистрис Джемс, с которой было взято торжественное обещание быть в Чикфильде во время этого события и прогостить у дочери две недели, чтобы позаботиться об ее здоровье и об ее хозяйстве.

Но событие это должно было случиться в октябре и, соображаясь с этим, мистрис Джемс сделала все свои распоряжения и пригласила благонадежную женщину принять бразды правления в Брайервуде во время ее отсутствия. И вдруг является нарочный верхом, на нечищенной лошади и привозит письмо, объявляющее о несвоевременном рождении прекрасного мальчика.

– Прекрасного, нечего сказать! – воскликнула мистрис Джемс с досадой. – И требуют, что бы я ехала к ним немедленно, потому что отец Вильям Спроутер очень беспокоится.

– Я думаю, что вам следует ехать, тетушка, – сказала Грация нерешительно.

– Вы думаете? А полтора решета орлеанских слив в кухне. Кто сварит их?

– Разве мистрис Буш не может сварить варенье, если вам необходимо ехать?

— Конечно, может. Всякий, кто может держать таз на огне, скажет вам, что он может сварить варенье. Но какое это будет варенье? Испортится, не простояв месяца. Нет. Грация, я не привыкла так обращаться с собственностью вашего отца. Я сварю варенье, и тогда уж поеду в Чикфильд. Но желала бы я знать, кто будет заботиться об обедах мистера Вальгрева без меня.

— Поручите это мне, тетушка. Мистер Вальгрев, кажется, не прихотлив.

— Не прихотлив! Пока все подается ему как следует, мужчина всегда не прихотлив, но попробуйте покормить его недожаренными телятиной или переваренными лососиной, и тогда посмотрите что он скажет. Но как бы то ни было, а мне необходимо съездить хоть на несколько дней к Присцилле. Я послала Джека сказать мистрис Буш, чтобы она пришла немедленно. И надеюсь, Грация, что вы хоть раз в жизни выйдете из своей апатии и присмотрите, чтобы не расхищалось добро вашего отца. Если бы мистер Вальгрев был не такой степенный джентльмен, я ни за что не решилась бы оставить вас одну. Но он не похож на большинство холостых людей. От него нельзя ожидать никакой глупости.

Грация сильно покраснела и быстро повернулась к окну. Но мистрис Джемс была слишком занята, чтобы заметить смущение племянницы. Она хлопотала у большого буфета в углу близ камина, наполняя чайницу и сахарницу и рассчитывая, какое количество колониальных продуктов будет истреблено во время ее отсутствия.

— Вы дадите мистрис Буш четверку чаю и полфунта сахара на неделю, и ни зерна более. Помните это, Грация. И пожалуйста, не давайте прислуге купленного мяса более двух раз в неделю. Если не хотят есть свежую, здоровую солонину, пусть едят что угодно. Сара знает, какие обеды я готовила для мистера Вальгрева, а мистрис Буш будет стряпать для него. Но смотрите за всем собственными глазами и отдавайте сами приказания мяснику. Пусть варят бобы и чтобы не было разговоров, по вкусу они или нет. Ваш дядя снял их не для ворон. И не допустите истребить все сливы на пудинги для Джека и Чарли; если они хотят есть до расстройства желудка, пусть едят падаль. И желательно было бы, чтобы наволоки были хорошенечко починены к моему приезду. Мисс Тульмин гораздо лучше сделала бы, если бы выучила вас чинить белье вместо *parlez vous Français*. Все, что ни дашь вам починить валяется так долго, что противно смотреть.

— Я сделаю все, что могу, — отвечала Грация покорно. — Долго думаете вы пробыть в отсутствии?

— Могу ли я это знать, душа моя? Если не случится ничего особенного с Присциллой и с младенцем, я не пробуду там более недели. Но она женщина деликатная, и Бог знает что может случиться. Теперь я пойду в лучшую гостиную проститься с мистером Вальгревом.

Грация села к отворенному окну, сильно взъединенная. Тетка уедет и целую неделю не будет следить своими проницательными глазами. В эту неделю полнейшей свободы можно будет чаще видеться с любимым человеком. Грация знала, что он принужден был хитрить, чтобы провести с ней несколько минут, не возбуждая подозрения. Теперь все изменится. Целую счастливую неделю можно будет видеться без помехи. А потом? Потом настанет конец всему, и надо будет расстаться. Ужасный день разлуки придет рано или поздно, он сказал ей это прямо, и она старалась представить себе этот день, но не могла. Она была еще очень молода, и неделя казалась ей целою вечностью блаженства!

«Будет ли он рад, — спросила она себя. — Желала бы я знать, будет ли он рад?»

Если б она заглянула в сердце своего возлюбленного в ту минуту, когда мистрис Джемс Редмайн объявила ему о своем отъезде, она увидела бы, что он не был рад.

«Жаль, что я не уехал сегодня без всяких прощаний, — сказал он себе. — Уехать теперь, когда она просила меня остаться, было бы грубостью. Но остаться, когда наш дракон уезжает и мы будем иметь возможность проводить целые дни вместе, значит обречь себя на лишние страдания в будущем. Я не считал себя способным страдать из-за женщины, но теперь вижу, что эту девушку нелегко будет забыть. Жаль, что я встретил ее, жаль, что мне пришло в голову

приехать сюда! Вздор! Можно ли тревожиться из-за такой сентиментальной глупости! Почему не насладиться неделей невинного ухаживания за хорошенькою девушкой? Затем я возвращусь в мой круг общества и забуду ее».

С таким похвальным намерением мистер Вальгрев вышел опять в сад в надежде встретиться с Грацией.

В этот раз его ожидания, однако, не оправдались. Мистрис Джемс варила в кухне варенье и держала возле себя Грацию, снабжая ее полезными хозяйственными советами. Тяжело было провести в жаркой кухне чудный летний день, полоская банки, вырезая и надписывая ярлыки и стараясь быть каким-нибудь образом полезною, но Грация покорилась этому охотно. На следующий день ее ожидала полнейшая свобода.

Мистер Вальгрев обошел раза три сад, потом лег на траве в фруктовом саду и задремал, поддавшись усыпительному влиянию августовского полудня. Но сновидения его были не совсем приятны, и он встал, не освежившись, и медленно вернулся к дому. Проходя мимо решетчатого окна кухни, полузацшего плющом, он увидал мельком Грацию, потярял надежду повидаться с ней, вооружился удочкой и пошел состязаться со старою, опытною щукой, с которой воевал уже шесть недель. Неучтивая тварь никак не хотела проглотить крючок, но очень искусно, вследствие долгой практики, портила его удочки.

Глава IX

«Нежный поцелуй, и мы расстанемся»

День клонился к вечеру, когда Губерт Вальгрев возвратился на ферму. В старом доме царствовала отрадная тишина, свидетельствовавшая об отсутствии мистрис Редмайн. Без обычной суеты был подан ему обед, приготовленный, может быть, не так вкусно, как в присутствии хозяйки, но мистер Вальгрев был не из тех людей, для которых обед высшее благо в жизни. Ему нравилось спокойствие, которое мистрис Джемс оставила за собой, ему приятно было думать, что сейчас он выйдет в сад, и никто не помешает ему провести там вечер в обществе Грации.

Он застал ее спящую за работой, за несносными наволочками, одну под кедром. Джемс Редмайн никогда не был легкомысленным человеком, но свобода очень приятна тому, кто пользуется ею редко, и он отправился в Кингсбери, чтобы провести там вечер, разговаривая о предметах текущего интереса с политиками своего околотка в комфортабельной гостиной трактира «Луна и Семь Звезд». Приближалось время жатвы, и каждый из посетителей мог сообщить что-нибудь интересное о своем урожае. С политикой и агрономией Джемс Редмайн не заметил, как прошел длинный вечер. Что же касается Джека и Чарли, они сидели на месте только когда ели. Движение было их нормальным состоянием.

Итак, Грация осталась одна под кедром, и весь вечер влюбленная пара провела в саду. О блаженное время! Время светлой радости, не омраченной заботой о будущем! Грация отдалась своему счастью так же просто, как ребенок в начале праздника. Он был с ней, он исполнил ее просьбу и остался. Она не ожидала, что в жизни так много счастья, а между тем это была старая история: уверения в неизменной любви, – в любви, готовой на все, кроме самопожертвования, странная смесь страсти и светского благородства, меланхолическое философствование новейшей школы и неизменный припев: «Я люблю вас, Грация, но это невозможно».

Прекрасные летние дни следовали один за другим, и ничто не нарушало блаженства их счастья. Дядя Джемс продолжал наслаждаться свободой и, оправдываясь делами, проводил время то в Кингсбери, то в Танбридже. Грация ходила со своим возлюбленным удить рыбу на извилистый берег восхитительной речки, и смотрела, как он расставлял сети старой щуке или случайно вытаскивал борвену или язя. Но рыбная ловля была только предлогом для прогулок и разговоров. Он вырезал ее имя на серебристой коре старого бука и невольно подумал, что сказала бы Августа Валлори, застав его за таким сентиментальным занятием и рядом с ним Грацию, с восторгом следившую за его работой.

Да, славное было время, но длилось оно не долго. Мистер Вальгрев со страхом думал о своем собственном мире.

«Тем не менее я почти уверен, что через месяц такая жизнь надоела бы мне до отвращения, – сказал он себе. – Нет, лучше расстаться с моей милой, пока любовь наша не утратила своей свежести, чтобы каждый из нас мог до конца жизни сохранить в душе поэтическое воспоминание. Я женюсь на Августе, Грация выйдет за одного из своих кузенов, а в воспоминание о нашей подавленной любви каждый из нас сохранит цветок или прядь волос».

Такие рассуждения были очень утешительны для светского человека, решившегося приобрести себе имя и состояние и жить жизнью, которая наиболее нравилась ему, но едва ли они были по сердцу девушке, которая отдала ему свою душу и которую он обрекал прозябать с фермером.

Дни проходили и недели близились к концу. Тетушка Ганна уведомила свое семейство, что Присцилла Спроутер и ребенок чувствуют себя как нельзя лучше и что она, мистрис Джемс, надеется возвратиться домой в понедельник утром и не опоздать к стирке.

Это известие было сигналом к отъезду Губерта Вальгрева. Он не желал подвергаться наблюдательным взглямам тетушки Ганны после последней недели, изменившей его отношения с Грацией. Сельская идиллия длилась, по его мнению, уже достаточно долго. Теперь представлялась возможность прервать ее сразу. И вместе с тем этот практический человек считал часы, оставшиеся до мрачного понедельника, и думал с ребяческим наслаждением о длинном воскресенье, о колокольном звоне, о золотых полях, о тихом старом саде, где пышные мальвы уже предупреждали о близости осени.

Грация проснулась с каким-то смешанным чувством радости и грусти в это воскресное утро. Еще длинный день с ним! Последний день; но пока он был еще впереди, она считала себя счастливою. В саду было светло и свежо, когда Губерт Вальгрев вышел к ней, а она была светлее и свежее самого утра. Они гуляли вместе до завтрака, потом вместе пошли в церковь и весь день провели, не расставаясь. Даже в этот день отдыха никто не прерывал их беспрерывного *tête-À-tête*. Джемс Редмайн разгонял сном следы непривычных развлечений последней недели, чтобы на следующее утро встретить жену с ясным лицом. Сыновья его провели большую часть дня, сидя на заборах и рассуждая с земледельцами и с прихожими мальчиками.

Счастливее этого воскресенья в тенистом саду среди пышных мальв и увядавших роз не было дня во всей молодой жизни Грации. Под вечер Губерт Вальгрев заметил перемену в ее лице. Руки ее дрожали, и тогда он взял одну из них, она была холодна, как лед.

— Что с вами, моя милая? — спросил он нежно.

— Ничего, но вы уезжаете завтра. Могу ли я быть счастлива?

— Но вы знали это с самого начала. Мы условились, что день возвращения вашей тетки будет днем моего отъезда. Разлука всегда была перед нами.

— Да, но я не знала, что она так ужасна, — отвечала она, горько заплакав.

Тяжело ему было смотреть на ее слезы, но человеку, решившемуся добиться успеха в жизни, приходится часто подавлять свои чувства. В эту минуту он отдал бы многое, чтоб иметь возможность прижать ее к сердцу и предложить ей быть его прекрасною молодою женой, — многое, но не все. Если б он трудился безропотно, если б ему нечего было жертвовать, он мог бы забыть разницу в положениях и слить свою судьбу с судбою любимой женщины. Но он трудился далеко не безуспешно, и его настояще положение было критическое. Он был многим обязан руке, которая помогла ему взойти на первые ступени лестницы и могла помочь ему идти дальше. Жениться на Грации значило отказаться от лучшего друга, иными словами обречь себя на погибель. Судья может жениться хоть на своей кухарке, но для молодого, добивающегося успеха, адвоката женитьба составляет важный шаг в жизни. Губерт Вальгрев не хотел рисковать своею карьерой. Он вступил на общественное поприще еще молодым человеком, только что окончившим курс в коллегии, и с твердым намерением составить себе имя. В жизни его были обстоятельства, вследствие которых это стремление было в нем сильнее, чем в других мужчинах. Он никогда ни на волос не отступал от принятого решения. Несчастная любовь к дочери фермера была первой ошибкой с его стороны.

Он утешал ее как умел, осушал ее слезы и заставил ее наконец улыбнуться ему, но не радостна была ее улыбка.

— Желала бы я знать, увидимся ли мы опять когда-нибудь, — сказала она грустно, и вслед за этими словами произнесла стихи Ромео и Джульетты, которые читала с ним вместе в саду:

Какая мысль зловещая во мне!
Мне кажется, когда тебя я вижу,
Прощаясь так с тобой, что ты в могиле.

— Милая моя, мы увидимся. Я приеду повидаться с вами когда-нибудь, когда вы будете, может быть, замужем.

– О, нет, нет, нет, – воскликнула она качая головой.

– О да, да, да, Грация. Наша любовь была только поэтический сон. Каждый из нас пойдет теперь своею дорогой и будет жить своею жизнью. Помните, что говорил Лонгфелло, которого вы так любите:

Жизнь реальна, жизнь серьезна.

И моя милая Грация будет когда-нибудь уважаемой женой и матерью. Таково назначение женщины. Я приеду повидаться с вами и застану вас центральною фигурой счастливого семейного кружка, И отец ваш возвратится к тому времени.

Ее лицо, озаренное луной, покрылось смертельною бледностью.

– Отец мой! – повторила она, содрогнувшись. – Я едва не забыла с вами отца моего.

Настало утро. В опаловой колеснице явилась розовая Аврора, а в почтовой телеге мистрис Джемс Редмайн. Последняя прибыла в Брайервуд около завтрака, столичного завтрака, следовательно, встав необычайно рано и сделав в это утро сорок миль, чтобы быть дома до начала стирки. Вся поэзия прохладного старого дома исчезла с ее появлением. Бывают люди, которые всюду вносят с собой будничную атмосферу, разговор которых не интереснее таблицы умножения, а наружность обещает так же мало нежных чувств, как обертка от счетной книги. К числу таких личностей принадлежала мистрис Джемс.

Она машинально поцеловала племянницу, окинула глазами углы комнаты, опасаясь, что чистота недостаточно строго соблюдалась во время ее отсутствия, и только уже успокоившись на этот счет, устремила пытливый взгляд на лицо племянницы и объявила, что Грация «страшна».

– Ты, вероятно, просиживала целые дни в комнатах вместо того чтобы гулять каждое утро, – сказала она.

– Напротив, тетушка, я очень много гуляла, – отвечала Грация.

– Очень много? А наволочки? Кончила их?

– Почти кончила.

– Почти! Ты никогда не доделываешь до конца никакого дела. Вот что значит пансионское воспитание! У меня терпения не хватает смотреть на такие надувательства.

– Хорош ребенок, тетушка? – спросила Грация, надеясь дать разговору миролюбивый оборот.

– У него корь, – отвечала мистрис Джемс резко.

– Я никогда не видела такой сильной сыпи.

– Но он, надеюсь, скоро поправится, тетушка?

– О, он поправится очень скоро, но не приведи Бор, иметь дело с такими лентяйками, как эти месячные няньки. Если бы можно было воспитывать детей первый месяц посредством машин, это было бы большим облегчением для семейств. Что мистер Вальгри?

– Он здоров, тетушка. Дядя Джемс, вероятно, писал вам, что он уезжает.

– Да, писал что-то такое, но я ничего не разобрала. Твой дядя плохой писака. Когда же он уезжает?

– Сегодня, – вымолвила Грация, вынув из рабочей корзинки одну из злополучных наволок и разглядывая дыру.

– Сегодня! – воскликнула тетка. – Что-то уж слишком скоро. Впрочем, он платил аккуратно и может уехать когда ему угодно. Трудно найти другого такого спокойного жильца. И он доставил нам немало выгоды. Я положу от десяти до пятнадцати фунтов в сберегательный банк на имя твоего отца из денег, которые мы получили с него.

Мистрис Джемс сняла шляпу, умылась в кухне самым жестким желтым мылом, не заботясь, полезно ли оно для ее кожи, надела чистый чепчик и пошла засвидетельствовать свое почтение уезжающему жильцу. Его чемодан и мешок были вынесены в старомодную низкую прихожую, у дверей ждала кингсбериjsкая почтовая карета. Грация стояла у окна, бледная

как призрак. Отыщет ли он ее, чтобы проститься с ней? Или уедет, не сказав ни слова? Глаза света теперь видят его, доведет ли он хладнокровно свою жестокую роль до конца, не заботясь об ее страдании?

В прихожей послышался ее голос. Она начала слушать, как будто каждое слово было вдохновенным.

— Очень жаль, что приходится расстаться с вами, мистрис Редмайн, — сказал он своим ленивым тоном. — Я не ожидал, что сельская жизнь мне так понравится. Тысячу раз благодарю вас за ваше внимание. Ничто кроме крайней необходимости, не могло бы заставить меня расстаться с вами. Надеюсь, что вы позволите мне приехать к вам опять когда-нибудь.

— Мы всегда будем рады видеть вас, мистер Вальгри, — отвечала мистрис Джемс своим самым любезным тоном. — Трудно найти жильца, который доставил бы так мало беспокойства, как вы.

Мистер Вальгрев слабо улыбнулся. Одно бедное молодое сердце было сильно обеспокоено его посещением. Он был человек практический, но не железный и его мучило сознание, что он принес зло этому дому.

Почтовая карета стояла у дверей, чемодан и мешок были уже укреплены на крышке, и нельзя было терять времени, чтобы не опоздать на поезд. Но мистер Вальгрев медлил и беспокойно смотрел по сторонам.

— Не проститься ли мне с вашею племянницей, мистрис Редмайн? — сказал он наконец.

— Вы очень внимательны, сэр. Грация действительно сочла бы себя обиженною, если бы вы уехали, не простившись с ней. Она у нас воспитывалась в пансионе и полна причуд. Да где же она? Грация!

При этом резком возгласе дверь гостиной быстро растворилась, и на пороге показалась Грация, бледная как полотно и едва способная стоять на ногах. К счастью для нее, внимание мистрис Джемс было отвлечено ее сыном и наследником, который в эту минуту разбил окно кареты, укладывая удочки жильца.

Долгое время образ Грации Редмайн, как он видел ее в ту минуту, преследовал Губерта Вальгрева. Бледное лицо, взгляд полный отчаяния и что-то дикое в глазах. Ее образ во многих видах преследовал его всю жизнь, но ужаснее всего было для него воспоминание об этом взгляде, об этой безмолвной мольбе.

Он подошел к ней и взял ее руку.

— Я не мог уехать, не простившись с вами, Грация, — сказал он. — Я говорил вашей тетушке, как счастлив я был здесь и что я намерен приехать опять когда-нибудь.

Он подождал, надеясь, что она скажет что-нибудь, Но она не сказала ничего, только губы ее слегка задрожали.

— Прощайте, — повторил он и прибавил, понизив голос: — Прощайте и да благословит вас Бог, моя милая.

Он быстро отвернулся, пожал руку мистрис Редмайн, потом старшему из ее сыновей и дал ему пару соверенов на удочки. Служанка получила уже вознаграждение и улыбалась благодарюю улыбкой на заднем плане. Еще через минуту кучер щелкнул кнутом, колеса застучали, и Губерт Вальгрев уехал.

— На целый час опоздали со стиркой, — сказала мистрис Джемс. — К счастию, все уже намылено, и погода хорошая для сушки. Это большое счастье.

Грация ушла в свою комнату, с трудом поднявшись по старой знакомой лестнице, не видя ничего от слез, застилавших ее глаза. О, утомленные члены! О, растерзанное сердце!.. Неужели ей не видать более счаствия в этом мире?

Глава X

Мистер Вальгрев доволен собою

Экстренный десятичасовой поезд доставил мистера Вальгрева менее чем в час в Лондон. Ландшафты живописного Кента бежали мимо окна, теряя постепенно свою прелест сельского спокойствия. Все чаще и чаще попадались виллы, то белые во вкусе итальянских сельских построек, то красные, кирпичные в строго-готическом стиле. Дубы заменились лавровыми деревьями, многовековые буки только что насаженными тощими кустами. При каждом доме имелись оранжереи, цветники, были покрыты распустившееся геранью и кальцеоларией. На всем лежал однообразный отпечаток английского довольства. Далее чистое, красивое предместье перешло в многолюдную южную окраину великого города. В воздухе запахло мылом, салом, новыми сапогами, справа несло из Дентфорта веревками и смолой, слева болотными испарениями Бермондсея. Далее шум и треск, крик и свист, остановка или две, очевидно, неумышленные и, увы, мистер Вальгрев прибыл на станцию Лондонского моста, и ему уже начало казаться, что жизнь, которую он жил несколько последних недель, была только прекрасным сном, от которого он пробудился теперь к безотрадной действительности.

Он кликнул извозчика, добыл сам свой багаж и поехал по мрачным, грязным улицам. Несмотря на летнее время Сити был шумен и многолюден, полон жизни и движения. Но что это была за жизнь после золотистых полей, испещренных цветами лугов и чудной песни жаворонка в небесной вышине?

«О, как хорошо быть сельским сквайром с двадцатью тысячами годового дохода! – думал он, – и жить как угодно, жениться на Грации Редмайн, проводить время, объезжая беззаботно свое поместье или лежа растянувшись на траве и положив голову на колени жены, пользоваться известностью, которую может дать доброе старое имя и порядочное состояние и не иметь надобности достигать известной цели и ждать медленно созревающего кислого плода общественного успеха, плода кислого для того, кому он не дается, безвкусного для того, кто получает его слишком поздно! Но приходится бороться неутомимо и жертвовать всем в надежде получить его».

Карета подвезла его к одним из ворот Темпля. Тут он жил вопреки моде, занимая несколько красивых комнат в первом этаже. Он знал, какое важное значение имеет внешняя обстановка и что она в некотором роде есть выражение умственного достоинства человека. В его квартире не было ни *bric-à-brac*¹, ни пунцовых бархатных портьер, встречающихся чаще в легкой литературе, чем в действительности. Комнаты были большие и высокие со старинными каминами, с глубокими окнами, с хорошо сохранившимися панелями. Мебель была прочная и опрятная, немного старомодная и потому вполне гармонировавшая с комнатами. Со всех сторон были книги, в приличных, но прочных переплетах, как и следует быть книгам джентльмена и юриста и очень аккуратно расставленные на старинных полках черного дерева. В главной комнате стояли два или три кресла, обитые рыжеватым сафьяном, письменный стол с бесчисленными лампами и отделениями, две красивые бронзовые лампы, а над высоким камином висела картина, единственная картина во всей квартире Губерта Вальгрева.

То был портрет женщины красоты почти безукоризненной, с лицом открытым, пикантным, обворожительным, с глазами газели, сверкающими веселым смехом. Костюм, которому художник придал несколько фантастический характер, был, очевидно, старомодный, какой

¹ фр. – коллекция непрактичных предметов для украшения дома, собрание курьезов, не имеющих ценности, пустяки, хлам. Выражение употреблялось в викторианскую эпоху.

носили лет сорок или тридцать тому назад. В художественном отношении портрет был образцовым произведением, Рейнольдс или Ромни могли бы гордиться им.

Мистера Вальгрева встретил его слуга, человек средних лет и почтенной наружности. Он был и буфетчик, и лакей, жил в небольшом чулане возле кухни, находившейся в связи с квартирой, и с помощью прачки, приходившей рано утром убирать комнаты, вел хозяйство мистера Вальгрева. Он был примерный и опытный слуга, исполнял безукоризненно должность камердинера и мог, в случае надобности, изжарить котлету и сварить овощи, и в значительной степени содействовал комфорту мистера Вальгрева. Фамилия его была Кюпнедж, а христианское имя Авраам, данное ему не потому, чтобы в крови его была еврейская примесь, но для удовлетворения библейских вкусов его матери, о которой он до сих пор говорил с гордостью как о беспримерной прачке и истинной христианке.

— Есть письма, Кюпнедж? — спросил мистер Вэльгрев, развалившись на своем любимом кресле и рассеянно оглядывая комнату.

Комната эта, выходившая окнами на запад, на реку, видом которой Лондон имеет полное право гордиться, была очень хороша и удобна, и носила отпечаток индивидуальности человека, жившего в ней. Его книги, его бумаги, его трубы, все, что украшало его жизнь, было здесь. В этой комнате он работал семь последних лет, почти с тех самых пор, как начал добывать деньги своею профессией. Все это время постепенно наполнялись книжные полки, каждый том был выбран и поставлен им самим и соответствовал его вкусам.

Он начал мириться с переменой с отъездом из прохладного старого дома, с отсутствием цветов, благоухавших там над каждым окном. Лондон был скучен и грязен, но тут было то, что он любил, — книги и полное спокойствие.

«Я кажется, создан так, чтобы жить старым холостяком», — сказал он себе. «Эту квартиру я не променял бы на дворец, если бы только... если бы только мог переселиться в него с Грацией Редмайн. Странно, что эта девушка, дочь фермера, воспитанная в провинциальной школе, произвела на меня больше впечатления, чем все женщины, которых я знал, и кажется мне умнее всех умниц, которых я встречал в обществе. Я, кажется, не способен прельститься одною только красотой, хотя нисколько не умаляю ее значения. Если бы в этой девушке не было ничего привлекательного, кроме красоты, я не мог бы любить ее так сильно, как я любил ее».

«Любил ее». Мистер Вальгрев говорил о любви своей в прошедшем времени и старался думать о ней как о деле минувшем. Он начал медленно ходить взад и вперед по комнате, по временам останавливаясь у одного из трех окон и устремляя задумчивый взгляд на реку с ее дымящимися пароходами, медленными барками, нагруженными углем и кое-где раззывающимися грязными флагами, и думая о Грации Редмайн. Что она делает теперь? Бродит по саду, одна и очень грустная.

«Я никогда не забуду ее последнего взгляда», — сказал он себе. «Сердце сжимается лишь только вспомнишь его. Будь у меня поменьше силы воли, я взял бы мешок и уехал бы назад, в Брайервуд, с послеполуденным поездом. Воображаю, как прояснилось бы при моем появлении ее милое лицо».

Письма ждали его. Кюпнедж разложил их симметрично на его письменном столе, направо от обитой саф-сафьяном доски, на которой он имел обыкновение писать. Он перестал ходить и решил заняться письмами, как спасительным средством от размышлений, принимавших опасный оборот.

Одно из писем, толстый конверт с кенгингтонскою маркой, адресованный крупным, четким почерком, который мог быть и мужским и женским, привело его в изумление. Почерк был хорошо знаком ему. Он удивился, но не радостным удивлением, а поспешно разорвал конверт, не щадив красивой облатки с готическим вензелем.

Письмо было не длинно:

«Акрополис-сквер, 19-го августа.

Дорогой Губерт, — вы будете удивлены, получив мое письмо с вышеупомянутым адресом. Папа внезапно получил отвращение к Эмсу и предпочел провести остаток осени в Англии. И вот мы здесь и размышляем, ехать ли нам на какие-нибудь спокойные воды или сделать несколько визитов знакомым. Папа уступил перед отъездом нашу виллу мистрисс Фильмер, и теперь мы, конечно, не можем отказать ей. Степлетоны зовут нас в Гайли, а Бересфорты просили нас уже несколько лет посетить Аблеконское аббатство, старое поместье в Вельсе. Но вопрос, кажется, разрешили тем, что мы поедем в Истборн или в Богнор.

Надеюсь, что вы поправляйтесь. Если вам случится быть в городе, — вы, вероятно, приезжаете иногда по делам, — до следующего четверга, мы будем очень рады видеть вас. Но я не хочу нарушать предписанного вам спокойствия. В Эмсе было скучно faire remis². Полдюжины эксцентричных нарядов, столько же дам, обращавших на себя внимание, русская княгиня, но все прочие скучнейшие больные, так что даже Кенсингтонский сад в августе разнообразнее. Всегда ваша

Августа Гаркросс Валлори».

Мистер Вальгрев задумчиво свернул письмо и улыбнулся горько улыбкой.

«Холодно, — сказал он. — Вполне джентльменское послание. Желал бы я знать, какое письмо написала бы мне Грация Редмайн, если бы мы были помолвлены и не видались недель семь или восемь. Какой кипучий ноток нежности вылился бы из этого любящего молодого сердца! Августа Гаркросс Валлори, — сказал он, глядя задумчиво на подпись. — Каким твердым, красивым почерком пишет она, и должно быть, крупным пером и с изобилием чернил. Она способна также твердо подписать смертный приговор. Удивляюсь, почему она не подписывается Гаркросс и Валлори. Так было бы натуральнее. Имя не дурно для баронского титула, не хуже Стамфорда или Варингтона. Ее муж может со временем сделаться пером с таким именем».

При этом предложении, сделанном с горечью, п-рэд умственным взором мистера Вальгрева мелькнула в далеком будущем горностаевая шляпа с шестью жемчужинами.

«В палате лордов заседали люди, начавшие с меньшими шансами на успех, чем я, — думал он. — С состоянием Августы Валлори можно купить что угодно в „коммерческой Англии“. Одно за другим исчезают старые имена из парламента, а из десяти новых восемь выбраны за обладание населенным поместьем или большим капиталом в банке. Когда же деньги соединены с профессиональной славой, это еще легче. Но странно будет, если я буду избран в палату лордов, а сэр Френсис Клеведон в палату общин».

Он взглянул на свои часы. Было три часа, а он еще ровно ничего не сделал, даже не ответил на три или четыре письма, требовавшее ответа. Он взял пачку бумаги, быстро настрочил несколько записок, оставил письмо мисс Валлори без ответа и закурил сигару, Кюпнедж вышел спросить, дома ли он будет обедать.

— Нет, через час приготовьте мне платье. Я не буду обедать дома и уйду рано.

Небольшая бессодержательная записка Августы Валлори развлекла его, дала новое направление его мыслям. Он не чувствовал более уныния. Напротив, он был доволен собой и светом, почти гордился своим поведением в последнем круизе своей жизни, готов был восхвалять себя за великодушие, благородство и благоразумие. Он забыл, что великодушие и благородство не всегда согласуются с благоразумием.

² faire remis (*фр.*) — здесь: расслабиться.

Глава XI

Мистер Вальгрев исполняет обязанность

Кто не знает Акрополис-сквера и местности, к которой он примыкает, — местности, среди которой недавно возник Альберт-Голль, но где во время нашего рассказа еще не было Альберт-Голля, а было только блестящее здание оранжереи Земледельческого Общества среди обширной поляны, на которой помещалась выставка 1862 года. Акрополис-сквер есть квадрат, образуемый великолепными домами, окна которых выходят на геометрически спланированный сад, где небольшие отряды юной аристократии, еще не «выезжающей», играют в крокет в солнечное июньское утро или росистые сумерки, когда мать и старшие дочери отправляются в ярко освещенные залы, а гувернантки освобождаются от своих обязанностей.

В разгар лондонского сезона, когда у дверей ждут кареты, когда балконы украшены маркизами и множеством цветов, когда хорошенъкие девушки катаются кавалькадами по улицам и сама атмосфера проникнута оживлением и весельем, Акрополис-сквер очень приятное место. Но и в своем лучшем виде он обладает всеми недостатками нового Лондона. Каждый дом есть подобие соседнего. Вы не найдете тут индивидуальности в архитектуре, составляющей прелесть старинных скверов, ничего подобного портикам, ни малейшего разнообразия в длинных рядах окон, а густой, мягкий цвет красного кирпича, гармонирующий как нельзя более с серым фоном английского неба, заменяется тут сумрачною темно-коричневою штукатуркой.

«Город Вавилон, в дни своего падения, был не страшнее Акрополис-сквера в конце августа», — думал Губерт Вальгрев, когда его извозчикий кабриолет повернулся с нестерпимым стуком в величественный квадрат коричневых дворцов, сумрачный фон которых не оживлялся теперь пестрыми маркизами и цветами, а на спаленном солнцем лужайке сада не слышалось ударов биты о мяч.

Дом мистера Валлори был одним из самых великолепных в этом сквере и отличался характером респектабельности, прочности и величия, свидетельствовавших о богатстве его владельца. Занавесы столовой были цвета самого темного и густого кларета и из такой тяжелой шелковой материи, что складки их казались вытесанными из камня. Ставни столовой были темные дубовые, окованные по краям тончайшими полосками золота. Даже драпри на окнах гостиной были из тяжелой темно-зеленою материи, а единственное украшение, видневшееся снаружи, были бронзовые статуэтки и пунцовые вазы восточного фарфора. Кисея, ленты, круизева, розовые подкладки, радовавшие зрение в других домах, не имели здесь места.

В швейцарской, украшенной черным мраморным камином, и бронзовую лампой, и имевшей вид погребальной гробницы, мистера Вальгрева встретил швейцар в темно-шоколадной ливрее и с напудренной головой. Окинув высокомерным взглядом уезжавший кабриолет (извозчики экипажи редко останавливались у дверей мистера Валлори), швейцар повел мистера Вальгрева в гостиную.

— Дома мисс Валлори?

— Дома, сударь. Мисс Валлори возвратилась полчаса тому назад с верховой прогулки.

В гостиной они не нашли никого, и слуга пошел отыскивать горничную мисс Валлори, чтобы сказать ей о посетителе, ожидающем ее госпожу, и прошло не менее десяти минут, прежде чем последняя узнала о приезде мистера Вальгрева. Гостиная, в которой он ждал, была очень большая комната, наполненная великолепною мебелью и сообщавшаяся через большую арку? комнатою меньшей величины, покрытою ковром, в центре которого стоял большой рояль. Все находившееся в этих двух комнатах было самое солидное и самое дорогое в своем роде. Этажерки из черного дерева, украшенные гроздьями плодов из сердолика и агата; Геркулес с вепрем на античной стойке; толстые портфели с гравюрами Альберта, Дюрера,

Рембрандта и Гогарта, на двух резных дубовых стойках; на стенах несколько картин, небольших и новых, признанных лучшими на последних академических выставках; белая мраморная группа в центре большого оттомана, обитого зеленым шелком. Но чайные сервизы, дрезденские *bejeuners*, китайские пастушки, фотографические альбомы и тому подобные ценные безделушки, с помощью которых ожидающий посетитель мог бы сократить четверть часа праздного времени, не имели здесь места, и когда мистер Вальгрев осмотрел картины, ему осталось только ходить по ковру, рассматривая его узор и всевозможные оттенки зеленого цвета, или смотреть в окно на коричневые дома противоположной стороны сквера.

Он ходил по ковру, задумчиво осматривая комнату. Она не казалась ему прежде такой большой, как теперь, после брайервудской гостиной, с ее низким потолком, тяжелою резьбой, темными панелями и скромной мебелью. Он мог надеяться прожить всю жизнь в таких роскошных комнатах и пользоваться почетом, какой дает подобная обстановка, но без Грации Редмайн. Перспектива его будущности со всеми преимуществами богатства и влияния, которые должна была дать ему женитьба, всегда нравилась ему. Картина любви в хижине не имела для него ничего привлекательного. Но теперь, вопреки его воле, свою равная фантазия рисовала ему картины жизни с Грацией, в какой-нибудь красивой загородной вилле, — жизни трудовой и тяжелой с неопределенными препятствиями к успеху, но с любимою женщиной и с семейным счастьем.

«Я и теперь уже имею некоторое положение в свете, сказал он себе, и доход мой вовсе не ничтожен. Но тем не менее, что мог бы я сделать, имея против себя старого Валлори? Он может смять меня, как лоскут ненужной бумаги. Нанести ему такое смертельное оскорблечение значит обречь себя на верную гибель. Что осталось бы мне тогда? Тащиться в задних рядах людей моей профессии и жить на триста фунтов в год. О доме в Майферте, о даче между Земляничным холмом и Чертей, о клубе, этом необходимом приюте для каждого мужчины, об Итоне для моих сыновей, о гувернантке из Ганновера для моих дочерей, о яхте, о конюшне, об общественном положении тогда нечего было бы и думать. Милое лицо Грации, прежде временно стареющееся от мелочных забот, толпа детей в тесной квартире, обеды, приготовленные единственной служанкой, на каждом камине вызовы за незаплаченные налоги в пользу бедных, — кому неизвестны все подробности этой печальной картины. Нет! Если бы я был расположен жертвовать собою, — а я к этому нисколько не расположен, — жестоко было бы обречь на такую жизнь Грацию».

Весы колебались беспрерывно, но перевес всегда оказывается на стороне светского успеха, то есть денег, известности и почета.

«Некоторые люди могут смотреть на жизнь легко, даже губить себя, если это им нравится, думал он. Это люди, начинающие свое поприще с высоты, им нелегко спуститься вниз. Я начал снизу и должен во что бы то ни стало подняться наверх. Эссекс мог пренебрегать шансами, которые были крайне важны для Ралейфа, однако оба, и пренебрегавший и дороживший, кончили одним и тем же».

Размышления эти были внезапно прерваны дверью, отворившейся с резонансом двери в соборе, и шелестом шелкового платья, возвестившим о приближении мисс Валлори.

Августа Валлори, единственная дочь Вильяма Валлори, ходатая по делам и члена фирмы Гаркросс и Валлори, была не такая девушка, чтобы к ней отнеслись слегка и описать ее одною или двумя фразами.

Она была красавица: рост выше обычного роста женщин, покатые плечи, гибкая талия, тонкая, грациозная шея, увенчанная головой почти классической формы. О лице ее едва ли могло быть два мнения: брюнетка, глаза темные, холодные и блестящие, волосы черные, как только могут быть черны английские волосы, цвет лица неизменно бледно-молочный с розовым румянцем и до такой степени безукоризненный, что если б у мисс Валлори были

враги женского пола, они заподозрили бы ее в употреблении *vinagre de rouge Blanc rosati*³, изящный, прямой нос, красиво очерченный подбородок и блестящие белые зубы. Только лоб был немного узок и низок, и глаза, несмотря на совершенство ресниц и бровей, имели какой-то металлический блеск.

Одета она была великолепно. Заниматься своим туалетом было главным делом в жизни для мисс Валлори. Ей никогда не приходилось серьезно заботиться о чем-нибудь другом, а одеваться было и делом и забавой. Быть поразительной, оригинальной, непохожею на других было ее главным стремлением. Она не носила ни голубого, ни розового, но с помощью французской модистки придумывала эффектные комбинации темных цветов оранжевых и редких оттенков серого с яркими цветами и с дорогими кружевами, которым могла бы позавидовать любая вдовствующая герцогиня. Мисс Валлори не находила причины, почему только замужние женщины пользуются привилегией носить тяжелые платья. Шелк и дорогие кружева шли более к ее красоте, чем газ и кисея *d'une demoiselle à marier*⁴.

В этот день на ней было платье темно-оранжевого цвета с длинным шлейфом, с высоким воротом, без малейшей отделки на талии и рукавах, но с широким пунцовыми поясом, завязанным пышным узлом позади ее стройной талии. Узкие рукава и узкий воротничок шли к ней как нельзя более. Не совсем хороший цвет лица казался бы еще хуже от цвета платья, каждый недостаток в сложении был бы вдвое заметен при таком фасоне. Мисс Валлори одевалась с полным сознанием своей красоты, как бы говоря: «подражайте мне, если смеете».

Жених и невеста пожали друг другу руки и поцеловались каким-то формальным поцелуем.

– Да как же вы поправились, Губерт! – сказала мисс Валлори. – Я ожидала увидеть вас все еще больным.

– Всему есть конец, моя милая Августа. Я ездил в деревню для окончания лечения и теперь могу, кажется, сказать, что я вылечился.

Тон его при последних словах сделался торжественным. Он думал о более опасной болезни, чем та, от которой лечили его лондонские доктора, и сомневался, действительно ли он стоит на пути к излечению.

– Лишнее говорить вам, какой у вас цветущий вид, – продолжал он весело. – Это ваше нормальное состояние.

– В Эмсе было ужасно скучно, – воскликнула мисс Валлори. – Я так рада, что мы уехали оттуда. Как понравилась вам ваша ферма? Воображаю, как вам было тяжело там.

– Да, в последнее время стало действительно тяжело.

– Так сначала было хорошо? – спросила мисс Валлори, слегка подняв свои безукоризненные брови.

Она была не из сентиментальных, но ей приятнее было бы услышать, что ему было скучно без нее.

– Да, с неделю или около того мне там нравилось. Место старое и живописное, окрестности великолепные, множество рыбы, и главное там была щука, которую мне очень хотелось поймать. Я съезжу туда в будущем году и непременно поймаю эту щуку.

– Я никогда не могла понять, что люди находят интересного в рыбной ловле?

– Я давно тщетно стараюсь понять, о чем женщина может говорить со своею модисткой полтора часа сряду, – отвечал мистер Вальгрев холодно.

Мисс Валлори улыбнулась спокойной улыбкой.

³ фр. – винный уксус из розового вина. Употреблялся для отбеливания кожи.

⁴ фр. – как у барышни на выданье.

— Воображаю, как вы соскучились, когда я заставила вас ждать у madame Bouffante, — сказала она. — Есть вещи, которые нельзя решить поспешно, а Bouffante слишком занята или слишком важничает, чтобы приехать ко мне.

— Женские наряды это какая-то непостижимая загадка. Вот это платье на вас, например, сшито, по-видимому, так просто, что вы могли сшить его сами.

— Конечно, если бы я учила шить платья. К сожалению, папа не включил этого искусства в программу моего воспитания. Это платье madame Bouffante кроила сама. Фасон шлейфа совершенно новый, введенный в первый раз французскою императрицей только три недели тому назад.

— Боже! А я не заметил ничего нового, когда вы вошли в комнату. Какой же я невежда. Но знаете ли, что я видел, когда был мальчиком, женщин, которые сами шили себе платья?

— Вы не могли этого избегнуть, мой милый Губерт, если жили среди оригинальных людей.

Он вспомнил Грацию Редмайн, которая однажды шила при нем под кедром голубое кисейное платье, в котором она была на следующее утро в церкви и казалась ему прекрасней лесной нимфы. Мисс Валлори была много красивее Грации, даже без преимуществ своих нарядов, много красивее, но не так привлекательна.

— Я хотел спросить, можно ли мне остаться обедать? — сказал мистер Вальгрев, усевшись спокойно на зеленом оттомане, рядом с мисс Валлори. — Я, как видите, в официальном костюме.

— Папа будет очень рад. Мы никому не объявляли, что мы в городе, да и объявлять-то, кажется, некому: во всем Лондоне в настоящее время нет знакомого нам человека. Вы оживите папа.

— А дочку папа?

— О, конечно! Вы знаете, что я всегда рада видеть вас. Если вы будете так добры, что позовите мне не переодеваться к обеду, мы посидим здесь и поболтаем.

— Я намерен удивить мир своею добротой. Но неужели при настоящих обстоятельствах, не имея никакого знакомых в городе, вы действительно надели бы что-нибудь великолепнее этого оранжевого платья?

— Я одеваюсь для папа, и потому, может быть, что это вошло у меня в привычку.

— Если бы женщины избрали себе как мужчины какой-нибудь официальный костюм, например, черное шелковое платье и белый кисейный пояс, во сколько раз менее зависти и злобы было бы тогда в мире!

— Я решительно не понимаю, что вы хотите сказать, Губерт. Вообразите женщин одетыми в обществе, как торговки в мелочных лавочках.

— Вот это-то и есть главное возражение. Мужчины однако же не стыдятся одеваться одинаково с буфетчиками. Впрочем, вы так хороши в этом костюме, что глупо было бы желать видеть вас одетою иначе. Скажите мне теперь ваши новости. Я хочу знать, как вы проводили время, пока мы не виделись.

Это было ловким средством скрыть факт, что самому ему нечего было сказать ей. Будущая жена его была красива, хорошо воспитана. Умела хорошо держаться в обществе, но встретясь с ней после восьми месяцев разлуки, он не имел ничего сказать ей. Он мог только откинуться на спинку оттомана и смотреть на нее холодным критикующим взглядом. Выло время, когда он считал себя влюбленным в нее. Без искреннего чувства с его стороны, ему не удалось бы овладеть таким дорогим призом, но каково бы ни было это чувство вначале, теперь от него не осталось и следа. Глядя на нее в этот день, он решил, что она одна из красивейших женщин в Лондоне, но что для него она не более как красивая статуя. Он видел на картинах лица, в которых было более жизни и чувства, чем способно было выразить ее лицо. Сердце его было когда-то искренне расположено к ней, но она не умела удержать его. Что дала она ему кроме сухого согласия сделаться его женой, когда его успех в свете и общественное положение

удовлетворят ее отца? Видел ли он от нее когда-нибудь слезу или любящий взгляд, или нежное прикосновение рукой, что доказало бы ему, что он ей ближе и дороже других ее знакомых? Разве он не знал, что для нее весь мир начинается и кончается Августой Валлори, что только то имеет для нее какое-нибудь значение, что касается ее особы? Однажды, когда она пела песню Теннисона «И к ней принесли ее мертвого воина», он наклонился над роялем и сказал ей:

– Если бы вы были на месте этой женщины, Августа, каким скучным делом показались бы вам похороны!

– Похороны ужасны, – отвечала она содрогнувшись.

– И вы не пожалели бы, если бы вашего воина оставили там, где он пал? Если со мною когда-нибудь случится несчастье на охоте, у меня будет заранее сделано распоряжение, чтобы меня снесли в ближайшую погребальную часовню и оставили там.

Глава XII Гаркросс и Валлори

Вильям Валлори, глава фирмы Гаркросс и Валлори, был одним из известнейших адвокатов в Лондоне. Фирма существовала уже более ста лет, и самое ее имя означало все, что только может быть солиднейшего и дорогого в адвокатуре. Главные клерки у Валлори – имя Гаркросс было уже только фикцией, ибо последний Гаркросс покоился вечным сном на лаврах богатства и известности в великолепном мавзолее в Кенсильгрине, – главные клерки у Валлори были известные адвокаты и получали жалованья более, чем могли бы заработать, практикуя самостоятельно. Дом, в котором помещалась фирма, имел торжественный вид банка со своими внутренними и наружными конторами, с длинными коридорами, с великолепною комнатой мистера Вильяма Валлори, с комнатой мистера Уестона Валлори, с комнатой мистера Смита, с комнатой мистера Джокса, с комнатой мистера Томпсона. Мистер Уестон Валлори занимался гражданскими делами и имел еще наружную приемную, всегда наполненную тревожными клиентами. Экономия труда заметна была во всех установлениях. В швейцарской висела доска черного дерева, с именами членов фирмы и главных клерков, и против каждого имени висели ярлыки с роковыми словами «дома» или «нет дома». Внутренность здания была снабжена множеством гуттаперчевых слуховых труб, и самые секретные известия могли быть передаваемы шепотом из одной стороны дома в другую. Смиреннейшие клиенты не ходили далее мистера Томпсона, а глава фирмы был также недоступен для простых смертных, как японский микадо.

В коммерческом суде не было силы могущественнее фирмы Гаркросс и Валлори. Поверенные преклонялись перед Вильямом Валлори, и сами судьи уступали его олимпийскому могуществу. Банкрот, на полмиллиона или около того, – фирма не брала мелких дел, – поручавший себя Гаркросу и Валлори, заботливо проводился по темным и тернистым путям судопроизводства и возвращался миру с репутацией чистою, как только что выпавший снег. В руках Гаркросса и Валлори кредитор становился ответчиком, полкроны из фунта от них значило более чем полфунта со стороны не столь значительной фирмы. Их собственная типография работала бесперебойно, печатая прошения и ответы. Их благосклонный взгляд был лучком солнечного света для молодых адвокатов, и даже королевские судьи преклонялись перед ними. Они не позволяли своему клиенту сделать шага без их совета, и вследствие всего этого были дороги, знамениты и уважаемы. Иметь Гаркроса и Валлори фамильными поверенными было само по себе отличием.

Вильям Валлори, оставшийся теперь единственным представителем фирмы, считался очень богатым человеком. Уестон Валлори, его племянник, был младший партнер, получивший не более седьмой доли доходов. Это был человек лет тридцати, неженатый, живший в прекрасной вилле в Норвуде, ездавший на прекрасной лошади и окруженный атмосферой респектабельности.

Степан Гаркросс, крестный отец Августы Валлори, умер богатым старым холостяком и оставил большую часть своего состояния, заключавшегося в фондах и акциях, своей крестнице. Со своими кровными родственниками он жил не в ладу, а крестницу любил за ее красоту и другие качества, и мисс Валлори, единственная наследница громадного состояния своего отца, сделалась обладательницей трех тысяч фунтов годового дохода. Что оставит ей отец, было еще открытым вопросом. Он проживал пять тысяч фунтов в год, а получал, как говорили, не менее восьми.

Для Губерта Вальгрева, получавшего кроме того, что удавалось заработать своею профессией только триста фунтов в год, было, конечно, необычайною милостью судьбы сделаться женихом мисс Валлори. Случилось же это очень просто. Отец ее сделал его своим сотрудником

года три или четыре тому назад, был доволен им и приглашал его довольно часто в Акрополис-сквер и на дачу в Райд, где проводил с дочерью часть осени, но ему и в голову не приходило, что такое знакомство может повести к чему-нибудь серьезному. Само собой разумеется, что он не такого жениха прочил своей дочери. Он не спешил расстаться с ней, даже предпочел бы, чтоб она не выходила замуж, пока он жив. Но дочь его была красавица и богатая наследница, и он решил, что она выйдет замуж непременно и был уверен, что она составит блестящую партию. Ему уже мерещился титул. Приятно было бы прочесть имя своей дочери в числе имен пэров, прежде чем умереть. Но все эти мечты разрушились, когда мисс Валлори однажды объявила ему, что мистер Вальгрев накануне вечером сделал ей предложение и что она намерена, с позволения отца, выйти за него замуж, что против воли отца она этого не сделает, но и за кого-нибудь другого никогда не выйдет.

Вильям Валлори был поражен. Он ничего не подозревал, ничего не замечал. Сближение молодых людей началось с нескольких случайных встреч на лондонских цветочных выставках. Губерт Вальгрев был чаще других приглашаем на обеды в Акрополис-сквер; в числе его знакомых было много знакомых мисс Валлори, у которых он часто встречался с ней в течение лондонского сезона. Затем последовало осеннее приглашение на дачу мистера Валлори в Райде. Там начались долгие прогулки по набережной, прогулки при свете луны, прогулка на яхте — самое увлекательное из всех удовольствий, и Августа Валлори, никогда не страдавшая морскою болезнью, была особенно хороша в своем морском костюме, сшитом лучшею французской модисткой.

И в одно прекрасное августовское утро, на борту «Ариона», яхты мистера Валлори, Губерт Вальгрев сказал себе, что он влюблен в Августу. Она сидела против него, делая вид, что читает роман, одетая в голубое и белое, с мягким кашемировым шарфом на стройной талии и в соломенной шляпке с пучком белых и голубых перьев, спускавшихся на ее густые черные косы.

«А почему бы мне не жениться на ней? — спросил он себя. — Это кажется несбыточным, но я, по-видимому, нравлюсь ей, и за кого-нибудь должна же она выйти замуж. Ее состояние было бы большим подспорьем для меня, и сама она такая женщина, которая способна помочь мужу добиться хорошего положения в свете, если бы даже у нее не было ни гроша. Она единственная женщина, которая мне нравится и, кажется, единственная, которой я могу нравиться».

В этот период своей жизни Губерт Вальгрев не имел никаких экзальтированных понятий о чувстве, играющем главную роль в жизни одних и никакой в жизни других. Он намерен был жениться не иначе, как чтобы женитьба принесла ему несомненные материальные выгоды. Если он женится, то женится на деньгах. Его доход, удовлетворивший все его потребности, был бы до смешного мал, если бы пришлось содержать на него жену и детей. Намерения его на этот счет были самые определенные, но он никогда не был искателем богатых наследниц. Ни за какие блага в мире не женился бы он на женщине безобразной или глупой или почему бы то ни было непривлекательной. Он не заискивал перед мисс Валлори. Судьба сблизила их, он только воспользовался своими шансами. Из всех мужчин, которых она знала, он обращался с ней всех небрежнее, менее всех преклонялся пред ее красотой и богатством. Может быть, это-то и было причиной, что она влюбилась в него, насколько это было в ее характере.

И в один лунный вечер на лужайке в Райде, мистер Вальгрев сделал предложение спокойным, благородным, вполне джентльменским тоном.

— Я, конечно, понимаю, моя милая Августа, — сказал он в заключение, — что я вовсе не подходящая партия для вас и что мне следует сделать гораздо более, чем я сделал до сих пор для приобретения приличного положения в обществе, прежде чем рассчитывать на одобрение со стороны вашего отца, но я не боюсь тяжелой работы, и если только вы расположены ко мне,

я буду в силах сделать что угодно, проложить себе дорогу к шерстяному мешку или что-нибудь в этом роде.

Затем, мало-помалу, он заставил мисс Валлори признаться, что она расположена к нему, даже очень расположена, что он ей нравился с самого начала. Такое признание было все, чего можно было ожидать от благовоспитанной девушки.

— Вы не были ко мне так глупо внимательны, как другие, — сказала она, — и поэтому вы мне нравились больше других.

Мистер Вальгрев улыбнулся и дал себе обещание, что мисс Валлори никогда не будет иметь основания жаловаться на излишнее внимание с его стороны.

Прошло немало времени прежде чем мистер Валлори пришел в себя после неожиданного признания дочери, но мало-помалу он успокоился и даже согласился назвать Губерта Вальгрева своим будущим зятем.

— Я не скрою от вас, что для меня это разочарование и очень тяжелое разочарование, — сказал он. — Я надеялся, и имел, кажется, право надеяться, что Августа составит блестящую партию. Но вы мне всегда нравились, Вальгрев, и... если дочь моя твердо решилась, я не буду препятствовать. Надеюсь, что вы не имеете намерения жениться немедленно?

— Это вполне зависит от вас, мистер Валлори. Я со своей стороны желал бы только приобрести какое-нибудь определенное положение прежде чем просить Августу разделить мою судьбу. Я не способен жить на содержании у жены, а мои средства еще недостаточны для того чтобы доставить ей что-либо подобное той обстановке, к которой она привыкла.

— Все это высокопарный вздор, — воскликнул мистер Валлори с нетерпением. — Женившись на Августе, вы женитесь и на ее деньгах. Если же вы хотите ждать, пока не наденете шелковую мантию, то ждите, пожалуй, если это нравится вам и ей. Чем дольше она проживет со мной, тем лучше для меня. Но я ручаюсь вам, что вы состаритесь прежде, чем приобретете положение достойное ее. Она сделала незавидный выбор, мой милый Вальгрев, и нечего нам скрывать это друг от друга.

Смуглое лицо мистера Вальгрева омрачилось, и выразительные губы сжались.

— Если выбор уж так плох, сэр, — сказал он, — вам еще не поздно взять назад ваше согласие, а мне мое предложение.

Великий Вильям Валлори испугался не на шутку. Его единственная дочь была девушка с характером, и уже немало неприятных сцен было у него с ней по этому поводу.

— Нет, нет, друг мой, — сказал он поспешно. — Избави Бог. Как вы щекотливы! Разве я не сказал вам, что вы мне нравитесь? К тому же тут замешаны чувства моей дочери. Если ей хочется выйти замуж по любви, она имеет средства исполнить свою фантазию. Ваш брак не будет идиллией в хижине, а если и будет, то в хижине вполне приличной, с каретными салями и тому подобным.

И Губерт Вальгрев получил согласие гораздо легче, чем мог ожидать. Он сделался женихом молодой девушки с тремя тысячами годового дохода в настоящем и с безграничным богатством в будущем. Это походило на фантастический сон, но мистер Вальгрев принял неожиданную милость судьбы очень спокойно, как будто давно этого ожидал.

Только раз решился Вильям Валлори спросить о родне своего будущего зятя.

— Я никогда не слыхал, чтобы вы говорили о вашем семействе, — сказал он, когда они сидели однажды вечером вдвоем в большой столовой с помпейским кувшином кларета на столе. — Нечего и говорить, что я был бы очень рад познакомиться с кем-нибудь из ваших родных.

— У меня нет родных, — отвечал мистер Вальгрев сухо. — Августа не получит свадебных подарков от родни своего мужа, но зато ей и не придется содержать бедных родственников. Мои родители умерли, когда я был еще мальчиком. Я вырос в Эссексе у незамужней тетки, но и ее уже нет на свете. Она была очень добра ко мне.

— Ваш отец, вероятно, занимался какою-нибудь профессией, — решил заметить мистер Валлори, не совсем довольный несообщительностью своего будущего зятя.

— Нет, он жил на свои собственные средства и прожил их.

— Но по крайней мере обеспечил вас?

— Он оставил мне триста фунтов годового дохода, благодаря услугам одного друга, имевшего на него большое влияние. Деньги были укреплены за мной таким образом, что отец не мог тронуть их. Иначе мне пришлось бы кончить жизнь нищим.

— Вы не с добрым чувством говорите об отце.

— Может быть, я не отличаюсь сыновним уважением. Отец не сделал для меня то, что мог бы сделать, и я еще не в силах простить это ему. Он был дурным отцом и, признаюсь, мне тяжело говорить о нем.

После таких слов мистер Валлори не стал расспрашивать более. Он видел, что Губерт Вальгрев джентльмен, а много или мало у него родни, или вовсе ее нет — было неважно. Мистер Вальгрев был умен, энергичен, трудолюбив, и можно было поручиться, что он пойдет далеко.

«Я отдаю свою дочь не праздно шатающемуся. Он не промотает состояние жены, и это мое единственное утешение,» — думал мистер Валлори.

Он действительно не имел повода жаловаться на поведение своего будущего зятя. С тех пор как его помолвка с мисс Валлори стала делом решенным, Губерт Вальгрев начал трудиться усерднее прежнего. То, что других расположило бы к бездействию, побуждало его сильнее стремиться к своей цели. Он хотел приобрести известность, прежде чем жениться, чтобы люди не могли говорить, указывая на него: вот счастливец Вальгрев, которому удалось жениться на дочери Валлори. Он хотел, чтобы на него указывали как на знаменитого Вальгрева, королевского судью, а о его женитьбе говорили как о деле второстепенном, как о следствии его успеха.

Поставив себе такую труднодостижимую цель, мистер Вальгрев едва не довел себя до скопротечной чахотки, но был внезапно остановлен тою болезнью, за которой последовала его поездка в Брайервуд. Хорошее лечение и сильная натура спасли его от смерти, и он уже начал поправляться, когда приехал в старую ферму, чтоб заболеть там еще более опасным недугом.

Глава XIII

Внешность лучше сущности

Мистер Валлори пришел перед самым обедом и привел с собою гостя, щеголевато одетого молодого человека, с цветком в петлице сюртука, с тщательно расчесанными черными бакенбардами, с благообразным и несколько надменным лицом, роста выше среднего, с глазами, напоминавшими глаза Августы, и с цветом лица слишком хорошим для мужчины. То был младший партнер фирмы, получивший седьмую часть доходов, Уэстон Валлори.

— Я встретил твоего кузена Уэстона в конторе, Августа, и привел его обедать, — сказал мистер Валлори. — Извини его за утреннее платье, это я не дал ему времени переодеться.

— Я всегда держу вечернее платье в конторе, — сказал Уэстон, — а Пульмен, рассыльный, прислуживает мне. Я просил подождать только десять минут, но вы знаете, как нетерпелив ваш папа, Августа. Вы должны извинить меня.

Он поцеловал свою кузину и подал концы пальцев Губерту Вальгреву. Эти два человека не любили друг друга. Уэстон Валлори имел твердое намерение жениться на Августе и был удивлен и оскорблен ее неожиданной помольвой.

Они обедали в восемь, и банкет их был не из оживленных. Слишком много было прислушивания, блюд и роскоши. В центре круглого стола стояла пирамида пышных осенних цветов, мешавшая обедавшим смотреть прямо в лицо друг другу. Мистер Валлори и племянник его говорили о делах. Августа предлагала своему жениху незначительные вопросы о незначительных предметах и рассказывала ему о своем пребывании в Эмсе. Он не раз подавлял позыв к зевоте. Пока мисс Валлори описывала ему странные костюмы, виданные ею в Эмсе, он думал о тенистом Брайервудском саде, о благоухании цветов, о милом голосе Грации, о нежном прикосновении ее руки.

Только к концу обеда прояснился он немного и заставил себя разговориться, но так стереотипны были темы разговора, что он вообразил себя лицом в комедии из великосветского быта. Он чувствовал свое фальшивое положение, чувствовал, что между ним и женщиной, на которой он намеревался жениться, не было ничего общего. Она говорила о парижских модах, он говорил об их общих знакомых надменным тоном, заменявшим иронию, и вполне сознавая пошлость своих слов.

Но Августа Валлори была вполне довольна своим женихом. Он был так приличен, так сдержан, не говорил ничего хорошего ни о ком и ни о чем. Она не терпела молодых университетских студентов, начинавших все чаще и чаще появляться в ее кружке, юношей с громкими веселыми голосами, с загоревшими лицами, с руками намазоленными греблей и со здоровым, беззаботным видом. Они были ей противны.

После обеда, когда Валлори старший и Валлори младший ушли в биллиардную, мисс Августа начала расспрашивать своего жениха об его жизни в Кенте. Очень ли скучно было там? Что он делал? Как проводил время?

— Такая жизнь, какую я вел там, конечно, немного монотонна, — сказал мистер Вальгрев задумчиво. — Встаешь и съедаешь свой завтрак, потом походишь немного, почитаешь немного, попишишь немного, куришь очень много, съедаешь свой обед и ложишься спать. Сбиваешься в название дней, и если придется явиться в суд свидетелем, не сумеешь показать в начале или в конце недели было такое-то происшествие. Но человеку, нуждающемуся в отдыхе, такая жизнь вовсе не неприятна. К завтраку подают мед, иногда блюдо свежей форели, к чаю сливки. К тому же возьмите во внимание, что я много читал, — докончил он подавляя зевоту.

— Вы много читали, между тем как доктор строго запретил вам работать!

– Но ведь это не тяжелая работа. Меня беспокоило дело Кардимума против Кардимума, которое отец ваш поручил мне, и я прочел несколько старых дел, сходных с ним. В царствование Якова II один человек судился со своим ближайшим родственником на таких же основаниях. Потом я прочел роман Антони Троллопа.

– В семь недель вашего отдыха вы могли бы прочесть все новейшие романы.

– Нет, я много удили. Там была щука, с которой я намерен когда-нибудь разделаться. В этом году она мне не далась.

Мисс Валлори еще долго расспрашивала, но мистер Вальгрев до странности мало рассказывал о своем пребывании в Кенте.

– Вы совсем не умеете рассказывать, Губерт, – сказала она наконец, недовольная его несообщительностью. Если бы на вашем месте был Уэстон, он подробно описал бы мне фермерскую жизнь, провинциалов, скопировал бы их манеры и разговоры, и все тому подобное.

– Если бы я был мастер на Такие описания, – сказал мистер Вальгрев, – я писал бы для журналов и обращал бы свое дарование в деньги. Не сыграете ли вы что-нибудь, Августа?

Этот счастливый способ выйти из затруднения привел ему в голову внезапно, при взгляде на открытый рояль.

– Если хотите, я спою вам, – сказала мисс Валлори. – Я разучила сегодня утром новую балладу, и мне кажется, что она в вашем вкусе.

– Спойте, пожалуйста.

Он подошел к роялю, поставил свечи, и когда исполнительница уселась на своем месте, ушел в дальний угол и сел в спокойное кресло. Никогда во все время своего знакомства с мисс Валлори не утруждал он себя такими мелочными услугами, как перевертывание страниц или разрезание новых журналов. Он умышленно старался быть невнимательным. Если эта девушка намерена отдать ему свое богатство, пусть отдаст его бескорыстно. Ни ухаживания, ни унижения, ни малейшей жертвы собственным достоинством не дождется она от него.

Мисс Валлори запела свою балладу. Она обладала сильным меццо-сопрано, с металлическим тембром, училась у лучших учителей, внятно произносила каждый слог, но выразительности в ее пении так же мало, как в музыкальной машине.

Губерт Вальгрев вспомнил нежный голос Грация, ее пение в сумерках и весь ее репертуар старинных песен. Баллада, которую пела мисс Валлори, принадлежала к произведениям новейшей школы: бедная мелодия, сопровождаемая блестящим аккомпанементом, слова темные и метафизические.

– И вы называете это балладой, Августа! – воскликнул он с досадой, когда певица окончила первую строфу. – Спойте мне, пожалуйста, Una voce или Non più mesta⁵, чтобы изгладить впечатление этой отвратительной вещи.

Мисс Валлори уступила беспрекословно.

– Вы так причудливы, – сказала она, – что не знаешь, что вам понравится.

Она спела итальянскую бравурную арию, и спела прекрасно. Ни малейшего усилия, ни малейшего искажения в лице не заметил мистер Вальгрев, не спускавший с нее критикующего взгляда.

«Такою женщиной можно гордиться, – подумал он, – и я был бы дурак, если бы не воспользовался своими шансами».

Пока мисс Валлори пела, ее отец и кузен вошли в комнату. Когда она кончила, Уэстон осыпал ее восторженными похвалами, а жених ее остался на своем месте и молча смотрел на них. Он знал, что Уэстон дорого дал бы, чтобы быть на его месте, и он никогда не был так доволен своею удачей, как в те минуты, когда думал об этом человеке.

⁵ Una voce (*ит.*) – ария Розины из 1-го действия оперы Россини «Севильский цирюльник». Non più mesta (*ит.*) – ария Анжелины из 2-го действия оперы Россини «Золушка».

«Негодяй, – сказал он про себя. – Я знаю, что этот человек – негодяй, вынужденный обстоятельствами жить честно. Он именно такой человек, который способен убежать с деньгами своих клиентов или сделать что-нибудь в этом роде. Может быть, он ничего подобного не сделает и умрет, считаясь честным, но я уверен, что он на это способен. И какое наслаждение знать, что он меня так ненавидит, и что мне придется быть учтивым с ним до конца моей жизни».

Подумав немного, он прибавил: «Если бы я способен был поставить себя в неприятное положение, этот человек первый воспользовался бы мою неосторожностью».

Между тем бессознательный виновник этих размышлений стоял, наклонившись над роялем и разговаривал, со своею кузиной. В наружности его не было ничего такого, что могло бы оправдать мнение о нем мистера Вальгрева. Он ничем не отличался от большинства мужчин среднего класса общества, был довольно красив, хорошо одет, умел быть учтивым или надменным, смотря по обстоятельствам. Только глаза его, похожие на глаза кузины, светились холодным металлическим блеском, неприятным для физиономиста, и полные красные губы свидетельствовали о чувственности и затаенной жестокости. Но свет видел в нем только красивого молодого человека с завидным положением в свете, и семейства, где были взрослые дочери и сыновья, нуждавшиеся в протекции, очень дорожили его знакомством.

Мистер Вальгрев не мешал ему ухаживать сколько угодно за Августой Валлори. Он знал крепость цели, привязавшей к нему его невесту, и был уверен, что Уэстон ему не опасен.

– Бедный Уэстон, кажется, вырос в убеждении, что ему предстоит жениться на мне, – сказала однажды Августа Валлори своему жениху с презрительным сожалением. – Его мать была глупая женщина, считавшая своих детей совершеннейшими существами в мире. Но Уэстон действительно хороший человек и очень предан папа и мне. Он конечно, всем обязан папа. Его отец поссорился с моим дедом и был исключен из фирмы. Я не знаю подробностей этой истории, но отец Уэстона сделал что-то очень дурное, и сыну его трудно было бы проложить дорогу в жизни, если бы папа не помог ему. Папа говорит, что он хороший делец, а я считаю его преданным и благодарным человеком.

– Неужели? Вы верите, что бывают благодарные люди? – спросил мистер Вальгрев своим насмешливым топом. – А я таких людей до сих пор не встречал и не верю в их существование. Впрочем, ваш кузен, может быть, исключение. Отец его был сослан?

– Губерт! Что это вы говорите!

– Но ведь вы сами сказали, Августа, что он сделал что-то очень дурное, и я заключил, что это было что-нибудь такое, за что ссылают в каторжную работу.

– Скора вышла из-за денег, но надеюсь, что никто из моего семейства не был бесчестным.

– Милая мол, бесчестные люди бывают во всякого рода семействах. Встречаются негодяи и между пэрами. Но меня нимало не интересует отец Уэстона. Довольно с меня и сына. Я принимаю его как факт.

– Как высокомерно вы всегда говорите о моем семействе! – воскликнула мисс Валлори оскорблением тоном.

– Если вы полагаете, дорогая моя, что я буду преклоняться перед вашим семейством как преклоняюсь перед вами, вы очень ошибаетесь. Я предложил свое сердце в ту чудную ночь в Райде вам, а не всему семейству Валлори.

– Вы предубеждены против Уэстона.

– Нисколько. Я действительно не люблю людей о таким цветом, лица, как у него, но это только безотчетная антипатия, в которой я не сознался бы никому кроме вас.

Они не редко спорили по этому поводу, и мистер Вальгрев старался отстаивать свою независимость. Он не преклонялся и не унижался, но странно, что его невнимательность нравилась мисс Валлори. Ей надоело ухаживание мужчин, видевших в ней только наследницу Гаркроса и Валлори. Мистер Вальгрев с своею насмешливостью и невнимательностью казался

искреннее других. А между тем он тоже играл роль и действовал с расчетом, а любовь его к ней была так слаба, что исчезла при первом искушении.

В течение вечера был разговор о том, где мистер Валлори и дочь его проведут следующие шесть недель. Отец охотно остался бы в Акрополис-сквере, чтобы посещать ежедневно свою контору, где у него было всегда много дела, но Августа не соглашалась на такое нарушение приличий.

— Здесь будет горячка или холера или что-нибудь в этом роде, папа, — сказала она. — Эпидемии всегда начинаются после лондонского сезона.

— Смертность была сильнее в Лондоне в мае этого года, чем в прошлом августе, могу тебя уверить.

— Но нам решительно невозможно остаться здесь, милый папа. Поедем к Степлетонам, мы давно обещали им.

— Терпеть не могу гостить в чужих поместьях, завтракать каждый день с толпой незнакомых, слышать стук биллиарда с утра до ночи, не иметь спокойного угла, чтобы написать письмо, таскаться по окрестностям, осматривая развалившиеся аббатства и водопады и не иметь ни минуты покоя. Все это может быть хорошо для молодых людей, но в пятьдесят слишком лет это сущая пытка. Поезжай в Галей, если хочешь, Августа, но я предпочел бы ехать в Истборн.

— Так и я поеду с вами, папа. Жаль, что вы уступили нашу виллу Фильмерам. Приятно было бы покататься на Арионе.

— Яхту я не уступал Фильмерам, — сказал мистер Валлори. — Ты можешь взять ее в Истборн.

— Так отправимся в Истборн, папа. А Губерт приедет к нам, — не правда ли, Губерт?

— С величайшим удовольствием, дня на два.

— Дня на два! — воскликнула мисс Валлори. — Почему вам не провести весь сентябрь с нами? Вам теперь нечего делать в Лондоне.

— Милая Августа, я приехал в Лондон именно с тем, чтобы работать, а работать успешно я могу только в моей квартире, имея под рукой все нужные для справок книги.

Его страшил Истборн, парадное место с оркестром и с тесным кружком общества. Райд в прошлом году очень нравился ему, хотя его образ жизни был такой же, какой ему предлагали теперь и от которого он отказывался с отвращением. В этот вечер ему казалось, что ничего не может быть приятнее как запереться в своей квартире наедине с своими книгами.

— Но что за странная фантазия работать в сентябре, — продолжала мисс Валлори, слегка покраснев. — Вы должны приехать непременно. Морской воздух принесет вам большую пользу. У нас будет яхта, а вы так любите кататься на ней.

— Да, я люблю кататься на яхте, но я еще не совсем поправился и боюсь, что развлечения приморского места будут утомлять меня.

— Но Истборн вовсе не оживленное место. Оно только и хорошо для больных.

— Если вы требуете, чтоб я ехал, Августа, я поеду, как бы ни повредило моему профессиональному успеху.

— Поступайте, как знаете, Вальгрев, — сказал мистер Валлори. — Вы хорошо делаете, что хотите приняться за занятия. Дело Кардимума против Кардимума очень серьезное дело, и если вы только хорошо подготовитесь, вы его выиграете. Не ревнуй, его к работе, Августа. Он намерен сделать тебя женой судьи в скором времени. Уэстон может ухаживать за тобой.

— Я не умею ухаживать, — сказал Уэстон, — но очень рад быть полезным моей кузине.

— Кстати, Уэстон, так как у нас теперь не особенно много дела, то вы можете съездить завтра в Истборн и отыскать там подходящий для нас дом, — сказал мистер Валлори сухо. Он помог молодому человеку и считал себя вправе обращаться с ним повелительно.

Уэстон поклонился.

— У меня назначено завтра два или три свидания, — сказал он, — но я передам их Джонсу. Не знаю, способен ли я исполнить ваше поручение, но мне кажется, что я найду то, что вам нужно инстинктивно.

— Инстинктивно! — воскликнул мистер Валлори с досадой. — Августа даст вам список всех необходимых для нас удобств.

Мистер Вальгрев улыбнулся злобною улыбкой. Он радовался, что такое неблагородное поручение выпало на долю Уэстона Валлори, самого самолюбивого человека из всех, кого он знал, тогда как он, Губерт Вальгрев, остается на свободе. «Да снизойдут все блага земные на почтенные головы Кардимумов», — подумал он.

В четверть одиннадцатого он простился с своею невестой и ее отцом — Уэстон ушел в одно время с ним, спеша на Чаринг-Кроссскую станцию, чтобы уехать в Норвуд с двенадцатичасовым поездом. Ночь была лунная. Даже Акрополис-сквер имел сносный вид при таком освещении. В верхних этажах кое-где мерцали огоньки одиноких служ. В воздухе пахло резедой, за решеткой сквера тихо шумели смоковницы, и мистер Вальгрев вспомнил Брайервудский сад.

— Вы пойдете пешком? — спросил Уэстон, когда они вышли вместе из дома.

— Не знаю. Может быть, поеду, если найду извозчика. А вы?

— Я поставил себе за правило проходить шесть миль ежедневно и был бы очень рад пройтись теперь с вами. Нам идти по одной дороге.

Мастер Вальгрев покорился. Он был склонен к сильным антипатиям, и антипатия его к Уэстону была из сильнейших.

«Черт бы побрал этого человека, — подумал он. — С какою целью привязывается он ко мне?»

Вопрос этот объяснился скоро. Направление разговора его спутника показало ему, что Уэстон Валлори намерен заглянуть в его душу и выведать, как провел он свою восьминедельную вакацию, каковы его чувства к его невесте и так далее. Но если бы Губерт Вальгрев был глух и нем, он сохранил бы свои тайны не лучше, чем сохранил их теперь, оставаясь вполне учтивым, утрированно учтивым, и Уэстон Валлори расстался с ним у дверей станции, сознавая, что потерпел полную неудачу.

Глава XIV

Мистер Вальгрев облегчает свою душу

Мистер Вальгрев еще раз обедал со своею невестой, прежде чем Валлори уехала из Лондона, гулял с ней по широким аллеям Кенсингтонского сада, ездил с ней верхом в Вимблдон и наконец имел удовольствие проводить ее на Истборнский поезд – экстренный для большей части дороги – на котором она уехала со своим отцом и с горничною Тульон, высокою серьезной женщиной, дочерью разорившихся родителей, любившею говорить о благородстве своего происхождения и о богатстве, в котором прошло ее детство.

Багаж был отправлен накануне. Тульон взела только дорожный мешок, на случай если мисс Валлори вздумается поправить свою прическу, или потребовать машинку для расправления перчаток, или написать письмо между Лондоном и Истборном. С таким мешком можно было бы ехать, ни в чем не нуждаясь, до Америки, но Тульон обязана была, предвидеть все случайности. Лакей и толпа служанок были отправлены накануне; кухарка, дворецкий и другой лакей ехали во втором классе на одном поезде со своими господами. Перед самым отъездом в Акрополис-сквер был сервирован парадный завтрак, так что переезд не причинил никакого нарушения домашних порядков, никакого пробела в жизни мистера Валлори. Его собственный экипаж довез его до станции в Лондоне, его собственный экипаж должен был встретить его в Истборне. Жених и невеста имели на станции десять свободных минут для возобновления своих клятв в неизменной верности, но так как ни тот, ни другая не были расположены к чувствительности, то они провели это время, разговаривая о посторонних предметах, и только под конец мисс Валлори коснулась интересовавшего ее вопроса.

– Когда же мы увидим вас, Губерт? – спросила она.

– Вероятно, в течение следующей недели. Дня я не могу назначить, но будьте уверены, что я воспользуюсь первою возможностью и приеду с поездом в 3 часа 30 минут, чтобы непременно застать вас дома.

– Я все еще не могу понять, почему вам не провести с нами весь сентябрь?

– Иными словами, вы не можете понять, почему я не сделаюсь праздным человеком, моя милая Августа?

– Я и не думаю советовать вам сделаться праздным человеком, но не может быть, чтобы в настоящее время года у вас была какая-нибудь серьезная работа.

– Разве вы не слыхали, что сказал ваш отец о деле Кардимумов?

Мисс Валлори не успела возразить, как раздался звонок, Губерт Вальгрев посадил ее в вагон, постоял у окна, сказал несколько слов, пожал обтянутую перчаткой руку, и когда поезд тронулся, снял шляпу и дождался с открытою головой, пока он не скрылся из виду. Оставшись один, он несколько минут ходил в раздумья по платформе, потом взял извозчика и отправился домой.

Вопреки всему, что было сказано мисс Валлори, он не слишком прилежно работал в пользу Кардимума в этот вечер. На него нашел припадок лени. Около часу пытался он работать в своей квартире над рекой, но наконец с досадой отодвинул книги, вышел опять из дома и пошел без всякой цели по направлению к западу, все думая без конца об одном доме в Кенте я об одном прекрасном молодом лице, о котором ему не следовало думать.

В Кокснур-Стрите он внезапно остановился перед окном ювелира, пораженный неожиданной мыслью. Блестящий товар был выложен на окне, несмотря на то, что высшие классы общества покинули Лондон. Медальоны, браслеты, броши сияли под лучами заходящего солнца, великолепные кораллы привлекали взоры знатоков, изящная коллекция бриллиантов свидетельствовала о богатствах, заключавшихся в магазине. Мистер Вальгрев не имел

привычки останавливаться перед окнами магазинов, но перед этим окном он стоял как вкопанный и смотрел задумчиво на суетные украшения.

— Хотелось бы мне подарить ей что-нибудь, — сказал он себе, — что-нибудь на память. Я причинил ей слишком много страданий, почему не доставить мне ей часа невинной радости. Женщины вообще любят эти вещи, но она едва ли придаст цену какому бы то ни было подарку, если он не будет доказательством любви. Не подарить ли мне ей медальон с моим портретом? Она так простодушна и так любит меня, что рада будет иметь мое изображение, а я на портретах лучше, чем в действительности.

Он уже почти решил купить медальон и подошел к двери магазина, но вдруг остановился и отошел на несколько шагов в сторону.

— А как быть с тетушкой Ганной? — спросил он себя. — Если я пошлю Грации мой портрет, тетка увидит его непременно. Чего не увидят эти зоркие глаза? Но я был бы глупейшим из Лотаро, если бы не сумел провести тетку. Для чего же и живут такие все видящие люди, как не для того, чтобы попасть впросак рано или поздно. И я надеюсь, что сумею перехитрить тетушку Ганну.

Он опять повернулся и в этот раз вошел решительно в магазин. Он выбрал медальон, который показался ему всех лучше, золотой овальный медальон, с якорем из крупных жемчужин на крышке, словом, такой, какого он не выбрал бы для дочери фермера, если бы не слишком глубоко погрузился в тот омут, из которого так трудно освободиться. Заплатив за медальон, он продолжал задумчиво рассматривать его.

— Не можете ли вы переделать мне его так, чтобы в него можно было вставить портрет и чтоб это осталось тайной для всех, кроме его обладателя, — спросил он купца.

Купец отвечал уклончиво, уверяя, что сделать это не легко, что для того, чтобы скрыть секрет, нужна необыкновенная чистота работы и так далее, и что это будет стоить, конечно, не дешево.

— Я не постою за двумя лишними фунтами, если это будет сделано хорошо, — отвечал мистер Вальгрев. — Тут надо будет вставить какую-нибудь тайную пружину, как это описывается в романах. Я сам никогда не видел таких медальонов. Пришлите ко мне за портретом дня через два и чем скорее будет готов, тем лучше.

Он бросил свою карточку на прилавок и ушел сильно заинтересованный своею покупкой. «Какое облегчение сделать что-нибудь приятное для нее», — думал он.

Но это нимало не успокоило его, — дело Кардимумов не подвигалось вперед. Новые дела, накопившиеся в две последние недели его отсутствия, также не интересовали его. Не прошло недели с тех пор, как он покинул Брайервуд, а ему уже показалось, что многие годы отделяют его от знакомого старого сада.

Он не знал, что делать с собой. Отказавшись ехать в Истборн, он не мог уехать и в другое место, а ему очень хотелось отправиться в какую-нибудь тирольскую деревню и провести осень, гуляя по незнакомым горам. Там, казалось ему, он сумел бы освободиться от угнетавшей его тоски, но в Лондоне и в такое глухое время года это было невозможно. Дни и ночи преследовал его образ Грации Редмайн, являясь ему во сне, становясь между ним и его книгами и мешая ему сосредоточиться на деле Кардимумов.

Не безопаснее ли было бы уехать в Истборн и жить там в обществе своей невесты парадною жизнью небольшого кружка общества? Он не мог не задать себе этого вопроса. Да, идти по этой узкой жизненной тропинке, с которой не рискуешь сбиться в сторону, было бы, конечно, безопаснее, но он чувствовал, что при его настоящем настроении духа это было бы решительно невыносимо. Избитые разговоры, ограниченный ум, — ум ограниченный, хотя и обогащенный чтением всех книг, какие позволительно читать благовоспитанной молодой девушки, — ограниченный, несмотря на то, что на образование его были истрачены тысячи

фунтов, – страшили его. Он чувствовал, что провести неделю без перерывов в обществе мисс Валлори будет пыткой для него.

А что же будет, когда они обвенчаются? О, тогда будет совсем другое дело. Ни один мужчина, в особенности известный адвокат, не обязан проводить с женой столько времени, чтоб она могла надоесть ему. И не может также быть, чтобы жена, если только она не противна мужу, была вовсе неинтересна для него. У них будет много общего, много планов и вопросов, которые надо будет обсудить вместе, например список лиц, которых следует пригласить на обед, маршрут осеннего путешествия, узор новых ковров, имя будущего ребенка, следует ли купить картину на выставке и так далее. Жена его главнаяnota в гамме обыденной жизни.

Но долгие дни ухаживания, когда надо волей или неволей проводить со своею избранною длинные вечера, когда говоря о своих жизненных планах и надеждах можно показаться черезсур прозаичным, словом, когда надо допевать свою любовную песню, имен мало любви в сердце, это дни тяжелого испытания, и блажен тот, кто твердо вынесет его до конца, до того торжественного утра, когда веселый звон колоколов, нарядная процессия свадебных подруг и свадебный марш Мендельсона закончат сделку, и требовательная невеста превратится в покорную жену.

«Я нисколько не сомневаюсь, что мы уживемся как нельзя лучше, когда сделаемся мужем и женой, – сказал себе мистер Вальгрев, – но подготовительный период очень утомителен. Августа любит меня по-своему, но как холодна кажется эта любовь после любви Грации Редмайн. Слава Богу, что я поступил честно с этой девушкой и был откровенен с самого начала».

В течение следующей недели ничто, кроме его собственного каприза, не мешало мистеру Вальгреву отправиться в Истборн: он не хотел уехать, пока не будет готов медальон, который он заказал в Кокснур-Стрит. Он выбрал из своих карточек ту, на которой казался красивее, чем на всех других, отдал раскрасить ее и отоспал ювелиру. В конце недели медальон был готов, и секрет был скрыт удивительно. Открыв медальон, вы увидели бы эмалевую дощечку с буketом незабудок, но стоило только пожать едва заметную пружинку у соединения медальона с колечком, на котором они висел, чтобы дощечка поднялась, как крышка часов, и открыла портрет Губерта Вальгрева. Медальон был совершенством в своем роде, а незабудки счастливою мыслью. Мастер, которому была поручена работа, взял на себя смелость предположить, что медальон предназначается для подарка на память.

Губерт Вальгрев был в восхищении от этой безделки. Он немедленно упаковал ее и отправил по адресу: «мисс Редмайн, Брайервудская ферма, близ Кингсбери, Кент». Он сам подписал адрес и сам снес посылку на почту, потом написал Грации формальное письмо, имея в виду, что оно будет прочитано тетушкой Ганной.

«Милая мисс Редмайн, я пользовался таким дружеским вниманием от вашего семейства и от вас во время моего приятного пребывания в Брайервуде, что мне хочется оставить вам какое-нибудь воспоминание об этом времени. И я уверен, что ваша добрая тетушка предпочтет, чтоб я послал мой подарок вам, а не ей. Я выбрал медальон, который, надеюсь, ваш дядя и тетушка позволят вам принять от меня в знак благодарности за всю доброту, которую я пользовался под их гостеприимною кровлей.

С глубоким уважением остаюсь искренне преданный вам
Губерт Вальгрев».

Прочитав письмо, он покраснел за свое лицемерие. Но как же иначе мог он поступить, чтобы доставить хоть минутное удовольствие бедной девушке? В письмо он вложил клочок бумаги, на котором написал: «Il y a un ressort entre l'anneau et le, mèdallion, touchez le, et vous trouverez mon portraits». Грация распечатает сама свое письмо, и этот клочек бумаги с иностранными словами не попадется на глаза ее родственникам.

«Вот и конец единственного романтического эпизода моей неромантической жизни», — сказал он, отдав письмо на почту.

Два дня спустя он решился отправиться в Истборн. Рано или поздно, но это было неизбежно. Он медлил уже так долго, что мисс Валлори имела полное право сердиться, и он приготовился выслушать выговор.

Истборн, маленький приморский городок, смотрел очень весело со своими тенистыми бульварами и нарядными виллами, когда мистер Вальгрев проезжал его, приближаясь к резиденции Валлори, которые занимали, конечно, один из самых больших новых домов в городе. Штукатурка, которую он был покрыт, имела еще сырой вид, а окружавшие его дома, как две капли воды похожие на него, были еще не достроены и, казалось, хотели разбежаться по полу, расстилавшемуся за ними. Это место было в Истборне тем, что Сидней Смит называл «казовым концом», но долженствовало со временем обратиться в Бельгревию этого города. Не была ли и Бельгревия некогда казовым концом Лондона?

В доме была гостиная, достаточно обширная, чтобы быть церковью, и балкон, на котором мог поместиться значительный отряд пехоты. Все отличалось новизной и недоделанностью. Стены пахли крахмалом, а с потолка по временам сыпалась мелким градом штукатурка.

Лакей из Акрополис-Сквера проводил мистера Вальгрева в гостиную, где его невеста, в изящном новом платье, сидела перед большим роялем Эрара и разбирала новую пьесу. На шее у нее висел на широкой голубой ленте золотой медальон с ее собственным вензелем из сапфиров и бриллиантов, и мистер Вальгрев при первом взгляде на нее вспомнил о другом медальоне. Грация в это время уже получила его подарок, но он еще не получил никакого ответа. Редмайны не знали его адреса и могла писать ему только через мистера Ворта.

Мистер Вальгрев не ошибся на счет ожидавшего с-га выговора, но он выслушал его так смиленно, что мисс Валлори скоро смягчилась.

— Вы можете себе представить, как мне должно быть скучно в таком месте без вас, — сказала она заключение.

— Боюсь, что со мною это место покажется вам еще скучнее. Небольшая доля веселости, которой я обладаю, бывает всегда парализована на берегу моря. Я могу провести с удовольствием дня два в Маргете, там оживленно и пахнет рыбой и чувствуется что-то свежее и добroe, но ведь Маргет считается вульгарным.

— Считается вульгарным, — воскликнула мисс Валлори с содроганием. — Маргет рыболовное место.

— Если бы Маргет была в Пиринеях, публика была бы в восторге от него, — возразил мистер Вальгрев сухо. — Я был счастлив в Райде, как вам известно, — продолжал он слегка понизив голос, — прием, употреблявшийся им в адвокатуре в трогательных местах его речей, — но за исключением этих двух мест, морской берег, в особенности модные места, производит на меня всегда тяжелое впечатление. И чем моднее место, тем хуже.

Таким монотонным разговором жених и невеста сокращали предобеденное время. Мистер Вальгрев не стремился на взморье собирать раковины или чтобы броситься, выбрав уединенное местечко, в синие морские волны, как некоторые восторженные туристы, и говорил: «хорошенького понемножку». Он сидел на балконе, Защищенном от солнца пунцовыми занавесками и говорил со своею невестой, не слишком впрочем, утруждая себя старанием занять ее.

— Яхта, конечно, здесь, — заметил он между прочим.

— Да, и я уже много каталась.

— С отцом?

— С ним редко. Он ленится здесь. Уэстон был моим спутником.

— Счастливец Уэстон!

— Так как счастье, которым он пользовался, было вполне доступно для вас, то вы напрасно притворяетесь, что завидуете ему.

— Милая моя, я завидую не только счастию, которым он пользовался, но и его способности пользоваться им. Я, как вам известно, неспособен быть ручной кошкой, а Уэстон способен. Он именно такой человек, чтобы заменять собой персидскую кошку с пушистым хвостом или ангорскую с розовыми глазами.

— Как вы всегда лестно отзываетесь о моем семействе, — сказала мисс Валлори обиженным тоном.

— Друг мой, я считаю положение ручной кошки очень завидным положением, но оно не в моем характере. Что же касается Уэстона, то человек так ухаживающий за своими баками, сам напрашивается на подобные отзывы. Далеко вы катались?

— Мы доезжали до Вайта, были на днях на гонке лодок в Райде и завтракали там у Фильмеров. Они чрезвычайно благодарны нам за виллу.

— Так нельзя сказать, чтобы вы не знали, как убить здесь время?

— Конечно. Я много каталась верхом.

— С Уэстоном?

— Да, вы, может быть, и этому завидуете, — спросила она, презрительно тряхнув головой и бросив на него сердитый взгляд. Если бы Губерт Вальгрев был влюблен в свою будущую жену, этот сердитый взгляд показался бы ему обворожительнее самой нежной улыбки другой женщины. Но он думал о других глазах, которые никогда не смотрели на него сердито, а на Августу Валлори глядел так равнодушно, как будто она была образцом испанской портретной живописи, портретом Веласкеса.

— Честное слово, Августа, вы становитесь красивее с каждым разом, как я вижу вас, — сказал он. — Но если вы желаете знать, завидно ли мне, что Уэстон имеет возможность кататься с вами верхом по пыльным загородным дорогам, я должен ответить отрицательно. Человек гончее животное по преимуществу, и ездить верхом, не имея в виду никакой дичи, я считаю вовсе не интересным времяпрепровождением. Если бы теперь был ноябрь и мы были в деревне, я охотно рисковал бы своею шеей раза три в неделю в вашем обществе.

— Но дело в том, что теперь не ноябрь, а если бы был ноябрь, то мне сказали бы, что адвокат не может в этом месяце тратить время в моем обществе.

В такой учтивой пикровке прошло время до звонка к переодеванию, и мисс Валлори, передав своего возлюбленного дворецкому, ушла наверх наряжаться к семейному обеду. Мистер Вальгрев был отведен в большую спальню, в которой стены и потолок были только что окрашены, каминная решетка вставлена криво, а окна как бы нарочно сделаны так, чтобы в комнате был постоянный сквозной ветер. Убранство комнаты было общепринятое в приморских домах: новые пестрые ковры, кровать нетвердо стоявшая на своих ножках, плательный шкаф черного дерева, дверок которого никакие силы земные не могли удержать затворенными, все, что возможно окрасить под мрамор, было окрашено под мрамор, но ни кресел, ни письменного стола не было в комнате, и яркое солнце разливалось беспрепятственно по пустынному ковру.

«Так Уэстон был очень любезен и старался заменить меня, — сказал мистер Вальгрев, одеваясь. — Желал бы я знать, способен ли он отбить у меня мисс Валлори. А если б это случилось, стал бы я жалеть? Быть отвергнутым мисс Валлори совсем не то что самому отказаться от нее. В первом случае, ее отец не имел бы причины ссориться со мной, напротив, он должен бы был вознаградить меня. И немало пришлось бы ему сделать, чтобы вознаградить меня за такую обиду. Но не думаю, чтобы мне угрожала какая-нибудь опасность со стороны друга моего Уэстона, а я, кажется, уже совсем вылечился от моего увлечения и выбросил его из головы как мимолетное сновидение».

Он сошел вниз и в гостиной нашел мистера Валлори в парадном костюме, с очками на орлином носу и с газетой в руках.

Газета была легким средством завязать разговор о предметах текущего интереса. Парламент был распущен, наступил сезон протестов, и газеты были наполнены негодящими письмами. Жалобы на беспощадность содержателей шотландских гостиниц, споры о пользе сопротивления, жалобы отцов семейств на необычайно длинные вакации их сыновей, жалобы на военную администрацию, требования реформ во флоте стекались во множестве в популярные периодические издания, и мистер Валлори, считавший долгом читать свою газету от первой строки до последней, спешил поделиться своими мыслями обо всех этих предметах.

Он был тяжелый, высокопарный человек, и мистер Вальгрев всегда тяготился его обществом, но еще никогда не казалось оно ему до такой степени утомительным, как в этот августовский вечер, когда менее аристократическое общество Истборна весело гуляло по набережной, наслаждаясь морской прохладой. Ему казалось, что ему стало бы легче, если б он мог уйти и погулять по уединенным прибрежным холмам при заходящем солнце, но в этой незнакомой гостиной, сидя на центральном оттомане и слушая монотонный резкий голос мистера Валлори, рассуждавшего о военной реформе, он не чувствовал себя в силах превозмочь одолевавшую его тоску.

Незадолго до обеда вошел Уэстон, одетый, как модная картинка, и с видом человека, явившегося на званый обед. Он приехал с вечерним поездом, окончив свои дневные занятия в Сити, сказал он дяде.

— Вот внимательный-то племянник! — воскликнул мистер Валлори старший. — Он работает все утро в Сити, а вечером приезжает сюда перевертывать страницы нот своей кузине, пока я отдыхаю после обеда, а на следующий день уезжает в город, в четверть восьмого, если только его услуги не понадобятся здесь для катания на яхте или верхом. Смотрите, Вальгрев, чтобы он не отбил у вас вашу невесту.

— Если мне суждено лишиться моей невесты, — отвечал мистер Вальгрев с самою любезною улыбкой, — я желаю мистеру Валлори всевозможного счастья. Но молодая особа, удостоившая меня своим выбором, так же мало способна изменить, как жена Цезаря.

Молодая особа, которую он сравнивал с женой Цезаря, вошла в эту минуту в комнату, в свежем белом кисейном платье, отделанном атласными бантиками персикового цвета. Она приветствовала Уэстона холодным поклоном. Если бы он действительно был любимою ангorskой кошкой, она обратила бы на него больше внимания, чем теперь. Он привез ей новые ноты и новые книги и, показывая ей их, завладел минут на десять ее вниманием. Затем был возвещен обед, к великому облегчению мистера Вальгрева. Он подал руку Августе, а услужливый Уэстов пошел рядом с дядей, разглаживая свои баки и проклиная в душе Губерта Вальгрева.

Обед в Истборне ничем не отличался от обеда в Акрополис-Сквере. Дворецкий мистера Валлори не убавил бы ни одного блюда в обеде ни при каких обстоятельствах и накрыл бы стол так же аккуратно, как всегда, если бы ему пришлось сделать это в Помпее, накануне извержения и зная, какая участь ожидает его. Кухарка мистера Валлори была безукоризненная матрона, получавшая семьдесят гиней в год, но она не обладала неистощимою изобретательностью, и Губерт Вальгрев был знаком со всеми блюдами в ее каталоге, начиная с *consomme aux oeufs* и кончая яблочным пирожным. Он ел свой обед машинально, под нежно-внимательными взглядами дворецкого и лакеев, а мысли его были далеко от этой столовой.

После обеда они занимались музыкой, поговорили немного, посидели немного на балконе, глядя на восхождение полной луны над волнистою поверхностью моря, сыграли спокойный роббер в угоджение мистеру Валлори, потом был подан поднос с коньяком, сельтерской водой, хересом и содой, мужчины лениво сделали себе по стакану прохладительного питья и все пожелали друг другу спокойной ночи.

— Надеюсь, что вы поедете завтра кататься на яхте, — сказала Августа своему жениху, когда он отворил перед ней дверь гостиной.

— С величайшим удовольствием, — отвечал он, а действительно ему казалось, что среди беспокойных морских волн он сумел бы сбросить с себя часть своей душевной тяжести.

«Это какая-то мономания, — сказал он себе, — и есть, может быть, столько же следствие умственной усталости, как и сердечного увлечения. Мне нужен отдых и перемена места. Хорошо было бы уехать в Тироль, но это невозможно. Я связан по рукам и по ногам, если только не решусь идти против судьбы и отказаться от Августы Валлори».

Он не пошел против судьбы. На следующее утро он отправился кататься на яхте и даже для удовольствия мисс Валлори согласился ездить верхом по пыльным дорогам на вороной лошади Уэстона, между тем как хозяин ее сидел в кабинете, занимаясь составлением черновых писем, переходивших для переписки набело к его помощникам и принимая клиентов. Мистер Вальгрев и мисс Валлори ездили вдвоем в Певенсей Кестль и гуляли там среди развалин, ездили на берег и слушали там чудесные рассказы сторожей о погибших барках и о спасенных грузах, словом, проводили время так, что могли бы оба быть счастливы, потому что были целые дни вместе, и мистер Вальгрев был любезнее обычного.

Так продолжалось десять дней, но в конце десятого мистер Вальгрев внезапно решил, что ему необходимо возвратиться к Кардимумам и изучить прежние примеры подобного рода дела, и никакие убеждения мисс Валлори не могли поколебать его. Она уступила, не выказав сожаления, но была серьезно огорчена, потому что любила его сильнее, чем считала нужным показывать.

Глава XV

«Вспоминаешь ли ты о том, что было?»

Вся история жизни Грации Редмайн после отъезда Губерта Вальгрева может быть передана в двух словах: он уехал. Она всецело предалась своему горю, детскому горю, может быть, но тем не менее тяжкому для детской души. И не с кем ей было поделиться своею печалью. Напротив, она принуждена была постоянно следить за собой, чтобы не выдать своей страшной тайны, а тоска, как червь, грызла ее сердце. Она бледнела и худела и так изменилась, что даже тетушка Ганна не могла этого не заметить.

— Боюсь, что с ней то же самое, что было с ее бедною матерью, Джемс, — сказала она однажды мужу. — После того вечера в Клевенденском парке с ней было уже несколько обмороков. Третьего дня я дала ей работу в молочне, потому что она не знала, что делать с собой от безделья. Нельзя же целые дни только читать романы и играть на фортепьяно. И работа-то была легкая, разложить масло в формы, но не простояла она в молочне и получаса, как вдруг с ней сделался обморок, и она так и хлопнулась бы об пол, если бы я не успела поддержать ее. И стоило же мне труда привести ее в чувство. Боюсь, что мистер Гомфри прав, и что у нее какая-нибудь болезнь сердца.

— Бедная девочка, — сказал фермер с сожалением. Он знал свою племянницу, когда она была еще действительно девочкой и любила сидеть у него на коленях, играя его большими серебряными часами, и когда он боялся притронуться к ней своими грубыми руками как к нежному экзотическому цветку. — Бедная девочка, это ужасно, Ганна, если она действительно больна. Она так молода, так хороша, так добра, что другой такой девушки не найти в нашей стороне. И отец для нее только и живет. Он с ума сойдет, если вернется домой и не найдет дочери. Нам надо сделать для нее что-нибудь, Ганна. Не свозить ли ее к какому-нибудь лондонскому доктору? Как ты думаешь?

— Пожалуй, — отвечала мистрис Редмайн задумчиво, — только не раньше окончания уборки хмеля. До тех пор я не могу потерять ни одного дня, хотя бы дело шло о спасении жизни, как ты, может-быть, думаешь. Но, слава Богу, до этого еще не дошло. Грация слаба и подвержена обморокам. Но это, может быть вовсе не опасно.

— Нет, ты должна непременно свозить ее в Лондон лишь только мы уберемся с хмелем, Ганна, и посоветоваться там с хорошим доктором.

— Я вовсе не против этого. Что пользы тревожиться, и, может быть, напрасно, словами мистера Гомфри. Он любит преувеличивать. Если ему пожалуешься на головную боль, он сделает такое лицо, как будто осталось только призвать гробовщика.

— А я вот что думаю, мать, — обратился Джемс Редмайн к жене после небольшой паузы, — нет ли у девушки чего на уме? Не тоскует ли она о чем-нибудь?

— Тоскует! О чем ей тосковать? Живет на всем готовом, палец о палец не ударит, если самой не вздумается. Она во всю жизнь не испытала никакого горя, кроме разлуки с отцом. Почему тебе пришел в голову такой вздор, Джемс?

— Не знаю. Девушки вообще мечтательницы, а этот господин, мистер Вальгрев, ухаживал за ней и много разговаривал с ней. Очень может быть, что он вбил ей в голову какую-нибудь нелепую фантазию, говорил ей комплименты, а она вообразила, что он влюблен в нее, — робко прибавил мистер Редмайн. Он укорял себя в душе за свое поведение в течение недели отсутствия своей жены, когда Грация и жилем благородя ему пользовались полною свободой. Мистрис Редмайн сердито прервала его.

— Ухаживал за ней! — воскликнула она. — Я знаю только что в моем присутствии я не допускала ничего подобного и грех сказать, чтобы мистер Вальгрев вел себя неприлично.

Он, конечно, был внимателен с Грацией. Она хорошенъкая девушка и мимо нее нельзя пройти, не заметив ее. Но я уверена, что он не говорил ей никакого вздора и вел себя как джентльмен.

— Тебе лучше знать, Ганна, — сказал фермер покорно. — Мне только не нравится, что Грация ходит, повесив голову. Это неестественно.

— Это слабость и больше ничего, Джемс. Пусть она пьет чай из этого хмеля, который я для нее подготовила, и ты увидишь, как она скоро поправится. Нет ничего полезнее кружки хмелевого чая утром, но ведь девушки упрямые и хотят, чтобы лекарство было сладким, как варенье.

Этим и кончилось совещание супругов. Состояние здоровья Грации казалось изменчивым. Бывали дни, когда она пыталась подавить свое горе и казаться веселою и оживленною, но большей частью ходила как убитая. Когда дядя и тетка начинали расспрашивать ее, она отговаривалась головною болью и не хотела ни в чем сознаться. Однажды добрый Джемс Редмайн отвел ее в сторону и спросил с искренним участием, глубоко ее тронувшим, нет ли у нее какого горя, во она отвечала ему: какое может быть у меня горе?

— Вы все так добры со мной, милый дядя, — сказала она, — и если бы только отец мой был дома, я была бы вполне счастлива.

Ответ был неопределенный, но Джемс Редмайн им удовольствовался и отправился к жене с видом радостного торжества.

— Я все разузнал, мать, — объявил он. — Грация тоскует об отце, она сама сейчас созналась мне в этом.

— Очень глупо с ее стороны, — отвечала мистрис Джемс, не любившая узнавать что-нибудь из вторых рук. — Ее тоска не ускорит возвращения Ричарда ни на один день и не обогатит его ни одною лишнею унцией золота. Лучше пила бы мой чай и заботилась о своем здоровье, чтобы он мог порадоваться на нее когда возвратится домой.

Прошло три недели после отъезда мистера Вальгрева — целая вечность страдания для Грации — корда его посылка прибыла в Брайервуд. Пакет был адресован его почерком, который был хорошо знаком Грации по заметкам в книгах, которые он давал ей читать и по бумагам, оставшимся на его столе. Судьба благоприятствовала ей в минуту получения. Она вышла на встречу почтальону, ничего не ожидая, ни на что не надеясь. От мистера Вальгрева она не ждала никаких известий. Разве он не сказал ей положительно, что между ними все будет кончено с его отъездом из Брайервуда? А она была слишком простодушна, чтобы считать его способным поколебаться. Он сказал, что честь обязывает его расстаться с ней, и он покорится этой необходимости, думала она.

Ее сердце сильно замерло, когда она увидела пакет. Как стрела облетела она вокруг дома и не остановилась, пока не добежала до старого кедра, под которым так часто наслаждалась опасным счастием с ним. Тут она опустилась на скамью и дрожащими пальцами разорвала пакет.

В пакете был синий бархатный футляр, который сам по себе должен был показаться драгоценностью такой девушке, как Грация, а в футляре на белой атласной подушке покоился медальон, такой чудный медальон, что у нее захватило дух при взгляде на него, и она сидела и смотрела вне себя от восторга.

Она открыла его и увидела букет эмалевых незабудок. Красиво, очень красиво, но с какою радостью променяла бы она эту картинку на его портрет или на прядь его волос! Она положила свою драгоценность на лавку около себя и распечатала письмо.

Ключок бумаги тотчас же привлек ее внимание. «Между медальоном и колечком есть пружинка, нажмите ее и вы увидите мой портрет». Прочитав эти слова, она вскрикнула от радости и начала искать пружинку, нашла ее и вскрикнула еще громче, все забыв от восторга, когда увидела его портрет. Искусный колорист польстил мистеру Вальгреву, темному цвету лица был придан итальянский оттенок, серые глаза были окрашены ультрамарином, и лицо на портрете

казалось десятью годами моложе, чем в действительности. Но Грация этого не заметила. Лицо, казавшееся ей прекраснейшим в мире, было идеализировано на портрете не более, чем она идеализировала его в уме своем с тех пор, как полюбила его обладателя. Но увидев Губерта Вальгрева в первый раз, она не заметила ничего особенного в его наружности.

Насмотревшись, наконец, вдоволь на портрет сквозь слезы, застилавшие ее глаза, покрыв стекло восторженными поцелуями, она спрятала медальон и прочла письмо.

Оно обмануло ее ожидания. Это было только письмо благодарного жильца к своим бывшим хозяевам. Ни слова о прекрасном прошлом. Грация заплакала.

«Я очень благодарна ему за портрет, – сказала она себе, – но мы расстались навсегда, я никогда, никогда не увижу его опять».

Портрет пробудил в ней новые надежды, письмо разрушило их. Утешительно было хоть то, что такое письмо можно было показать тетке и носить медальон открыто. Она взяла синий футляр и письмо и отразилась прямо к тетке, которую нашла в молочне.

– Посмотрите, тетушка, какой подарок я получила сейчас.

– Опять какая-нибудь подушка для булавок или закладка для книг от одной из ваших подруг.

– Взгляните, тетушка, – сказала Грация, открывая медальон.

– Боже ты мой! – восхлинула мистрис Джемс, взглянув на медальон. – Где это вы взяли?

– Мистер Вальгрев прислал, тетушка. Вот его письмо.

Мистрис Джемс вырвала письмо из рук племянницы и принялась читать его вслух, взвешивая каждое слово и перечитывая некоторые выражения, что показалось Грации очень обидным; от письма мистрис Джемс обратилась к медальону и долго рассматривала его; между тем Грация стояла в страшном опасении, что она найдет тайную пружинку.

– Вещица хорошенькая и стоит немало, – сказала наконец тетка. – Не знаю только с какой стати он прислал вам такой подарок. Он за все заплатил и ничем не обязан нам. И незабудки! Как будто он посыает это женщине, с которой был в дружеских отношениях. Мне это вовсе не нравится, и я уверена, что дядя посоветует вам отослать ему назад его подарок.

– О, тетушка! – восхлинула Грация, горько заплакав.

– Ну, полно, полно, Грация, не будьте таким ребенком. Если дядя позволит вам оставить медальон, я буду очень рада. Подарок есть подарок, и не думаю, чтобы мистер Вальгрев прислал его с дурным намерением, он джентльмен, если не ошибаюсь. Надеюсь, что он никогда не говорил вам никакого вздора за моей спиной.

– Нет, тетушка, он никогда не говорил вздора.

Напротив, он был всегда очень благоразумен и открыл мне нечто о себе: он уже давно помолвлен.

– Честно и благородно с его стороны, что он сказал это вам. Покажите письмо дяде за обедом, и если он посоветует вам оставить медальон, я буду очень рада.

Когда пришло время обеда, Джемс Редмайн, мнения которого о многих вещах были отголоском мнений его жены, всмотрелся в выражение ее лица, и видя, что она расположена благосклонно к подарку и к дарителю, объявил, что Грация может оставить медальон, не роняя семейного достоинства. Ей следует, конечно, написать благодарственное письмо, которое даст ей случай выказать свое пансионское воспитание, и переслать его через мистера Ворта, так как мистер Вальгрев забыл написать свой адрес.

Итак, медальон остался у Грации и в следующее воскресенье она надела его сверх кисейного платья и стояла в нем в церкви со стыдливым сознанием, что все прихожане ослеплены его блеском и что сам старик ректор, увидав его, прервет свою проповедь. В будничные дни она носила его тайно на черной ленте под платьем, а ночью клала под подушку. Любовь ее была раннею, страстью, девственною любовью, которая близка к сумасшествию, любовью Джульетты, которая хотела, чтоб ее Ромео рассыпался мелкими звездами.

«Да озарит он свод небес так ярко
Чтоб целый мир, влюбившись в ночь, не мог
Уж солнца обожать».

Девушка как будто ожила с получением этого медальона. Она стала веселее и бодрее, и тетка ее забыла свои опасения. Наступил конец сентября, и началась уборка хмеля. Толпы рабочих из пустынь Гибернии, из бесплодных долин Вайтчанеля и Бермондсея стекались на благословенные поля Кента. Мистрис Джемс была слишком занята, чтобы думать о здоровье Грации, и когда девушка начала опять ослабевать, решив что жизнь ужасна даже с его портретом на груди, никто этого не заметил. Однажды с ней сделался обморок, и дома не было никого, кроме старухи Салли, которая употребила все средства, какие пришли ей в голову, чтобы привести ее в чувство. В другой раз обморок сделался с ней в церкви, и с тех пор она никогда не ходила туда без большой синей склянки с нюхательным спиртом.

Пришли темные октябрьские вечера. В полях кое-где мелькали красноватые огоньки, и путник, проезжая по узким проселочным дорогам, наталкивался от времени до времени на табор кочующих рабочих. Вопросительно обращались к нему загорелые лица, а толпа полу-нагих детей обступала его, крича резкими голосами: «Подайте милостыню, господин». Группа, издали казавшаяся такою живописною, имела очень непривлекательный вид вблизи, и путник не мог не пожелать ей более удобного убежища на ночь. Иногда изодранное одеяло, повешенное между тремя жердями, образовывало нечто подобное палатке, но люди обладавшие такой роскошью были богатыми в своем сословии, большинство же ночевало под открытым небом, если только какой-нибудь великолушный фермер, сжалившись над рабочими, не пускал их в пустой амбар.

Джемс Редмайн был добр, и в Брайервуде кочующий люд жил сравнительно роскошно. Он давал им старые покрыши для скирдов на палатки и уступал все пустые амбары. Грация принимала участие в маленьких детях, тратила все свои деньги на лакомства для них, опустошала кладовую с яблоками, женщинам косила по вечерам большие миски с холодным чаем и старалась сделать для них все, что было в ее силах, рискуя заразиться тифом, как часто говорила ей тетка. В этот год она с особеною деятельностью предалась своей благотворительности, и горе ее стихло при виде страданий других. Она никогда не была так добра, как в этот год, говорили женщины, знавшие ее уже несколько лет. Она просиживала целые часы в поле, держа на руках больного ребенка и убаюкивая его грустными песнями. Женщины любили смотреть на нее издали и говорить об ее кротости и серьезном бледном лице.

— Что-нибудь с ней случилось, — говорила одна дюжая матronа другой. — В прошлом году она была весела как птичка, а теперь стала похожа на сестру мою Мери, которая умерла от чахотки в больнице, такая же бледная и руки такие же прозрачные. А добрая-то какая! Вот такие умирают, а мой старый отец, который и себе и другим в тягость, остается маяться на свете.

Однажды вечером, пробыв почти целый день в поле, Грация сделала страшное открытие: медальон ее пропал. Лента, на которой она носила его каждый день, перетерлась об острые края колечка и осталась на ее шее, разорванная пополам. Как ни поздно было, Грация пошла бы искать свое сокровище немедленно, если б это было возможно, подняла бы рабочих и попросила бы их искать вместе с ней, но дом был заперт а ключи лежали под подушкой мистрис Джемс, и бедная девушка не осмелилась прервать сон трудолюбивой хозяйки. Она легла в постель я проплакала всю ночь, а утром сошла вниз бледная как смерть, с красивыми кругами под глазами и объявила о своей потере.

Мистрис Джемс пришла в негодование, узнав эту новость.

— Потеряла! Как вам не стыдно, — воскликнула она. — С какой стати надели вы его в рабочий день.

Грация покраснела:

— Я знаю, что это было очень неблагоразумно с моей стороны, тетушка Ганна, но... но... я так любила его!

— Любила! Можно ли быть таким ребенком. Вы любите ваше фортельяно, — удивляюсь, как вы не повесите его себе на шею! Кто-нибудь из ваших возлюбленных рабочих украл его, и поделом. Вот что значит водиться с таким народом.

— Они не могла украсть его, тетушка. Я носила его под платьем, и они не знали что он на мне.

— Не знали! Если бы вы проглотила золотую монету, они знали бы, что она внутри вас. К тому же вы, наверное, вынимали его и показывали кому-нибудь из их паршивых ребятишек. Наживете вы себе когда-нибудь тиф или оспу с этим народом. На что вы будете годны без вашей красоты, не умея ни за что взяться?

Грация молчала, чувствуя себя виноватою. Она вспомнила что сидя накануне у изгороди и держа на руках ребенка, мать которого с толпою подростков работала на расстоянии нескольких шагов от нее, она вынула свой медальон и вертела его перед глазами малютки, любуясь сама на единственную вещь, служившую ей воспоминанием о краткой истории ее любви.

Тетушка Ганна однако вовсе не расположена была допустить, чтобы медальон пропал.

— Не стоило тратить на вас деньги, — сказала она, — и я это скажу мистеру Вальгреву, если когда-нибудь увижу его. Медальон из чистого золота с настоящим жемчугом, и носить его по будням среди рабочих!

Наворчавшись вдоволь, тетушка Ганна отправила Джека и Чарли и одного из фермерских рабочих искать медальон под руководством Грации, которая должна была указывать все места, где была накануне.

— Но это положительно все равно, что искать месяц в траве, — сказала им тетушка Ганна, когда они отправлялись в путь.

Предсказание ее оправдалось. Молодые люди искали вплоть до вечернего чая, искали тщательно, но безуспешно. После чая смеркалось и пришло прекратить поиски. Мистер Джемс собрал вечером рабочих, объявил им о пропаже и обещал пару соверенов тому, кто возвратить медальон, будь то мужчина, женщина или ребенок, но они все отвечали, подтверждая свои слова разнообразными клятвами, что ничего не знают о медальоне и никогда не видели его.

— Это ложь, — отвечал Джемс Редмайн твердо. — Кто-нибудь из вас видел его и украл его и, может быть, уже убежал с ним в ночь. Медальон почти в мою ладонь, и сыновья мои нашли бы его если бы он лежал в траве. Они обыскали все места, где была вчера мисс Редмайн. Грех вам обижать ее, она была всегда очень добра с вами.

— Разве мы это не чувствуем, — воскликнули женщины с отчаянною энергией и с сильным ударением на последнем слове. И гул голосов отвечал протестом против предложения, что кто-нибудь из рабочих способен взять вещь, принадлежащую мисс Редмайн.

Грация ушла в свою комнату крайне утомленная тяжелым днем, ходьбой взад и вперед и поисками с постепенно уменьшавшейся надеждой на успех. Она лишилась своего единственного утешения.

— Я никогда не увижу опять его лица, — сказала она себе. — Сама судьба против меня.

Глава XVI

Но если у тебя на уме недобroe

После потери медальона Грация, видимо, упала духом. Добросердечный дядя Джемс сделал все, что было в его силах, чтобы отыскать пропажу: передал дело в руки полиции, наводил справки у лондонских закладчиков, но все напрасно. Бедная Грация бродила по опустевшим полям с устремленными в землю глазами, как печальный призрак, носящийся на сцене несчастной жизни. Тетушка Ганна часто выговаривала ей за такое малодушие.

— Пропал так и пропал, — утешала она ее, — и нечего искать его понапрасну. Разве на свете мало других медальонов. Вот если Бог даст, за эту четверть года окажется прибыль, когда мы сведем счеты, мы с дядей купим вам новый медальон и вставим наши портреты. И такую вещь надо будет беречь как семейное воспоминание, которое вы когда-нибудь покажете своим детям.

Грация невольно содрогнулась. Портрет тетушки Ганны вместо его благородного лица, вместо его божественных глаз!

— Вы очень добры, — сказала она чуть не плача, — но я никогда не буду носить другого медальона.

— Вот это хорошо! Вы, может быть, думаете, что мы не в состоянии подарить вам такой дорогой медальон как тот, который вы потеряли. А я надеялась, что вы будете более дорожить вещью, которая подарена вам вашими родными, сколько бы она ни стоила, чем подарком чужого человека.

— Вовсе не потому, тетушка. У меня есть ваши портреты в альбоме, и я очень дорожу ими, но другого медальона я никогда не надену. Мне, видно, не суждено носить их.

Прошел октябрь, но поездка к лондонскому доктору все откладывалась по разным причинам. Постепенная перемена в Грации не поражала тех, кто видел ее ежедневно. Девушка вставала в определенное время, занимала свое место за столом, терпеливо выносila рутину скучной жизни и никогда не жаловалась.

Но она была очень несчастна. Не было у нее подруги ровесницы, с которой она могла бы отвести душу, не было никаких развлечений, а тихая, монотонная жизнь фермы способствовала как нельзя более усилинию ее горя.

Она написала благодарственное письмо мистеру Вальгреву, формальное письмо, просмотренное всем семейством, в котором благодарила его за подарок, который очень, очень хорош и которым она будет очень дорожить всю жизнь. Слово *очень* повторялось беспрестанно, и написано письмо было ее лучшим пансионским почерком и на самой плотной и белой почтовой бумаге, какую только могли достать в Танбридже. Дядя Джемс хотел купить бумагу с видом этого места на верху первой страницы, но племянница решила, что это будет вульгарно.

— Он знает Танбридж, дядя. Для чего ему вид на копеечной бумаге?

Письмо это осталось без ответа, да и не давало повода ни к какому ответу, хотя Грация с месяц жила слабою надеждой получить хоть уведомление, что оно дошло по назначению. С потерей этой надежды и с потерей медальона у нее не осталось ничего, кроме страшного будущего, будущего, в котором он не должен был иметь никакого участия.

А ее отец, письма которого в последнее время свидетельствовали о возраставшем успехе и подавали надежду, что он возвратится в конце текущего года, отец, о котором она так тосковала год тому назад — бы я ли он забыт? Нет, не забыт, но смешен на второе место. Она часто думала о нем и считала себя виноватою пред ним. Если б он в это время возвратился, чтобы ободрить и утешить ее, она, может быть, нашла бы в себе силы бороться с своим горем и заглушить его. Отец в былое время был для нее всем — отцом, матерью, товарищем, другом,

и радость свидания с ним заставила бы померкнуть другой образ и он стал бы только воспоминанием о прежнем страдании. Но отец ее приезжал, и она продолжала думать о Губерте Вальгреве.

У ней не было никакой надежды, не было даже надежды увидеть его опять когда-нибудь, и день за днем просыпалась она в туманные ноябрьские утра с невыносимой пустотой в душе. Эти пробуждения были даже тяжелее, чем в дни разлуки с отцом. То горе даже в лучшее время было облегчено надеждой; настояще было безнадежно.

Однажды после обеда, в начале ноября, тетка послала ее к Кингсбери с поручением в единственную лавку этой деревни, надеясь сколько-нибудь оживить ее прогулкой на свежем воздухе.

— Что бы она ни делала, только бы не сидела уткнув нос в книгу, — сказала мистрис Редмайн, считавшая всякое чтение, кроме Библии по воскресеньям, более или менее вредным занятием.

Грации пришлось идти по той же самой дороге, по которой она так часто ходила с ним, на которой он в первый раз подошел к ней, возвращаясь из церкви. Как она все это хорошо помнила! Вид местности с тех пор очень изменился, но не к худшему. Темные вспаханные поля, золотые, красные и бурье оттенки еще не снятой жатвы, даже сорные травы в изгородях, и водяной щавель в оврагах и роса, которую не в состоянии было высушить ноябрьское солнце, все это вместе было прекрасно. На перекладине небольшой калитки, чрез которую ей надо было пройти, громко пела красношайка. Девушка остановилась и смотрела несколько минут грустными глазами на веселую птичку.

«Желала бы я знать, бывает ли горе у птиц», — сказала она, тихо отворяя калитку.

Она вышла в узкую лощину, окаймленную двумя запущенными изгородями из высоких густых кустов ежевики, орешника и боярышника, разросшихся на высоких склонах, изобиловавших в апреле подснежниками. При самом входе в эту лощину девушка внезапно остановилась и тихо вскрикнув прижала руку к сердцу, забившемуся невыносимо.

Вдали виделась фигура приближавшаяся к ней, фигура высокого мужчины, образ предшествовавший ее дни и ночи, Губерт Вальгрев; он, очевидно, узнал ее и ускорил шаги.

Она сумела бы встретить его прилично, если бы он пришел в Брайервуд и она была сколько-нибудь подготовлена к встрече с ним; но теперь самообладание покинуло ее, она упала на его грудь и зарыдала истерически.

— Милая моя, милая!

В течение нескольких минут он не мог произнести ничего кроме этих слов, но старался успокоить ее как испуганного ребенка и терпеливо дождался, пока не стихло ее волнение. Тогда он тихо поднял ее голову и взглянул на ее лицо.

— Что это, Грация? — воскликнул он с испугом.

— Как вы изменились?

— Изменилась? — спросила она с слабою улыбкой.

— Я была не совсем счастлива в последнее время.

— Почему же, милая? Разве что-нибудь случилось в Брайервуде?

— О, нет, там все здоровы, и отец мой пишет самые утешительные письма, но...

— Но что же, Грация?

— Я так глупа, так малодушна! Я не могла совладать с собою, я думала, что никогда не увижу вас опять.

— И вследствие этого были несчастны?

— Да.

— А видеть меня, быть опять со мной, быть мою навсегда — было ли бы это счастием?

Она подняла на него глаза с невыразимою нежностью.

— Вы знаете.

– Так это будет, Грация.

– Но ведь это невозможно! Вы должны жениться на другой.

– Она не будет стоять между мной и этим любящим сердцем, – сказал он обнимая ее и глядя на нее с гордою, счастливою улыбкой. – Будь она в десять раз более то, что она есть. Грация, она не могла бы помешать нашему счастию, так как вы остались верны мне, а я люблю вас всем сердцем.

– Осталась верна вам, – повторяла она грустно, я только о вас и думала с тех пор, как вы уехали.

– А я всеми силами старался забыть вас, Грация, и не мог. Я дал себе зарок никогда не встречаться с вами, но ваше милое лицо было постоянно предо мной. Оно преследовало меня дни и ночи, и наконец после такой долгой и тщетной борьбы, я вернулся к вам, надеясь, что вы мне изменили, Грация, и решились выйти замуж за фермера и что мне придется уехать разочарованным и освобожденным от моей любви. Изменили вы мне, Грация? Не стоит ли между нами какой-нибудь краснощекий фермер?

– Фермер! – воскликнула девушка с презрением. – Если бы сам сэр Френсис Клеведон сделал мне предложение, я отказалась бы ему ради вас.

Губерт Вальгрев тихо вздрогнул.

– Сэр Френсис Клеведон, – повторил он. – Почему этот человек пришел вам в голову?

– Об этом человеке я часто думала, когда не знала вас, – отвечала она с улыбкой. – У каждой женщины есть герой, и сэр Френсис был моим героем, хотя я ни разу не видела его.

Лицо мистера Вальгрева, сиявшее пред том счастием и торжеством, внезапно омрачилось.

– Вы никогда не видали его? В таком случае я не имею основания ревновать. Он, вероятно, красивый мужчина, потому что судьба не знает меры своим щедротам, если захочет быть щедрою. Ее фавориты ни в чем не нуждаются. Но не будем терять время, говоря об этом человеке, Грация, у нас есть более интересная тема. Милая моя, правда ли, что вы любите меня, что это бледное лицо изменилось от тоски по мне?

– Другой причины не было, – отвечала она застенчиво.

– И вы моя, Грация?

– Вы это знаете, – отвечала она, подняв на него глаза, тронувшие его до глубины души свою невинностью. – Я ваша, если вы решились пожертвовать теми надеждами на будущее, о которых вы говорили, и отказаться от богатой невесты.

– Возлюбленная моя, я почти всем готов пожертвовать для вас.

– И вы женитесь на мне? – спросила она нерешительно, и яркий румянец разлился по ее лицу. Даже в своем маленьком мире она успела узнать, что любовь не всегда ведет к браку. Во всякой деревне есть свои рассказы об обманутой любви и непостоянстве мужчин, и в Кингсбери были такие рассказы, и Грация их слышала.

– Я сделаю все, что обязан сделать честный человек, моя милая. Я всеми силами буду стараться, чтобы вы были счастливы, если вы доверитесь мне.

– Разве я могу сомневаться в вас, – отвечала она, Я так люблю вас!

– Следовательно, чем скорее тем лучше?

– Что? – спросила она с удивлением.

– Наше соединение.

– О, нет, нет. Вы не должны спешить. Это слишком большая жертва с вашей стороны, и если вы впоследствии раскаетесь, я буду несчастна, зная, что для меня вы отказались от того, чем так дорожили. Притом у меня есть отец. Нет, как ни люблю я вас, но без его ведома я не могу ничего сделать.

— Вот как, Грация! И это вы называете беспредельною любовью? Отец вам дороже меня? Вспомните, как мало значения имел старый Капулетти для Джульетты, когда она полюбила Ромео.

Грация улыбнулась на эти слова. Он сам читал ей «Ромео и Джульетту», во фруктовом саду, в долгие летние вечера, и научил ее ценить это произведение лучше, чем она ценила его прежде.

— Но синьор Капулетти был несимпатичный отец, — сказала она, — а мой так добр.

— Милая моя, я не сомневаюсь, что отец ваш прекрасный человек, но ведь он теперь среди наших антиподов, а я боюсь долгих отсрочек. Жизнь и без того коротка. Поверьте мне, что философия Ромео и Джульетты была самая практическая философия: влюбились и обещались сегодня, женились завтра.

— Вспомните, как несчастлив был их брак.

— Absit omen⁶. Мы будем стараться походить на них только в горячности любви и в преданности друг другу. Но пора нам поговорить серьезно. Вы дрожите, хотя сегодня, кажется, совсем не холодно.

Он плотнее укутал ее шалью, взял ее под руку и тихо пошел вперед, смотря на нее.

— Какое счастье, что мы встретились здесь! Я приехал в почтовой карете из Танбриджа в Кингсбери и шел к вам, придумывая, чем бы мне оправдать свое посещение. Но теперь я избавлен от необходимости идти в Брайервуд. Мы решим все здесь в полчаса, дорогая моя, и приведем в исполнение наши планы, не возбудив никаких подозрений.

И мало-помалу он открыл ей свои планы и опровергнул все возражения, которыми она прерывала его время от времени.

Он готов, говорил он, пожертвовать многим ради ее любви (чем именно он не определил), но открыто женившись на ней, он испортит бы (всю будущность. Он был уверен, что она сама этого не захочет.

— О, конечно нет, — отвечала девушка, — но мой отец? Вы помирите меня с отцом?

— Без сомнения, дорогая моя. Но теперь ваш отец далеко, и мы успеем решить, как нам помириться с ним, пока он будет на обратном пути. Теперь же поговорим о затруднениях, которые нам предстоит преодолеть немедленно. Их не много. Моя милая должна быть только очень скрытна, очень мужественна и уйти из Брайервуда тайно как-нибудь на днях, положим, хоть ровно через неделю. Я ночую в Танбридже и встречу вас в Кингсбери в восемь часов утра, чтобы нам уехать в Лондон с девятичасовым поездом.

— В Лондон! — воскликнула она с испугом. — Разве мы будем венчаться в Лондоне?

— В Лондоне все возможно, моя милая; нет места, где так легко было бы сохранить тайну, как в Лондоне. Но не думайте, что я намерен запереть вас в дымном городе. Я найду хорошенько гнездышко для моей птички где-нибудь в окрестностях.

Весь этот план казался для Грации преисполненным ужасов. Она любила Вальгрева, очень любила, но неизвестное будущее тем не менее страшило ее. Покинуть родной дом, весь знакомый мир и уехать с ним отвергнутой своим семейством. Если брак их будет тайным, думала она, все знающие ее подумают, что она обесчестила себя. Эта мысль приводила ее в ужас.

— Могу я сказать дяде и тетке, что выхожу замуж? — спросила она.

— Можете, милая моя, в этом я не буду стеснять вас, но помните, что они не должны ничего знать, пока вы не уедете. Вы можете оставить после себя письмо, в котором скажете, что выходите замуж, не называя, однако, моего имени. Со временем они все узнают.

Так шаг за шагом, сопровождая Свои убеждения нежными просьбами, он добился ее согласия на его предложение. Она не могла подумать, без ужаса, как она встанет в туманное

⁶ лат. — здесь: не дай бог! упаси боже!

утро и уйдет тайком, как преступница, из родного дома. Но соединиться с ним! Она вспомнила ужасное время одиночества, когда тосковала о нем как о мертвом, и заплакала от внезапного прилива нежности.

– Есть ли что-нибудь, чего не сделала бы для вас? О, да, да, да, я приду.

– Вот это похоже на мою милую, смелую Грацию. Вспомните слова, которые я подчеркнул в вашем Теннисоне: «Верьте мне во всем, или не верьте ни в чем». Вы не раскаетесь в своем доверии, и я постараюсь возвратить румянец на эти бледные щеки. Знаете ли, Грация, что фермерская жизнь медленно убивала вас?

Они расстались, наконец, расстались потому, что Грация не могла медлить дольше, потеряв уже целый час, в котором предстояло отдать отчет тетке. Был четверг, четвертого ноября: в четверг одиннадцатого ноября Грация должна была уйти тайно из дома, в семь часов утра, когда дядя ее кончит свой завтрак и уйдет осматривать хозяйство, а тетка будет занята в молочне. От Брайервуда до Кингсбери был час ходьбы по крайней мере. У калитки, отделявшей луговую тропинку от большой дороги, огибающей выгон, будет ждать ее мистер Вальгрев в почтовой карете. Он охотно избавил бы ее от длинного перехода в холодное ноябрьское утро, если бы не считал опасным приближаться к Брайервуду.

Несмотря на то, что более важные возражения были уже опровергнуты, Грация не могла согласиться без слабого протesta уйти, не взяв с собой венчального наряда.

– Уйти без багажа, безо всего! – воскликнула она. – Это ужасно! Когда моя пансионская подруга Эми Моррис выходила замуж, у нее было три больших сундука приданого. Я видела платья, – такое множество. Ее приданое готовили шесть месяцев. Подвенечное платье было белое шелковое. А я в чем буду венчаться, Губерт? – спросила она стыдливо, и голос ее задрожал, когда она назвала его по имени в первый раз в жизни.

Этот простодушный вопрос тронул его до глубины души. Тяжело сознавать себя негодяем и в то же время настаивать на своем бесчестном намерении.

– Милая моя, – сказал он после едва заметной паузы, – неужели вы думаете, что были бы дороже мне, если бы имели три сундука приданого? Вспомните историю бедной Гризели, которую я прочел вам однажды. В бедности и в смирении молодая жена была всего дороже своему суровому мужу. Я буду любить вас, как рыцарь Эниды любил ее в ее полинявшем шелковом платье. Не обременяйте себя никакою ношней в четверг утром. Доставьте мне удовольствие купить все, что вам нужно, начиная со щеток для этих прекрасных волос и кончая стеклянными туфлями, если вам вздумается подражать Сандрильйоне, хотя комментаторы и говорят нам между прочим, что знаменитый башмачок был сделан из горностая и что ошибка произошла от типографской опечатки.

Он говорил спокойно и весело, стараясь скрыть свои чувства, которые были далеко не спокойны, и ему удавалось заставить ее улыбнуться. Самые обыденные его замечания казались ей эссенцией остроумия. Да, она придет. Все ее сомнения и опасения разрешились вопросом: есть ли что-нибудь, чего я не сделала бы для вас?

Начинало смеркаться, когда дело было решено. Они дошли до Кингсбери, где Грация исполнила поручение тетки, пока мистер Вальгрев ждал ее за дверью лавки. Потом он проводил ее почти до самого Брайервуда, говоря на пути о будущем, которое, по его предсказанию, должно было быть самым светлым будущим. В виду старой фермы, где в нижних окнах уже светились огни, они расстались.

– Только на неделю, моя милая, – сказал он целуя ее холодное лицо.

Она не ответила ему, и он заметил, что она дрожит.

– Будьте мужественны, – сказал он одобрительно. – Ведь в сущности путь к счастью вовсе не так затруднителен как вам, может быть, кажется, и я ручаюсь, что вы будете вполне счастливы, насколько это будет зависеть от меня.

Глава XVII Вне его власти

Не случилось ничего, что могло бы помешать побегу Грации Редмайн, а сама она, дав обещание, неспособна была изменить ему. Судьба ее была решена с той минуты, как она сказала: я приду. Обмануть его было, по ее мнению, непростительным преступлением. Но в течение промежуточной недели она горячо чувствовала все мелочные знаки участия со стороны резкой, но доброй тетушки Ганны и не раз была тронута до слез грубоватою нежностью дяди Джемса.

Она думала, что расстанется с ними навсегда. Она не смела надеяться, что мистер Вальгрев, которого она считала гордым человеком вопреки его дружескому обхождению с ее семейством в Брайервуде, позволит ей зваться с такою родней.

«С отцом он меня не разлучит, – сказала она себе. – Это было бы слишком жестоко. Но с теткой и дядей он не позволит мне видеться часто».

Она горько страдала в течение этой недели, страдала угрызениями совести, считая себя низкою обманщицей. Если бы время ожидания длилось дольше, она не устояла бы против такой нравственной пытки и не в состоянии была бы исполнить свое обещание. Мистер Вальгрев может быть предвидел это, назначая такой короткий срок. Она не могла ни есть ни спать под бременем своих тайных забот и проводила ночи, ожидая утра, а дни – не зная что делать с собой, бродя по ферме в холодную ноябрьскую погоду или переходя из комнаты в комнату и прощаясь с давно знакомыми предметами. Фортепиано, подаренное ей отцом, милое старое фортепиано, которым она гордилась как своею собственностью, позволяет ли ей муж взять его со временем к себе? Лучший рояль Эрака или Бродвуда не мог бы заменить ей это старое фортепиано неизвестного фабриканта.

«Их брак должен быть тайным, сказал он, но что это значит? Тайным для его круга общества, думала она, но не для ее родни. Позволил же он ей объявить, что она выходит замуж в прощальном письме к тете, и очень может быть, что по прошествии медового месяца он привезет ее в Брайервуд». Она просияла при этой мысли. С какою гордостью явится она к ним, опираясь на его руку. Как они должны будут гордиться, узнав, что она жена джентльмена! И каким приятным сюрпризом для отца ее будет узнать, что дочь его составила такую блестящую партию!

Так, смущаемая страхом и надеждой, дожила Грация до рокового утра, когда ей надо было покинуть Брайервуд. В последнюю ночь она не пыталась заснуть. Могла ли она спать спокойно не только послав последней встречи с ним, но с тех самых пор, как полюбила его? Ей надо было сделать кое-какие приготовления, и как ни незначительны они были, но в своем тревожном состоянии духа она провозилась с ними долго. Она уложила в дорожный мешок вещи, которые казалось ей, необходимо было взять с собой. Главные свои сокровища, рабочую корзинку и письменный ящик, отделанный слоновой костью, доставшиеся ей от матери и считавшиеся в свое время очень ценными и красивыми вещами, она принуждена была оставить. Сколько мелких девичьих сокровищ – ленточек, кружев, сердоликовых бус, серебряных шпилек и тому подобного хранилось в них! Ей казалось, что имея при себе эту рабочую корзинку и письменный ящик, она с большим достоинством вступила бы в новую жизнь.

Надо было также приготовить подвенечное платье в долгие часы этой ночи, когда только мыши за панелью нарушали гробовую тишину в доме, платье, в котором она, невинная и доверчивая, твердо надеялась стоять перед Божиим алтарем женой Губерта Вальгрева. Это же платье, шелковое, персикового цвета, выцветшее и перевернутое, подаренное ей отцом в день рождения, три года тому назад, и с тех пор остававшееся ее лучшим платьем, надо было

надеть и в дорогу, потому что мистер Вальгрев запретил ей обременять себя излишнею ношей. Она выложила его на кровать, тщательно расправила и пришила к вороту и к рукавам свои лучшие кружева, наследственные и пожелтевшие от времени, и достала белую креповую шаль, принадлежавшую некогда ее матери. Этот наряд, с летнею шляпкой, отделанною новою белою лентой, купленной тайно, будет не дурен, думала она. В дороге его можно скрыть большой теплой шалью, а шляпку покрыть черным вуалем, чтобы уменьшить блеск новой ленты. Она была рада, что все так хорошо придумала.

Оставалось еще написать письмо, и это был труд не легкий. После долгих колебаний и неудачных попыток, она написала только следующее:

«Милая тетушка Ганна. Прошу вас и дядю не сердиться на меня. Я уезжаю, чтобы выйти замуж за джентльмена. Мы будем венчаться в Лондоне, но, кроме этого я не могу ничего сказать вам, не могу даже назвать вам имени моего будущего мужа, потому что брак наш должен оставаться некоторое время тайным. Я напишу отцу со следующей почтой и попрошу у него прощения в том, что решилась на такой шаг без его ведома. Да будет благословение Божие над вами, милая тетушка, и над всем Брайервудом. Простите мне мои ошибки и преступки и считайте меня всегда благодарною вам и любящую вас племянницей.

Грация Редмайн».

Она оделась при свечке, немного спустя после того, как старые часы на лестнице пробили пять. О, как прекрасно было лицо, отразившееся в это утро в ее старомодном зеркале, как бледно, и как мало в нем было земного.

Длинен показался ей переход из Брайервуда в Кингсбери, в это туманное ноябрьское утро. Год тому назад она не знала, что такое устать или отдохнуть на этом знакомом пути, но теперь ей казалось, что ему конца не будет. У одной из калиток она остановилась и приложила руку ко лбу, стараясь собраться с мыслями и победить чувство слабости, вследствие которого все окружающее казалось ей призрачным.

«Правда ли, что я иду навстречу ему, правда ли что я выхожу за него замуж? – спросила она себя. – Или это только сон?»

Но наконец она подошла к калитке у выгона, вполне уверенная, что шла не менее трех часов и опасаясь, что мистер Вальгрев уехал и ей придется возвратиться обесчещеною в Брайервуд.

Нет, он стоял у калитки и встретил ее с распростертыми объятиями и с радостною улыбкой.

– Сокровище мое, вы точнее самой точности, – сказал он. – Вы пришли на четверть часа раньше, чем обещали.

– Как! – воскликнула она с удивлением. – Разве я не опоздала?

– Нет, Грация, теперь только четверть восьмого. Я приехал получасом раньше.

– А мне казалось, что я опоздала на несколько часов, – сказала она с недоумением.

– Вы были взволнованы, милая моя, и вопреки всему, что я сказал вам, несли свой дорожный мешок, а он слишком тяжел для этих нежных рук. Садитесь скорей в карету, спрячьтесь от этого гадкого дождя.

В продолжение последних десяти минут шел мелкий, холодный дождь, но Грация этого не заметила. Мистер Вальгрев усадил ее в почтовую карету из Танбриджа, стоявшую у калитки, укутал ее мягким дорожным пледом, и они быстро поехали по мокрой дороге. Утро было непривлекательное для побега. Туман медленно скрылся, открыв сумрачный ландшафт, темневший от дождя, и серое небо. Но для Грации эта поездка была прогулкой по волшебной стране, вагон железной дороги, волшебною колесницей. Он был с ней, и так добр, так нежен, так внимателен. Даже при виде грязной, наводящей уныние станции Лондон-Бриджа, где они остановились, мужество девушки не поколебалось. Все опасения и сомнения ее исчезли с той минуты, как она сошла с ним. Он так благороден! У кого хватит низости подозревать его?

Было, только десять часов, когда они сошли с поезда. Губерт Вальгрев посадил Грацию в извозчицу карету, сказал несколько слов извозчику, и они поехали по направлению к северо-западу.

— Мы едем прямо в церковь? — спросила Грация, опасаясь, что ей не удастся снять вуаль и шаль до венчания.

— Нет, милая моя, я хочу показать вам сначала наш дом и поговорить с вами серьезно.

— Наш дом! — воскликнула она с детской радостью. — Неужели у нас будет свой дом?

— Как же иначе? Надо же нам жить где-нибудь, мы не птицы небесные. В настоящее время года я не могу уехать из Лондона и нанял квартиру в одном из предместий. Надеюсь, что вам понравится, Грация, гнездо, которое я выбрал.

— Может ли оно не понравиться мне, если нравится вам? — отвечала она.

— Ответ преданной жены, — сказал он, смотря с улыбкой на ее умное лицо.

Ее сердце затрепетало.

— Ваша жена, — прошептала она. — Как это приятно слышать.

— Да, дорогая моя, это имя священно с тех пор как его приняла Ева, хотя тогда не было ни церкви, ни закона, чтобы освятить его. Значение это глубже, чем полагают умы ограниченные.

Эта речь могла бы встревожить другую девушку в таком же положении, но по чистой душе Грации она скользнула бесследно, как дуновение летнего ветерка по поверхности глубоких вод.

— Вы в первый раз в Лондоне, Грация? — спросил он, решив что теперь еще не время для серьезных разговоров.

— Я была раз с отцом, но видела только Туэр и мадам Туссо.

Он называл ей церкви и здания, мимо которых они проезжали, но так как это была окраина города, столица представлялась Грации не в блестящем виде, и девушка удивлялась: чем так восхищаются сельские жители в Лондоне. Но когда они миновали архитектурные красоты Кентского предместья и стали подниматься на Гайтет, Грация начала любоваться улицей, показвавшейся ей похожею на предместья Танбриджа.

На самой вершине холма они остановились у маленького домика в готическом стиле, у такого именно домика, который должен был привести в восхищение девятнадцатилетнюю девушку, еще не научившуюся интересоваться погребом, прачечной, мусорной ямой или вопросом, не будет ли проникать чад из кухни в гостиную. Это была одна из тех построек, которые кажутся восхитительными на картинке и соединяют в себе всевозможные архитектурные неудобства.

Мистер Вальгрев отпустил извозчика и провел Грацию через небольшой садик в дом, в миниатюрную залу, а из залы в гостиную, в такую гостиную, что Грация всплеснула руками от восторга.

Ее возлюбленный не ленился в течение последней недели. Он украсил эту маленькую гостиную таким множеством цветов, что сделал ее настоящей беседкой. Он покупал вещи с мужской щедростью. Один из маленьких диванов был завален свертками из магазинов, на одном из столов лежала куча парфюмерных товаров: щетки, веера, флаконы с духами, маленькие французские туфли с пунцовыми бантиками, коробки с перчатками. Бумажки, служившие обертками, были свалены в кучу в углу комнаты.

— Вы видите, что я думал о вас, Грация, — сказал он, развернув один из свертков и показывая ей несколько кусков шелковых материй, таких материй, каких ей и во сне не снилось. — Я уверен, что нет конца вещам, которых я не догадался купить, но вы можете съездить сегодня же в Вест-Энд и выбрать там все по своему вкусу.

— Как вы добры, — воскликнула она, глядя с восторгом на блестящие разноцветные щелки, которые он бросал к ее ногам.

Она стояла пред своим соблазнителем, как Маргарита в сцене с бриллиантами.

— О, как это прелестно, как это прелестно! О, пожалуйста, поосторожнее. Вы их мнете, — воскликнула она, испуганная его неловкостью.

Он, не слушая ее, прошел по шелковым материям, обнял ее и поцеловал.

— Возлюбленная моя, прелестны вы, а не эти тряпки, — прошептал он. — Но я скупил бы все шелки в Реджент-Стрит, чтобы увидеть радость, с которой вы смотрите на них.

Она тихо высвободилась от него.

— Губерт, — сказала она, указывая на часы, стоявшие на камине, — не пора ли нам идти в церковь? Я слышала от отца, что венчаться можно только до двенадцати часов. Но может быть в Лондоне можно и позже.

— В Лондоне все возможно, Грация. Люди, живущие в Лондоне, отдают отчет в своих поступках только своей совести, не заботясь о мнении соседей.

Он оглянулся, подошел к двери, чтобы удостовериться, что она плотно затворена, и вернулся к Грации со внезапно переменой в лице и манерах. Он взял ее руки и взглянул на нее серьезно и нежно.

— Грация, — сказал он, — я хочу подвергнуть нашу любовь самому тяжелому испытанию. Вы говорите, что очень любите меня, и мне самому это кажется. Но вы еще почти ребенок, лет на пятнадцать моложе меня, и ваша любовь может быть только фантазия.

— О, нет, нет! — воскликнула он с жаром. — Любовь моя не фантазия. Мое сердце разрывалось от тоски по вас, когда вы уехали.

— В таком случае я вам вот что скажу, Грация. Видит Бог, что я вас люблю так сильно, как только мужчина может любить женщину, и что я готов на все благоразумные жертвы для вас, но...

Он замолчал, прерванный внезапно хрипотой и пораженный переменой в ее лице, побледневшем до самих губ.

— Но что? — спросила она медленно.

— Я не могу жениться на вас. Вы будете счастливы, как только может быть счастлива жена, я буду предан вам, как только может быть предан муж. Только пустая форма не будет соблюдена, но тем священнее будет для меня наш союз. Я обещаю любить вас до конца моей жизни, Грация, но жениться на вас я не могу.

Она смотрела на него широко раскрытыми глазами, показавшимися ему неестественно большими и внезапно посветлевшими. Ее бледные губы зашевелились, как бы пытаясь повторить его слова, но вместо слов она испустила пронзительный крик и тяжело упала на пол.

Губерт Вальгрев вспомнил сцену с ехидной в Клеведонском парке. Он стал на пол, тихо приподнял ее и положил ее голову к себе на колени, потом громко позвал на помощь.

Комната слуг были, вероятно, недалеко или новая любопытная прислуга была там, где ей не следовало быть, но на зов мистера Вальгрева тотчас же вбежала молодая служанка и, заключив по разбросанным материям, что господа ее поссорились, принялась выделывать обычную кабалистическую формулу, употребляемую при обмороке. Без всякого результата однако: Грация лежала бледная и холодная, как статуя.

— Она подвержена подобным обморокам, — сказал мистер Вальгрев. — Это наследственное. Но все же лучше сходить за доктором. Поскорее, поскорее! Да что же вы стоите?

Служанка вышла и послала кухарку искать доктора. Мистер Вальгрев поднял с большим усилием неподвижную девушку, положил ее на диван, опустился на колени и приложил руку к ее сердцу. Боже, что за страшная тишина! Он наклонился ухом к ее груди, прислушался и с внезапным ужасом бросился к колокольчику, отчаянно позвонил и вернулся к дивану, чтобы еще раз вспрыснуть бледное лицо.

Лицо было хуже чем бледно. Что это за страшная синева выступает на ней?

Не долго пришлось ждать ответа на этот вопрос. Местный доктор вошел в комнату, бесцеремонно отодвинул мистера Вальгрева от пациентки и наклонился над ней.

– Боже! – воскликнул он после самого краткого осмотра. – Болезнь сердца. Она умерла.

Глава XVIII

Мистер Вальгрев переименован

В течение всей длинной ночи и долго после того, как сумрачное зимнее утро показалось сквозь затворенное жалюзи, Губерт Вальгрев сидел один в разукрашенной гостиной, окруженный вещами, приготовленными для Грации, и цветами, увядавшими в спретой атмосфере.

Она лежала наверху, в хорошенъкой спальне, предназначавшейся для нее, лежала с руками, скрещенными на груди, и с лицом, нисколько не искаженным смертью. Две служанки и старуха, пришедшая помочь им, одели и уложили покойницу и предложили мистеру Вальгреву взглянуть на нее. Он согласился и пошел один к белой постели и долго стоял над ней, как окаменелый, потом опустился на колени и попробовал молиться, но не мог овладеть собою настолько, чтобы придать мыслям и словам какую-нибудь определенную форму. Он наклонился над ее холодными руками и покрыл их страстными поцелуями.

— Мой ангел, голубка моя, вернись ко мне! — воскликнул он. — Я не могу поверить, что ты умерла.

Но страшный холод и непоколебимая неподвижность слишком ясно доказывали печальную истину. Он отвернулся и возвратился в гостиную, где просидел всю ночь, ни разу не переменив позу и все думая о том, что сделал.

Сказав, что он женился бы на ней вопреки всем светским расчетам, если бы мог воскресить ее, мы не передали бы его чувств. Думая теперь о своих поступках с ней, он не понимал, как мог считать что-нибудь слишком большою жертвой для нее.

«Я любил ее, как никогда никого не любил и не буду любить, любил всем сердцем и всей душой. Что же останавливало меня? Потеря состояния, женина состояния! Неужели я такой негодяй, что ради этого способен был убить ее? Но, Боже, разве я ожидал, что убью ее? Я думал, что поступаю с ней честно, я хотел сделать ее счастливою».

Он взглянул на шелковые материи, лежавшие на том месте, куда он отбросил их, когда Грация упала, взглянул на цветы, на ящики с перчатками, на веера, флаконы, и горько засмеялся.

«Меня приучили думать, что женщины только этим и дорожат, а она умерла от нескольких жестоких слов».

Он вспомнил о своих планах, которые казались ему не только благоразумными, но и великолепными относительно Грации. Для нее подготовил он этот нарядный загородный домик, в котором она могла бы жить, не отказывая себе ни в чем. Его профессиональные доходы увеличивались день ото дня, он быстро успевал на своем поприще и мог позволить себе жить на широкую руку.

А его брак с Августой Валлори, от которого он не хотел отказаться? Этот брак был бы не что иное, как официальный союз по расчету, а сердце его осталось бы свободным для Грации.

Но она умерла, и он чувствовал себя хуже, чем убийцей.

На следующий день было следствие, полное невыразимого ужаса для Губерта Вальгрева. Но к этому времени он успел овладеть собой и вел себя чрезвычайно осторожно.

Нанимая дом и слуг, он назывался Вальшем и объявил следователю, что умершая была сестра его Грация Вальш. Горничная слышала, как он накануне, стараясь привести ее в чувство, называл ее Грацией, следовательно скрыть ее имя было невозможно. Она была его единственная сестра, девятнадцати лет, объявил он, и воспитывалась в провинциальном пансионе, из которого он взял ее, чтобы жить с ней вместе.

Дело было, по-видимому, самое обыкновенное, и медицинское исследование показало несомненную причину смерти.

— Болезнь было органическая, — сказал доктор. — Свидание с братом, без сомнения, ускорило смерть, но во всяком случае она не прожила бы долго. Всякое неожиданное потрясение могло убить ее.

— Но условленное свидание сестры с братом не могло быть неожиданным потрясением, — сказал следователь.

— Неожиданного потрясения, может быть, не было, — возразил доктор, — но сильное волнение, лихорадочное ожидание давно желанного события, освобождение от школьной жизни — все это вместе могло иметь такой же роковой исход. Натура была в высшей степени чувствительная. Это видно из некоторых органических признаков.

— Была ли взволнована вчера ваша сестра, мистер Вальш? — спросил следователь.

— Да, она была очень взволнована, и всегда отличалась чрезмерною впечатлительностью.

Служанка подтвердила показание своего господина. Она тоже полагала, что с барышней сделался обморок. Мистер Вальш сказал, что она склонна к обморокам.

Следователь был удовлетворен. Следствие было произведено с необыкновенным вниманием к чувствам мистера Вальша, который был, очевидно, джентльменом. Решено, что молодая особа умерла от болезни сердца.

Менее, чем через неделю спустя после ее побега из Брайервуда, Грация Редмайн было опущена в могилу на церковном кладбище Гетриджа, единственного и живописного селения в окрестностях Лондона.

Мистер Вальгрев питал отвращение к столичным кладбищам и столичным похоронам. Он выбрал самое тихое место, какое только мог найти в не слишком дальнем расстоянии от Гайгета, место вполне согласовавшееся, как ему казалось, с характером его дорогой покойницы.

Так кончилась его любовная история. Впереди как темная туча осталась возможность последствий этой трагедии, но он сказал себе, что сумеет избежать их. Он думал только о своей утрате и считал ее ужасною.

Деловая часть жизни должна была тем не менее идти своим порядком, и в деле Кардимумов мистер Вальгрев пожал плоды своих долгих трудов. Он говорил прекрасно, и его профессиональная карьера много выиграла от этого дела. В начале декабря Валлори возвратились в Акрополис-Сквер и возобновили свои обеды, на которые мистер Вальгрев обязан был являться.

Когда он пришел однажды к мисс Валлори на один из этих обедов, она выразила удивление, увидав траурную повязку на его шляпе.

— Я не знала, что вы в трауре, — сказала она. — Вы не сказали мне, что у вас кто-то умер.

— Не стоило говорить, потому что вы не знали эту особу, а мне она была дальняя родственница.

— Дальняя родственница! Но повязка на вашей шляпе так густа, как у вдовца, намеревающегося скоро жениться. Такие вдовцы всегда носят самые густые повязки.

— Неужели? — спросил мистер Вальгрев с слабою улыбкой. — Я сказал шляпному мастеру, чтобы он сделал мне повязку, но не дал ему никаких инструкций относительно его густоты.

— Но скажите мне наконец, кто у вас умер, Губерт? Вы знаете, что меня интересует все, что касается вас. Дядя или тетка?

— Не дядя и не тетка, а только дальняя родственница.

— Так зачем же вы надели такую повязку, Губерт? Вы должны отдать ее переделать.

— Я совсем сниму ее, если она вам не нравится, милая моя. Мне казалось, что не надеть траур по особе, которую я уважал, будет невниманием к ее памяти.

— Пожалуйста, не думайте, что я против траура. Я, напротив, считаю пренебрежение такими вещами неблаговоспитанностью. Но во всем надо знать меру. В Лондоне померла ваша родственница?

— Нет, в провинции, — отвечал он, и видя что мисс Валлори хочет спросить «где», прибавил: — в Шропшире.

Это место пришло ему в голову случайно, как одно из тех мест, которых почти никто не знает.

— Вот где! — воскликнула мисс Валлори. — Мы приглашены к одним знакомым, которые живут близ Бриджепорта, но я никогда не была в Шропшире. Оставила вам ваша родственница какое-нибудь наследство? Может быть, это-то и есть причина вашего глубокого траура?

— Моя родственница не оставила мне ничего кроме... кроме более близкого знакомства со смертью. Всякая семейная утрата знакомит нас с ней.

— Конечно, и это всегда очень тяжело.

Так как дело Кардимумов было неоспоримым торжеством для Губерта Вальгрева, он в начале весны надел судейскую мантию, к великому удовольствию своей невесты, которая всегда гордилась им и заботилась об его повышении. Разве он не был частью ее самой? Какого бы положения она ни достигла с помощью своих денег, оно не удовлетворило бы ее, без отличия с его стороны. Она очень хорошо знала, что могут и чего не могут дать деньги.

Вскоре после повышения мистера Вальгрева, в Акрополис-Сквере был семейный обед, на который не был приглашен никто кроме, Губерта Вальгрева.

— Дело в том, что мне надо переговорить с вами наедине, Вальгрев, — сказал мистер Валлори, когда Августа оставила их вдвоем за столом после обеда, — и я позабочился, чтобы сегодня не было у нас никого.

— Мне не хотелось приглашать вас к себе в контору, это было бы уж слишком формально.

— Я к вашим услугам, где бы то ни было и когда бы то ни было, — отвечал мистер Вальгрев.

— Благодарю. Я знаю, что вы очень добры, но в конторе у меня нет минуты спокойной. Так вот в чем дело, мой милый Вальгрев. Я очень доволен вами, даже более чем доволен, я поражен. Не то, чтоб я когда-нибудь сомневался в ваших дарованиях, нет, я никогда не сомневался, — прибавил он торжественно, как бы полагая, что молодой человек умер бы на месте, узнав о таком гибельном сомнении. — Я всегда возлагал на вас большие надежды, милый друг, но не знал, что они сбудутся так скоро.

— Вы очень добры, — сказал Губерт Вальгрев, глядя упорно на свою тарелку.

Он предвидел, к чему это ведет и собирался с духом. Он наконец достиг своей цели, к которой некогда стремился с таким жаром. Почему же отступает он пред ней теперь? Разве что-нибудь стоит между ним и Августой Валлори? — Только призрак Грации.

— Я не одобряю продолжительных помолвок, — продолжал мистер Валлори. — Я человек практический и гляжу на вещи с практической точки зрения и не замечал, чтобы долгие помолвки вели когда-нибудь к добру. Иногда жених узнает кого-нибудь, кто понравится ему больше его невесты, иногда невеста полюбит кого-нибудь больше своего жениха. У них не хватает духу сознаться в своих чувствах, они притворяются влюбленными и вступают в брак, чтобы быть всю жизнь несчастными.

— В том, что вы говорите, без сомнения, много правды, — сказал мистер Вальгрев, — но мне кажется что истинная любовь не ослабляется разлукой, должна усилиться от времени.

— Да, если любящие муж и жена, знают, что связаны друг с другом неразрывно. Когда вы сделали предложение моей дочери, зная, что она могла бы сделать лучшую партию, я сказал вам, что не могу дать согласия на ваш брак, пока вы не приобретете себе какого-нибудь определенного положения в своей профессии. Доходы были для меня делом второстепенным. У Августы хватит денег на двоих.

— Я, кажется, достаточно ясно дал вам тогда понять, что никогда не поставлю себя в зависимое положение от жены, — поспешил возразил мистер Вальгрев.

— Да, но вы должны будете волей или неволей пользоваться богатством своей жены. Нельзя, чтобы Августа ела на одном конце стола черепаховый суп, а вы на другом конце бараний. Она не такая девушка, чтобы стеснить себя для вас. Она хочет жить в такой обстановке, к какой привыкла с детства, и надеется, что и вы подчинитесь этой обстановке, не спрашивая чьих доходов идет больше на хозяйство. Но она имеет право ожидать от мужа личных отливий, а так как вы на прямой дороге к ним, то я разрешаю вам вступить в брак, когда угодно.

Мистер Вальгрев поклонился, не выразив однако ни малейшей радости; но так как они оба были англичане, то это нисколько не удивило мистера Валлори.

— Благодарю вас, — сказал мистер Вальгрев спокойно. — В этом отношении я в полной зависимости от Августы. Ее воля для меня закон.

— Так переговорите с ней. Но есть еще обстоятельство, которое я предпочитаю сообщить вам немедленно. Мой покойный компаньон Гаркрост оставил не совсем обычновенное завещание. Он был странный человек во многих отношениях и очень гордился своим именем. Не то, что он претендовал, что какой-нибудь Гаркрост прибыл с Завоевателем или что Завоеватель застал эту фамилию в Англии; его дед вышел в люди собственными трудами, но все Гаркросы были упорными, самонадеянными людьми, до странности уверенными в своих достоинствах.

Мистер Вальгрев приподнял немнога брови, недоумевая, к чему ведет эта речь.

— Чтобы не терять даром времени, — продолжал мистер Валлори, — я скажу вам прямо, что друг мой Гаркрос поставил непременным условием для получения завещанного им Августе наследства, чтобы муж ее, кто бы он ни был, принял имя Гаркроса. Теперь вопрос в том, согласны ли вы переменить имя?

Губерт Вальгрев пожал плечами и опять приподнял брови.

— Я не вижу причины не согласиться, сказал он, подумав немного. — В первую минуту такое предложение поражает, как будто вам предлагают окрасить волосы или что-нибудь в этом роде, но надеюсь, что моя незначительная репутация, которую я приобрел, как Вальгрев, останется при мне, если я назовусь Гаркросом.

— Без сомнения, мой милый друг. Мы об этом позаботимся, — отвечал мистер Валлори. — В юридическом сословии нет имени более известного и уважаемого, чем имя Гаркреса. Как Губерт Вальгрев вы слыши за умного человека, как Губерт Гаркрос вы будете известны за члена одной из самых старых и уважаемых фирм. Я ручаюсь вам, что, переменив имя, вы не теряете своей карьеры.

— Так я готов привезти свои бумаги, когда и вы, и Августа сочтете это нужным. Губерт Вальгрев Гаркрос будет славною подписью на адресе к свободным и независимым избирателям Итансилия, если мне когда-нибудь вздумается искать избрания в парламент. Я согласен. Что такое имя, в особенности мое, чтобы дорожить им?

Глава XIX

Возвращение Ричарда Редмайна

Большой корабль в открытом море, корабль английский, возвращающийся из Брисбона в Ливерпуль, везет в числе других своих пассажиров Ричарда Редмайна, фермера, золотоискателя и вообще предприимчивого человека.

Он возвращается в свои наследственные владения по крайней мере годом раньше, чем предполагал. Дела его в последние восемнадцать месяцев шли хорошо, так хорошо, что почти оправдали его ожидания, которые он составил, сидя в летние вечера под старым кедром с своею дочерью и думая, как хорошо было бы нажить богатство для нее.

Он это исполнил. Долгое время судьба была против него. Тяжело было жить грубою жизнью золотоискателя, копать землю с утра до вечера, отстаивать свои права, и все напрасно. Не раз желал он очутиться опять в Англии, хотя бы пришлось продать Брайервуд и оставить себе только небольшое поле и коттедж, но это было бы английское поле и английский коттедж, с английскими цветами на оных, санглийскою пищей, санглийским климатом и с милою дочерью, которая осветила бы его жизнь. Что толку в богатстве? – спрашивал он себя иногда. Разве большой дом и большие владения необходимы для счаствия? Разве обширные поля и множество скирд хлеба утешали его в первое время его вдовства, когда смерть молодой жены омрачила для него вселенную? Ни мало. И бедность в Кенте, среди плодородных полей и фруктовых садов, не составляет несчастия.

Он был в самом унылом настроении духа, когда судьба внезапно улыбнулась ему. Первые успехи его были незначительны, но они ободрили его выше меры и дали ему возможность писать домой утешительные письма. Вскоре за тем он вступил в товарищество с одним умным и очень даровитым человеком, который обладал кое-какими научными сведениями и много занимался химическим анализом почвы, но нуждался в сильных руках и железных мускулах, словом, в таком человеке, как Ричард Редмайн. Они заключили между собою условие, что фермер будет пользоваться знаниями мастера Спеттинга, дилетанта-химика, и мистер Спеттинг, с своей стороны, будет брать долю плодов Редмайна. Но чтобы работа шла успешно, необходимо было работать по крайней мере вчетвером, и они вступили в компанию с парой грубых милизийцев, труды которых должны были также вознаграждаться долей добычи, и все с жаром принялись за дело.

Николас Спеттинг нашел следы золотой руды за Вудь-Пойнтом и признал ее достойною разработки. Они отправились вчетвером к своему эльдорадо и провели там несколько месяцев одни, копая с неутомимым рвением, качая корыто, в котором промывалось золото с терпением матери над колыбелью, просиживая иногда целые часы по колена в воде и питаясь только жареной бараниной и крепким черным чаем. Ночевали они в пещере под одним из бесплодных утесов, окружавших их золотой прииск, и грубый вид жилища не мешал им спать самым крепким сном.

Но открытие их не долго оставалось тайной. Другие искатели последовали по их следам в их землю обетованную и предъявили свои права на окрестные места. Мистер Спеттинг сумел однако овладеть лучшим местом, и судьба покровительствовала ему и его кентскому компании. Они не были так счастливы, как некий доктор Керр, который в первые дни золотых открытий в Басарсте нашел в одно прекрасное утро массу золота на своей собственной земле, где оно лежало все время, пока он владел ею, и пролежало бы бы еще Бог знает сколько лет, если бы золотая блестка среди кварца не привлекла внимание туземного пастуха. Они не находили чудовищных слитков, но, трудясь усиленно, получали барыши от десяти до сорока фунтов на человека в неделю.

Когда им показалось, что место, которое они разрабатывали, истощилось, они разделили свою добычу. На долю Ричарда Редмайна пришлось более трех тысяч фунтов. Все его долги можно было заплатить половиной этой суммы, и он решился оставить золотопромышленность и вернуться на родину, дав себе предварительно краткий отдых, для того чтобы ближе познакомиться с Австралией и ее производительными силами, чем немало удивил и раздосадовал Николаса Спеттинга, имевшего в виду новое место и сгоравшего нетерпением попробовать, стоит ли оно разработки.

— Придется искать нового компаньона, — сказал он, — но я не надеюсь найти когда-нибудь такого честного и трудолюбивого человека, как вы, Рик. Если бы вы продолжали работать со мной, я сделал бы вас миллионером, но я вижу, что на вас не действуют никакие убеждения, если вы не можете преодолеть своей тоски по родине.

— У меня есть дочь, — отвечал Ричард Редмайн с задумчивою улыбкой. — Я соскучился о ней.

— Знаю я, что у вас есть дочь, — прервал его с досадой Спеттинг, — но разве вы не можете выписать свою дочь сюда? Вы поместили бы ее в Брисбоне, а сами продолжали бы работать, пока не сделались бы богаты, как Ротшильд.

Ричард Редмайн покачал головой.

— Она не создана для колониальной жизни, — сказал он. — Моя дочь слишком нежный цветок для здешней обстановки.

— Я уверен, что она красивая девушка, если похожа на вас, друг мой, — заметил Спеттинг своим равнодушным тоном.

— На меня! — воскликнул фермер. — Она похожа на меня, как я похож на водяную лилию, как подснежник похож на подсолнечник. Представьте себе, если можете, водяную лилию в образе женщины, и вы представите мою дочь Грацию.

— Не могу, — отвечал практический мистер Спеттинг. — Я никогда не отличался блестящим воображением, а если бы мог представить себе женщину, похожую на водяную лилию, она была бы не в моем вкусе. Я люблю женщин румяных, как пион, и с обилием мяса на костях, не в обиду вам будь сказано, Рик.

Расставшись со своим товарищем, Ричард Редмайн купил себе лошадь и отправился странствовать по Австралии и осматривать фермы и скотоводство. Располагая людей в свою пользу своим открытым лицом и бодрым видом, он находил радужный прием, во всех уединенных жилищах, встречавшихся на его пути. В Джипсланде он случайно заехал в ферму, обладатели которой разорились. Грубый деревянный дом стоял пустой, земля была запущена, и Редмайн узнал от толпы бродяг, поселившихся в сарае, что имение это будет продаваться с аукциона в Брисбоне менее чем через две недели.

Он осмотрел поместье и не замедлил оценить его выгоды своим опытным взглядом. Земля была плохо обработана, и последний ее обладатель быстро разорился, но это был человек, как узнал Редмайн от обитателей сарая, пивший запоем раза три или четыре в год и проматывавший все свои доходы, играя в азартные игры с проезжими, которых посыпала ему судьба.

— Вы можете приобрести ее частным образом, если переговорите с аукционерами, не позже как через неделю, — сказал один из бродяг, степной охотник, заметив, что проезжий не прочь купить ферму.

Ричард Редмайн был действительно обворожен поместьем. Оно называлось Ситные Луга, потому что состояло большей частью из низменного пространства, орошеного широкою рекой и покрытого высоким ситником, дававшим превосходное сено. Но тут были и горы, и долины, а местоположение дома было так живописно, что Редмайну никогда не случалось видеть ничего подобного. Каким царем мог бы он жить здесь с Грацией! — думал он. Она нечувствовала бы никаких неудобств колониальной жизни под его крылом и с честными служанками из Кента. Он пристроил бы к дому просторную гостиную и большую террасу, на которой его

милая дочь могла бы сидеть и работать в знойные летние дни. И какой вид имела бы она пред глазами. Волнистая равнина, серебристые речки между изумрудными берегами, тысячи овец на далеких холмах, голубое озеро, обширное как внутреннее море, на заднем плане, а налево, на краю горизонта, лес, роскошный, как тропический. На верху дома можно было бы пристроить две просторные спальни, деревянные, как и весь дом, построенный грубо, но прочно. Виноградные лозы и тыквы обивали стены до самой кровли, и множество цветов, превосходивших величиной и яркостью цветы Англии, украшали заброшенный цветник. С одной стороны дома тянулся фруктовый сад с персиковыми деревьями, с другой возвышалась пальмовая роща, с роскошными чужеядными растениями, обивавшими высокие стволы.

Раз задавшись какою-нибудь мыслью, Редмайн не легко от нее отказывался. Он очень любил Брайервуд, любил его безотчетно, наследственно любовью, но тем не менее всегда чувствовал себя в нем стесненным малым пространством. Вольная жизнь в Австралии, с обширным поприщем для опытов и предприятий, была ему более по характеру, чем рутинное существование фермера на его родине. Новость положения имела также неотразимое обаяние. Взять это запущенное поместье и сделать его образцовою фермой, было заманчивою задачей для предпримчивого человека. Брайервуд был так мал, что все его предприятия оканчивались неудачей по недостатку места. Здесь же, на просторе, он видел возможность что-нибудь сделать.

Прельщеный мечтой о будущей Аркадии, в которой его милая Грация будет царицей, поджигаемый степным охотником, который следовал по его пятам, пока он осматривал землю и расхваливал поместье, надеясь пристроиться у нового хозяина, Ричард Редмайн решился купить Ситные Луга, сел на лошадь и отправился прямо в Брисбон. Он делал от тридцати до сорока миль в день, проезжая иногда с утра до вечера по узкой просеке, положенной сквозь такой густой кустарник, что не было возможности свернуть направо или налево, или по холмистой пустыне с зелеными вершинами, возвышавшимися на две тысячи футов над уровнем моря, и пуская свою лошадь по ночам на росистую траву. Во всех человеческих жилищах, встречавшихся на его пути, его принимали как дорогого гостя, и не терпя в дороге никаких недостатков, он приехал в Брисбон не опоздав к аукциону. Он не пробовал вступать в частные переговоры, и обстоятельства оправдали его осторожность: торги шли вяло и робко, и Ситные Луга остались за ним за восемьсот пятьдесят фунтов. Аукционер поздравил его с покупкой за бесценок и выпил бутылку шампанского на его счет.

Покончив со всеми узаконенными формальностями, Ричард Редмайн съездил опять в свое новое поместье и оставил в нем в качестве сторожа своего нового знакомого, степного охотника, заплатив ему десять фунтов вперед за исправление изгородей и межей.

— Если окажется, что вы что-нибудь смыслите в сельском хозяйстве, я сделаю вас моим помощником, когда вернусь, — сказал он, — а вернусь я лишь только окончу дела в Англии.

Он намеревался отдать Брайервуд в наемы или поручить его опять брату, если хозяйствошло под его надзором действительно так хорошо, как он писал. Для себя же он не желал ничего лучшего, как жить в Ситных Лугах, в благоустроенной ферме, с богатым скотным двором, со множеством скирд хлеба, с уютным домом, в котором будет всегда место за столом и у очага для утомленного путника, и с полдюжины лошадей в конюшне. Он хотел научить Грацию ездить верхом, чтоб она могла обезжать с ним поля и кататься по великолепным окрестностям в лунные ночи.

Мысль, что такая жизнь может показаться скучною и монотонною его дочери, изредка приходила ему в голову, но он старался отогнать ее. Можно ли было представить себе что-нибудь скучнее ее жизни в Брайервуде? В Англии она была только дочерью мелкого землевладельца; в Австралии она могла бы жить царицей. Он был слишком уверен в ее любви, чтоб опасаться, что она будет скучать, живя с ним.

О том, что она может полюбить кого-нибудь другого он мало думал. Рано или поздно это, конечно, случится, — решил он, — какой-нибудь красивый эмигрант предложит ей руку и сердце, но это событие не разлучит его с дочерью. В Ситных Лугах было достаточно места для многочисленного семейства, и он уже воображал себя сидящим на своей большой террасе, обвитой виноградными лозами, и вокруг себя шумную толпу внучат.

«Я никогда не расстанусь с ней», — сказал он себе.

Он выехал из Брисбона в начале марта и прибыл в Ливерпуль в конце мая. Несколько месяцев перед своим отъездом он не получал писем из дома, но был уверен, что это следствие его скитальческой жизни, а не пренебрежения со стороны его семейства. Он не способен был мучиться предчувствиями возможных бед и совершил обратный путь полный надежд и планов на будущее. Он взял с собой план своего нового поместья и просиживал над ним целые часы, отмечая карандашом, какие места пойдут под пшеницу, какие под овес, какие под овощи, какие останутся под пастбища для его скота, и намечая межи, изгороди и калитки, существовавшие придать этой плодородной пустыне вид благоустроенной английской фермы.

И в конце мая, в светлый теплый день, Ричард Редмайн, с сердцем, преисполненным счаствия, весело высадился на почву своей родины.

Он не терял времени. Прибыв в Лондон на экстренном поезде, он тотчас же переехал на станцию Лондон-Бриджа, захватил поезд, отходивший в Танбридж, а в Танбридже взял почтовую карету, чтобы доехать до Брайервуда. Но когда показались знакомые изгороди, он не мог усидеть на месте. Ему казалось, что экипаж движется слишком медленно. «Я пешком дойду скорее», — думал он, и наконец не выдержал и отпустил извозчика на расстоянии мили от Брайервуда.

Он почувствовал себя спокойнее, когда остался один в тихий летний вечер среди сельского ландшафта. На небе догорал солнечный закат, закат раннего лета после безоблачного дня. Запад походил на золотое море, и все небо приняло светло-розовый оттенок. Проходя мимо рощи, Ричард Редмайн, несмотря на свое лихорадочное нетерпение, невольно остановился, услышав голос соловья, поразивший его как приятная новость после немузыкальных лесов Австралии. Как знаком, как мил ему был окружавший его вид! Если бы он приехал из Австралии только для того, чтобы посмотреть на знакомые места, путешествие его было бы вознаграждено.

Но он не для этого приехал. Он приехал для Грации и только для Грации. Если бы не она, он не вернулся бы в Англию, не покинул бы своего нового поместья. Его тоска по родине была только тоской об одном дорогом существе.

После четверти часа быстрой ходьбы, он увидел перед собой фасад старого дома. Вот он стоит все такой же прочный и крепкий, каким он покинул его, все такой же красивый, нетронутый ветром и непогодой и весь проникнутый стариной. Сад пестрел цветами, и на открытых окнах стояли цветы. Ричард Редмайн взглянул на окно комнаты своей дочери, надеясь увидеть ее милую головку над геранью и резедой, но не увидел никого. Все вокруг дома было чисто и очень красиво при золотом вечернем освещении. На дворе фермы слышался крик гусей и индеек и мычание коров. Внешний вид дома не предупредил Ричарда Редмайна об ожидавшем его ударе.

Протянув уже руку к колокольчику, он внезапно переменил свое намерение. Он вспомнил, что не предупредил свое семейство о своем возвращении и решил тихо обойти вокруг усадьбы, пройти садом и войти к ним без предупреждения.

А Грация! Он ожидал, что она вскрикнет от радости и бросится, как безумная в его объятия. Он представлял себе эту картину, когда шел по узкой тропинке фруктового сада. Ему ни разу не приходило в голову, что с ней могло что-нибудь случиться.

Вокруг дома царствовала невозмутимая тишина; дневная работа была окончена, наступил отрадный час отдыха перед ужином, час, когда умолкал даже голос тетушки Ганны, а дым трубки дяди Джемса возносился как фимиам пред алтарем.

Окно гостиной было отворено. Ричард Редмайн тихо подошел к нему по скошенной траве и заглянул в комнату. Да, его брат и невестка сидели в тех именно позах, в каких он ожидал застать их. Джемс Редмайн с торжественным выражением лица курил свою трубку, протянув ноги на соседний стул и разложив на коленях большой носовой платок. Он показался приезжему постаревшим и изнуренным заботами. Тетушка Ганна дремала на своем жестком кожаном кресле у пустого камина, и на лице ее были также следы утомления.

«Если б я не видал сена, когда шел сюда, я заключил бы по лицу Джемса, что сено-кос в этом году был плохим», – подумал Ричард Редмайн. – «Но где же Грация? Она, может быть, занята в своей комнате приготовлением какого-нибудь наряда к следующему воскресенью или читает роман в парадной гостиной, или гуляет в саду». Он оглянулся, но ни у цветочных гряд, ни между серыми стволами старых яблонь не видно было светлого платья.

Это его огорчило. Он был уверен, что она бросится к нему, как безумная, лишь только услышит его голос, но ему так хотелось увидеть ее, что даже минутное замедление было ему неприятно.

– Джим, – сказал он вполголоса, чтобы не разбудить дремавшую невестку.

Джемс Редмайн вздрогнул и уронил свою длинную трубку.

– Боже! – воскликнул он. – Не призрак ли это?

– Очень существенный призрак, мой милый друг. Я брат твой Ричард во плоти, и чтобы доказать это тебе, готов приступить немедленно к сытному английскому ужину.

Он без труда перелез в комнату через низкое окно.

– Где Грация? – спросил он.

Как ни темно уже было, он заметил перемену в лице брата и полный ужаса взгляд, который устремила на него проснувшаяся Ганна Редмайн.

– Где моя дочь? – повторил он тревожно.

Мертвое молчание, последовавшее за этим вопросом, оледенило его сердце.

– Умерла она? – спросил он хриплым голосом. – Да говорите, же наконец!

Тетушка Ганна первая собралась с духом ответить.

– Она не умерла, Ричард, по крайней мере мы не имеем причины считать ее умершую. Она может быть жива и счастлива. Но, Боже мой, Боже мой, разве вы не получили письма Джемса, в котором он рассказал вам все, что случилось, и списал письмо, которое оставила мне Грация, когда ушла?

– Ушла? – повторил Ричард Редмайн с негодованием. – Я, кажется, поручил вам заботиться о ней, Ганна Редмайн.

– И, видит Бог, я заботилась о ней, как о родной дочери, Ричард. Виновата ли я, что у нее хватило духу обмануть меня и уйти, не оставив никакого следа, по которому мы могли бы отыскать ее. Но ведь вы получили наше письмо?

– Нет. Последнее письмо, которое я получил, было то, в котором говорилось об уборке хмеля. Я уехал далеко от того места, куда вы мне писали, но я был уверен, что она живет в безопасности с вами. Неужели я оставил бы ее, если бы не был в этом уверен?

Он тяжело опустился на стул и сидел несколько минут, как окаменелый.

– Что сделалось с моей дочерью? – спросил он твердым, укоряющим тоном. – Рассказывайте все по порядку. Она не умерла, но ушла. Когда ушла она и как?

– Она ушла одиннадцатого ноября, в семь часов утра, ушла тайно, когда мы были все заняты. Но из ее письма вы узнаете все, что мы знаем.

Мистрис Джеймс подошла к боковому столу, отперла большую черную шкатулку и вынула из нее письмо Грации. Письмо это было читано и перечитано так много раз, что бумага

на сгибах почти перетерлась. Ричард Редмайн дважды прочел его вслух, сначала быстро, потом очень медленно.

— Тайный брак! — воскликнул он. — Это еще не большая беда. «Я напишу отцу с следующей почтой и попрошу его простить меня». Бедная! Ее письмо не дошло до меня. Но почему брак должен быть тайным и с каким чертом убежала она?

— Есть только одно лицо, на которое падает подозрение, некто мистер Вальгрев. Она говорит в письме, что выходит замуж за джентльмена, а он единственный джентльмен, которого она знала.

— Как она познакомилась с ним?

— Он был нашим постояльцем прошлое лето. Мистер Ворт рекомендовал его.

— Вашим постояльцем! — воскликнул Ричард Редмайн. — Кто позволил вам обратить Брайервуд в постоянный двор?

— Мы приняли его для того, чтобы оказать услугу мистеру Ворту и чтобы приобрести для вас двадцать фунтов, Ричард. Он был безукоризненный джентльмен.

— Чтоб вас... — воскликнул фермер с страшным проклятием. — Ваш безукоризненный джентльмен украл и погубил мою dochь!

Мистрис Джемс указала на письмо.

— Она пишет, что он женится наней.

— Женится! Как будто не всякий знает, что это значит. Нет ничего легче для негодяев, как обещать жениться. А моя бедная dochь была почти ребенок и неопытна, как ребенок. Уйдите от меня, сударыня, — воскликнул он, вскочив с конвульсивно сжатыми кулаками. — Уйдите от меня, потому что я способен убить вас!

Ганна упала на колени.

— Если я тут в чем-нибудь виновата, Ричард, — сказала она, — да простит мне Бог. Он знает, что я старалась всеми силами исполнить мою обязанность и что я искренно любила бедную девушку. Клянусь вам моей душою, что я старалась поступать так, как мне казалось лучше. Я верила Грации.

— Да, и ввели в ее дом постороннего и доверились ему.

— Мне рекомендовал его Джон Ворт.

— И чтобы угодить Джону Ворту, вы сделали Брайервуд постоянным двором и погубили мою dochь?

— Почему вы смотрите на ее судьбу с такой мрачной точки зрения, Ричард? — спросила мистрис Джемс, чтобы утешить его, хотя сама иначе не смотрела на судьбу Грации.

— Писала она вам после того, как ушла?

— Нет.

— И вы думаете, что она стала бы молчать, если бы была замужем и счастлива?

Мистрис Джемс промолчала.

— Разве она такая бессердечная, что способна не написать ни слова, когда знает, что родные имеют право считать ее бессердечною обманщицей, даже краснеть за нее.

— Она, может быть, писала вам.

— Может быть. О, Боже мой! Как глупо было с моей стороны пренебрегать письмами. Но мне и в голову не приходило, что с ней могло что-нибудь случиться. Я вернулся домой только для нее, только для того, чтобы повидаться с ней, и что же я нашел!

Он оглядел комнату полным отчаяния взглядом. Что значило бы для него всякое другое несчастье в сравнении с утратой единственной dochери?

— И вот для чего я работал, — пробормотал он, проводя рукой по лбу, как бы стараясь собраться с мыслями, — вот для чего везло мне счастье. — Он подумал немного и прибавил поспешно: — Вы, вероятно, пытались узнать, что случилось с ней. Не могли же вы только есть, пить и спать, когда она не имела, может быть, никакого приюта и скиталась, как отверженная.

— Мы сделали все, что было в наших силах, Ричард, — отвечала опять мистрис Джемс за себя и за мужа, который только смотрел на брата с безмолвным сожалением. — Джон Ворт не хотел сказать нам ничего о мистере Вальгри, но сам ездил к нему в Лондон и прямо обвинил его в том, что он увез нашу Грацию. Но мистер Вальгри сказал, что ничего не знает о ней и не видал ее с тех пор, как уехал от нас.

— Человек, способный соблазнить такого ребенка, не остановится перед ложью. Никого другого вы не подозреваете?

— Никого.

И мало-помалу, Ганна Редмайн рассказала всю историю пребывания Губерта Вальгрева в Брайервуде. Он был действительно внимателен с Грацией, сказала она, но не внимательнее, чем был бы всякий другой мужчина, ежедневно видевшийся с очень хорошенькой девушкой. С начала до конца он держал себя как джентльмен. Мистрис Редмайн особенно упирала на этот пункт. Затем последовало неизбежное признание, что Грация начала, видимо, тосковать, когда уехал мистер Вальгрев, и что никому не пришло в голову сопоставить эти два факта. Пришлось рассказать и историю с медальоном.

Ричард Редмайн во время этого рассказа сидел неподвижный, как статуя. Сердце его пылало затаенным гневом против людей, допустивших дочь его погибнуть. Он был уверен, что они могли спасти ее, что она погибла вследствие их беспечности. Но он говорил мало. Такое горе, как его, не ищет выражения в словах.

Когда тетушка Ганна кончила свой рассказ, прерванный только несколькими словами, робко вставленными дядей Джемсом, Ричард Редмайн резко поднялся с места и надел шляпу.

— Неужели вы хотите идти куда-нибудь так поздно, Ричард? — воскликнула его невестка, взглянув на часы. Было половина десятого, поздний час в Брайервуде.

— Я пойду к Джону Ворту и заставлю его дать мне отчет в его поступках.

— Не будьте слишком суровы с ним, Ричард, — сказала мистрис Джемс умоляющим тоном. — Он не знал, что это случится.

— Щадить его! Не ожидаете ли вы, погубив мою дочь, что я могу быть нежен с кем-нибудь из вас? Щадить человека, который ввел в мой дом негодяя, рекомендовав его как честного человека! Жаль, что прошло время, когда люди убивали своих врагов, как собак.

— Вспомните, Ричард, что он старый человек и что он был всегда вашим другом.

— Я буду помнить мою дочь. Чего вы так перепугались? Я его пальцем не трону. Разве я помог бы моей дочери, если бы сделал что-нибудь с ним? Я хочу отыскать ее и увезти на другой конец мира. Неужели вы думаете, что ее поступок уменьшил мою любовь к ней? Дайте мне только обнять ее, а за остальное я ручаюсь. Нет такого человека, который мог бы разлучить нас, хотя бы он был ее муж.

Он вышел из дома. Была тихая летняя ночь. Небо было усеяно звездами, горевшими неярким блеском тех светил, которые Редмайн привык видеть в последнее время, но тихим, кратким светом, тронувшим его до глубины души. О милый семейный сад, в котором он был так счастлив с своей погибшей дочерью! Спокойный вид окружающего усилил его страдание до невыносимой степени. Ничто не изменилось, только ее не было. Он ускорил шаги, как бы стараясь убежать от своего горя, вышел в калитку, прошел мягкий, благовонный луг и вышел на тропинку, по которой Грация шла к своей погибели.

Кингсбери еще бодрствовал. Было десять часов, когда Ричард Редмайн проходил по выгону, но в лавке еще мерцал тусклый огонек, и три общественных здания, составлявших величественный треугольник, были полны жизни.

Как знакомо и вместе с тем, как чуждоказалось приезжему все окружающее! Долго ли был он в отсутствии, — полстолетия или только неделю? Как монотонен казался ему этот мир в сравнении с тем, в котором он жил в последнее время. Казалось, что все те же деревенские

бездельники сплетничают у отворенной двери трактира, все те же грязные фигуры стоят с трубками в зубах, прислонясь к дверным косякам, все те же лошади пьют у колоды.

Он представил себе, как он пришел бы на это самое место, к этим самым людям, если б у него не случилось никакого несчастья, как шумно они встретили бы его, с каким интересом окружили бы его, как героя, как он стал бы рассказывать в кружке любопытных друзей историю своих похождений.

Он прошел мимо них незамеченный и вышел на лужайку, на которой стоял дом мистера Ворта, один из красивейших домиков в Кингсбери, с блестящими зелеными ставнями, с чистым каменным крылечком и с большою медною доской на двери.

Управляющий был неженат и с тех пор, как достиг зрелого возраста, сидел все на одном и том же стуле, все на одной и той же стороне своего очага и так редко принимал гостей, что все другие стулья стояли по несколько лет на одних и тех же местах, прислоненные спинками к стенам небольшой квадратной гостиной. Сам хозяин пользовался в своем доме только углом у камина, где курил свою трубку, и небольшою железною кроватью на верху, на которой спал. Обедал он в кухне, так как в Кингсбери гостиная считалась слишком священным местом для обыденной жизни, а для должностных занятий имел небольшую контору, помещавшуюся в особой пристройке к его дому, в которой он рассчитывал рабочих и писал письма на истертой и залитой чернилами конторке.

В пристройке горел огонь, и Редмайн подошел прямо к стеклянной двери, повернул ручку и вошел в комнату.

Джон Ворт задумчиво рассматривал связку бумаг при свете лампы. Когда дверь отворилась, он оглянулся и вздрогнул, как бы увидал привидение.

— Рик, — воскликнул он. — А я думал, что вы а Австралии.

— Вы надеялись, что я останусь там навсегда, — злоно возразил фермер. — Иначе вы едва ли осмелились бы ввести в мой дом негодяя, погубившего мою dochь.

Управляющий вскочил со стула, покраснев до корней своих седых волос.

— Если бы кто другой сказал мне то, что вы сказали сейчас, он не устоял бы на месте, — отвечал он.

— Я хочу знать, кто этот человек и по какому праву вы ввели его в мой дом, — продолжал Редмайн, не обратив, по-видимому, ни малейшего внимания на слова мистера Ворта.

— Человек, которого я ввел в ваш дом, джентльмен. Я не имел основания опасаться, что его пребывание у вас принесет какой-нибудь вред и не имею права сказать, что оно принесло вред. Он не признает себя виновным в исчезновении вашей docheri, и я не имею никаких доказательств против него. Он уехал из Брайервуда за два месяца до ее побега.

— Кто он? Скажите мне только, кто он? — воскликнул Ричард Редмайн, не отходя от двери, как бы для того, чтобы управляющий не мог уйти, не сказав ему всего, что он хотел знать.

— Вы знаете уже все, что я могу сказать вам, — отвечал Ворт. — Я ездил в город, чтобы поговорить с ним об этом деле и прямо обвинил его в том, что он увез ее, но он также прямо отказался от всякого участия в этом деле. Я не позволю беспокоить его опять по тому же поводу. Мне очень грустно за вас, Ричард Редмайн, и клянусь вам, что я любил Грацию, как родную dochь, но я не хочу быть орудием какой-нибудь неприятности между ним и вами.

— Вы хотите сказать, что не укажете мне, как найти его?

— Конечно, нет. Он был уже обвинен в похищении вашей docheri и не признал себя виновным. Что вы можете после этого сделать?

Ричард Редмайн улыбнулся улыбкой, заставившую содрогнуться его собеседника.

— Как вы думаете, что может сделать отец, у которого украли его dochь? — спросил он. — Но это вас не касается. Я спрашиваю у вас только: кто он и где я могу найти его.

— Если вы будете допрашивать меня до дня страшного суда, вы не узнаете от меня ничего. Человек этот джентльмен, и я не считаю его способным на такую подлость. И по какому

праву взводите вы на него такое чудовищное обвинение? Ваша дочь была самая хорошенская девушка в нашей стороне и могла иметь десяток поклонников.

– Моя дочь была непорочна, как младенец, – воскликнул фермер.

– Это я знаю, но тем не менее она могла склониться на убеждения какого-нибудь влюбленного джентльмена, обещавшего жениться на ней. И очень может быть, что ее возлюбленный сдержал свое слово, и она теперь счастлива.

– Этого быть не может, – сказал Ричард Редмайн со злобой. – Она не стала бы скрываться от тех, кто ее любит, если бы… если бы не стыдилась показаться им. Но я не стану тратить слова попусту, когда дело идет о моей дочери. Я отыщу ее. Как бы низко она ни пала, для отцовского сердца она будет всегда выше всего в мире. Но больно подумать, что такой цветок растоптан ногами негодяя. Прощайте, Джон Ворт. Я двадцать лет считал вас моим другом, но сегодня вы показали мне, что такое дружба. Если бы не ваши седины, я выжал бы из вас ответ как воду из мокрой тряпки. Неужели вы надеетесь помешать мне отыскать злодея? Если бы Лондон был в двадцать раз больше, я отыскал бы его. Если бы он уехал на другой конец света, я отыскал бы его. Будьте в этом уверены, Джон Ворт, и когда я отыщу его, вы об этом услышите.

Он вышел из комнаты так же резко, как вошел, а управляющий остался у своей contadorki, с опущенными в землю глазами, нервно крутя бумагу, и с видом человека, терзаемого совестью. Он любил Грацию Редмайн и был дружен с ее отцом, но он считал своим долгом защищать Губерта Вальгрева, даже если, он действительно виновен. А кто мог поручиться, что он виноват? Доказательств против него никаких не было, а сам он отверг обвинение. Мистер Ворт усиленно упирал на последний пункт, хоть в душе придавал ему мало значения.

– Если человек не хочет сознаться, что он убийца, нет пользы спрашивать у него, куда он девал орудие, которым убил, – сказал Джон Воорт своей знакомке и поверенной своих тайн, пожилой женщине, привязанной к нему узами долгой дружбы и родства.

– Неприятное положение, – пробормотал он, усаживаясь опять перед своими бумагами и стараясь сосредоточить мысли на занятии, от которого оторвал его Ричард Редмайн. – И все это следствие того, что я оказал услугу молодому человеку. Мне следовало знать наперед, что сближение с ним не поведет к добру. Но он казался таким контрастом своего отца, таким степенным, трудолюбивым человеком. И имел полное право ожидать, что ему можно довериться.

Глава XX

Что хотите вы сообщить мне?

Когда Ричард Редмайн освоился с своею утратой и начал привыкать видеть Брайервуд без Грации, хотя его дом все еще производил на него впечатление места, в котором лежит покойник, он решился подвести итог тем немногим фактам, которые ему удалось выпытать от мистрис Джемс.

Все, что она могла сообщить ему, имело для него мало значения. Она настаивала на том, что бдительно охраняла честь своей племянницы и не замечала за своим жильцом ничего дурного.

— В первые три недели после его приезда к нам, я не спускала глаз с Грации, — сказала она, оправдываясь перед братом своего мужа, обвинявшим ее в беспечности. — Я боялась, что он вскружит ей голову глупыми комплиментами.

— Только в первые три недели! — возразил Ричард с горечью. — А потом вы закрыли глаза и уши и предоставили ему говорить и делать что угодно.

— Потом я действительно следила за ними уже не так пристально, Ричард. Я знала, что Грация хорошая девушка, а он казался таким безукоризненным джентльменом. Он был лет на пятнадцать старше ее и, по-видимому, не интересовался ничем, кроме своих книг.

Мистрис Джемс рассказала ему некоторые события минувшего лета и представила их в таком виде, как смотрела на них сама.

— Однажды они устроили пикник, — сказала она, — и мистер Вальгри был внимателен с Грацией, но не особенно. Вечером с ней сделался обморок, и мистер Вальгри был очень огорчен и принял в ней большое участие. Вскоре после своего отъезда из Брайервуда он прислал ей прекрасный золотой медальон, в благодарность за внимание к нему ее тетки. Из таких голых фактов Ричард Редмайн должен был вывести какое угодно заключение.

Он мог вывести только одно заключение: что дочь его пропала и что жилец мистрис Джемс был единственный человек, которого она могла полюбить.

Расспросы показали ему, что средства, употребленные его братом и женой его брата для отыскания Грации, были самые ничтожные. Джемс ездил в Лондон и советовался там с своим школьным товарищем, стряпчим самого темного разряда, который отоспал его в одну частную контору для справок. Хозяин конторы сказал ему: «Объявите в газетах» — и протянул алчную лапу за деньгами, но Джемс Редмайн решительно отказался от его предложения. Он не хотел, чтобы все Кентское графство узнало, что племянница его сбилась с пути. Хозяин конторы сказал ему, что в объявлении можно употребить такие выражения, которые будут поняты только его племянницей, но Джемс остался непреклонен.

— Нет, — сказал он упрямко. — Если вы не можете отыскать мою племянницу, не печатая ее имени в газетах, я буду ждать возвращения ее отца, и ручаюсь вам, что он не замедлит найти ее.

Простодушный Джемс имел самое высокое мнение о брате своем Ричарде. Все возможное для смертного человека было, по его мнению, возможно и для Рика.

Первым делом Ричарда Редмайна было напечатать в «Times», в двух других лондонских ежедневных газетах и в двух еженедельных кентских изданиях следующее объявление:

«Грация. Отец твой дома. Возвратись или напиши. Любовь и прощение».

Объявление появлялось день за днем, неделя за неделей, месяц за месяцем. Читатели сначала соображали, что оно значит, потом привыкли к нему, наконец начали считать его такою же необходимою частью своей газеты, как имя и адрес издателя в конце последнего столбца. А пока они соображали, удивлялись и привыкали, Ричард Редмайн ходил по лондонским улицам в долгие летние дни и до глубокой осени отыскивал свою дочь и ее соблазнителя.

Он даже не знал имени человека, которого искал. Мистрис Джемс никогда иначе не называла своего жильца, как мистер Вальгри и выдала его за мистера Вальгри брату своего мужа. Когда он попросил ее написать его имя, она сделала несколько попыток, но каждый раз путалась в лабиринтах согласных. Такого же труда стоило бы ей написать заглавие прозаических творений Джона Мильтона.

— Почем мне знать, как пишется его имя! — воскликнула она наконец, видя что из всех ее комбинаций ничего не выходит. — Я не видела, как оно пишется и никогда не была сильна в правописании. А могу вести какие угодно счеты и не ошибиться ни на копейку, но сложить имя, которое я не видела написанным, было для меня всегда китайскою грамотой. Я знала, что его зовут Вальгари, и с меня этого было довольно.

И Ричард Редмайн искал человека по имени Вальгри, искал безуспешно, но с непоколебимым упорством и с надеждой на успех, хотя руководствовался только поверхностным словесным описанием его наружности. Между тем даже мистер Вальгрев исчез с лица земли, насколько имя есть представитель человека, уступив место Г. В. Гаркросу, в Mastodont Кресчинте, Гросвенор-Плес, известному за человека, женившегося на дочери старого Валлори. Его профессиональная репутация не была еще так значительна, чтобы затмить богатство его жены.

Не будем останавливаться на этой тяжелой эпохе в жизни Редмайна. Этот энергичный человек, вернувшийся из своего двухлетнего добровольного изгнания, гордый и торжествующий, был еще не разбит, но в его темных волосах показалась седина, вокруг блестящих серых глаз образовались глубокие морщины, на лице появился отпечаток утомления. Он долго надеялся вопреки безнадежной действительности, но наконец и его надежда стала истощаться.

Он не удовольствовался своим объявлением в лондонских и кентских газетах, но напечатал его в «Galignani» и в нескольких других заграничных изданиях, и напечатал таким крупным шрифтом, что трудно было предположить, что его можно не заметить, а способна ли была Грация, заметив его, не взять просьбе отца?

Вскоре после своего возвращения в Англию он написал мистеру Спеттингу, прося его отыскать все письма, приходившие на его имя до и, после его отъезда из Австралии и прислать их ему. Спеттинг исполнил его просьбу и прислал ему вычурное письмо Джемса Редмайна с уведомлением о побеге его дочери, но письма, которое Грация сама обещала написать отцу не оказалось.

Между тем, в продолжение всего этого горькою периода уменьшения надежды и усиления отчаяния, Ситные Луга, новое поместье, которое предназначалось быть отрадою и гордостью преклонных лет Ричарда Редмайна, оставались в запустении и давало приют приезжим и охотникам. Необходимо было заняться им, не теряя времени, определить границы, насадить изгороди и вообще водворить порядок там, где все было плодородною пустыней. Сознание этой необходимости было второстепенным источником беспокойства для Ричарда Редмайна. Хотя все его мечты и планы уже разрушились, но в лучшие минуты он еще надеялся, что они осуществляются, если он найдет свою дочь, и тогда его мучила мысль, что плодотворная земля, купленная на деньги, заработанные в поте лица, пропадает даром.

Он решился наконец послать туда брата с его семейством. Он не мог не сознаться, что Джемс и его неотесанные сыновья сделала без него чудеса в Брайервуде. Чего не сделают они на более богатой почве? С Брайервудской фермой он справится сам. Он останется ждать в ней свою заблудшую дочь и содержать в порядке для нее ее комнату, в которой она жила с детства до рокового дня своего побега.

Однажды вечером, приехав на несколько часов в Брайервуд из Лондона, он высказал брату свой план в присутствии всего семейства и, с горечью вспоминая свои несбывшиеся планы, описал им яркими красками свое австралийское имение. В первую минуту его предложение привело мистрис Джемс в ужас, а остальные члены семейства не смели высказать свое

мнение в ее присутствии. Как! Покинуть Брайервуд и свою родину и уехать жить с красными индейцами или с кем-нибудь в этом роде, пожалуй, с неграми. Она скорее согласилась бы умереть с голоду, чем взять в рот пищу, к которой прикасался негр.

Ричард Редмайн объяснил, что негритянский элемент не будет входить в дело, что первобытные обитатели Австралии действительно темны на вид, но редко встречаются в окрестностях Ситных Лугов и что для полевых работ можно брать ирландских эмигрантов.

— А ирландцы разве лучше негров! — воскликнула мистрис Джемс. — Довольно и того, что приходится иметь с ними дело во время уборки хмеля.

Однако, мало-помалу, когда план поместья со всеми отметками, предположениями и расчетами, сделанными бедным Ричардом во время обратного пути был разложен на столе и внимательно рассмотрен Джемсом и двумя его сыновьями, которые могли иметь свои мнения, но не смели высказывать их, когда величина и великолепие имения и распорядительность, необходимая, чтоб управлять им, были поняты Ганной Редмайн, она начала слушать с возрастающим интересом и предлагать вопросы то об одной, то о другой части земли и о расположении дома.

— Да, это было бы славным началом для мальчиков, — пробормотал Джемс, замечая, что жена колеблется.

— Славное начало для беганья с утра до ночи с ружьем за дикими зверями, — сказала презрительно мать мальчиков. — Станут они там работать!

Мистрис Джемс считала своим материнским долгом говорить о своих сыновьях не иначе, как самым презрительным тоном. Точно так же, без сомнения, относилась Корнелия к своим Гракхам в их юношеском возрасте.

Но в этот раз замечание ее было не безосновательно. При мысли об охоте на диких зверей лица юношей просияли широкими, восторженными улыбками.

— Вот славно-то было бы, Чарли! — воскликнул старший. — Здесь старый Ворт в кои-то веки даст нам подстрелить кролика в Клеведонском парке, а в том краю мы стали бы стрелять диких буйволов, кенгуру и еще Бог знает что. Не правда ли, дядя?

— В том краю! — воскликнул Ричард Редмайн, одушевившись при воспоминании о далекой стране, где он был счастлив. — В том краю у вас будет такая охота, какой не имели короли и их бароны, когда половина Англии была покрыта лесом, и крестьянин под страхом смерти не смел убить оленя. В Австралии вы можете купить хорошую лошадь за пять фунтов. Вы никогда не узнаете, что такое жизнь, друзья мои, если не поживете под Южным Крестом.

— Желала бы я знать, какова молочня в этих Ситных Лугах, — сказала в раздумье мистрис Джемс.

Юноши толкнули друг друга под столом, видя, что мать сдается.

— Теперь там по этой части нет ничего особенного, — отвечал Ричард Редмайн, — но я не пожалел бы сотни фунтов на улучшение скотного двора.

Мысль о молочне, построенной по ее собственному плану, была столь же соблазнительна для мистрис Джемс, как для ее сыновей охота на диких зверей. Брайервудская молочня состояла из щелей и углов, говорила она; в ней негде было повесить кошку. Образцовая молочня была всегда ее любимой мечтой, и если что-нибудь могло побудить ее переплыть море и переселиться в другую часть света, то это только надежда иметь молочню, построенную по ее собственному плану.

После долгих переговоров о затруднениях, казавшихся сначала непреодолимыми, Ганна Редмайн согласилась на переселение, а за ней согласилось и все ее семейство. Молодые люди были с самого начала за переселение; отец их выразил согласие с покорностью хорошо выдрессированного мужа. Если Ганна согласна, то он не будет противоречить, сказал мистер Джемс; он надеется быть полезным брату в качестве его управляющего, пока Рик не придет сам в свое имение; морское путешествие его немного пугает, но он перед этим не остановится, тем более,

что сам Рик был в Австралии и вернулся здрав и невредим. Словом, он согласился исполнить все, чего желали брат его и жена.

Прежде чем окончилось вечернее совещание, решено было, что Джемс и его семейство постараются собраться в путь как можно скорее и отправиться в Ситные Луга, где поселятся как полновластные хозяева и будут управлять имением бесконтрольно, пока Ричард Рейдман не отыщет свою дочь – он говорил об этом как о факте несомненном – и не приедет с ней в свой новый дом. Но приезд его, – сказал он, не должен смущать Джемса и Ганну. В Ситных Лугах хватит места для двух семейств.

– Мы до сих пор были друзьями, Джемс, и впредь постараемся не ссориться. Ты будешь управлять моим имением и брать значительную долю доходов себе, а когда я приеду, ты сделяешься моим партнером, и мы будем делить доходы пополам.

Все семейство единодушно поблагодарило его за такое щедрое предложение. Молодые люди, удалившись в свою каморку под крышей, были так возбуждены перспективой переселения, что не чувствовали ни малейшего расположения ко сну и готовы были сейчас же начать укладывать свои пожитки в старые деревянные сундуки.

– Разве нет сухопутной дороги в Австралию, Джек? – спросил младший.

Старший отвечал, что, вероятно, нет.

– Жаль, – сказал Чарли. – Хорошо было бы проехать половину пути на верблюдах.

Спустя месяц после этого посещения мистер и мистрис Джемс Редмайн с сыновьями и со всеми пожитками отплыли в Австралию, после прощального посещения замужней дочери, приезжавшей в Брайервурд оплакивать исчезновение своего рода с почвы, которая вспоила и вскормила его. Чинфильдский кондитер, приехав за женой, выразил самые честолюбивые виды на великую колонию. Он сознался, что чувствует в себе способность совершить великие дела в Новом Свете, что у него есть уже планы, касающиеся улучшения заваривания чая и кофе в связи с жарением бобов, не говоря уже, о приготовлении дорсетского масла, к чему он имеет особое призвание, но что все это может быть исполнено в более обширной сфере, чем Ченфильд, где предрассудки и узкоумие потребителей заглушают всякий порыв его гения.

Они уехали. Ричард Редмайн стоял на набережной в Гравесенде и провожал их глазами, пока корабль не превратился в черную точку на голубом горизонте. Тогда он почувствовал, что остался один в этой части света, один со своею дочерью.

Год подошел к концу, прежде чем истомилось мужество несчастного отца и его уверенность в самом себе, но в пасмурные декабрьские дни, после стольких несбытий надежд и тщетных поисков, начала ослабевать его надежда найти дочь и ее соблазнителя. До сих пор он ни с кем не говорил о своем горе, ни к кому не обращался за советом и надеялся только на самого себя. Он хотел сохранить тайну своей дочери, хотел избавить ее от стыда. Никто кроме его домашних не знал ни адреса его лондонской квартиры, темной комнаты на третьем этаже, ни причины его пребывания в Лондоне. Он заплатил все свои долги и поблагодарил своих кредиторов за терпение, но избегал встречаться со своими кингсберийскими друзьями и знакомыми. Он старался по возможности держаться в стороне от всех, кто его знал. Но по прошествии шести месяцев, потраченных на бесплодные поиски, он, наконец, убедился, что его мужественное сердце и сильные руки недостаточны для дела, которое он взял на себя. Тогда он отправился к адвокату, которого уже несколько знал, и объяснил ему свое дело, сказав, что человек, отыскивающий свою дочь, его друг.

– Молодая девушка, – сказал он, – скрылась из своего дома и с тех пор о ней нет никаких известий. Как должен поступить ее отец?

Мистер Смузи, адвокат и член фирмы Смузи и Гебб, в Грей-Инне, задумчиво потер подбородок.

– Давно ли скрылась молодая особа? – спросил он.

– Тринадцать месяцев тому назад.

– Давненько! Вашему другу следовало бы приняться за дело пораньше.
– Он ищет ее уже шесть месяцев.

Мистер Смузи взглянул пристально на своего клиента из-под своих густых серых бровей и заподозрил его тайну.

– Как же он искал ее?

– Он искал ее везде: во всех публичных местах, а церквях, в театрах, в парках, на улицах, в омнибусах, в лавках, искал с утра до ночи, день за днем, неделю за неделей, месяц за месяцем, искал до тех пор, пока не ослабел телом и духом.

– Боже мой! – воскликнул адвокат с удивлением.

– Друг ваш мор жить на одной улице со своей дочерью и не встретиться с ней целый год. Он просто сумасшедший. Искать женщину в Лондоне без всякого плана и системы! Да легче сыскать иголку в стоге сена. Ваш друг потерял голову, Редмайн.

– И было от чего потерять голову, – отвечал фермер спокойно.

– От души жалею его. Но возвратимся к делу. Почему друг ваш знает, что его дочь в Лондоне? Почему знает он, что она не в Нью-Йорке?

– Он имеет основание полагать, что она в Лондоне. Человек, которого подозревают в том, что он уговорил ее бежать, живет в Лондоне.

– Но что же это значит? Если вы... если друг ваш знает имя этого человека, почему он не обратится прямо к нему?

– Подозреваемый человек отказывается от всякого участия в побеге моей дочери...

Редмайн внезапно остановился и покраснел до ушей.

– Тайна выдана, – сказал он. – Пропавшая девушка – моя дочь, мистер Смузи. Вы сохраните мою тайну. Я хочу избавить мою дочь от скандала.

– Я отгадал это прежде, чем вы сказали десяток слов, – заметил адвокат дружески успокаивающим тоном. – Лицо ваше выражает слишком много волнения для человека, говорящего о деле своего друга. Чем откровеннее вы будете со мной, тем скорее я найду возможность помочь вам.

После этого Ричард Редмайн рассказал в немногих словах о своем несчастии, а адвокат выслушал его с серьезным, но не безучастным лицом.

– Имеете вы основание полагать, что этот мистер Вальгри обманул вашу дочь, то есть не исполнил своего обещания жениться на ней? – спросил он, когда Редмайн кончил.

– Только то, что дочь моя не дает знать о себе. Если бы... если бы все обстояло благополучно, она не оставила бы отца своего в сомнении. Она знала, как горячо я любил ее. И разве человек, намеревающийся поступить честно, увез бы девушку тайно из родного дома, когда он мог сделать ей предложение открыто?

– Обстоятельства дела и молчание девушки действительно не обещают ничего хорошего, – сказал мистер Смузи. – Вы говорите, что в письме было сказано, что бракосочетание будет в Лондоне, – кстати, вы должны дать копию с этого письма – пробовали ли вы узнать была ли такая свадьба?

– Как же мог я это узнать?

– Спросить печатно и предложить награду за достоверные сведения.

– И объявить всему свету о бесчестию моей дочери.

Мистер Смузи слабо улыбнулся. Как будто всему свету было дело до дочери кентского фермера.

– Вы, конечно, ее могли бы напечатать такое объявление не назвав имени девушки, – сказал он, – и очень может быть, что это повредило бы репутации. Напечатанного не уничтожишь. По моему мнению, мистер Редмайн, вам надо обратиться к какому-нибудь частному следователю.

– Мой брат Джемс уже обращался к одному следователю, но без всякого результата.

— Нам нет дела до того, что сделал ваш брат. Я знаю человека, который сумеет помочь вам, если это только возможно. Он начал свою деятельность в одно время со мной и девять лет занимался адвокатурой в небольшом городке на западе Англии, но потом начал пить, лишился работы и приехал в Лондон, где сделался частным следователем. Он и теперь пьет, но это не мешает ему быть таким дельным человеком, каких мало. Если хотите, я приглашу его завтра утром к себе, и мы все вместе переговорим о вашем деле.

— Мне остается только положиться на вас, — отвечал Редмайн. — Я долго надеялся, что сумею сам отыскать свою дочь, но наконец убедился, что эта за дача мне не по силам. Я чувствую, что еще несколько месяцев такой бесплодной работы сведут меня в могилу.

Мистер Смузи заметил, что отцы и дочери в руках Провидения и что надо покориться Его воле.

— Как! — воскликнул Редмайн. — Вы хотите, чтобы я смотрел на себя и на дочь свою как на две шашки на шахматной доске, как на предметы, не имеющие своей воли. А я говорю вам, что я найду мою дочь и отниму ее у негодяя, который украл ее у меня.

— Да поможет вам Бог, друг мой, — сказал адвокат набожным тоном, — но вы рассуждаете не по-христиански.

— Я перестал быть христианином с тех пор, как вернулся в Англию и не нашел моей дочери, — отвечал Редмайн.

На следующее утро он имел свидание с мистером Кенделем, частным следователем. Мистер Кендель был высокий, костлявый человек, лет сорока, с темными, коротко остриженными волосами, с длинным, красным носом, с блестящими и черными, как уголь, глазами, с чисто выбритым лицом и с такою респектабельною наружностью, какую только допускал вышеупомянутый красный нос. В сравнении с этим умным человеком Ричард Редмайн был неопытным младенцем.

Мистер Кендель написал несколько заметок в своей памятной книжке и в заключение свидания сказал с видом человека, знающего путь к цели:

— Если такая свадьба была в Лондоне, я буду это знать через неделю; если где-нибудь в другом месте в Англии, я обещаю узнать это в течение двух недель.

И действительно, через дне недели Кендель написал Редмайну, что насколько он может судить, в Англии не было свадьбы Грации Редмайн, и что он уже поручил благонадежным людям навести справки на континенте, и в скором времени надеется знать положительно, была ли такая свадьба где-нибудь за границей. Между тем он отыскивал мистера Вальгри, но до сих пор еще не нашел никого сколько-нибудь подходящего под описание подозреваемого джентльмена и носящего его имя.

Редмайн с досадой бросил письмо.

«Легко говорить о том, чего не сумел сделать, — проворчал он. — Джемс был, кажется, прав, говоря что частные следователи ни на что не годны».

Он не ответил на письмо Кенделя и продолжал свои собственные поиски. Рождество пришло и прошло. Для Ричарда Редмайна оно отличалось от обычновенных дней только благовестом колоколов на полусотне английских колоколен. Но, Боже, с каким страданием вспоминал он праздник Рождества в Брайервуде; лицо своей дочери, сиявшее среди остролистника и омелы: незатейливые развлечения, тихие семейные радости!

«Будем ли мы опять сидеть когда-нибудь вместе у нашего очага, я и Грация?» — думал он.

Как ни горька для него эта неизвестность об участии дочери, ожидавшее его известие было еще горче. В одно мрачное январское утро, недель пять спустя после первого свидания Редмайна с мистером Кенделем, рассыльный мальчик из конторы Смузи и Гебба принес ему записку, которую его приглашали прийти немедленно в Грей-Инн.

Он тотчас же последовал за посланным и был прямо введен в приемную мистера Смузи. Адвокат стоял, греясь перед камином; мистер Кендель стоял у стола перед небольшой связкой газет.

— Имеете вы какие-нибудь известия для меня? — спросил с волнением Ричард Редмайн, подходя прямо к сыщику.

— Не торопитесь, мой милый Редмайн, — сказал адвокат успокаивающим тоном. — Кендель полагает, что имеет для вас известие, но оно самого печального свойства, если действительно касается вас. Я должен предупредить вас, чтобы вы готовились к худшему.

— Боже мой! — воскликнул Редмайн. — Неужели случилось то, чего я так опасался? Неужели дочь моя погубила себя?

— Нет, это было бы уже слишком печально. Сядьте, пожалуйста, успокойтесь. Мы, может быть, ошибаемся.

— Число то же самое, — сказал Кендель. — Мисс Редмайн покинула дом одиннадцатого ноября.

— Страдала дочь ваша болезнью сердца, мистер Редмайн?

— Нет, насколько мне известно. Мать ее умерла внезапно от болезни сердца, двадцати лет от роду. Да что вы не говорите прямо! Умерла моя дочь?

— Мы имеем основания этого опасаться, но повторяю, что мы, может быть, ошибаемся. Не лучше ли вам прочесть эти параграфы, Кендель? Пусть мистер Редмайн узнает худшее.

Мистер Кендель начал развертывать газеты с не совсем спокойным видом. Он привык обнаруживать печальные события, но настоящее дело казалось ему выходящим из ряда обычных семейных несчастий. Внимательное лицо Редмайна, бледное до самых губ, свидетельствовало о необычайном страдании.

— Мисс Редмайн, — начал он деловым тоном, — покинула дом рано утром одиннадцатого ноября, и с тех пор до настоящего времени вы не получали о ней никаких известий. На днях, имея надобность заглянуть в старые газеты по другому делу, я случайно напал на известие о внезапной смерти молодой особы, которая приехала в Лондон из провинции одиннадцатого ноября, за час до своей кончины. Ей было девятнадцать лет и звали ее Грацией. Прочесть вам отчет о следствии?

— Прочтите.

Слово это вышло каким-то хрипом из его бледных, сухих губ.

Мистер Кендель прочел один за другим несколько параграфов из различных газет. В одной из них, в небольшой еженедельной газете, издававшейся в Гайгете, происшествие было описано подробнее, чем во всех других.

— Он назвал себя Вальшем, а молодую девушку своею сестрой, — заметил Редмайн, когда Кендель кончил.

— Нет ничего странного, если при таких печальных обстоятельствах он скрыл свое настоящее имя и свои отношения с молодою особой, — отвечал Кендель. — Я не утверждаю, что эта девушка была ваша дочь, совпадение не редкость в нашем мире, но ее имя, лета, день ее кончины одинаковы с именем, летами и днем побега вашей дочери. Даже первые буквы его имени одинаковы с первыми буквами имени мистера Вальгри. Но подумайте, мистер Редмайн, что как ни тяжело идти по следам вашей, дочери, чтобы остановиться, может быть, у могилы, было бы еще тяжелее найти ее в положении, которое хуже смерти.

Такая речь была целым взрывом чувства со стороны мистера Кенделя; его сердце, еще не совсем высущенное алкоголем, было глубоко тронuto безмолвным отчаянием отца, выразившимся только страшною переменой в лине и голосе.

— Намерены ли вы воспользоваться этими газетными известиями, мистер Редмайн? — спросил адвокат.

— Да, я проверю их, а потом пойду по следам убийцы моей дочери, — отвечал Редмайн.

Он сел к столу и записал в свою письменную книжку имя следователя, производившего следствие о смерти Грации, и некоторые подробности следствия. Мистер Кендель смотрел на него, пока он писал, и удивлялся твердости его руки.

— Продолжать мне мои розыски по вашему делу, мистер Редмайн? — спросил он.

— Нет, я буду продолжать их сам. Я скорее всех решу, дочь ли моя была эта девушка; а в случае неудачи обращусь опять к вам. Я заплачу вам за то, что вы сделали для меня.

— Благодарю вас, мистер Редмайн, и жалею от всего сердца, что мне пришлось оказаться вам такую печальную услугу. Кстати, есть ли у вас портрет вашей дочери? Он помог бы вам решить вопрос.

— Есть, — отвечал Редмайн, положив руку на грудь. Он постоянно носил портрет Грации, с тех пор как расстался с ней, в боковом кармане сюртука, хотя этот портрет был только плохая фотографическая карточка, представлявшая дорогое лицо, которому недоставало красок и жизни, придававших красоту оригиналу.

Решено было, что Редмайн отправится в Гайет, отыщет коронера, свидетельствующего мертвые тела, и проверит газетные известия.

Он отыскал коронера, отыскал и доктора, который был приглашен в коттедж, когда Грация лежала мертвая в объятиях своего возлюбленного. От доктора он выслушал подробное описание наружности девушки, ее красивого овального лица с рыжевато-темными волосами и с маленькой родинкой под подбородком.

Сомнения не осталось, что то была его Грация. Он проследил ее до конца ее краткого странствия. Все его планы разрушились, все его мечты о новой жизни в прекрасном австралийском поместье оказались несбыточными. Увы! Если он увидит когда-нибудь опять свою дочь, то не в этом мире. На земле ему уже нечего было искать.

«Кроме человека, погубившего ее, — сказал он себе. — Не дай мне, Господи, умереть, не расквитавшись с ним».

Он пошел в дом, в котором умерла его бедная дочь.

С того времени в доме переменилось несколько жильцов, но на доске, висевшей в хорошеньком маленьком садике, было объявлено, что квартира опять свободна.

Редмайн вошел в дом и побывал в маленькой гостиной, в которой она упала, пораженная внезапной смертью, побывал и в спальне, в которой она лежала в своем последнем непробудном сне. Он смотрел на место ее кончины с отчаянием, не имевшим выражения ни в слезах, ни в порывах гнева, ни в проклятиях, хотя в душе его было чувство горче проклятий против человека, погубившего его дочь.

«Кендель был, кажется, прав, — думал он, стоя перед белой постелью и воображая на ней Грацию со скрещенными на груди руками, — может быть, действительно лучше, что она умерла и избегла постыдной участи, которую готовил ей ее возлюбленный. Надо благодарить Бога, что она не сделалась его любовницей. Но как было бы хорошо соединиться с ней опять и начать вместе новую жизнь!»

За домом присматривала старая, полуглухая женщина, с одним плечом выше другого.

— Я помогла класть ее в гроб, бедняжку, — сказала она плаксивым тоном, когда Редмайн стал расспрашивать ее о молодой девушке, внезапно скончавшейся в этом доме немногого, более года тому назад.

— Так вы видели ее? — воскликнул Ричард Редмайн.

— Еще бы! Я видела и его после ее смерти. Он был тоже бледен как мертвец и так спокоен, что страшно было смотреть. Странное дело! Нанимая дом, он сказал, что нанимает его для своей молодой жены, а на следствии выдал за свою сестру. Но кто бы она ни была, он очень любил ее. Я была в доме за час до их приезда, помогая служанке убирать комнаты. Посмотрела бы вы, какие вещи он сюда прислал, сколько цветов и фруктов и разных роскошн. А фортепиано было просто картина. Да, кто бы она ни была, он ее очень любил.

— Так пусть воспоминание о ней преследует его всю жизнь и отравит его последние минуты на смертном одре, — пробормотал Ричард Редмайн.

Старуха была слишком глуха, чтобы расслышать это проклятие. Она начала опять описывать красоту покойницы.

— А каков был собой этот человек? — спросил Редмайн.

— Мистер Вальш?

— Да, мистер Вальш.

— Довольно красивый господин. Высокий, темноволосый, постарше ее лет на десять, если не больше.

— Не знаете ли вы, куда девался он после следствия?

— Нет, не знаю. Он заплатил месячную плату за квартиру, уложил все шелковые платья, туфли и все тому подобное в большой чемодан, велел положить его на крышу кареты и уехал. Извозчик знает, куда отвез его, а нам почем же знать?

— А извозчика не знаете?

— Нет, сударь, извозчик был взят с улицы. Мистер Вальш платил щедро. Кухарке и горничной он заплатил за целый месяц, заплатил и мне. А какие были похороны! С похоронными каретами и с перьями на каретах и лошадях! Он за все заплатил, и никто его не расспрашивал. А история эта все-таки загадочна. Что-нибудь да было между ними, что сразило бедняжку.

— Она умерла от разбитого сердца, когда узнала, что доверились негодяю. Это ясно, — сказал Редмайн более самому себе, чем старухе, глухие уши которой, однако, слышали два слова.

— Разбитое сердце, — повторила она. — Да, это правда, то же самое говорила и горничная, когда мы чесали волосы покойницы. Он что-то сказал ей вскоре после их приезда, что разбило ее бедное сердце.

Часа два спустя, в сумерки, Ричард Редмайн пришел один на тихое Гетериджское кладбище, которое находилось на расстоянии только пятнадцати миль от Лондона, но принадлежало деревне, стоявшей в стороне от большой дороги.

«Я уверен, что на могиле ее нет никакого памятника, — с горечью думал Ричард Редмайн, бродя между скромными могильными камнями. — Никто не поставит памятника в воспоминание о своем грехе».

Но он ошибся. Не в безымянной могиле лежала Грация Редмайн. Он подошел наконец к большой плите из серого полированного гранита, с надписью в три строчки:

«Грация.

Умерла 11-го ноября 186 -19 лет.

Увы Увы!»

Эпитафию короче этой трудно было придумать.

«Желал бы я знать, где он будет погребен, когда придет его время, — подумал Ричард Редмайн. — Но, клянусь Богом, я убью его, когда мы встретимся».

Глава XXI

Мистер и мистрис Гаркрос жили в одном из новейших домов, одной из новейших частей города. Бывают люди, которые инстинктивно любят старые, обросшие мохом жилища, которые скучают без узких окон и красных кирпичных фронтонов, времен королевы Анны, и готовы вытерпеть какие угодно неудобства, если знают, что в столовой дома, в котором они живут, происходили оргии кудрявых любимцев реставрации, а в лучших спальнях жили дамы в фижмах и вуалах, люди, которые способны спокойно улыбаться, когда вода просачивается сквозь крышу их дома, если этот дом слывет любимым дворцом Анны Болен, Генриха VIII или Елизаветы.

Августа Валлори не принадлежала к числу этих поклонников старины. Ее понятия, симпатии и антипатии были самые современные. Дом не мог быть слишком новым для нее. Она любила стены с только что высохшую штукатуркой, любила выбирать сама каждый кусок обоев и знать, что простые смертные никогда не жили под крышей, покрывавшей ее избранную голову.

— Я терпеть не могу жить в доме, в котором уже кто-нибудь жил до меня, — говорила она, — в особенности если в стенах есть шкафы: в них всегда остается запах.

Вследствие этого когда Губерт Вальгрев перед свадьбой предложил нанять дом между Гросвенор-Сквером и Парк-Леном, — в Брук-Стрит или в Грик-Стрит, например, мисс Валлори отвечала:

— Нет, мой милый Губерт. Все эти дома стары, как Лондон, и переполнены тараканами и всячими ужасами.

Мистер Вальгрев решился заметить, что класс общества, наполняющий эту часть города, едва ли стал бы жить в сообществе с тараканами.

— Оставим в стороне тараканов, Губерт. Я знаю, что в Брук-Стрит живут люди, пускающие к себе жильцов. Возможно ли, чтобы мы с вами жили... Как это ужасное выражение? Бок о бок? Да, бок о бок с наемными квартирами. Напротив, в новой части улицы на землях маркиза Вестминстера...

Мистер Вальгрев поморщился.

— Отвратительные новые дома, — сказал он.

— Иными словами, вы чувствуете отвращение к чистоте и порядочности. Вы сказали почти то же самое. Близ Гросвенор-Плеса мы можем найти дом, в котором мне не стыдно будет принимать моих знакомых, а у нас будут, конечно, вечера, Губерт.

— Вечера, милая моя? Конечно. Я поставлю себе долгом проводить вечера дома, если вы этого желаете.

— Я совсем не то говорю. Я надеюсь, что вы будете дома в послеобеденное время, если мы не будем никуда приглашены, но я говорю об еженедельных званых вечерах.

— О «вторниках» или «четвергах», — сказал мистер Вальгрев, поморщившись опять. — Неужели это вам нравится, Августа? Быть обязанным сидеть дома в известный вечер, зажигать бесконечное число свечей и встречать толпы гостей, входящих как бы исполняя общественную обязанность и не надеясь что их накормят — неужели вы думаете, Августа, что игра стоит свеч? Не слишком ли это скучная забава?

— Не знаю, почему вы думаете, что мои гости будут приходить как по обязанности, — сказала мисс Валлори оскорблением тоном. — Я надеюсь, что они будут приходить добровольно.

— О, конечно, настолько добровольно, насколько это возможно, но все же, по моему мнению, это скучная затея. Ломай целую неделю голову, придумывай где бы достать что-нибудь новенькое, какого-нибудь пианиста, например, который превзошел своими фокусами всех других пианистов, или литератора, только что напечатавшего книгу, имевшую успех, или астро-

нома, открывшего новую планету, или адвоката, первенствовавшего в последнем сенсационном деле, чтобы гостям было на кого посмотреть. Не шутя, Августа, неужели вам нельзя будет отделяться двумя или тремя обедами и балом в течение сезона?

— Я не понимаю, что вы хотите сказать своим «отделяванием», Губерт. Я всегда рада видеть моих друзей и надеюсь, что они рады видеть меня.

Мистер Вальгрев пожал плечами с видом учтивого равнодушия, что он всегда делал, когда хотел положить конец спору с своею невестой.

Дом был нанят в Мастодон-Кресченте, по контракту на семь лет, дом небольшой в сравнении с другими домами этой части города. В верхних этажах было только девять спален, три ванны и несколько узких коридорчиков, называвшихся уборными. В нижнем этаже была, по обыкновению, столовая, а рядом с ней мрачный склеп, предназначившийся быть библиотекой и кабинетом хозяина. Бельэтаж был занят гостиными, мало чем отличавшимися от гостиных Акрополие-Сквера. По крайней мере Губерт Вальгрев не заметил никакой разницы, когда приехал с своею будущею женой посмотреть, что сделал молодой меблировщик с домом, в котором ему предстояло прожить семь следующих лет. Если бы этот дом был нанят на неделю, он не мог бы смотреть на него равнодушнее, чем смотрит теперь.

— Довольны ли вы, Губерт? — спросила мисс Валлори, высказав свое мнение о ковре и изгнав стул или два.

— Если вы довольны, Августа, то и я доволен. Все такие гостиные похожи как две капли воды одна на другую. В летнем доме сэра Даниэля Дунди в Ричмонде нет вовсе гостиной. Ее место занимает большая библиотека с итальянским окном, выходящим на Темзу, и если бы я убирал дом по своему вкусу, я не сделал бы гостиной. Самую большую комнату в доме я сделал бы библиотекой, но если бы судьба обрекла меня иметь много знакомых, я стал бы принимать их в цветочной комнате.

— Надеюсь, что в этом доме вы будете в состоянии удовлетворить свои вкусы, — сказала Августа. — И мне хотелось бы, чтобы вы говорили о нем не таким равнодушным тоном, как будто это чужой дом.

— Лондонский дом не имеет индивидуальности; по крайней мере новый лондонский дом, — возразил мистер Вальгрев. — Что бы мы у себя ни сделали, я готов поручиться, что мы найдем то же самое у соседа. Мне кажется, что я мог бы войти в любую столовую на этой улице, сесть и считать себя дома, пока не вошел бы незнакомый лакей.

Они перешли во второй этаж и осмотрели главную спальню, потом уборную мистрис Гаркрос, будуар мистрис Гаркрос, ванную мистрис Гаркрос. Уборная и ванная мистера Гаркроса помещались обе в одной комнате в верхнем этаже, куда вела задняя лестница, так как шарадная внезапно прерывалась у второго этажа. К счастью, мистер Вальгрев-Гаркрос был не сибарит. Он не протестовал против задней лестницы.

— Мне очень жаль, что тебе отвели уборную в верхнем этаже, Губерт, — сказала Августа. — Но иначе нельзя было бы расположить удобнее мои комнаты. Будуар бесполезен, если он не рядом с уборной. *En revanche*⁷, я совсем отдаю вам библиотеку и даже велела сделать в ней вентиляцию для куренья.

— Это очень внимательно с вашей стороны, Августа. Я рад иметь комнату, в которой могу выкурить сигару. Я перенесу в нее часть моих книг из Темпля, лишь только мы поселимся здесь.

Они ходили из комнаты в комнату. День был серый, дождливый, омрачивший самые веселые предметы, и Губерт Вальгрев стал до странности молчалив, пока его невеста сидела в своем нарядном будуаре, несколько напомнившем ему другую комнату, оживленную птицами и цветами в такой же мрачный ноябрьский день.

⁷ фр. — взамен, в ответ.

Его невеста была так погружена в рассматривание своих апартаментов, что не заметила происшедшей в нем перемены. Мисс Валлори была в духе: меблировщик угодил ей как нельзя более. Она была довольна употреблением своих денег; она гордилась этим домом, как никогда не гордилась домом отца; она была искренно привязана к человеку, за которого выходила замуж, и надеялась, что эта красивая обстановка и ее богатство будут полезны для его профессиональной карьеры. Безучастие мистера Вальгрева она принимала за манеру обращения, за напускное равнодушие. Она никогда не сомневалась в искренности его привязанности к ней. Мог ли он желать от жены больше того, что находил в ней – красоту, образование, богатство.

Мистер Вальгрев принял имя Гаркроса в начале лета, но свадьба была осенью, блестящая свадьба в одной из самых модных церквей Вест-Энда. Медовый месяц молодые провели в Шотландии, любуясь красотами природы со свойственною им обоим холодностью, и вернулись в Лондон в ноябре. Губерт Гаркрос подчинился почти беспрекословно рутинному образу жизни своей жены. Она не была к нему так требовательна, как были бы многие женщины в ее положении, но она вышла замуж с твердым намерением блистать в обществе. Как мисс Валлори, она была только дочь богатого стряпчего, всегда более или менее стесненная в своих стремлениях ограниченным значением своего отца; сделавшись мистрис Гаркрос, она стала богатою женой человека, стоявшего на широкой дороге к различиям, и почувствовала что ее общественное положение обеспечено. Самое лучшее общество должно будет отворить ей свои двери, когда ее муж заставит говорить о себе, а в ожидании этого блага она довольствовалась тем, что была важной особой в своем кружке.

Новая жизнь Губерта Вальгрева, полная мелочных формальностей и церемоний, которыми он тяготился до крайности, была не семейною жизнью. Мистрис Гаркрос любила общество и посвятила свои лучшие годы выездам и приемам. Круг ее знакомых, с помощью еженедельных вечеров, быстро увеличивался. Губерт Гаркрос тяготился новыми лицами, были ли то люди желавшие вести с ним непременно деловой разговор и восхвалявшие его блестящую аргументацию в том или другом деле, или тенора и сопрано из любителей, не отходившие от большого рояля, или последние знаменитости в том или другом роде. Он был всегда светским человеком, но у него был свой идеал семейной жизни, вовсе не похожий на его жизнь в великолепном доме, где единственная комната, в которой он чувствовал себя свободно, был мрачный склеп со сводами и с окном, выходившим на мощенный двор и на высокую стену, но он покорился и присутствовал на обедах жены, высиживал все новые пьесы в модных театрах, тратил часа два на оперу в каждый вечер своего абонемента, посещал все картинные выставки в Вест-Энде и даже цветочные, когда позволяли дела.

Он, однако, не жаловался, когда занятия его усложнялись и освобождали его от таких выездов, и мало-помалу, отговариваясь делами, совсем отстал от образа жизни своей жены. Она жалела, что он не может проводить с ней больше времени, так как ей необходимо было, чтоб он сделался великим человеком; она не отрывала его от занятий и выезжала большую частью без него, с спокойным сознанием, что она самая красивая и лучше всех одетая женщина в своем кружке общества. Она тратила на свой туалет около тысячи фунтов в год и считала себя исполнявшую свою обязанность относительно Бога и своих близких, когда клала соверен на тарелку после проповеди или подписывала пять фунтов на детский приют.

Супружеская жизнь их была не отрадная жизнь. Прошло более двух лет после их свадьбы, а у них еще не было ребенка, который освятил бы их союз. Невинное лицо младенца не оживляло скучного великолепия их дома, и странно, что Губерт Гаркрос, вся жизнь которого была основана на самой эгоистической философии, принимал это к сердцу и тяготился своим бездетствием. Ему казалось, что он совсем иначе чувствовал бы себя в своем доме, если бы имел маленьких детей.

Свои мрачные думы по этому поводу он часто прерывал циническим смехом.

«Для чего мне нужен сын? – спрашивал он себя. – Что могу я передать ему? Имя, не отличенное ничем, кроме дешевой известности, которую я приобрету для него, кровь эгоиста и прошлое, которое хуже, чем если бы его совсем не было. И когда дети стали бы подрастать, разве их чистые глаза не разглядели бы того, чего не видит их мать, – холодности и бессердечности нашего союза. Нет, лучше остаться бездетным, чем увидеть детей своих краснеющими за отца».

Но мистер Гаркрос нисколько не ошибся в своих расчетах, женившись на дочери Вильяма Валлори и наследнице Стефена Гаркроса. Деньги жены значительно повысили его профессиональное положение. Нет, кажется, репутации более полезной, как слыть за богатого человека. Карета мистрис Гаркрос, ложа мистрис Гаркрос, вечера мистрис Гаркрос, даже ананасы и персики на обедах мистрис Гаркрос в начале мая доставили Губерту Гаркросу более клиентов, чем он мог сосчитать. Его клерк перестал принимать незначительные дела, и однажды летом, находясь с женой в Рейде, мистер Гаркрос отказался от очень выгодного дела, на том основании, что погода слишком тепла для того, чтобы заниматься адвокатурой, и этот отказ был для него выгоднее тысячного дела. Человек, знающий, когда полезно поважничать, знает путь к успеху, и мистер Гаркрос в первые годы своей женитьбы шел быстро вперед; его имя стало известным именем, и люди искали его помощи как верной защиты. Он не был шумным адвокатом, ни выспренним оратором, но обладал хорошим голосом, спокойным тоном, мягкими манерами, и его сарказмы всегда попадали в цель. Он был замечательно во всем успевавший человек, счастливец, как его называли. Иметь Гаркроса на своей стороне было почти ручательством в успехе.

Были минуты в его жизни, когда он уверял себя, что он счастлив, что жизнь его полна и что то, чего в ней недостает, такой вздор, о котором не стоит и думать. Сидя иногда за своим обеденным столом в кругу любезных гостей и сознавая, что ему удивляются, завидуют, немногие, может быть, любят его, он начинал думать, что в жизни его есть все, что составляет счастье. Но вслед за такими минутами наступало разочарование, домашний очаг казался унылым, несмотря на свое великолепие, а общество нелюбимой жены наводило на размышление о том, что могло бы быть и что было.

Что же касается мистрис Гаркрос, она была вполне довольна. Она пользовалась обществом мужа, насколько это позволяли его профессиональные занятия. Ее образ жизни был его образом жизни, а если он иногда бывал принужден проводить много времени вне дома, она не жаловалась. Мистрис Гаркрос не была ревнива, во-первых, потому, что муж не давал ей поводов к ревности, во-вторых, потому, что сама она не могла допустить, чтобы другая женщина могла произвести впечатление на человека, которого она удостоила своим выбором.

Муж ее не всегда имел возможность быть ее провожатым, но она редко являлась в общество одна. Уэстон Валлори был всегда к ее услугам. Он считал честью и удовольствием сохранить у мистрис Гаркрос должность ручной кошки, которую он так хорошо исполнял у мисс Валлори. Уэстон привозил ей новейшие фотографии для ее портфелей. Уэстон отыскивал знаменитых людей для ее вечеров, Уэстон помогал ей составлять списки гостей для ее обедов, Уэстон составлял меню, словом, Уэстон имел необыкновенное призвание ко всем мелочным занятиям, которыми пренебрегал Губерт Гаркрос. Последний видел, что Уэстон ухаживает за его женой и не мешал ему. Это избавляло его от излишних хлопот, а ревновать Августу ему и в голову не приходило. Она была выше подозрений.

В течение нескольких лет супружества не было нескольких часов задушевного разговора между мужем и женой. О детстве и юности Губерта Вальгрева, об его молодости с ее испытаниями и соблазнами, Августа не знала ничего. Она не способна была сильно интересоваться тем, что было до нее, но раза два пробовала расспросить своего мужа об его прошлом.

– Я думаю, ни одна женщина не знает так мало о своем муже, как я о тебе, Губерт, – сказала она тоном жалобы.

— Потому что редкий человек может рассказать так мало о своем прошлом как я, — жалобно возразил мистер Гаркрос. — Некоторые люди имеют историю, я — никакой. Моя юность прошла в Регби и в Кембридже в беспрерывной работе. Я много трудился, милая Августа, и это все мое прошлое. Если в моей жизни должны быть необычайные события, они еще впереди.

Мистрис Гаркрос была замужем целый год, прежде чем проникла в квартиру своего мужа в Темпле. Однажды летом, когда ей неожиданно пришла фантазия дать обед в тот же день, она села в карету и отправилась прямо в Темпль. Ее ввели без доклада в приемную мужа. Мистер Гаркрос стоял, облокотясь на конторку, и с утомленным видом перелистывал какое-то тяжелое дело. Он с невыразимым удивлением поднял глаза на жену.

— Августа! — воскликнул он. — Я так же мало ожидал увидеть здесь тебя, как принцессу Марию или какую-нибудь другую столь же важную особу. Разве в Кресченце землетрясение или что-нибудь в этом роде?

— Я пригласила несколько человек знакомых на обед, Губерт, и хотела предупредить тебя, чтобы ты обедал дома. Какая славная квартира! А я думала, что в Темпле все грязно и безобразно.

— Не везде, душа моя. Некоторые из нас дерзают жить удобно. Не хочешь ли хересу с содовою водой? Ведь у меня тут свой погреб.

— Ты знаешь, что я не пью вина до обеда. Какая славная картина, — воскликнула она, увидав картину над камином. — Это портрет? Славное лицо, но в нем есть что-то неприятное.

— Мне жаль, что оно тебе не нравится, Августа, — отвечал спокойно мистер Гаркрос. — Это портрет моей матери.

— В самом деле! Ты так скрытен относительно своего родства, что должен простить мне мои слова. Лицо очень красиво, конечно, но я не вижу в нем ни малейшего сходства с тобою.

— Сходства никакого нет. Я имею честь походить на отца и его предков.

— С какой насмешкой ты это говоришь. Можно подумать, что твой отец был очень дурной человек.

— Я и не говорю, что он был хороший человек. Я знаю о нем только то, что он был расточительный негодяй и что он пожал плоды своей расточительности, что случается не со всеми подобными ему негодяями.

— О, Губерт, можно ли так говорить!

— Это неприлично, не правда ли? Всякий отец должен быть безупречным в глазах своего сына. Знаешь, Августа, что у меня тяжелое прошлое и что для нас обоих лучше не касаться его. Я не могу говорить об отце хладнокровно.

— Как угодно. Но скажи мне, почему мистрис Вальгрев нарисована в таком странном костюме?

— Не знаю, может быть, это ее фантазия, а может быть, мода того отдаленного времени. Я был слишком мал тогда, чтоб обратить внимание на костюм. Эта картина наследственная и единственная, которою я обладаю.

Мистрис Гаркрос обошла комнату, осмотрела полки с книгами, камин с расставленными на нем пенковыми трубками, ящиками для сигар и табака, с часами в форме скелета и термометров в виде иглы Клеопатры, посмотрела на красивый вид из окна и осталась не совсем довольна, что муж ее имеет комнату много лучше той, которая была отведена ему в Мастодон-Кресченце. Она, однако, не сделала никакого замечания по этому поводу и уехала сильно заинтересованная картиной над камином.

Глава XXII

Сильное впечатление

Как замок спящей красавицы пробудился внезапно от своего долгого сна, так и Клеведон в один прекрасный летний день, пять лет спустя после смерти Грации, вышел из своего оцепенения и зажил новою жизнью. Болтовня служанок, стук обойщиков, столяров и каменщиков, шум и суeta с чердака до погреба, расчистка старого сада, лай собак и гул человеческих голосов с раннего утра до поздней ночи нарушали торжественную тишину окрестных лесов.

Сэр Френсис Клеведон возвращался домой. Тетка его наконец умерла, назначив его своим единственным наследником, и он намеревался переселиться в Клеведон, лишь только дом станет обитаемым. Мистер Ворт был на ногах целые дни, ходя по дому и по службам с записною книжкой в руках и с карандашом за ухом во все вмешиваясь, всем указывая и отдавая приказания направо и налево. Ему предписано было не производить никаких дорогостоящих улучшений, а только вычистить и починить все старое. Отделать заново Клеведонский дом стоило бы двадцать тысяч франков, и сэр Френсис, которому предстояло жить на семь тысяч в год, не в состоянии был истратить разом полную сумму. Да он об этом и не мечтал. Ему хотелось переселиться в Клеведон как можно скорее, исправлять постепенно, сообразуясь с своим вкусом и потребностями.

Итак, крысы были изгнаны из своих удобных жилищ за старыми панелями, пауки и майские жуки были сметены с изящных карнизов, по всему дому распространился запах краски и лака, полы и лестницы были натерты до того, что стало опасно ходить по ним, старые кровати украсились новыми занавесками, в лучших комнатах были разостланы новые ковры, и незначительные проблески новейшей моды в меблировке комнат появились между псевдоклассическими вещами времен регентства и старою ореховою и дубовую мебелью времен королевы Анны. Меблировка нескольких больших комнат относилась, очевидно, к царствованию Елизаветы и не подвергалась с тех пор никаким изменениям. Что же касается жилых комнат, убранство их изменялось при каждом их обладателе и в результате получилась необыкновенная пестрота и разнообразие.

Тем не менее, это был прекрасный благородный старый дом, один из тех домов, в которые входишь с благоговением, как в церковь. Такое же впечатление произвел он и на сэра Френсиса, когда тот в первый раз вошел в него, под руку с сестрой своей Сибиллой и в сопровождении раскрасневшегося, взъянного Джона Ворта.

Дойдя до верхней ступеньки каменной лестницы, которая вела из парадной двери Клеведона, сэр Френсис остановился на минуту, чтобы окинуть взглядом парк и окрестные леса, и дать взглянуть на себя группам поселян, фермеров и рабочих, собравшихся посмотреть на его прибытие и порадовать его дружескою встречей.

Каков же был человек, которого они увидели? Он был молод, высок и строен, с смуглым цветом лица и правильными чертами, с блестящими серыми глазами и с приветливою улыбкой, обнаруживавшею ряд блестящих белых зубов. Девушка, которую он держал под руку, была вовсе не похожа на него. Маленькая и хорошененькая, она напоминала собою фарфоровую куклу. Он был Клеведон до мозга костей, говорили друзья его семейства, а бедная Сибилла была вся в матер.

— Я очень благодарен вам, — сказал он, обращаясь с веселою улыбкой к поселянам и думая, как все это похоже на сцену из оперы. Он молодой граф или барон, поселяне — его преданные вассалы. — Но я, право, не знаю, чем я мог заслужить ваше расположение. Может быть, со временем, если одни из вас найдут во мне доброго поместьника, другие — доброго соседа, я

буду иметь больше прав на такой дружеский прием. Не знаю найдется ли бочонок пива в наших погребах, но если найдется, он будет подан вам немедленно.

— Мы вчера привезли большой запас из Блекфрайерса, и я вышлю им бочонок, если прикажете, — сказал мистер Ворт.

— Конечно. Но как тебе нравится Клеведон, Сибилла?

— Он так хорош, как я и не воображала, — отвечала девушка тихим голосом. — Как долго мы мечтали об этом дне, и действительность даже превзошла наши ожидания. Если бы только мама была с нами, — прибавила она грустно.

— О, да, Сибилла, ее отсутствие как будто отняло солнечный свет у нынешнего дня, — отвечал сэр Френсис, и оба замолчали, и это молчание, этот внезапный перерыв в их радости был невольною данью усопшей матери.

Мистер Ворт, между тем, вытер лоб красным платком и, не дождавшись, чтоб его начали расспрашивать, пустился в объяснения.

— Я старался держаться ваших инструкций, сэр Френсис, — начал он спешным, деловым тоном, — но в некоторых мелочах принужден был отступить от них. Занавесы желтой гостиной, например, были просто неприличны, и я решился заменить их пунцовыми репсовыми, которые придали комнате уютный вид и очень идут к молочно-желтым обоям. Я осмелился также поставить новую кровать в комнате мисс Клеведон и повесить ситцевые занавески в спальнях, уборных и утренних комнатах.

— Вы очень добры, мистер Ворт, — сказала мисс Клеведон, улыбаясь. — Я, кажется, не могла бы заснуть на одной из этих странных постелей с пунцовыми перьями на верхушках. Очень вам благодарна за новую кровать. Вы, по-видимому, устроили все так удобно.

— Я всеми силами старался угодить вам, мисс, но действовал наугад. Исполняя ваше предписание, я только проветрил и вычистил дом и сделал его обитаемым.

— Вы сделали его восхитительным, мистер Ворт... О, какая милая комната, какое прелестное старое окно и какой вид! Мы будем очень счастливы здесь, Френсис, после этих скучных немецких городов. Надеюсь, что у нас тут есть приятные соседи, мистер Ворт?

Ответ мистера Борга был далеко не обнадеживающий.

— В окрестностях есть два или три хороших места, — сказал он, — но что касается соседей, на них не рассчитывайте. В наше время никто из сколько-нибудь порядочных людей не сидит дома. Они проводят сезон в Лондоне, или охотятся в Шотландии, или удят в Норвегии, или катаются по континенту, между тем как зайцы и кролики пожирают произведения их ферм, а щуки — форель в их ручьях. Мне противно думать о таких людях.

— Я не намерен быть из числа отсутствующих, мистер Ворт, и мне хотелось бы иметь хороших соседей, — весело возразил сэр Френсис. — Иначе Сибилла начнет тосковать и будет бродить по старому дому, пока не набредет на старуху с веретеном и не проколет себе руку, как спящая красавица. Я почти уверен, что в одной из этих башенок, так похожих на бонбоньерки, сидит и прячет какая-нибудь старуха. Нам необходимы соседи.

— Тут немало дачников по пути в Танбридж, — проворчал мистер Ворт, — но они вам не пара. Они ездят каждый день в Сити.

— Я не обратил бы внимания даже на это, если они хорошие люди. Приятнее было бы, конечно, иметь дело с сельскими дворянами. Они научили бы меня исполнять мою роль сквайра, старинного английского сквайра. У меня есть рекомендательное письмо к одному полковнику Давенанту, из Бунгалло, в Танбридж-Вельсе. Слыхали вы о нем?

— Слыхал, — отвечал мистер Ворт нерешительно. — Это пожилой джентльмен, который жил долго в Ост-Индии, а теперь держит у себя множество обезьян.

— Обезьян! — воскликнули сэр Френсис и сестра его в один голос.

— Да, мисс, и не только обезьян, а еще нечто похуже. Я видел его однажды с каким-то животным вроде хорька на плече, и он ласкал и нянчил его как ребенка. Фараонова мышь — называется это животное.

— Немного эксцентрично, — заметил сэр Френсис смеясь. — Я, однако, слышал, что полковник — отличный человек. Разве его семейство состоит из одних обезьян? Я хочу найти приятную подругу для сестры. Нет ли у него жены или дочерей?

— Есть дочь, но она поглощена обезьянами, а если не обезьянами, то собаками. Дом полковника — настоящий зоологический сад.

Сэр Френсис и сестра его засмеялись, а мистер Ворт, указав на все свои улучшения, пошел распорядиться, чтобы любопытные поселяне, собравшиеся на лужайке перед домом, получили обещанную им бочку пива. Освободившись от управляющего, брат и сестра пошли весело бродить по старому дому, любуясь то одним, то другим, и разговаривая о своих планах и намерениях, пока не пришло время переодеваться к обеду. Тогда брат и сестра разошлись по своим комнатам, оставив между собою четверть мили расстояния.

Они обедали в парадной гостиной Якова I, в присутствии трех лакеев. Старый Тристрам Моль получил пенсион и жил в квартире главного швейцара. Новые слуги были наняты мистером Вортом и знали в совершенстве свое дело.

— Я желал бы, чтоб вы сделали четырехугольную гостиную, направо от швейцарской, второстепенною столовой, в которой мы могли бы обедать, когда будем одни, — сказал сэр Френсис дворецкому в конце обеда.

— Я очень рада, что ты это сказал ему, Франк, — заметила Сибилла, когда слуги вышли. — Мне сегодня казалось, что я обедаю в церкви или в столовой какого-нибудь первоклассного заграничного отеля, в которой нет никого, кроме нас.

Однако в несколько дней они совершенно освоились со старым домом, и Сибилла ходила по длинным коридорам и по большим комнатам, распевая веселые песни своим чистым сопрано и только опасаясь немного встретиться с привидением в каком-нибудь темном углу.

— Мне кажется, что я не была бы против доброго старого духа, какой-нибудь дамы под покрывалом или кавалера времен Карла II. Коллис боялась в первую ночь спать в своей комнате и ушла ночевать к одной из горничных, но на следующий день я сказала ей, что служанка, не терпящая привидений, не должна брать места в хорошем старом семействе, как наше. У нас, конечно, есть свое фамильное привидение, — сказала я. — Мы имеем на это столько же права, как на генеалогическое дерево, висящее в швейцарской. Будьте уверены, Коллис, что большие болотные сапоги, которые висят в сенях, спускаются на пол каждую полночь и стучат, стучат по коридорам. Вы когда-нибудь встретитесь с ними лицом к лицу, если будете сидеть за полночь за чтением романов, как это с вами часто случается. Я не отвечаю также за того вооруженного человека, что стоит у лестницы. Он смотрит так, как будто способен ходить.

— Вы, кажется, шутите, мисс, — сказала Коллис пресерьезно, — но я только то знаю, что в верхнем этаже действительно пахнет привидениями.

— Мышами, хотите вы сказать, Коллис.

— О нет, мисс, не мышами. Разве я не умею отличить запах мышей от запаха привидений.

Все поместья, жившие в своих поместьях, сочли, конечно, долгом сделать визит сэру Френсису и мисс Клеведон, и все пришли в восторг от баронета и его сестры. Не приехал только один полковник Давенант, не хотевший, может быть, ставить себя на одну доску с сельскими обывателями или слишком занятый обезьянами, чтобы помнить о мелочных общественных обязанностях. Тщетно прождав его несколько времени, сэр Френсис в один прекрасный летний день взял свое рекомендательное письмо и сам отправился в Вельс. Письмо это дал ему один, из его друзей, очень хваливший полковника Давенанта.

Поместье полковника было известно под именем Бунгалло. Оно начало свое существование небольшою виллой с претензиями на готический стиль, но сделавшись собственно-

стью полковника, изобретательный ум которого изощрялся над всем, что попадало под руку, оно перестраивалось и увеличивалось различными пристройками, противными всем правилам строительного искусства, до тех пор, пока не стало ни на что не похоже. Большая веранда перед очень маленькою гостиной над столовой; оранжерея в виде башни, которая была копией с мечети в Дели; возле кухни помпейская галерея с фонтаном, в которой полковник любил сидеть на ковре, куря трубку, и разговаривая с своею преданною кухаркой; обсервационная башня, с которой он мог обозревать поля, холмы и рощи, – все это были только незначительные странности Бунгалло. Общий вид поместья был оригинален, но не безобразен. Внутренность дома была наполнена вещами, вывезенными из Индии, гигантскими вазами, оригинальными шелковыми тканями, резными вещами из бомбайского черного дерева, храмами из слоновой кости. Все комнаты были оживлены птицами, цветами и живыми существами, покоявшимися на звериных шкурах, лаем маленьких собачек, щебетаньем безголосых австралийских птиц, и пронзительным криком попугаев.

День был необычайно жаркий, когда сэр Френсис приехал в Бунгалло, и чисто одетая служанка провела его прямо к полковнику, наслаждавшемуся сиестой у своего фонтана. Идти пришлось через сад и через рассадник лавровых и обезьяниных дерев, который полковник называл своим лесом.

Сэр Френсис прошел в этот лес не без маленького приключения. В одной из извилин узкой тропинки он встретился с молодою особой, напомнившей ему Робинзона Крузо. Она шла под зеленым зонтиком; на плече ее сидела явайская обезьяна, а у ног толпилась стая собак и щенят, начиная со взрослой шотландской гончей до коричневой черномордой моськи.

Сэр Френсис бросил быстрый взгляд на зеленый зонтик и увидал красивое молодое лицо с серыми ирландскими глазами и приятной улыбкой. Он успел также заметить, что мисс Крузо была высока, стройна и величественна. В ответ на его поклон она грациозно наклонила голову и пошла дальше, а обезьяна обернулась, зашипела и злобно оскалила на него зубы.

– Мисс Давенант? – спросил сэр Френсис у служанки.

– Да, сударь, эта наша барышня. Надеюсь, сударь, что вы извините обезьяну. Она не зла, но не любит чужих.

Они подошли, между тем, к зеленому портику и через него вошли в помпейскую галерею, в которой полковник сидел на ковре, прислонясь спиной к мраморному водоему фонтана, и громко хранил. Когда служанка провозгласила им гостя, он вздрогнул и проснулся и пробормотав что-то, может быть молитву, а может быть и проклятие, встал и принял гостя с искренностью приветливостью.

– Возьмите кресло, сэр Френсис, а если хотите трубку, вон лежит готовая на столе возле вас. Очень рад видеть друга Сенклера. Поздравляю вас с прибытием в Клеведон. Прекрасное место, старое, благородное, с хорошей охотой и с одной из самых рыбных рек в графстве. Сенклер писал мне о вашем возвращении, и я все к вам собирался, но эта погода слишком тяжела для старика. Я в Беигале никогда так не страдал от жары, как здесь. Я пущу фонтан. Надеюсь, что вы любите шум фонтана.

И полковник принялся за какие-то сложные операции, состоявшие в отвертывании крючков и винтов и стоившие ему, по-видимому, больших усилий.

– Пожалуйста, не беспокойтесь для меня, – сказал сэр Френсис. – Эта комната и без фонтана очень прохладна.

– Вы находите! – воскликнул обрадованный полковник. – Я строил ее сам и по своему собственному плану, каждый кирпич положен моимо собственою рукой, с помощью только одного каменщика и одного мальчика, державшего лестницу. И фонтан я сделал сам, по плану, который, как сказал мне один тупоумный архитектор, противен всем правилам строительного искусства. Но он, как видите, действует вопреки всем правилам, – заключил полковник торжественно.

ствуя, когда вода шумно взвилась вверх, потом, повернув вниз, обильно окропила сэра Френсиса и наконец успокоилась и стала переливаться с самым восхитительным журчанием.

Два джентльмена начали знакомиться разговором о своем общем друге, о майоре Сен-клере, с которым полковник служил вместе в Индии, а сэр Френсис познакомился в Брюсселе, где майор поселился на всю жизнь в маленьком белом домике на бульваре с женой и с полу-дюжины детей, говорившими на чистейшем шотландском наречии и одетыми с головы до ног в клетчатые шотландские ткани. Когда же все, что можно было сказать о прекрасном сердце и других качествах этого отсутствующего друга, было высказано, полковник рассказал гостю два или три происшествия из своего прошлого, употребив на это не более получаса, что было для него необычайно краткостью, и наконец предложил сэру Френсису осмотреть Бунгалло.

— Это был какой-то квадратный ящик, когда я купил его, — сказал он, — не понимаю, как в нем жили люди, — но мне удалось сделать из него нечто порядочное и придать ему характер. Я люблю, чтобы в доме отражалась индивидуальность его обладателя и надеюсь, что никто не войдет в мое жилище, не сказав себе: тут живет старый солдат англо-индиец. Надеюсь, что вы будете обедать с нами, — сказал полковник.

Сэр Френсис поколебался, но вспомнив, что Сибilla ждет его, отвечал:

— Нет, благодарю вас. Я остался бы с большим удовольствием, но живу с сестрой, и она будет ждать меня к обеду.

— Или, если хотите, я пошлю, к ней верхового предупредить ее, что вы будете обедать у нас. Ведь женщины совершенно равнодушны к обеду. Одним этим фактом выясняется громадная разница между двумя полами. Женщина не способна к философскому многогородному пониманию значения обеда. Она раба условности и, как абиссинец, не способна к кулинарной изобретательности. Эй, Джаксон, что дадите вы нам сегодня к обеду?

При этом возвзвании, в обвитом виноградными лозами окне прямо показалась здоровая, краснощекая матрона. Ее лицо, обсыпанное мучной пылью, напоминало красную луну, подернутую прозрачным облаком.

— Что это вы, сэр? Да вы же сами заказали сегодня утром обед.

— Правда, Джаксон, но человеческая память слаба. Этот джентльмен будет обедать с нами.

— Но, право, — начал было сэр Фрэнсис.

— Это уже решено, государь мой. Я пошлю моего мальчика верхом с извинением к мисс Клеведон. Ну, Джаксон, будьте категоричны. Во-первых, красный глинтвейн из мадеры?

— Точно так, сэр.

— Летом я не терплю суп, сэр Френсис, как условную бурду, отвлекающую внимание кухарки от рыбы. Potage à la reine⁸, подправленный толченым миндалем, еще куда ни шло, и суп с зеленым горошком тоже вещь съедобная. Я позволяю Джаксон делать их, когда она в духе и может поручиться за мягкость пюре. После глинтвейна заливное из раков, Джаксон?

— Точно так, сэр, — отвечала кухарка, улыбаясь.

— Не забудьте подбавить толченых кокосовых орехов. После заливного?

— Жареная дичь.

— В полутрауре, то есть в белом соусе с трюфелями. Не жалейте трюфелей. Джаксон, убейте откормленного тельца для моего друга, сэра Френсиса Клеведона. А тетерева есть?

— Как же, сэр. Вы сами купили сегодня утром целую связку.

— Да, помню. Все самые молоденькие птички. Я всегда сам хожу перед завтраком в Вельс, сэр Френсис, и сам выбираю для себя провизию. Мошенники купцы скорее повесятся, чем покажут мне какую-нибудь дрянь. Берегите хлебные крошки, Джаксон, и вы дадите нам абрикосовое пирожное и суфле с пармезаном. Так как же, сэр Френсис?

⁸ фр. — «суп королевы», суп-крем из курицы с миндалем и гренками.

— Если я буду иметь честь обедать с вами, полковник, я отошлю домой моего грума, чтобы он предупредил сестру, — сказал сэр Френсис, думая о мисс Крузо и надеясь с ней познакомиться.

— И прекрасно. Я покажу вам мой сад, и мы зайдем мимоходом в конюшню и отыщем вашего грума.

Сад был столь же оригинален, как и дом, и при устройстве его имелся в виду комфорт наполнявших его животных, а не его обладателей. Был в нем грот из камней на берегу небольшого прудика, в котором, к невыразимому наслаждению полковника, играла ручная выдра, были клетки с птицами, искусно замаскированные зеленью, для того чтобы ввести пернатых обладательниц в заблуждение, что они находятся среди девственного леса, были маленькие классические храмы и миниатюрные крепости, одна с винными бутылками, обращенными горлышками наружу, вместо пушек, и населенная собаками, радостно кинувшимися к полковнику. Для увеселения явайской обезьяны в саду была маленькая переносная пагода,вшенная колокольчиками.

Конный двор находился рядом с домом, и в нем фантазия полковника изощрялась над сеновалом, который он обратил в билиардную, доступную только по наружной лестнице, в стиле лестниц английских шале. Полковник держал только пару верховых лошадей, для себя и для дочери, пони и маленькую коляску, которую называл своим паланкином; большая же часть конного двора была занята фазанами. Отыскав грума, сэр Френсис отправил его к сестре и, успокоившись на ее счет, пошел с полковником осматривать его дом и слушать его длинные рассказы о различных трофеях и редкостях, украшавших комнаты.

Когда гость уже начинал терять надежду достигнуть когда-нибудь апартаментов мисс Крузо, полковник Давенант неожиданно отворил дверь в таком углу, где всего менее можно было ожидать дверь, и ввел своего гостя в гостиную. Это была маленькая, низкая комната, с стеклянной дверью, занимавшей целую стену и отворявшеюся на большую веранду. Веранда, вымощенная разноцветными изразцами, была много больше и выше гостиной, и тут на одном из оттоманов, сидела молодая девушка с книгой в руках и с парой собак у ног.

То была мисс Крузо. Она отложила в сторону книгу, встала и встретила отца прелестною улыбкой, часть которой досталась и на долю сэра Френсиса, когда его представил ей отец. Видя мисс Давенант в первый раз лицом к лицу, сэр Френсис решил, что она красивее, чем он ожидал. Открытое молодое лицо с серыми глазами и черными ресницами, волнистые темные волосы, небрежно зачесанные назад, большой белый лоб, величественная осанка, все это произвело на него впечатление безукоризненной красоты. Не зная, что сказать, он сделал несколько избитых замечаний о Бунгалло, о доме, о саде и о зоологических коллекциях, но чувствовал себя не так свободно, как всегда. Только мало-помалу, усевшись на диван, и подружившись с молодою гончей, оказавшеюся очень кроткого нрава, пришел он в себя и начал знакомиться с мисс Давенант.

Отец звал её Жоржи. Славное имя и как идет к ней, думал сэр Френсис. Она походила на мальчика своими манерами, но в них не было ничего грубого или резкого, а только грациозная свобода благовоспитанного школьника Итона. Она никогда не жила в пансионе, не была даже никогда под влиянием гувернантки. Она выросла, как росли деревья в рассаднике полковника. Время от времени к ней ходили учителя учить ее разным предметам, но большую частью учил ее, или только намеревался учить, сам полковник.

Сэр Френсис остался обедать и просидел до одиннадцати часов вечера и к концу дня он и мисс Давенант стали такими друзьями, как будто знали друг друга уже много лет. Полковник рассказал несколько долгих историй об индийских кампаниях и в течение часа сделал краткий очерк карьеры своего отца, полковника Давенанта. Как ни внимательно слушал сэр Френсис эти рассказы, но в промежутках он успел познакомиться со вкусами и привычками мисс Давенант, спросил ее, в какое время она катается, куда ездит, чем занимается, конкурирует ли

она на сельских цветочных выставках, посещает ли бедных или исключительно посвящает себя животному царству.

Оказалось, что она занимается всем понемногу, только не конкурирует на цветочных выставках.

— Я сама иногда даю премии на сельских выставках, — сказала она, — но в нашей оранжерее цветы не растут так хорошо, как бы следовало. То *Туфна* выкопает их лапами, — не правда ли, *Туфна*? — обратилась она к собаке, — то *Педро*, наша обезьяна, опрокинет горшок хвостом. Наш садовник Грант приходит в отчаяние, но что же делать, если цветы и животные не уживаются вместе.

— А моя сестра страстно любит цветы, и ее бедная голова набита их названиями, как спрашивающий ботанический лексикон. Теперь она занята постройкой оранжереи для папоротников и намерена наделать чудес в этой отрасли. Я надеюсь, что вы будете с ней друзьями.

— Да, я уверена, что полюблю ее.

— Приедете вы к ней или ей приехать к вам?

— Все равно. Я не формалистка.

— Так она приедет к вам завтра, хотя вам следовало бы приехать первой, потому что она так привыкла.

— Благодарю. Я буду очень рада. Любят она животных?

— Право, не знаю. Мне следует ответить, как ответил один господин, у которого спросили, умеет ли он играть на скрипке. Он сказал, что не знает, умеет ли он играть или нет, потому что никогда не пробовал. Сибилла тоже не имела случая испытать свою любовь к животным. Она только год тому назад вышла из монастырского пансиона в Брюгге и с тех пор все путешествовала со мной. Но я подозреваю, что в ней таится страсть к собакам и обезьянам.

— Я уверена, что она полюбит *Педро*, — заметила мисс Давенант, обратив нежный взгляд в самый темный угол комнаты, где балованное животное лежало, обернутое шерстяным одеялом.

Сэр Френсис отправился домой при лунном свете и с самым приятным воспоминанием о Бунгалло и его обитателях.

«Сенклер прав, — думал он. — Полковник — прекрасный человек. Жаль, что рассказы его слишком длинны, но это дело второстепенное. Какое прелестное существо его дочь! Жоржи, Жоржи, Жоржи Давенант!» Имя это, как припев старой песни, слышалось ему всю дорогу под мерные шаги его лошади.

Глава XXIII

На жизнь и на смерть

Мисс Клеведон посетила Бунгалло на следующий же день. Она была одна из тех милых, добродушных девушки, которые всегда готовы ухаживать за особами, нравящимися их братьям, которые неспособны руководствоваться эгоистическими расчетами. Приятно было быть госпожой в таком месте, как Клеведон, но Сибилла не могла быть хорошей хозяйкой и сознавала, что Френсис, как сельский сквайр, хорошо сделает, взяв себе жену.

За утренним завтраком сэр Френсис говорил без умолку о Бунгало: об обеде, о фонтане, о доме, об архитектурных фантазиях полковника, о зоологических коллекциях, о самом старом хозяине с его долгими историями и резкими эпитетами, наконец, о мисс Давенант.

— Хороша она? — спросила Сибилла с любопытством.

— По моему мнению, она замечательно хороша, — отвечал брат. — Не знаю, можно ли назвать ее профиль классическим. Ее нос как будто слегка вздернут кверху, а может быть, это так кажется от ее манеры держать голову так высоко, как будто она принцесса королевской крови. Словом, Сибилла, я не могу положительно сказать, что она красавица, но если взять в соображение ее великолепные глаза, выражение ее лица, ее живость и какую-то невыразимую прелесть, нельзя назвать ее очень хорошенькой девушкой.

— Боже мой, какое неопределенное описание, Френсис: великолепные глаза, вздернутый нос и высокомерная манера держать голову.

— Нет, Сибилла, я не сказал «высокомерная». В ней высокомерия так же мало, как в терпеливой Гризели.

— Терпеливая Гризель! — воскликнула мисс Клеведон насмешливо. — Я никогда не могла помириться с этим смешным созданием. Я уверена, что эту историю написал мужчина, чтобы показать, какими смешными, безличными созданиями вы желали бы нас видеть. Хорошо она одевается?

— Терпеливая Гризель?

— Нет, не Гризель, милостивый государь, а ваш кумир, которая в одно время и хороша, и нехороша.

— Я не берусь решать такой важный вопрос, Сибилла. Она была в белом платье с зеленым зонтиком и, по-видимому, была одета хорошо.

— Белое платье и зеленый зонтик! Что за эксцентрическая молодая особа. Теперь я не удивляюсь, что мистер Ворт отозвался с таким пренебрежением о Давенантах.

— Полноте, Сибилла, для чего притворяться злючкой; это не твое *métier*. Мисс Давенант прелестная девушка, и я уверен, что и ты будешь от нее в восторге, так же, как и...

— Кто?

— Я.

— Как, Френсис, опять?

Это «опять» относилось к некоторым эпизодам прошлой жизни сэра Френсиса. Он дожил до двадцать седьмого года, любив и разлюбив несколько раз. Предметы его страсти менялись чуть не каждый год, и сестра его, которой он доверял свои тайны, не верила в постоянство его привязанностей. Человек, обладающий хорошим состоянием, имеющий перед собою светлую будущность и ничем особенно не занятый, склонен влюбляться в каждое хорошенъкое лицо, с которым сведет его судьба.

— Ты можешь сказать заодно с уличными мальчишками, осаждавшими нашу карету в Лондоне: это бывает только раз в год. Разве мисс Давенант красивее мадемузель Ламон, в которую ты был влюблен в нашем монастыре?

– Как! В эту маленькую цыганку!

– Но ты с ума сходил по ней, Френсис.

– Неужели? Я готов допустить, что для маленькой женщины она была не дурна, но мисс Давенант высока как… как Елена Троянская.

– А почем ты знаешь, что Елена была высока?

– Потому, что Теннисон говорит о ней: «божественно высока и божественно прекрасна». Я уверен, что Елена была высока. Разве ты можешь представить себе Клитемнестру маленькой женщиной? А они были сестры.

– Какое ужасное семейство.

– Да, наша аристократия не приняла бы их в свою среду. Мне помнится, что у малютки Ламон были прекрасные глаза, но такое микроскопическое существо! Леди Клеведон должна быть непременно высока.

– Леди Клеведон! Разве дошло уже до этого?

– Ни до чего еще не дошло. Кроме… кроме второй чашки чая, которую ты мне нальешь. Ты сегодня съездишь к мисс Давенант и увидишь ее зоологические коллекции.

– Но разве не она первая должна сделать мне визит?

– Я не знаю, должна она или не должна, но ты поедешь к ней сегодня. Я обещал.

Мисс Клеведон покорилась с милою гримасой и тотчас же после второго завтрака отправилась в Бунгалло, очень довольная своей новой каретой и двумя лакеями.

Визит был вполне удачный. Сибилла любовалась оригинальностью и всеми украшениями дома и сада, и девушки так понравились друг другу, что в первый же день поклялись в вечной дружбе. Вскоре затем полковник и дочь его приехали верхом в Клеведон, и сэр Френсис имел случай увидеть Жоржину Давенант в ее амазонке, которая шла к ней лучше всякого другого костюма, и показать свой старый дом ее отцу, изобретательному полковнику, который находил нужным изменить каждую комнату, в которую они входили.

– Изобретательность в строительном искусстве – мой конек, государь мой, – сказал он. – Если б этот дом принадлежал мне, я сделал бы его прекраснейшим в Англии.

– Но он и так один из прекраснейших, папа, – возразила Жоржина.

– Без сомнения, друг мой, но его способность к улучшению громадна. Полукруглое окно над парадной дверью, например. Оно прекрасно, спору нет, так почему же не сделать полукруглые окна вдоль всего фасада? А столовая с двойным светом и тем не менее темная до крайности! Снимите всю эту допотопную резьбу и сделайте потолок голубым с золотыми звездами. А эти открытые колоннады! Разве они не потеря места? Закройте их фиолетовыми стеклами, сделайте одну курильной залой, а другую биллиардной. Вот что я называю вносить новейшие усовершенствования в неумелость Елизаветинской эпохи.

– Я предпочитаю недостатки Елизаветинской эпохи современным улучшениям, полковник, – отвечал сэр Френсис, улыбаясь. – Я не имею никакого желания изменить характер моего дома.

– Предрассудок, государь мой, английский предрассудок, Чистокровный англичанин вытерпит какие угодно неудобства, но не преступит ни одного из правил, установленных тупоумными архитекторами. Характер! Какой характер у моего дома? Однако, всякий согласится, что он удобен.

– Он восхитителен, – сказал сэр Френсис, бросив украдкой взгляд на Жоржину.

– И все признают его удобным, а посмотрели бы вы, с какой оппозицией я боролся, когда строил его. «Для чего вы помещаете кухню среди дома», – спрашивал один. «Вы будете слышать запах вашего обеда?» – «Тем лучше, – отвечал я этому болвану. – Я люблю слышать запах моего обеда и мысленно готовиться к нему». «Невозможно иметь одну спальню в одном этаже, а другую в другом», – объявлял мне другой идиот. «Неужели?» – говорю я. «А я покажу вам, что это возможно». «Как можно делать одну сторону дома выше другой? – говорит мне глава

идиотов, главный архитектор. – Ваши трубы будут дымить». – «Так пусть дымят», – отвечал я, и они действительно дымят при восточном ветре, но я запасся двумя железными печами и сделал по-своему.

После этого посещения начался деятельный обмен любезностями между Клеведоном и Бунгалло. Сэр Френсис устраивал верховые прогулки, к которым охотно присоединялись полковник и его дочь. Они посещали какое-нибудь живописное место в окрестностях, а на закате солнца возвращались к позднему обеду в Клеведон или Бунгалло, Две девушки, Сибилла и Жоржина, были неизменными друзьями. Английская сельская жизнь была новостью для Сибиллы. Ей хотелось быть полезной бедным в окрестностях Клеведона, и Жоржина, которая со своими собаками была любимой посетительницей во многих скромных хижинах Вельса и обладала необыкновенной способностью сходиться с простым народом, учila ее делать добро и давала ей много полезных советов.

Начав протестом против увлечения брата, Сибилла кончила тем, что стала почти боготворить девушку, которая ему нравилась. Никакая оппозиция не разжигала страсти сэра Френсиса и мало-помало он понял, что его последняя любовь есть нечто серьезное. Вначале он сомневался в себе, припоминая свои прошлые увлечения, и как ему часто казалось, что он полюбил безвозвратно. Но нет, теперь было совсем другое. Он увлекался многими хорошенными женщинами, но ни одна из них никогда не овладевала так его умом, сердцем и душою, как Жоржина Давенант. Красивая наружность, гордая, великодушная натура, бессознательно проявлявшаяся в мелочах, чего еще мог он желать от своей будущей жены. Его радовала возрастающая привязанность Сибиллы и Жоржины. Он очень любил свою единственную сестру, и ему было бы больно, если б его жена ослабила их взаимную братскую привязанность и омрачила домашний кров для его сестры.

Он начал смотреть на свои прошлые увлечения, как на счастливые избавления от погибели. Что, если б он женился на одной из этих поврежденных кумиров и приехал в Клеведон, узнал Жоржину Давенант. «Встреча с ней была бы роковой для меня при каких бы то ни было обстоятельствах», – сказал он себе. «Боже, как ужасно было бы узнать это светлое существо слишком поздно!»

Для человека вполне свободного и обеспеченного процесс сватовства не представляет особых затруднений. Сэр Френсис не имел никакой причины колебаться и медлить. После двух недель его знакомства с мисс Давенант внимательный наблюдатель мог бы заметить, что они оба нравятся друг другу. Сибилла из дружеских разговоров со своей подругой успела узнать, что она ни с кем не помолвлена.

– Как я рада, друг мой! – воскликнула Сибилла.

– Почему? – спросила мисс Давенант, слегка покраснев.

– Я сама не могу определить почему, но я рада. Помолвленная девушка только и думает что о своем женихе и о том, как она будет жить, когда выйдет замуж. Она не способна быть другом, а я так люблю вас, милая, что не хочу уступить вас кому-нибудь другому.

Мисс Клеведон, не имевшая возможности научиться верховой езде во время своей жизни в монастыре и за границей, начала учиться у Жоржины Давенант, которая в этом искусстве достигла верха совершенства. Под ее руководством Сибилла скоро научилась управлять парой довольно горячих вороных пони, не чувствуя более смертного ужаса и полной беспомощности в ожидании какого-нибудь сюрприза со стороны непослушной лошади. Две девушки были очень счастливы вместе, и их светлые молодые лица с радостью приветствовались в хорошеных коттеджах окрестностей Клеведона, части Кента, в которой поселяне живут с некоторою роскошью в архитектуре, в чистеньких готических коттеджах с маленькими цветниками и фруктовыми садами, выходящими на чисто содержимые большие дороги.

В таком положении были дела, когда в одно светлое октябрьское утро, в конце месяца, после десяти недель знакомства, сэр Френсис, коротая утро верховою прогулкой, случайно

встретила мисс Давенант на ее сером арабском *Селимпе*. Она каталась в сопровождении одного из скромнейших грумов, седого солдата, которого полковник взял из своего полка.

Когда сэр Френсис подъехал к своей возлюбленной, грум догадался отстать, и влюбленная чета, сияя молодостью и счастием, отправилась вдвоем по дороге через сосновый лес.

То была старая, старая история, повторенная в самых откровенных и мужественных словах, когда-либо продиктованных любящим сердцем. Они выехали из соснового леса связанными друг с другом на жизнь и на смерть.

Глава XXIV

Брачный контракт Жоржины

Полковник был очень доволен. Он замечал с самого начала, к чему клонится дело, но не вмешивался и не старался ускорить развязку и оказался таким образом искуснейшим из сватов. Он жил своею собственною жизнью, уничтожая табак в своем атриуме, разговаривая с своею кухаркой, проектируя различные изменения в Бунгалло, обучая *Педро* всем искусством, делающим обезьяну джентльменом, и развлекаясь другими столь же безвредными занятиями, всегда готовый принять участие во всякой экскурсии, какую бы ни придумали молодые люди, всегда довольный и веселый.

Когда дошло дело до торжественного вопроса, приводящего в ужас адвокатов без дел, но нисколько не страшного для человека с хорошим именем и семью тысячами годового дохода, полковник отвечал с милою откровенностью:

— Милый друг мой, так как рано или поздно мне придется расстаться с моей девочкой, — и не скажу чтоб это было большою неприятностью для человека в моем положении, — я предполагаю отдать ее вам, чем кому-нибудь другому. Во-первых, потому... потому что вы славный малый, и я... я уважаю вас, во-вторых, потому, что выйдя за вас, дочь моя будет жить близко от меня. Это не то что выйти за одного из тех господ, которые, делая ей предложение, хладнокровно уведомляли меня, что так как полк их по всей вероятности в начале весны будет отправлен в Японию, или в Кохинхину, или в Тимбукту, то им желательно было бы поспешить со свадьбой, если я дам согласие. Я не давал согласия. Жоржи тоже, к счастью для меня, потому что стоило ей заплакать, чтоб я исполнил ее желание.

В этих и во многих других словах, между тем как фараонова мышь прогуливалась по его дородной груди и плечам, высказал полковник свое согласие на предложение сэра Френсиса. Потом зашла речь о брачном контракте. Сэр Френсис выразил намерение передать большую часть своего состояния невесте; полковник протестовал против такой безрассудной щедрости.

— Мы сделаем то, что следует сделать, друг мой, — сказал он. — Я сам не деловой человек, но мы обратимся к какому-нибудь добросовестному юристу, и он научит нас что сделать. Я никогда не был лежачим камнем, но и катаясь по свету, понемногу оброс мохом. Я могу дать дочери несколько тысяч фунтов, а после моей смерти она получит Бунгалло. Я надеюсь, что если она и не будет иметь возможности жить в нем, он будет ей дорог как создание ее отца. Дочь моя будет наблюдать, чтоб эта кровля не ветшала и фонтан пускался ежедневно.

Свадьба была отложена до начала весны. Сэр Френсис хотел назначить ее раньше, но полковник и Жоржина оба объявили, что даже назначенный срок слишком короток.

— Вы очень мало знаете меня, — сказала Жоржи своему жениху. — Могу ли я быть уверена, что я действительно такова, какою вы меня считаете? Что если мы обвенчаемся, и вы потом убедитесь, что вы ошиблись во мне? Не ужасно ли это будет? Сибилла говорила мне, что вы были влюблены уже несколько раз за границей и каждый раз кончалось тем, что ваша возлюбленная оказывалась не в вашем вкусе. Могу ли я быть уверена, что тем же самым не кончится и со мной?

— Милая моя, я люблю вас с первого дня как мы увиделись, и до вас никогда никого не любил.

— О, Франк! После всего, что говорила мне Сибилла...

— Сибилла говорила правду и вместе с тем неправду. Я имел нечто вроде... что-то такое вроде влечения к двум или трем молодым женщинам и даже доходил до того, что воображал себя влюбленным, но полюбив вас, я понял, что все прежнее было вздор. Словом, я несколько раз был в опасности, Жоржи, но судьба моя ждала меня здесь, и если уж мы коснулись про-

шлого, мисс Давенант, я желал бы спросить о капитане Бангле, который просил вас сопровождать его в Тимбукту, и о майоре Гоукинс, который предлагал увезти вас в Японию.

— О, Франк! Я никогда не поощряла ни того, ни другого. Они были дружны с папа и часто обедали у нас и были всегда очень любезны со мной, просили меня играть и петь, ласкали *Педро* и *Туфту* и даже делали вид, что интересуются фараоновою мышью, и вдруг, словно сговорились, сделали мне предложение. Но право, Франк, я тут ни в чем не виновата.

— И я не виноват, что люблю вас до безумия, дорогая моя.

Славное было Рождество в этот год в Клеведоне, вовсе не похожее на те, какие проводились здесь во время молодости эра Луни, когда главным времяпрепровождением была еда, пьянство и карты. Сэр Фрэнсис начал жить в своем поместье как принц, ищущий популярности, и скоро приобрел много друзей в окрестностях. Старые сквайры, знавшие эра Луни, протягивали дружески руку его сыну, их жены и дочери наперерывсыпали любезностями Сибиллу. Но в ноябре, когда стало известно, что сэр Френсис женится на мисс Давенант, со стороны соседей стало заметно маленькое охлаждение. «Давенанты не уроженцы нашего графства, и она ему вовсе не *пара*», — говорили друг другу кентские невесты. Трудно было помириться с тем, что сэр Френсис так поспешил со своим выбором.

Настала весна, теплая весна с безоблачным небом. Сэр Фрэнсис и мисс Давенант должны были венчаться, когда зацветет, шиповник. В апреле полковник отправился с дочерью в Лондон, чтобы дополнить ее приданое и сделать визиты многочисленным родным, имевшим право узнать об ее помолвке. Само собою разумеется, что сэр Френсис присоединился к ним и поселился в Лондоне в одном из отелей Вест-Энда, в десяти минутах езды от своей невесты. Надо было составить брачный контракт, и полковник, которому поручено было отыскать свидетелей, был в большом затруднении.

— Сам я старый человек и в свидетели не гожусь, все мои знакомые, на которых я мог бы положиться, одних лет со мною, а свидетель в брачном контракте должен быть моложе мужа и жены. Надо поговорить со старым Валлори.

Поговорить со старым Валлори, с великим Валлори, главою фирмы Гаркрост, Валлори и Валлори, было одною из причин поездки полковника в Лондон. Жена его была урожденная Гаркрос, племянница того самого Стефена Гаркроса, который оставил все свои деньги Августе Валлори. Брат его, Жорж Гаркрос, женился на девушке, на которой он сам, Стефан Гаркрос, намеревался жениться, и вследствие этого он прервал всякие сношения с братом и отказался даже взглянуть на племянницу свою Жоржину Гаркрос, единственный плод этого брака. Только когда брат умер, Стефан смягчился настолько, что помог его вдове и был учтив с молодым капитаном Давенантом, который влюбился в Жоржину и женился на ней после трех месяцев знакомства. Брачный контракт, — ничтожный контракт, потому что отец Жоржины разорился, начав торговать шелком, а капитан Давенант не мог передать жене ничего, кроме своей шпаги, — контракт был заключен с помощью Гаркроса и Валлори, и с тех пор Томас Давенант считал их своими поверенными и в настоящем затруднении обратился не к кому иному, как к ним.

Он был допущен в ту священную комнату, в которой Вильям Валлори изрекал мудрые советы своим самым знатным и самым выгодным клиентам, в комнату почти столь же недоступную, как святилище, в котором японские микадо скрывали свое величие от глаз простых смертных. Тут он нашел главу фирмы, задумчиво чистившего ногти у стола, заваленного бумагами, и с ним трех клерков, которые при появлении клиента тотчас же вышли из комнаты.

— Приходите обедать ко мне сегодня вечером, — сказал Валлори своим самым радушным тоном, — приходите в Акрополис-Сквер, и мы после обеда переговорим о вашем деле. Очень рад, что дочь ваша делает такую славную партию. Я имею некоторое понятие о Клеведонском имении; сэр Френсис был нашим клиентом, когда был молод, и что это был за беспокойный клиент! Надеюсь, что имение очищено?

— Имение так же чисто, как… как Бунгалло, — добавил полковник торжественно.

— Извините, я не рассыпал.

— Бунгалло, мое маленькое поместье в Танбридж-Вельсе, увеличенное и перестроенное моими собственными руками, милостивый государь. Я могу выстроить кирпичное здание и оштукатурить его не хуже любого каменщика. Вы должны приехать ко мне, Валлори. Я могу предложить вам хороший обед, хорошую бутылку вина и хорошую постель.

— Благодарю вас. Я с удовольствием воспользовался бы вашим приглашением, но я слишком занят, и если иногда выдается свободная неделя, я отправляюсь в Райд. Сэр Френсис в Лондоне?

— Сэр Френсис остановился у Ливиафана.

— Так пригласите и его с собой и дочь вашу. Моя дочь и ее муж, мистрис и мистер Гаркрос, будут сегодня обедать у меня. Он принял имя Гаркроса, когда женился. Это было одним из условий завещания, как вам может быть известно.

Полковнику это было давно уже известно. Человек, сильно любящий деньги, постарался бы избежать свидания с женщиной, владеющей состоянием, которое могло бы принадлежать ему, но полковник был не из таких людей.

— Ваш зять начинает играть роль в обществе, — заметил полковник, внимательно читавший ежедневные газеты.

— Мой зять — один из лучших юристов в Англии, — заметил мистер Валлори довольным тоном. Брак его дочери оказался удачнее, чем он ожидал. Губерт Гаркрос получал от двух до трех тысяч в год, и книга для записывания посетителей мистрис Гаркрос стала столь же аристократична как *Almanach de Gotha*⁹.

— Если у вас будут гости сегодня вечером, мы не успеем поговорить о деле, — сказал полковник.

— Для долгого разговора у нас, может быть, не будет времени, но я до тех пор подумаю о вашем деле и выскажу вам свое мнение в трех словах. Все, что вам нужно, это добросовестный поверенный; самый контракт я могу составить с сэром Френсисом в течение часа. Я имею в виду поверенного.

— Кто он?

— Теперь не скажу. Надо сначала узнать согласится ли он. Так я жду вас сегодня в половине восьмого в Акрополис-Сквер 10.

Полковник Давенант и дочь его остановились у замужней сестры полковника, которая вышла очень счастливо замуж в Индии, под его опекунством, и, не имея детей, принимала большое участие в Жоржине.

В половине восьмого двери гостиных Акрополис-Сквера отворились, чтобы принять полковника, мисс Давенант и сэра Френсиса Клеведона, торжественно возвещенных дворецким мистера Валлори. Говор в комнате внезапно смолк при их появлении. Гаркросы уже приехали, и неизбежный Уэстон Валлори был тут же. Мистрис Гаркрос подошла с отцом к мисс Давенант и совсем затмила бедную Жоржи великолепием своей особы.

Она приняла мисс Давенант так ласково, как только умела.

— Я смотрю на вас как на родню, — сказала она после первых приветствий. — Надеюсь, что мы будем видеться часто, пока вы в городе.

— Сэр Френсис Клеведон, дочь моя, мистрис Гаркрос, — сказал мистер Валлори, и Августа сделала баронету грациозный поклон, который показал ей французский танцевальный учитель, но, подняв глаза на сэра Френсиса, она тихо вскрикнула.

— Что такое, душа моя? — спросил мистер Валлори с удивлением.

⁹ «Готский альманах», ежегодный генеалогический справочник самых знатных родов, царственных и титулованных особ Западной Европы. Издавался с 1763 по 1945 гг. в немецком городе Гота.

— Как странно, папа, что вы мне об этом ничего не сказали.

— О чём не сказал?

— О сходстве между сэром Френсисом Клеведоном и Губертом.

Мистер Валлори взглянул на своего зятя, который стоял у камина, слушая, по-видимому, без всякого интереса какое-то замечание Уэстона.

— О сходстве между сэром Френсисом и Гаркросом, — повторил мистер Валлори, переводя глаза с одного на другого. — Сходство действительно есть, но даю слово, что я только сейчас заметил и не думаю, что такое открытие будет приятно сэру Френсису. Гаркрос выглядит десятью годами старше его.

— Но сходство тем не менее поразительно, папа. Извините, сэр Френсис, что я об этом заговорила; но я была поражена. Папа должен был предупредить меня.

— Но, душа моя, я не заметил сходства.

— Так вы были слепы, папа.

— Я горжусь сходством с таким известным человеком, как мистер Гаркрос, — сказал сэр Френсис добродушно. — Не представите ли вы меня вашему зятю, Валлори?

Мистер Валлори позвал своего зятя, и Гаркрос подошел с видом полуразумья, полурассейнности, которого так страшились его оппоненты в суде, хорошо зная, что когда Гаркрос встанет, как бы забыв о чём ему следует, говорить, он выскажет самое блестящее знакомство со всеми подробностями дела. Он поклонился баронету с почти дерзкою холодностью, и лишь только окончилось представление, отошел опять к камину.

Мисс Давенант отправилась к обеду с мистером Валлори; баронет имел честь сопровождать мистрис Гаркрос; полковник подал руку невзрачной молодой особе, обладавшей прекрасным контрапурто, который был полезен для мистрис Гаркрос; Губерт Гаркрос и Уэстон замыкали шествие. В таком маленьком обществе разговор, чтоб быть интересным, должен быть общим, и, к счастию, там, где был полковник, говор не умолкал ни на минуту. Прежде чем снят был суп, он уже начал рассказ о подвигах отца своего, победоносно отступив от Корунны, пока ел рыбу, взял Бадагос, пока обносили соус, и к концу последнего из *entrès*¹⁰ довел Веллингтона до его палатки в Ватерлоо и тут оставил великого полководца погруженным в глубокий сон пред решительною битвой и приступил к барабану.

Сэр Френсис и Августа Гаркрос в продолжение этой кампании вели разговор между собой. Она интересовалась его невестой. «Такое милое лицо» и так далее, все, что говорится в подобных случаях.

— Я очень рад, что она вам нравится, но она всем нравится, — отвечал сэр Френсис. — Вы должны приехать к нам в Клеведон. Мы намерены к осени быть уже на месте. Наш медовый месяц будет не долг, потому что в сущности вся наша жизнь будет медовым месяцем. Мы намерены начать жизнь дома и всегда жить дома, как и следует помещику и помещице, и жить просто, без всяких претензий, среди добрых друзей.

— Но вы, вероятно, будете в парламенте?

— Разве это необходимо? Я желал бы избежать этого. Я не чувствую призыва к государственной службе и мне трудно расстаться с Жоржи. Вступив в парламент, я должен был проводить большую часть времени вне дома, потому что взявшись за какое-нибудь дело, надо исполнять его как следует.

— Но у вас будет свой дом в Лондоне?

— Нет. Когда нам вздумается побывать в Лондоне, мы будем останавливаться в меблированной квартире. Но мы намерены проводить лучшую часть года в Клеведоне.

— И вы думаете, что Жоржи будет довольна такою жизнью?

¹⁰ фр. — здесь: перемена блюд.

— Я не думаю, чтоб она могла быть довольна какой-нибудь другою жизнью. Она выросла в деревне.

Мистрис Гаркрос содрогнулась. Какие странные, аркадские понятия у этого молодого человека. Она спросила себя, какова была бы ее жизнь, если бы она жила с Губертом в деревне. Сблизило ли бы их уединение? Она вообразила своего мужа зевающим над газетами, как он иногда зевал и в Мастиадонт-Кресченде, имея под руками все развлечения Лондона.

— Молодые люди вступают в брак с самыми романтическими понятиями, — сказала она. — Через год мы, по всей вероятности, услышим, что вы отделяете дом в Майфере.

Полковник между тем покончил с Ватерлоо и от этой победы перешел к сэру Артуру Веллеслею и к его брату и таким образом дошел до последнего периода своей военной карьеры, о которой распространялся за десертом.

— Приятно, должно быть, жить с полковником, если он всегда так говорит, — тихо заметил Уэстон Гаркросу, когда дамы ушли.

Жоржи мало-помалу доверчиво разговорилась с мистрис Гаркрос в задней гостиной, между тем как дама-контральто зевала над томом египетских фотографий, спрашивая себя, может ли что быть скучнее обедов Акрополис-Сквера? Ободренная участливым видом Августы, мисс Давенант рассказала ей о многочисленных достоинствах Франка и о том, что они намерены делать, когда будут мужем и женой. Потом мистрисс Гаркрос и мисс Паркер, контральто, пропели *Del Conte*, а мисс Давенант застенчиво согласилась пропеть одну из любимых баллад своего жениха; остальные разговаривали по двое и по трое в углах комнаты. В самом конце вечера мистер Валлори пригласил полковника на несколько слов в заднюю гостиную.

— Я нашел вам поверенного, — сказал он. — Мой зять Гаркрос согласен взять на себя эту ответственность. Он отличный делец и в высшей степени добросовестный человек.

— Я буду очень рад, если он согласится, — отвечал полковник.

— Но я считаю это нашим долгом, — возразил мистер Валлори. — Августа так обязана другу моему Стефену Гаркросу, что все, что она и муж ее могут сделать...

— Так решено, — прервал полковник. — Не скрою от вас, что я был бы в высшей степени доволен, если бы старый Гаркрос оставил свои деньги не вашей дочери, а моей, но он поступил иначе, и я зла не помню и очень рад, что мистрис Гаркрос так ласкова с Жоржи.

Мистрис Гаркрос пригласила полковника и дочь его к себе обедать. Она могла дать им на выбор два дня следующей недели, вторник и четверг.

— Мне было бы приятно, если бы вы приехали ко мне в четверг, потому что в этот день у меня будет несколько человек хороших знакомых, — сказала Августа, и решено было свидеться в четверг. Сэр Френсис был, конечно, тоже приглашен. Брачный контракт должен был между тем быть составлен в Ольд-Жюри.

— Он похож на вас, Франк, этот мистер Гаркрос, но далеко не так красив, — сказала Жоржи своему жениху на пути домой. — Мне не нравится выражение его лица, у него такие сатирические брови.

— Высокомерный высокочка, — отвечал Франк, — но лицо его действительно напоминает мне некоторые из наших фамильных портретов. Природа, как видно, не может награждать оригинальною наружностью всех своих детей и по временам впадает в повторение. Мистер Гаркрос есть действительно подделка под Клеведонское издание.

Глава XXV

Мистрис Гаркрос дома

В один прекрасный июньский день, в шесть часов вечера, мистрис Гаркрос была дома. Ее большие гостиные в Мастадонт-Кресченде были переполнены оживленными существами в воздушных костюмах всех цветов радуги. В продолжение двух последних часов, мистрис Гаркрос принимала своих друзей, которые при встрече с нею выражали такой восторг, что посторонний наблюдатель мог бы подумать, что они видят ее в первый раз после нескольких лет насильтственной разлуки. В числе их было несколько знаменитостей, несколько таких лиц, с которыми все жаждут познакомиться поближе, хотя сближение обыкновенно ведет к разочарованию. Мистрис Гаркрос никогда не позволяет, себе быть дома без того, чтобы ее не окружали знаменитости. Они имеют свое назначение, как спутники больших планет. Без них она чувствовала бы себя ничтожною. В одной из комнат нижнего этажа можно было найти чай, кофе и мороженое. Музыка, преимущественно классическая, говор множества гостей, из которых одна треть по крайней мере были иностранцы и объяснялись на едва понятном жаргоне, жар и благоухание цветов – все это вместе располагало гостей мистрисс Гаркрос к зевоте, но тем не менее, когда толпа начала редеть, хозяйка решила, что этот четверг был особенно удачен. Негг Тумпансантер превзошел самого себя, играя из Себастиана Баха; мистер Роргед, великий натуралист, весьма живо рассказал об интересном открытии исчезнувших млекопитающих на берегу Перу; лорд Шаум, евангелический проповедник, с полчаса держал в трепете свой обычный кружок слушателей, советую им иметь свои светильники готовыми. В четверг седьмого две большие гостиные опустели, и мистрисс Гаркрос опустилась с утомлением на низкое кресло у одного из окон, выходивших на балкон, который в это время года был наполнен цветами и закрыт вьющимися растениями.

Один из ее гостей, неутомимый Уэстон, по-видимому, еще не думал уходить. Он стоял перед зеркалом и смотрел через плечо на свой безукоризненный утренний фрак.

– Да, тяжелый денек, – заметил он в виде комментария на вздох Августы.

– Я, кажется, еще никогда так не утомлялась, – сказала она. – Сегодня было так много разных ничтожных лиц и потому много шума и суеты. Ничтожные люди всегда шумны.

– Вы думаете? – спросил Уэстон. – А мне показалось, что ваши скучные знаменитости шумели больше... Тем не менее, нынешний день очень удачен. Лорд Шаум был в духе. Заметили вы, как девушки теснились вокруг него в его углу? Дверь задней гостиной выдержала целую осаду. И Роргед был необыкновенно оживлен. Видели ли, как он любезничал с этой девушкой в розовом, самой хорошенъкой в комнате? Я заметил, что у вашего ученого друга вкус не дурен.

– Я сегодня ничего не замечала, – отвечала Августа сердитым тоном. – Я была страшно утомлена, а Губерт, кажется, поставил себе за правило отствовать в такие дни.

– Но ведь у него было сегодня какое-то дело в суде, – сказал Уэстон, продолжая осматривать себя в зеркало.

Ему начинало не на шутку казаться, что левое плечо морщит.

– Нет ничего легче, как отговориться делами, когда не хочется быть дома.

– Полноте, Августа, – сказал Уэстон примирительным тоном. – Я уверен, что Гаркрос примерный муж в своем роде.

Мистрис Гаркрос обратилась к нему с таким гневным взглядом, какого он еще никогда не видал во все время своего знакомства с ней.

– В своем роде! – повторила она. – Что вы хотите сказать, Уэстон? Разве вы когда-нибудь слышали чтоб я жаловалась на него?

— Мне сейчас показалось, что вы жалуетесь на него.

— Нисколько! Если я жаловалась, так это на толпу гостей. Никогда еще у меня не было так много, как сегодня, людей, которых я вовсе не желала бы знать.

— О, если бы мы могли знать только с такими людьми, которые нам нравятся, в каком маленьком мирке пришлось бы нам прожить жизнь! А у меня мягкое сердце, я люблю всех, кого знаю.

Оба замолчали.

«В положении друга моего Гаркроса что-то не ладно, — подумал Уэстон, но мне еще рано вмешиваться».

Он смотрел на свою кузину, полулежавшую в кресле и задумчиво глядевшую на цветы. Время от времени по улице плавно проезжала карета, изредка слышались шаги пешехода. Время разъезда по обедам еще не наступило, и Мастадонт-Кресченд был тих, как кладбище.

— Ах, я и забыл, — сказал Уэстон после долгой паузы. — Я привез вам сегодня интересную вещь.

— Какую? — спросила мистрис Гаркрос, не оборачиваясь к нему.

— Гравюру для вашего альбома и, кажется, довольно редкую. Снимок с одной из последних картин Лауренса.

— Благодарю, — сказала мистрис Гаркрос, зевая. — Не скажу, чтобы такие гравюры были в моем вкусе, я предпочитаю немецкую школу, но ваш подарок будет иметь место в моем альбоме. Покажите гравюру.

— Она осталась в швейцарской. Я пошлю за ней, если позволите.

Он позвонил и приказал лакею отыскать сверток, оставленный где-то в швейцарской. Когда сверток был принесен, он тщательно развернул его и подошел к своей кузине, продолжавшей смотреть на цветы.

— Не правда ли, какое красивое лицо? — сказал он. — Необыкновенно характерное!

Августа подняла глаза, не стараясь скрыть, что кузен уже надоел ей со своею гравюрой, но едва она взглянула на нее, как вскочила с криком удивления.

— Уэстон! — воскликнула она. — Разве вы не знаете, что это такое?

— Прелестный портрет прелестной женщины, — отвечал он, как бы не замечая удивления мистрис Гаркрос.

— Были вы когда-нибудь в комнатах Губерта? — спросила она резко.

— Да, раза два или три. Мистер Гаркрос не поощрял меня бывать там чаще.

— Но если вы были там раз, вы должны знать эту картину.

— Честное слово, — я не понимаю, что вы хотите сказать.

— Вздор, Уэстон. В комнате Губерта есть только одна картина, та, которая висит над камином, а эта гравюра — копия с нее.

— Неужели! — воскликнул Уэстон с притворным удивлением. — Да, я теперь вспомнил, что в комнате Гаркроса есть картина, бросающаяся в глаза. Когда я нашел эту гравюру у Томбса, мне показалось, что я уже видел это лицо. Это портрет мистрис Мостин, актрисы, прославившейся в комических ролях. Вы о ней, вероятно, не слыхали.

— Актрисы! — воскликнула Августа, побледнев.

— Да, вот на обороте написано карандашом ее имя. «Портрет мистрис Мостин в роли Виолы, в „Двенадцатой ночи“, написанный Томасом Лауренсом». — Что вы так побледнели, Августа? Можно подумать, что вы сделали какое-нибудь ужасное открытие. Томбс рассказывал мне историю мистрис Мостин. Она умерла тридцать лет тому назад, и вы не можете ревновать к ней.

— Ревновать! — воскликнула Августа, бросив на него грозный взгляд. — Как вы глупы, Уэстон.

Потом совершенно другим тоном и как бы говоря сама с собой, она повторила: «актриса!» Она молчала несколько минут, потом неожиданно обратилась к своему кузену.

– Вы сказали, что слышали историю мистрис Мостин. Хорошая она была женщина?

– Хорошая – слишком многозначительное слово, Августа. Она была обворожительна, по словам Томбса, и необыкновенно добродушна.

– Вы понимаете, о чем я спрашиваю, Уэстон? – воскликнула с досадой мистрис Гаркрос. – Я хочу знать, была ли она респектабельная женщина?

Уэстон пожал плечами.

– Не думаю, чтобы драматическая профессия претендовала на респектабельность тридцать лет тому назад, – сказал он. – Актрисы были тогда красивее, чем теперь, но мне кажется, что репутация их была сомнительна. Встречались, конечно, исключения. Что же касается этой мистрис Мостин, Томбе отзывается о ней довольно неопределенно. На сцене она пробыла недолго, но во время своего краткого артистического поприща производила фурор. Надо полагать, что она была замужняя женщина, потому что называлась «мистрис», но мистер Мостин – какое-то загадочное лицо. Она имела много поклонников между своими современниками и с одним из них бежала.

– Бежала!

– Да, и с одним из худших. Томбс забыл его имя, но хорошо помнит, как это случилось. Она исчезла в одно прекрасное утро во время представления новой комедии в театре Колизеум, и с тех пор ее больше не видели. Полагают, что она умерла за границей, несколько лет спустя. Я спрашивал, что сделалось с ее мужем, и как взглянул он на ее побег, но, оказывается, что об этом предание умалчивает. Никто ничего не знает о Мостине. Не правда ли, что это довольно странно? Но, может быть, она была уже вдовой, когда вступила на сцену.

Августа взяла гравюру из рук своего кузена и несколько времени смотрела на нее молча. Уэстон вышел на балкон, сорвал несколько засохших листьев, поправил побеги вьющихся растений, но все это время не выпускал из виду свою кузину. Немного спустя, она встала, небрежно бросила картину на стол и вышла на балкон.

– Благодарю за гравюру, – сказала она. – Мне она нравится и я уверена, что Губерт приобрел оригинал за красивое лицо, когда не имел средств покупать дорогие картины. Слышите? Это его шаги на улице.

Уэстон взглянул из-за глиняной вазы с пунцовой геранью.

– Да, я вижу Гаркроса, но за шесть домов, по крайней мере. Какой у вас славный слух, и как я завидую способности Гаркроса внушать вам такую внимательность!

– Когда вы женитесь, жена ваша будет тоже знать ваши шаги, если только не будет глуха, – холодно заметила Августа.

– Глухой жены у меня никогда не будет, – возразил Уэстон внушительно.

– Вы уверены?

– Да, потому что я никогда ни на ком не женюсь.

– О, вы перемените это намерение, когда встретите особу, которую полюбите.

– Милая Августа, к несчастью, я уже давно знаю единственную особу, которую могу любить.

Взгляд и тон были слишком выразительны, и мистрис Гаркрос неспособна была сделать вид, что не понимает.

– Если вы принимаете такого рода тон, Уэстон, – сказала она с оледеняющим взглядом, – я принуждена буду затворить мои двери для моего ближайшего родственника.

– О, понимаю! Ручная кошка не должна никогда высовывать когтей. Ее назначение вечно мурлыкать. Простите меня, Августа, я обещаю больше никогда не оскорблять вас, но вы не должны говорить о моей женитьбе. Я никогда не женюсь и желаю только одного: оставаться навсегда вашим покорнейшим слугой.

Такая речь была во вкусе мистрис Гаркрос. Она подала Уэстону руку, руку холодную, как лед, несмотря на жаркий день, и улыбнулась ему столь же холодной улыбкой.

— Вы всегда были очень добры, — сказала она, — и мне было бы очень жаль, если бы что-нибудь расстроило нашу дружбу.

Это было сказано совершенно искренне. Уэстон был ей очень полезен. Он исполнял все ее поручения, отыскивал ей львов для ее приемных дней, передавал ей текущие события, без знания которых разговор невозможен, дополнял ее чтение, для которого общественные обязанности оставляли ей не более часа времени, рассказывал ей все, что читал сам, словом, оказывал ей сотни мелких услуг, часть которых, как ей иногда казалось, мог бы взять на себя ее муж. Но Уэстон имел, по-видимому, всегда больше свободного времени, чем Вальгрев Гаркрос.

Гаркрос вошел, лишь только кузены успели помириться, и с утомленным видом опустился в кресло.

— Ты еще не начинала одеваться, Августа, — сказал он с удивлением. — Разве ты не знаешь, что уже семь часов? Я еще никогда не замечал, чтобы ты могла одеться менее, чем в час. Уэстон был, вероятно, необыкновенно занимателен.

— Я сейчас уйду, — сказал Уэстон, — но не думаю, чтоб я мог помешать вам одеваться, Августа. Вы редко церемонитесь со мной.

— Нет, вы мне нисколько не мешали. Я едва ли поеду сегодня.

— Как! Ты не поедешь к твоей милой леди Базингстон, Августа? Мне казалось, что вы обожаете друг друга.

— Мне очень неприятно огорчить леди Базингстон, но у меня сильная головная боль, — возразила Августа. — Что вы смотрите на меня таким сострадательным взглядом, Уэстон? Мне нужно только отдохнуть. Поезжай на обед без меня, Губерт. Джуллии очень хочется, чтоб ты был у нее.

Уэстон ушел, сильно заинтересованный и задумчивый. «В этой картине есть что-то загадочное, — сказал он себе, — и я не ручаюсь за семейное счастье мистрис Гаркрос в продолжение нынешнего вечера. Но ревновать к женщине, которая умерла тридцать лет тому назад, невозможно. Может быть, в портрете, который висит в его комнате, есть случайное сходство с какой-нибудь особой, которую он некогда любил, и это неприятно Августе. Но если так, то почему она встревожилась, услышав историю мистрис Мостин? Все это странно, но я очень рад, что случайно нашел эту гравюру. Она послужит мне точкой опоры».

— Жаль, что ты не можешь ехать, — сказал мистер Гаркрос жене. — Разве сегодня собрание было больше и несноснее обыкновенного?

— Да, сегодня был утомительный день, а вы никогда не хотите помочь мне.

— Милая Августа, если б я был самым праздным человеком в мире, я и тогда старался бы не быть дома в такие дни. Я не умею казаться в восхищении при виде толпы неинтересных людей. Я предпочитаю большие званые обеды. Звон ножей и вилок и шампанское необыкновенно оживляют людей, и если вдобавок хозяин имеет счастье обладать таким поваром, как наш, он может видеть своих друзей с их лучшей стороны. Но дообеденное собрание, толпа, бродящая бесцельно из угла в угол и жужжащая, как стая мух, музыка, литература, наука, религия, сплетни, всего понемногу и все вместе... Нет, надо иметь много терпения и мужества, чтоб это вынести. Но если б я и желал, я не мог бы быть сегодня дома. У нас было заседание в комитете.

Августа стояла у отворенного окна, бледная, как полотно. Заговорить ли ей с ним теперь или подождать, пока он вернется с обеда? То, что она имела сказать ему, не могло быть сказано спокойно; она, всегда такая хладнокровная, чувствовала, что не будет в состоянии владеть собой, когда коснется своего ужасного открытия. Не лучше ли отложить до ночи, когда можно будет быть уверенной, что слуги не подслушают? Она взглянула на часы: было четверть

восьмого. В восемь она обещала быть у леди Базингстон. Она знала, что миледи рассчитывает на поддержку ее мужа. Гости милой Джулии были шумны, но скучны. Если они оба не приедут, это возбудит толки; даже если она одна не приедет, то и об этом заговорят. Ее уже видели в этот день в полном блеске. Она содрогнулась при мысли, что ее друзья будут составлять различные предположения на ее счет и решат, может быть, что она повздорила с мужем. Она знала, что этой причиной всегда объясняют неожиданное отсутствие жены.

— У меня ужасная головная боль, Губерт, — сказала она, — но я поеду. Бедная Джулия рассчитывает на нас.

— Очень рад, душа моя, — пробормотал мистер Гаркрос, не открывая глаз. — Поезжай, если успеешь одеться в три четверти часа. Или не можешь ли ты ехать в этом платье? Оно необыкновенно красиво.

Мистрис Гаркрос взглянула на свой тяжелый шелковый шлейф и верхнюю юбку из индийской кисеи и презрительно пожала плечами.

— Удивляюсь, как ты можешь делать такие дикие предложения, Губерт. В этом платье меня сегодня видели человек сто, по крайней мере, и в том числе леди Базингстон.

— В таком случае поспеши. Я могу одеться в двадцать минут.

Мистрис Гаркрос взяла со стола свою гравюру, тщательно свернула ее и унесла в свою уборную, где заперла ее в один из секретных ящиков. В восемь часов без пяти минут она сошла вниз во всем своем вечернем великолепии. Если положение мужа одной из красивейших женщин в Лондоне составляет преимущество, то мистер Гаркрос им, бесспорно, пользовался.

Но во взгляде его не заметно было удовольствия, когда он стоял внизу и смотрел на великолепную фигуру Августы, сходившую к нему. Если вид жены пробуждал в нем какое-нибудь чувство, то это было удивление, удивление, что женщина может довольствоваться такой жизнью, какую вела она.

Мистрис Гаркрос была вообще разговорчива со своим мужем, но в этот, вечер, на довольно далеком пути к леди Базингстон, она не сказала ни слова. Мистер Гаркрос был утомлен, и молчание жены не было ему неприятно и не внушало ему никаких опасений. Он заключил, что четверг был утомителен и неудачен.

Вечер леди Базингстон ничем не отличался от других подобных ему вечеров. Мистер Гаркрос говорил много и говорил хорошо. Если во время кратких пауз в течение своей жизни, между дневной работой и вечерними развлечениями, он часто размышлял о пустоте своего существования и говорил себе, что вся его жизнь одна суeta, то, очутившись опять в обществе, он всегда оживлялся. Никто у леди Базингстон не сказал бы, что мистер Гаркрос утомлен жизнью.

Милая Джулия с жаром благодарила милую Августу при прощании.

— Как вы добры, что приехали! Я никогда не видела сэра Томаса Гавитри таким любезным. Как он сошелся с мистером Гаркросом? Приятно было видеть его таким оживленным.

— Я очень рада, что мы были в состоянии приехать, Джулия. У Губерта было сегодня заседание в палате лордов, и я боялась, что он слишком утомится, чтобы обедать вне дома.

— Он так удивительно умен и так хладнокровен, что кажется не способен утомляться. Но вы что-то бледны сегодня, Августа. Я это заметила за обедом.

— Это, может, быть, только так кажется от цвета моего платья. Старомодный цвет, не правда ли? Я это говорила Буффант, но она настояла, чтобы я сделала себе такое платье.

— Платье ваше, по обыкновению, прелестно, душа моя, но сами вы сегодня как будто нездоровы.

После многих других изъявлений дружбы, приятельницы расстались, и мистрис Гаркрос уехала в сопровождении своего мужа. Он был доволен своим вечером. Общество было довольно скучное, но он чувствовал себя в нем центральной фигурой и источником оживления. Этот род общественного успеха был одним из необходимых условий его профессионального

положения и одной из его достигнутых целей. Теперь ему нечего уже было ожидать от будущего, кроме небольшого повышения на лестнице, по которой он медленно поднимался с юношеских лет и каждая ступень которой была ему хорошо знакома. Судьба так щедро наделила его благами земными, что он выиграл бы очень мало в этом, отношении, если бы сделался самим лордом-канцлером. Он имел основания быть довольным.

Глава XXVI

Мистер и мистрис Гаркрос начинают понимать друг друга

– Не зайдешь ли ты в мою комнату, Губерт? Мне надо поговорить с тобой, – сказала мистрис Гаркрос, остановившись в дверях своего будуара в ту самую минуту, когда муж ее повернулся к задней лестнице, которая вела в его уборную.

– Я к твоим услугам, милая Августа, – отвечал он.

– Теперь именно такая часть вечера, когда я не чувствую на малейшего расположения ко сну. О чем хочешь ты говорить со мной? Не об обеде ли в честь сэра Томаса Гавитри? Мне показалось, что ты соображала что-то в карете. Ты была так необычайно молчалива, что даже не сказала ничего о смешном наряде леди Гавитри. А я ожидал, что ее платье возбудит, твой юмор.

Он последовал за женой в ее красивый будуар. Лампа с абажуром бросала мягкий свет на стол, заваленный новыми книгами и газетами. В этой комнате были самые спокойные кресла во всем доме, самые удобные принадлежности для письма. Мистер Гаркрос сел на свое любимое кресло у камина, артистически уbraneное папоротником.

– Я ни о чьем наряде сегодня не думала, – сказала мистрис Гаркрос недовольным тоном.

– Неужели! Так ты, как Людовик XV, который не был ничем занят, когда не охотился, тоже не была ничем занята сегодня, если не обращала внимания на наряды.

– Как ты учишь! Надеюсь, что я занята иногда чем-нибудь посерезнее нарядов, даже в обществе, где, конечно, трудно думать о чем-нибудь серьезном. Сегодня я думала об очень печальном предмете.

– В самом деле? Очень жаль. А я до сих пор считал тебя невозмутимой. Не случилось ли у нас какой неприятности? Не отказался ли Флюмен?

Флюмен был дворецкий, знавший в совершенстве свое дело и помогавший Гаркросам содержать дом на самом аристократическом положении.

– Что за вздор, Губерт! Как будто я способна беспокоиться о таких пустяках.

– Но я не могу представить себе большего несчастия, как расстаться с Флюменом. Что стали бы мы делать, если бы он покинул нас в середине сезона? Часто в начале обеда, когда, по-видимому, ничто не ладится, я говорю себе: не беда, мы в руках Флюмена, как в более важном случае я сказал бы: мы в руках Пророчества.

– Когда ты перестанешь говорить вздор, Губерт, я заговорю о серьезном. Не такими ли рассуждениями занимаетесь вы в ваших третейских судах?

– И там говорится немало вздорного, душа моя. Так в чем же состоит твое серьезное дело и почему смотришь ты на меня таким недовольным взглядом?

В лице жены его было что-то такое, чего он никогда не замечал в нем прежде, что-то такое, что заставило его сердце забиться быстрее и напомнило ему один страшный день в его жизни, день, когда Грация Редмайн упала мертвая к его ногам.

– Помнишь ты, Губерт, что я была у тебя однажды в Темпле?

– Конечно, помню. Ты была однажды у меня после полудня по какому-то важному делу. Но в этом нет ничего необычайного. Моя квартира всегда открыта для тебя.

– Я видела у тебя картину, которую ты назвал портретом твоей матери.

– Да, я помню, что ты обратила внимание на портрет моей матери. Так что же?

– И это действительно портрет твоей матери, Губерт? Это не случайное сходство с кем-нибудь другим, с какой-нибудь особой, которую ты любил? Ты не обманываешь меня?

Его смуглое лицо вспыхнуло.

— Это портрет моей матери и в нем нет ни малейшего сходства с кем-нибудь другим.

— В самом деле? В таком случае ты поступил бы благороднее, если бы рассказал о своем происхождении, когда просил моей руки.

Он вскочил с кресла с быстрым движением негодования, но в следующую минуту принял опять спокойную позу, прислоняясь к углу камина.

— Я не совсем понимаю ваш способ аргументации, мистрис Гаркрос, — сказал он. — Сделайте одолжение, объяснитесь яснее.

— Мне сегодня подарили гравюру, и эта гравюра — копия с твоей картины.

— Неужели! Я не знал, что есть копия и очень бы желал приобрести хоть одну.

— На обороте написано имя твоей матери, и я слышала ее историю от особы, которая привезла мне гравюру.

— Могу я узнать имя особы, так интересующейся моим семейством?

— Мне не хотелось бы говорить ее имя.

— Я не настаиваю. Мне кажется, что я угадал, кто этот услужливый доносчик.

— В этом поступке не было никакой преднамеренной услуги. Гравюра была привезена мне как редкая и стоящая быть присоединенной к моей коллекции. Особа, которая привезла ее, не имела понятия, что оригинал портрета был чем-нибудь для тебя.

— Невинная особа! Так что же ты узнала из ее неумышенного доноса? Что имя моей матери было Мостин и что она была актриса? Не это ли ужасное открытие смущало тебя весь вечер?

— Да, Губерт. Я была очень поражена этим открытием, но еще более недостатком благородства с твоей стороны.

— Вот, как! Так чего же ты хотела бы от меня? Чтобы я сорвал пластырь со старой раны, никогда вполне не заживающей? Чтобы я поднял занавес с картины, забыть которую было главной задачей всей моей жизни? Разве я хвалился когда-нибудь моим происхождением, мистрис Гаркрос, или старался возвеличить себя в ваших глазах? Прося вашей руки, я предложил вам себя со всей моей будущностью. О прошлом я ничего не говорил и не понимаю, какое вам до него дело и какое право вы имеете призывать меня к ответу за мое происхождение?

— Так это правда? — спросила Августа, бледная до самых губ. — Мистрис Мостин была актриса и твоя мать?

— И то, и другое. Она умерла в Италии, когда мне не было еще пяти лет, но она прожила достаточно, чтобы заставить меня чтить ее память всю мою жизнь. Помни это, Августа, когда говоришь о ней со мной.

— И остальная часть того, что я слышала, вероятно, тоже справедлива. Она окончила свою карьеру побегом?

— Побегом она начала свою карьеру, сколько мне известно, — возразил холодно мистер Гаркрос. — Она бежала с моим отцом.

— И была обвенчана с ним? — спросила мистрис Гаркрос, едва переводя дух.

— Этого вопроса я никогда не был в состоянии решить, — отвечал Гаркрос. — Если он женился на ней, что мне кажется очень вероятным, то он никогда не признал открыто этого брака и... разбил ее сердце.

Последние слова были произнесены медленно и с очевидным усилием. «Он разбил ее сердце», — повторил он про себя, вспомнив, что это не единственное сердце, разбитое таким образом.

— Ты не удостоил сказать мне имя твоего отца, — произнесла Августа после небольшой паузы.

— О, — воскликнул ее муж с внезапным выражением торжества на лице, — так твой доносчик не просветил тебя на этот счет! И я не скажу тебе имя моего отца. Я отказываюсь ответить на вопрос, предложенный так любезно.

— Как угодно, — сказала она ледяным тоном. — Имя не составит большой разницы. Оно не может увеличить или умалить бесчестия.

— Какое тебе дело до моего происхождения? — воскликнул Губерт Гаркрос с увлечением. — Разве я не исполнил условий нашего договора? Разве я воспользовался твоим богатством? Разве я сделался праздным человеком, как поступили бы девять мужей из десяти на моем месте? Ты зовешь меня к ответу за то, что в моей родословной есть пятно! Какое тебе дело, чей я сын, пока я исполняю условие, которое мы заключили между собой три года тому назад? Ты стыдишься моей матери? Но она по сердцу, по уму и во всех отношениях была несравненно выше тебя. Она не переодевалась три раза в день и не жила только для того, чтобы принимать и отдавать визиты. Она могла существовать без французской модистки. В то время, когда я ее помню, она была преданной рабой негодяя, женщиной терпеливой, нежной, выносившей пренебрежение и дурное обращение с ангельским терпением. Улыбка ила случайное ласковое слово от него делала ее счастливой. О, Боже, это была такая жизнь, которая оставила горькие следы даже на душе четырехлетнего ребенка. Моя мать была редкая женщина, мистрис Гаркрос, хотя она и пожертвовала славой и богатством развратному негодяю.

Августа Гаркрос сидела несколько минут молча, едва переводя дух от гнева и страдания.

— Я благодарна тебе за этот неожиданный взрыв откровенности, — сказала она наконец. — Откровенность имеет по крайней мере достоинство новизны, и мне полезно знать твое мнение обо мне. Я несравненно ниже актрисы, я ниже женщины, которая была женой какого-то проблематического лица, а потом любовницей твоего отца, имя которого ты теперь хладнокровно отказываешься сказать мне и еще оскорбляешь меня, когда я выражают чувство стыда, узнав о твоем происхождении. Если бы ты рассказал мне историю твоей матери, когда делал мне предложение, я, может быть, не посмотрела бы на различие наших положений, я закрыла бы глаза на твое прошлое.

— Иными словами, дочь великого Вилльяма Валлори, мудрого руководителя и друга несостоятельных должностников, могла бы добровольно пренебречь недостатком аристократической крови в жилах претендента на ее руку. Если б я ухаживал униженно и показывал, что стыжусь моего происхождения, ты, может быть, простила бы мне, что я потомок дома Станлей или Россель. Не так ли?

В первый раз в жизни Августа позволила себе проявить женственное чувство. Она внезапно встала и направилась к двери соседней комнаты, но на пороге остановилась и обратилась к мужу.

— Я способна простить тебе что бы то ни было, Губерт, кроме того, что ты никогда не любил меня, — сказала она.

Что-то в ее голосе и в ее взгляде тронуло его, несмотря на то, что он был сильно рассержен. Он подошел к двери и остановил жену.

— Никогда не любил тебя, Августа? — повторил он. — Что за вздор! Ты довела меня до бешенства и принимаешь за чистую монету все, что я ни сказал. Я был оскорблена до глубины души твоим презрительным отзывом о моей матери. Она была хорошая женщина, Августа, даю тебе честное слово. Каковы бы ни были ее отношения с моим отцом, но я ручаюсь, что она была невинна. Я не имею возможности узнать когда-нибудь подробно эту историю, как хочешь ты знать больше меня? Не тревожь мертвых. Мое детство и юношество прошли под покровительством одного друга, человека столь же благородного, как отец мой был низок. Полню, Августа, будь благоразумна, — продолжал он, входя опять в свой обычный спокойный тон. — Прости мне, если я сейчас сказал какой-нибудь вздор и не будем больше говорить об этом. Мы в первый раз коснулись этого предмета и пусть это будет в последний.

— Как угодно, — холодно ответила мистрис Гаркрос. — Так как ничто не может уменьшить моего горя и стыда, то я не буду больше надоедать тебе расспросами. Что же касается того, что ты сейчас сказал обо мне, я могу это простить, но забыть не могу.

— Разве я сказал что-нибудь такое ужасное? — спросил мистер Гаркрос с тихим смехом. — Пожалуйста, не принимайте это за чистую монету, Августа. Взбешенный мужчина не помнит, что говорит. Честное слово, я уже забыл, что я сейчас говорил. Я очень любил мою бедную мать, ее милое лицо еще теперь живо в моей памяти, но не такое, каким оно изображено на портрете, а бледное и исхудалое, каким оно было перед смертью. И когда я вспомню, какова могла бы быть ее жизнь, если бы не мой отец, ненависть к нему заглушает во мне все другие чувства. Дай руку, Августа, и забудь все обидное, что я сказал тебе.

И мир был заключен, только наружный мир, но достаточный для сохранения приличной внешности семейной жизни. В обществе они были по-прежнему «милый Губерт» и «милая Августа», и лакеи, входя к ним неожиданно, когда они бывали вдвоем, никогда не заставали их ссорящимися. Но мистрис Гаркрос не забыла обидных слов мужа, и сомнение в любви его к ней часто становилось между ней и нарядам.

И не могла она заставить себя примириться с ужасным открытием, которое сделала с помощью усердного Уэстона. Есть женщины, которым такое пятно на любимом человеке внушило бы безмерную к нему нежа ость и жалость, женщины, которые после такого открытия полюбили бы своего мужа еще более, но Августа Гаркрос была не из таких женщин. Она не могла вспомнить об ужасной тайне мужа, не представив себе как взглянул бы на это ее кружок. Она не могла смотреть далее узкого круга, который очертила вокруг себя. Вестборнская терраса замыкала ее мир с севера. Эклестон-Сквер с юга; Брайтон, Скарборо, Эмс и Спа были внешними владениями ее царства. Об обширной массе человечества, не входившего в ее сферу, о потомстве, до которого дошла бы слава мистера Гаркроса, если б он приобрел ее, она никогда не думала. Если бы муж ее был Эразм или Рафаэль, она тем не менее стала бы стыдиться его происхождения.

«Мне и прежде часто становилось неловко, когда знакомые спрашивали об его родстве, происходит ли он от Вальгревов Чешайрских или от Вальгревов Гадлейских. Что же буду я чувствовать теперь?» — спрашивала она себя.

Вальгрев Гаркрос между там продолжал жить своею прежнею жизнью. Все, за что он ни брался, удавалось ему, репутация его зрила как плод у южной стены. Он имел редкую способность извлекать наибольшую выгоду из своего успеха, не слишком выказывая сознание собственного достоинства. Репутация его была, может быть, не из самых высоких, но она делала его заметным человеком на обедах и приближала мистрис Гаркрос с каждым днем к ее земле обетованной, то есть к высокому обществу. Такое положение дел совершенно удовлетворило бы дочь мистера Валлори, если бы нэ ужасная тайна, тяготевшая на ее душе.

Как ни велика была всегда пропасть между мужем и женой, теперь она стала, по наружности по крайней мере, еще больше. В отношениях их между собою появилась какая-то неловкость. Обращение Губерта стало еще холоднее и высокомернее. Августа часто предавалась меланхолии у своего семейного очага, придумала хроническую головную боль и часто уединялась в своих утренних комнатах. Великолепная внутренность дома Гаркросов представляла непривлекательную картину, когда не было гостей, чтобы пробудить общежительные инстинкты супругов, но они никогда не ссорились, и Августа могла говорить себе с гордостью: «Я не поссорилась с мужем даже в тот страшный вечер, когда он сознательно оскорбил меня».

Не много, однако, было таких вечеров, которые мистер и мистрис Гаркрос проводили наедине. В продолжение сезона они редко оставались дома вдвоем, если не ждали гостей. Он иногда отказывался ехать в гости и проводил вечер в своем кабинете, запасаясь фактами и доводами для дела следующего дня, но Августа этим не стеснялась и выезжала одна, сияя красотой и нарядом и возбуждая зависть менее счастливых матрон.

Мистрис Гаркрос и Жоржи Давенант между тем стали друзьями. Жоржи была восторженна поклонницей красоты, и холодное, правильное лицо Августы сразу покорило ее сердце. Другие девушки жаловалась, что нет возможности сойтись с мистрис Гаркрос, но простодуш-

ная, живая Жоржи сумела оживить и эту статую. Если мистрис Гаркрос могла чем-нибудь горячо интересоваться, то это нарядами, а мисс Давенант в это время готовила себе приданое. Удостаивая Жоржину своею дружбой, мистрис Гаркрос видела в ней не столько молодую особу, выходящую замуж, как молодую особу, нуждающуюся в приданом. Она возила мисс Давенант по магазинам в своей собственной карете или коляске, смотря по погоде, и мистрис Чоудер, тетка Жоржини, чувствуя свою ограниченность в сравнении с мистрис Гаркрос, покорно отодвинулась на задний план и довольствовалась тем, что кормила изящными завтраками свою великосветскую гостью и беспрекословно соглашалась со всеми мнениями Августы.

У мистрис Гаркрос мисс Давенант была представлена великой Буффант, которая согласилась, несмотря на множество работы и единственно для того, чтобы устроить мистрис Гаркрос, взять на себя изготовление значительной части приданого мисс Давенант. Это было снисхождение, которое Жоржина должна была помнить до конца своей жизни, и когда это было решено, обе приятельницы, усевшись в карету, поздравили друг друга и поцеловались. Они провели у Буффант целое утро, роясь в шелку и бархате, совещаясь об отделках и прохладжаясь чаем, поданным на большом серебряном подносе лакеем модистки.

— Буффант важничает невыносимо, — сказала мистрис Гаркрос, — но ее стиль неподражаем, и никто не смеет ссориться с ней.

— Как буду я носить все эти платья! — воскликнула Жоржи. — Выбирать-то их весело, но каково носить их? Мне придется отказаться от общества *Педро* и всех других животных. Я носила всегда пике или полотно и могла в них играть с собаками сколько мне угодно. Но вообразите меня в шелковом платье, отделанном бахромою, как на картинке, которую показывала нам мадам Буффант, и на коленях у меня полдюжины ньюфаундлендских щенят.

— Но, милое дитя мое, вы должны будете бросить собак и обезьян, когда выйдете замуж. Неужели вы намерены взять их с собой в Клеведон?

— Отчего же не взять? — воскликнула Жоржи с удивленным взглядом. — Есть, конечно, такие собаки, которых я не могу отнять у папа, он их слишком любит, но некоторых я, конечно, возьму с собой в Клеведон. Франк тоже обожает собак. Не сердитесь, Августа, но мне ваш великолепный дом всегда казался скучным, потому что в нем нет собак.

— Может быть, вам мой дом кажется скучным, потому что в нем нет детей, — отвечала Августа грустным тоном.

— О, нет, вовсе нет, — воскликнула Жоржи, вспыхнув при мысли, что неумышленно огорчила своего друга.

— Я никогда не замечала отсутствия детей. Я не привыкла к детям и не особенно люблю их. Это не хорошо, не правда ли? Я вижу милых голубоглазых малюток в коттеджах, в которые хожу, и они, по-видимому, любят меня, но их носы, руки и передники всегда так грязны, что поневоле скажешь, что ньюфаундлендские щенки лучше.

Сэр Френсис Клеведон и мисс Давенант намеревались венчаться в Кингсбери. Мистрис Гаркрос обещала приехать на свадьбу в Бунгалло, но муж ее принужден был отказаться от этого удовольствия.

Каждый час был для него дорог в это время года, сказал он жене. Ехать на свадьбу было решительно невозможно.

— Это ужасно неприятно, Губерт, — возразила мистрис Гаркрос. — Я терпеть не могу быть в толпе чужих без мужа.

— Но ваша милая Жоржи и ваш милый полковник не чужие.

— Конечно, но их гости. Мне будет так неловко там без вас. Но я уже обещала Жоржи и не могу огорчить ее.

— Поезжайте, друг мой, повеселитесь. Помните песню, которую поет мисс Давенант: «Говорят, что ты тут самая дорогая гостья». Поезжайте и будьте самою дорогой гостьей, душа моя. Мне приятно будет знать, что вы счастливы, пока я буду прозябать в комитете.

— Сессия скоро кончится, и тогда, надеюсь, вы будете иногда удостаивать меня своим обществом, — сказала Августа угрюмым тоном.

— Конечно, душа моя. Но дело в том, что когда я могу провести с вами несколько времени, вы всегда страдаете головною болью.

Августа промолчала. Общество мужа было нужно ей не для того, чтобы проводить с ним вечера *téte-à-téte*. Ей нужно было, чтоб он выезжал с ней для того, чтоб общество считало ее брак счастливым.

— Боюсь, не подумали бы наши знакомые, что между нами произошел разрыв, Губерт, — сказала она.

— Пока между нами не произошло разрыва, какое нам дело до того, что думают знакомые? — отвечал мистер Гаркрос самым холодным тоном. — К тому же нас видят вместе очень часто. Но вы хотите невозможного, требуя, чтоб я уехал на два дня в Танбридж в самое деловое время года.

— Кингсбериjsкая церковь, — произнесла Августа задумчиво. — Не та ли это церковь, о которой вы писали в одном из ваших писем из той фермы, где вы провели лето для поправления здоровья?

— Может быть.

— А название фермы я забыла. Как она называлась, Губерт?

— Право, не помню, друг мой, — отвечал мистер Гаркрос после небольшой паузы. Для чего это тебе понадобилось знать?

— Надобности никакой, конечно, нет, но мне было бы приятно прокатиться из Танбриджа в место, где ты провел целое лето.

— Не стоит беспокоиться, друг мой. Это славная старая ферма, изобилующая розами, но ты можешь найти множество таких ферм в окрестностях каждого города. К тому же хозяева, у которых я нанимал, кажется, уже покинули страну.

— Неужели! А я думала, что такие люди живут так же неподвижно, как их деревья.

— Бывают бури, которые вырывают с корнями самые крепкие дубы.

— Из твоих слов можно заключить, что с ними случилось что-нибудь романтическое.

— Ничего романтического, они разорились. Дела фермера были уже в плохом положении, когда я был там, и, вероятно, утомившись наконец неудачами, он переселился в одну из колоний со всем семейством.

— Жаль, — сказала мистрис Гаркрос, и на этом разговор остановился.

Но он не прошел бесследно для Губерта Гаркроса. В этот вечер работа не шла ему на ум, когда он сидел один в своем мрачном кабинете. Старые воспоминания, никогда не ослабевавшие, в этот вечер были особенно живы.

Кингсбериjsкая церковь. Как живо одно это имя восстановливало в памяти первое воскресенье, когда он был в этой церкви, и красивое молодое лицо, смотревшее на него на обратном пути между благоухающими изгородями, даже самую атмосферу с ее благодатной теплотой и сельской тишиной, и полнейшее спокойствие в его собственной душе. Кингсбериjsкая церковь! О, если б он обвенчался с ней в этой церкви на радость и счастье, а не сделался ее убийцей.

— Я не дал бы ей умереть, я сделал бы ее жизнь светлою и спокойною, — сказал он себе. — Но, Боже, ожидал ли я, что убью ее? Мог ли я знать, что она до такой степени выше и чувствительнее других женщин?

Мистрис Гаркрос вернулась из Бунгалло тотчас же после свадьбы и очень довольная своею поездкой. В день ее возвращения в Мастодонт-Кресченде был небольшой, но изысканный банкет для двух или трех светил судебного сословия, за которыми мистер Гаркрос считал нужным ухаживать. Уэстон Валлори тоже присутствовал в качестве родственника и ручной кошки, и после обеда, сидя с ним и с мужем в задней гостиной, пока гости спорили над сво-

ими чашками чая в соседней комнате, мистрис Гаркрос с одушевлением описала интересную церемонию бракосочетания сэра Френсиса и мисс Давенант.

— Жоржина была прелестна, — сказала она, — но между свадебными подругами была только одна хорошенькая, это сестра сэра Френсиса. Вам надо познакомиться с ней, Уэстон. Премилая девушка и очень хорошая партия, конечно.

— Прошу вас не иметь никаких видов на меня в этом отношении, Августа, — возразил Уэстон Валлори своим высокомерным тоном. — Я не жених.

— Какое несчастье для мисс Клеведон, — заметил мистер Гаркрос. — Итак, свадьба была удачная, Августа?

— Как нельзя более, Губерт. Кингсбериjsкая церковь — прелестный обращик сельской архитектуры, и местность, окружающая ее, восхитительна. Ты совсем не сумел описать ее в своем письме, Губерт, но ведь ты неспособен восторгаться.

— Как! Разве это место знакомо мистеру Гаркросу? — спросил Уэстон с любопытством.

— Да, ферма, в которой Губерт провел лето три года тому назад, после своей болезни, находится недалеко от Кингсбери, — отвечала Августа. — Я справилась в твоих письмах, Губерт, и нашла имя фермы. Она называется Брайервуд. Милый полковник возил меня туда вчера. Такое тихое старое место и смотрится совсем необитаемым. Ты, кажется, прав, полагая, что хозяева его эмигрировали.

— Ты справлялась? — спросил мистер Гаркрос с видом полнейшего равнодушия.

Адвокатура сделала его хорошим актером.

— Нет, не успела. Нам пришлось ехать в ваш Брайервуд всевозможными окольными дорогами; полковник боялся опоздать к обеду, и я не хотела его задерживать, хотя мне было бы очень приятно побывать в старом доме, в котором ты провел столько времени. Как мог ты прожить целое лето в таком скучном месте?

— Я нуждался в отдыхе и в уединении, Августа.

— И может быть нашел какое-нибудь случайное развлечение, — вставил Уэстон насмешливо, — какую-нибудь сельскую красавицу. В таких местах мужчина обыкновенно развлекается ухаживанием за женщинами; это естественное следствие климата.

Мистрис Гаркрос бросила на него грозный взгляд, но мистер Гаркрос, по-видимому, не обратил никакого внимания на его слова.

— Очень рад, что тебе было весело, — сказал он жене, взглянув на группу в соседней комнате и готовый перейти к гостям, лишь только их разговор начнет замедляться.

— Я никогда не была на такой славной, патриархальной свадьбе, — продолжала Августа. — Церковь была убрана цветами, исключительно белыми и розовыми. Такого множества азалий я нигде не видала, даже в церкви святой Сульпиции в воскресенье святого Вита.

— Где проведут они медовый месяц? — спросил Уэстон.

— В Швейцарии. Жоржи мало путешествовала, и сэр Френсис будет ее путеводителем. Но они намерены вернуться в Клеведон в начале августа, и я дала за тебя обещание, Губерт.

— Ты не должна давать за меня никаких обещаний. Что ты обещала?

— Что мы с тобой проведем вторую половину августа в Клеведоне. Нечего пожимать плечами, Губерт. Сессия будет кончена и нельзя будет отговориться комитетами и судебными палатами.

— Я терпеть не могу гостить в чужих домах.

— Почему? — спросила мистрис Гаркрос, глядя на него своими холодными глазами. — Разве ты уже слишком сильно чувствуешь себя не в своей сфере между помещиками?

Это было невольным проявлением горечи, накипевшей в ее душе в последнее время. Она раскаялась в своих словах, лишь только произнесла их.

— Нет, не потому, Я не такой человек, чтобы тяготиться сознанием своего ничтожества, и, конечно, не считаю себя ниже сэра Френсиса Клеведона.

— Клеведоны, кажется, считают себя очень знатною фамилией, по крайней мере, Сибилла мне много рассказывала о своих предках, когда мы смотрели семейные портреты.

— Соблаговолила ли она очертить характер своего отца? — спросил мистер Гаркрос.

— Нет, отец был, должно быть, нехороший человек, Френсис и Сибилла мало говорят о нем. Так помни же, Губерт, что я настаиваю на этом визите и надеюсь, что ты не пойдешь против моего желания.

— Я, кажется, очень редко противоречу тебе, когда желания твои благоразумны, друг мой. Но стоит ли решать в начале июня, где мы проведем конец августа. Мне, однако, надо идти заниматься старого Чипскина. Не споешь ли ты что-нибудь, Августа?

— Для того, чтобы твои ужасные гости начали говорить еще громче? Я буду играть, если хочешь. Достаньте мне том Мендельсона, Уэстон, в голубом сафьяновом переплете.

Уэстон отыскал требуемый том и стоял подле своей кузины, пока она играла, перевертывая ей страницы и разговаривая с ней в промежутках между музыкой. Он много расспрашивал о Кингсбери, о старой ферме, в которой Губерт провел лето и, по-видимому, очень интересовался этим эпизодом жизни мистера Гаркроса. Но он сумел придать своим расспросам такой беспечный тон, что этот разговор только еще более убедил Августу в легкомысленности ее кузена.

«Очень может быть, что с его пребыванием в этой ферме связана какая-нибудь таинственная история», — думал Уэстон Валлори на пути к своему дому. «Гаркрос омрачился, когда я намекнул на это. Естественно ли, что человек на четвертом десятке лет мог прожить шесть недель в уединении только для того, чтобы пользоваться свежим воздухом и свежими лицами. И я помню, как он был скрытен, когда я расспрашивал его на другой день после его возвращения. Я подозреваю, что тут есть что-то таинственное, и если действительно что-нибудь окажется, берегитесь, мистер Гаркрос. Мне надоело ваше высокомерие со мною, не говоря уже о том, что вы отбили у меня женщину, на которой я хотел жениться. Этот счет был долго между нами, друг мой Гаркрос, но рано или поздно я заставлю вас расплатиться».

Глава XXVII

Больше ненависти, чем тоски

В Брайервуде было много перемен. Земля была сдана в аренду фермеру из крестьянского сословия, который поселился со своим многочисленным потомством далеко от старого дома, в просторном коттедже, построенным для управляющего, когда Брайервуд принадлежал дворянам. Дом и сад были отданы на попечение некой мистрис Буш и мужу ее, по ремеслу садовнику. Старый дом стоял пустой. Год тому назад Ричард Редмайн уехал за море, в Ситные Луга, превращенные трудолюбием Джемса и Ганны в образцовое имение. Он поехал посмотреть, как они живут, но благоустройство его поместья доставило ему мало радости. Той, которая была украшением его дома, не суждено было увидеть эти плодородные поля и гулять с ним по зеленым холмам. Свет его жизни угас; он теперь жил, ел, пил, спал даже больше, чем прежде, и видел ее во сне не всегда. Но часто, о как часто являлось ему в сновидениях ее милое бледное лицо, слышался ее голос, и он говорил себе, что все его мучения были напрасны, что она жива. И за такими снами следовало пробуждение к страшной действительности. Ее не было!

— Да будет проклятие Господне на ее убийце, — говорил он себе, — и да преследует оно его как моя ненависть и месть до конца его жизни!

Время не смягчило его негодования. Чувства его к человеку, соблазнившему его дочь, не переменились. Этот человек убил ее, — его поступки с ней равняются предумышленному убийству.

«Он убил бы ее душу, — говорил он себе. — С ней не было человека, который мог бы спасти ее, и Господь послал своего ангела смерти, чтобы отнять ее у него. Но этот человек способен был погубить ее душу. Если он не хотел убить ее тело, разве он поэтому меньше виновен в ее смерти? Рано или поздно он бросил бы ее и не стал бы жалеть, если б она скрыла свое бесчестие в какой-нибудь реке».

Джемс употребил все силы, чтобы удержать своего брата в Австралии.

— Для чего тебе уезжать, Рик? — говорил он. — Землю ты отдал хорошему человеку. Останься с нами навсегда. Ты здесь хозяин, здешний климат тебе здоров, занятый будет у тебя много, найдутся и хорошие люди на расстоянии дня езды. Что ты будешь делать в Англии?

— Искать убийцу моей дочери.

— Да, поступок этого человека с ней почти равняется убийству. Бедная Грация! — сказал Джемс, проливший уже немало слез над судьбой своей племянницы. Он имел своих собственных детей и горячо любил их, но не так, как Грацию. Она была так непохожа на них, она казалась между ними розой среди огородных растений.

— Он поступил жестоко, уговорив ее покинуть родной дом, Рик, но кто знает? Быть может, у него были хорошие намерения на ее счет.

— Что за вздор, Джемс. Разве честный человек поступает так, как поступил он? Хорошие намерения! Он лгал над ней над мертвою, как лгал ей, когда она была жива. Он назвал ее своею сестрой, потому что сознавал себя негодяем и не решился сказать правду. Не решился сказать правду, когда она лежала мертвая под его крышей! И слава Богу, что она умерла. Я говорю слава Богу, Джемс, а ты знаешь, что я отдал бы весь остаток моей жизни за один год с ней.

— Останься с нами, Рик, останься и будь хозяином там, где все принадлежит тебе.

— Нет, Джемс. Я сделаю дарственную запись и подарю тебе это имение. Когда-нибудь, когда я сделаю свое дело в Англии, я приеду сюда и спокойно окончу жизнь между вами. В Брайервуде я уже никогда не буду в состоянии жить спокойно. Но мне необходимо вернуться туда на время.

— Полнο, Рик, будь благоразумнее. Что пользы искать иголку в стоге сена. Тебе не найти этого человека, но положим, что ты найдешь его. К чему же это поведет?

— Я решу, к чему это поведет, когда найду его. Довольно, Джемс. Я уеду на пароходе, «Люси Аштон» в следующий четверг.

И он уехал и опять благополучно вернулся на родину и прибыл в Брайервуд в светлый июньский день, при веселом звоне кингсберийских колоколов.

— Что значит этот трезвон? — обратился он к мистрис Буш, входя в отворенную дверь кухни, с видом человека, возвращающегося после дня отсутствия. Возвращение не обещало ему ничего радостного. Земля была в чужих руках, дом сохранялся только в память об усопшей.

— Боже мой! Да это мистер Редмайн, — воскликнула мистрис Буш, уронив хлеб, который она вынимала из печки. — Как вы поразили меня.

— Ведь я сказал, что когда-нибудь вернусь.

— Конечно, и мы поджидали вас, но не думали, что вы вернетесь так внезапно, не предупредив нас ни одним словом. И постель ваша не проветрена и ничто не приготовлено. Но я сейчас все это устрою. В шкафу есть бифштекс, который я приготовила для моего Сема, и я сейчас состряпаю вам обед. И надеюсь, что вы сохранили свое здоровье в чужих краях, мистер Редмайн.

— Да, австралийский климат мне здоров. По какому случаю раззвонились эти дурацкие колокола?

— Неужели вы их не любите, мистер Редмайн? Что может быть лучше такого веселого звона? Сегодня торжественный день для Кингсбери, а в Клеведоне обед, и мой муж там. Сегодня свадьба сэра Френсиса Клеведона.

— Так он возвратился? — сказал Редмайн равнодушным тоном. Он осматривал знакомую кухню, ее тяжелый деревянный потолок и решетчатые окна, выходившие на большой мощеный двор с низкими службами, с колодцем, с пустою собачьего конурой и с полдюжины индеек, копавшихся в сорной куче. Он вспомнил Грацию в этой кухне, вспомнил, как ей иногда приходила фантазия помочь в хозяйстве и она садилась у окна, взявшись вычистить большую корзинку гороха, и убегала, не вычистив и половины.

— Так неужели вы ничего не слыхали о сэре Френсисе, мистер Редмайн? — воскликнула мистрис Буш, очевидно, полагавшая, что английские газеты сочтут долгом сообщить колониям последние клеведонские новости.

— Откуда же мне слышать?

— Господи! Да он уже год как вернулся, а вы ничего не знаете! Сегодня была его свадьба с самою милою девушкой, какую вы только можете себе представить, с дочерью полковника Давенанта. Я пошла было посмотреть на венчание, да так и не пробралась в церковь. Такого множества народа в ней, кажется, не было с тех пор как она выстроена.

Ричард Редмайн, по-видимому, никак не интересовался сэром Френсисом и его делами. Он оставил мистрис Буш и пошел бродить по старому дому, отпирая двери, которые были все заперты во время отсутствия, и переходя из одной комнаты в другую, только для того, чтобы постоять в ней и оглянуть ее медленным, полу-удивленным взглядом, как бы не веря, что когда-то он жил здесь. В доме было очень чисто, но холодно, сыро и мрачно. Если бы Ричард Редмайн верил в привидения, он боялся бы увидеть одно из них в этом доме с полуотворенными ставнями, не допускавшими света в углы комнаты. Но для него существовала только одна тень, и тень эта никогда его не покидала.

Но он когда-то жил и был счастлив в этих комнатах. Он вспомнил годы своей молодости и жизни с женой, тихие, спокойные годы, когда его величайшим несчастней был плохой урожай или падеж скота, потом вспомнил один прекрасный летний день, когда жена ушла от него

из сада, ушла с ласковым словом и любящей улыбкой и со взглядом, который он помнил до сих пор, и покинула его навеки.

Горькие воспоминания! Возможно ли, чтобы жизнь, раз отравленная смертью любимого существа, стала когда-нибудь опять вполне счастливою. Рик Редмайн пережил мучительность своего горя, но не самое горе. Десять лет спустя, имея прекрасную дочь и любя ее всем сердцем, он так же сильно чувствовал свою утрату, как в первую неделю после похорон, а когда умерла Грация, он забыл спокойные годы, разделявшие эти две смерти, и ему казалось, что какой-то злой гений одним движением руки отнял все, что у него было дорогого в жизни.

Если Редмайн отличался какою-нибудь добродетелью, то это терпением. Он не возмутился против Бога и не лишил себя жизни. Он продолжал жить, но жил с целью, которая была, может быть, хуже самоубийства. Он жил надеждой отыскать соблазнителя своей дочери, надеждой слабою, но достаточной, чтобы поддержать в нем охоту жить.

Он очень изменился с того дня; измученный неудачами, но все еще смелый и самоуверенный, он просил снисхождения своих кредиторов, с тем чтобы отправиться за море и поправить состояние. Он стал угрюмым, недоверчивым, подозрительным, роптал в одиночестве на свои невзгоды, роптал на весь мир, терпевший негодяя, погубившего его дочь, роптал на Бога, допустившего такую несправедливость. Перемена в его наружности была не менее поразительна. Мало того что его темные волосы поседели, что глубокие морщины покрыли красивое лицо, но выражение этого лица совершенно изменилось. Оно огрубело, в глазах появилась жестокость. В лучшие минуты это лицо было мрачное, в лучшие минуты Ричард Редмайн был человеком,вшавшим страх.

Он вернулся в свой старый дом, но не к своему прежнему образу жизни и не к своим прежним друзьям. О подробностях его горя внешний мир, маленький мир, его окружавший, не знал ничего. Обитатели Кингсбери слышали, что Грация Редмайн бежала и вскоре умерла, но где и при каких обстоятельствах она умерла, этого им никто не говорил. Такая скрытность была сама по себе загадочна, и большинство соседей решило, что с Грацией случилась какая-нибудь печальная и постыдная история, которую ее родные затаили в своих сердцах.

Глава XXVIII

О, как все изменилось с тех пор, как тебя не стало

Ричард Редмайн сидел в старом доме, ходил по старому саду или лежал с трубкой на земле под старым кедром и так жил день за днем, не пытаясь развлечься каким-нибудь трудом физическим или умственным. Жизнь его была так однообразна, что он не замечал течения времени. Он избегал встреч со старыми друзьями так настойчиво, как будто сам сделал какое-нибудь непростительное преступление против общества. Днем он редко выходил за пределы своего сада, но по ночам им часто овладевала непреодолимая страсть к движению и он проходил миль пятнадцать, не думая ни о направлении, ни о времени, и возвращался домой на рассвете, измученный и нравственно и физически.

— Я стараюсь выгнать из себя дьявола, мистрис Буш, — говорил он своей экономке и приводил в трепет бедную женщину.

— Ричард Редмайн какой-то странный, — говорила она мужу. — Он, бедный, не в полном рассудке с тех пор, как умерла его дочь.

Он возвратился в Англию, чтобы искать соблазнителя своей дочери, но не сделал почти ничего. Он побывал опять в конторе мистера Смузи, виделся там с Кенделем и предложил дать ему какое бы он ни потребовал вознаграждение, если он отыщет соблазнителя его дочери. Он так настаивал, что Кендель, не видавший средства удовлетворить его, из сострадания подал ему надежду.

— Трудная задача, — сказал следователь. — Я не имею никакой нити, за которую мог бы ухватиться. Этот мистер Вальш нанял квартиру в Гайд-парке, отказался от нее, заплатил за все чистыми деньгами, не оставив никакого чека, и исчез бесследно. Я не видал его портрета; не знаю его профессии, его прошлого, его связей, словом, ничего о нем не знаю, а вы хотите, чтоб я отличил его из всего лондонского населения, предположив, что он житель Лондона, в чем мы также не уверены.

Ричард Редмайн сидел спиной к пыльному окну пыльной конторы и мрачно слушал эти доводы.

— Мало ли что трудно, — сказал он резко. — Ваше дело преодолевать трудности. Если б это было легко, я сам давно нашел бы его. Найдите его, мистер Кендель, и я заплачу вам что угодно за труды.

— Но, мой милый Рейдман, — сказал Смузи своим дружески деловым тоном, — что же будет, если мы найдем его? Вы не имеете никаких доказательств. Подвести его под закон о похищении вы не можете, потому что дочери вашей было девятнадцать лет. И не можете вы также доказать, что ей был причинен какой-нибудь вред и что было намерение причинить ей вред. С какою же целью хотите вы отыскать его?

— Вам нет дела до цели. Отыщите его для меня, это все, чего я хочу от вас. Я раздеваюсь с ним по-своему. Я хочу увидеть его лицом к лицу и сказать ему: ты убил мою дочь.

— Право, мистер Редмайн, вы смотрите на это дело с ложной точки зрения. Я согласен, что уговорить вашу дочь покинуть родной дом было очень дурно, но такие дела делаются ежедневно. Роковой результат не был частью его вины, и он его не предвидел. Если бы ваша дочь осталась жива, джентльмен, может быть женился бы на ней. Если женитьба даже не входила в его намерение, он, может быть, впоследствии женился бы под влиянием угрызений совести и любви.

— Не надейтесь сбить меня с толку вашими нелепыми аргументами, — воскликнул Ричард Редмайн. — Я знаю только то, что он украл мою дочь, что она умерла от бесчестия, которое он навлек на нее, и что я считаю его ее убийцей.

Уговаривать такого человека было бесполезно. Мистер Смузи сделал нетерпеливый жест.

— Послушайте, как вам угодно, мистер Редмайн, — сказал он. — Я уверен, что Кендель употребит все силы, чтобы помочь вам, и если вам понадобится какой-нибудь совет, я к вашим услугам. Но я решительно не понимаю ваших намерений.

— Этот человек на плохой дороге, — сказал проницательный Кендель, когда Редмайн ушел из конторы. — Он способен на какой-нибудь отчаянный поступок. Я не стану помогать ему искать соблазнителя его дочери, потому, во-первых, что не считаю возможным отыскать его, во-вторых, если бы я и отыскал его, совесть не позволила бы мне выдать его Редмайну. А вы знаете, Смузи, что моя совесть не слишком щекотлива.

— Знаю и совершенно согласен с вашим мнением о Редмайне. Несчастный так долго думал об одном, что это наконец превратилось у него в мономанию.

Вскоре после этого свидания Ричард Редмайн вернулся в Брайервуд, но перед отъездом сходил посмотреть на дом, в котором умерла Грация, и на ее могилу. Хорошенький домик был занят. Редмайн мог только походить перед решеткой сада, обсаженного лавровыми кустами. В саду цвели розы и раздавались веселые голоса детей, на окнах дома висели клетки с птицами, все дышало счастием и довольством. Редмайн взглянул на окна комнаты, где Грация лежала мертвая, и представил себе день ее смерти, день темный ноябрьский, день с дождем, стучавшим в окна, и ему было больно видеть этот дом под безоблачным небом, слышать веселые голоса в комнате, в комнате где она умерла от разбитого сердца.

Он дошел до Гетриджа пешком, прошел по деревенскому лугу и мимо пруда, в котором лениво плескались на солнце утки, и вошел под тень каштанов и лип на кладбище, где была положена Грация. Он выбрал для посещения ее могилы шестое июня, день ее рождения.

— Мне следовало бы принести цветов, — сказал он.

— Какой я стал бессердечный. Ходил ли я к ней когда-нибудь с пустыми руками, когда она была в школе?

Кладбище было не особенно красиво, но торжественно и спокойно. Не было тут великолепных могильных памятников в новейшем вкусе, но местами появлялись громадные камни, окруженные решеткой и каменные саркофаги, обвитые плющом и обросшие мохом. Главную прелесть места составляла невозмутимая тишина. Кладбище находилось на пригорке, с которого открывался обширный вид на окрестности с едва заметными признаками большого города на краю горизонта.

Ричард Редмайн без труда отыскал могилу. На кладбище не видно было ни одного человеческого существа, но на гранитной плите лежал венок из белых экзотических цветов, по свежести которых можно было предположить, что они пролежали тут не более нескольких минут.

Ричард Редмайн бросился назад к калитке, не разбирая дороги и наступая на низкие могилы. Кто мог принести венок на ее могилу, кроме человека, погубившего ее?

— Он был здесь, — сказал себе фермер, — и может быть, теперь бродит где-нибудь невдалеке. О, Боже, если бы мне удалось сойтись с ним на ее могиле! Это самое подходящее место для нашей встречи... и мне кажется, что здесь я способен был задушить его, — прибавил он, конвульсивно сжав руками дубовую ветвь, служившую ему тростью.

— Как решается он приблизиться к ее могиле, сознавая себя ее убийцей?

Его нисколько не смягчило доказательство, что дочь его не забыта. Его единственным чувством было изумление, что человек, погубивший ее, осмелился положить венок на ее могилу, осмелился приблизиться к месту, которое должно было живо напомнить ему его преступление.

Он ждал целый час с непоколебимым терпением, потом обошел кладбище, но не встретив никого, опустился наконец на колени у могилы своей дочери и произнес молитву, молитву, внушенную не какими-либо христианскими чувствами, а дикою жаждой мщения. Так должны были молиться оскорбленные отцы в древней Греции, обращаясь к своим суровым богам.

Покончив молитву, он поднял венок, намереваясь разметать по ветру белые лепестки, но, посмотрев на него с минуту, осторожно положил его опять на камень, как он лежал прежде, окружая имя его дочери.

— Она очень любила цветы, в особенности такие белые и душистые, — подумал он. — Нет, я оставил венок, несмотря на то, что принес его ее убийца.

Он встал и направился к выходу, намереваясь пойти в деревню и расспросить о незнакомце. В таком маленьком и патриархальном mestечке посторонний не мог остаться не замеченным. Но у калитки его встретил церковный сторож, который уже несколько времени следил за ним из своей сторожки и вышел в надежде получить несколько пенсов.

— Не хотите ли посмотреть нашу церковь, сударь? — спросил он.

— Нет, я не интересуюсь церквами. Вы провели тут все утро?

— Да, сударь.

— Тут был один господин, который принес с собой венок и положил его на одну из могил.

— Очень может быть, сударь. Многие приходят сюда с цветами. Цветы — украшение кладбища, и не только взрослые, ни один ребенок их пальцем не тронет.

— Так вы здесь никого не видели сегодня утром?

— Видел, сударь. У этой калитки я встретился с одним джентльменом, уходившим с кладбища, как сейчас встретился с вами.

— Вы не знаете его?

— Имени припомнить не могу, но лицо его мне хорошо знакомо. Он, должно быть, похоронил кого-нибудь у нас.

— Часто он бывает здесь?

— Нет, редко, насколько мне известно. Я осмелился пожелать ему доброго утра, но он только кивнул мне головой и ушел, прежде чем я успел предложить ему осмотреть церковь.

— Слушайте, — сказал Редмайн. — Вот вам пол-крона, но если вы опишете мне наружность джентльмена так точно, как только можете, я дам вам пять шиллингов.

Лицо старого сторожа просияло восторженной улыбкой.

— Боюсь, сударь, что не угаду вам, я не мастер на такие описания. Джентльмен высок и смугл и с резко намеченными бровями, придающими его глазам какое-то свирепое выражение. Мне его лицо показалось вылитым из железа, но он тем не менее очень представительный господин и совершенный джентльмен.

— Довольно, — сказал Ричард Редмайн, бросая ему вторую полкрону. — Этот человек, может быть, придет опять когда-нибудь, и если вы узнаете, куда он возвратится и где живет, я дам вам пять фунтов. Помните это.

— Господи! Да я таких денег не зарабатывал во всю мою жизнь, — воскликнул сторож, глядя на Редмайна испуганно удивленным взглядом. — Да кто же вы, сударь?

— Не ваше дело, кто я; сделайте то, что я говорю вам и получите пять фунтов. Вы можете телеграфировать мне по этому адресу то, что узнаете, и получите вознаграждение со следующей почтой.

Редмайн написал свой адрес на листке, вырванном из карманной книжки, и подал его сторожу.

— Я, как и всякий в Гетеридже, всегда готов честно заработать копейку, сударь, но шпионить за кем-нибудь мне никогда не приходилось, сударь. Конечно, мой внук Томас сумеет проследить всякого джентльмена пешего или конного. Он удивительно ловкий малый и любимец нашего священника.

— Узнайте, где живет этот человек, и получите пять фунтов, — сказал Редмайн. — Берегите этот листок с моим адресом. Прощайте.

Он ушел быстрыми шагами, оставив церковного сторожа в сильном недоумении.

— Что касается ловкости, — пробормотал старик, почесывая затылок, — наш Томас мог бы жить карманным воровством, но как взглянет на это наш священник, желал бы я знать. Впрочем, какое мне дело до того, что он подумает?

Глава XXIX

Возвращенная драгоценность

Посетив могилу дочери, Ричард Редмайн возвратился в Брайервуд и зажил опять своею прежнею жизнию. Призрак, блуждающий по зеленым аллеям сада, не был бы так страшен, как несчастный отец со своею порывистою походкой и диким взглядом, с небритым лицом и неряшливою одеждой. Он ждал в бездействии известий от своих лондонских агентов и утешался надеждой отыскать своего врага с помощью кладбищенского сторожа. У него не осталось никакого другого интереса, никакого занятия, никаких забот, никаких надежд, и все его существование было поглощено одною роковою страстью, – страстью, которая постояннее любви и горьче ревности.

Он не говорил с Джоном Вортом с того самого вечера, когда узнал о побеге своей дочери. Они оба избегали друг друга и оба имели на то свои причины. Редмайн курил, не выпуская трубки изо рта, пил более чем в былое время, ходил по саду или лежал под старым кедром, погруженный в мрачные думы. Если б ему нужно было какое-нибудь внешнее влияние, чтобы сильнее чувствовать свое горе, он нашел бы это влияние в своем старом доме, где он некогда был так счастлив, где каждая безделица в комнатах, каждый куст в саду были ему давно знакомы и так или иначе связаны с воспоминанием о дочери.

Длиннейший день уже свершил свое медленное течение, и рожь начала желтеть, когда, после нескольких недель томительного зноя, разразилась страшная гроза, одна из тех гроз, которые приводят в трепет земледельцев, рисуя в их воображении побитый хлеб и скот, и долго не забываются. Это было в воскресенье. Вскоре после вечерней службы первая яркая молния прорезала темные тучи, и первый удар грома величественно раскатился между отдаленными холмами. Ричард Редмайн сидел под старым кедром, с неизбежною трубкой в зубах, с непрочитанною газетой на коленях и задумчиво смотрел на ряд тополей, возвышавшихся над садовою стеной. Он не испугался грозы, но просидел часа два, следя за ее приближением и вслушиваясь с мрачным наслаждением в ее бурную симфонию.

Только когда дождь полил как из ведра, и мистрис Буш вышла в сад под защитой старого парусинного зонтика и стала умолять его вернуться домой, он пришел в себя и, дико озираясь и потягиваясь, встал с лавки.

– Такая страшная буря, а вы сидите тут, мистер Редмайн, – сказала мистрис Буш. – Мой муж думал, что вы ушли в Кингсбери, а я никак не могла успокоиться и наконец говорю: «Я промокну до костей, но пойду в сад и посмотрю, нет ли его там». И только что я подошла к краю лужайки, как вдруг блеснула молния, и я вижу, что вы сидите тут как истукан. Вы должны благодарить Бога, мистер Редмайн, если не поплатитесь ревматизмом за нынешний вечер.

– Несколько капель дождя не повредят мне, мистрис Буш, но я пойду домой, если хотите. На такую грозу стоит посмотреть, но что-то будет с полями Девиса? Хорошо еще, что хмель не высок.

Девис был фермер, арендовавший Брайервудскую землю, и Редмайн, интересы которого были долго сосредоточены на тех же полях и лугах, сочувствовал ему.

Он вернулся домой, чтоб успокоить мистрис Буш, но не позволил запереть дверь, выходившую в сад, и сидел один, пока не кончилась гроза и солнце просияло на мокрые деревья и побитые цветы и птицы зачирикали в тихом утреннем воздухе, как в увертюре к *Вильгельму Теллю*. Он обошел сад, глядя на измятые кусты жасмина, роз, гвоздики и лаванды, и наконец ушел наверх в свою комнату.

Было уже поздно, когда он сел за свой одинокий завтрак, и по лицу мистрис Буш видно было, что она имеет сообщить нечто очень важное.

— Какое несчастье, мистер Редмайн! — сказала она.

— Я была уверена, что буря наделает бед, так и случилось. У мистера Девиса молния убила прекрасного теленка, а на Мартинмасском лугу сломан старый бук.

— Старый бук! — воскликнул Редмайн. — Дерево, которое так любила моя мать и потом Грация. Как жаль!

Мистрис Буш покачала головой и вздохнула с сокрушением. Он почти никогда не говорил при ней о своей дочери, хотя она сочувствовала ему от всей души.

— Да, мистер Редмайн, она ужасно любила Мартинмасское поле и это старое дерево. Когда вы были в чужих краях, она иногда брала книгу или какое-нибудь вышиванье и говорила мне: «Сад надоел мне, мистрис Буш. Я пойду посидеть на Мартинмасское поле». — «Идите, мисс Грация, говорила я, вам нужен свежий воздух». Она была ужасно бледна, бедная, в последнюю осень. А во время уборки хмеля она садилась под старый бук и разговаривала с детьми, и как бы ни были они грязны и оборваны, она была всегда ласкова с ними.

— Жаль мне старого бука, — сказал Редмайн в раздумья.

Он вспомнил, как они однажды вечером пили чай под этим деревом и как потом Грация пела им свои простые баллады при свете луны; как мир изменился с тех пор, как ее не стало.

Он поспешно съел свой завтрак и пошел на Мартинмасское поле. Он редко ходил по земле, отданной в аренду Девису, но теперь не мог не взглянуть на разрушение дерева, считавшегося старым во дни его прадеда.

Разрушение было полное. Массивный ствол переломился как тонкое деревце, на высоте трех футов от земли, и два работника фермера Девиса, служившие у Редмайна, когда он был хозяином, уже выкапывали корни, широко разросшиеся во все стороны. Фермер Девис не любил откладывать дело в дальний ящик.

— Да, молния подарила ему лишний клочок земли, — сказал один из рабочих, когда Редмайн подошел и заговорил о грозе. — Он все ворчал на это дерево, потому что трава под ним росла дурно. Теперь он рад.

— А мне очень жаль этого дерева, — сказал Редмайн грустным тоном.

Он сел у ближней калитки и просидел около часа, не сказав ни слова и думая о невозвратном прошлом. Рабочие украдкой взглядывали на него и удивлялись, как он изменился с того времени, когда они называли его хозяином. Он все еще сидел, устремив глаза вдаль, и с трубкой во рту, когда один из рабочих, выкапывая отросток корня из небольшой ложбинки, засыпанной сухими листьями, выкинул заступом блестящую вещицу и с криком удивления бросился поднять ее.

— Что это такое? — сказал он, держа свою находку на широкой ладони. — Золотая брошь!

Но то была не брошь, а большой овальный медальон. Ричард Редмайн при виде этой вещицы разразился таким громким проклятием, которое удивило рабочего еще более, чем самая находка.

— Медальон Грации! — воскликнул он. — Медальон, который моя дочь потеряла три года тому назад. Посмотрите, нет ли внутри дощечки с букетом незабудок.

Он слышал историю медальона от мистрис Джемс и запомнил описание единственного подарка, который дочь его получила от своего возлюбленного.

— Как он тugo отворяется, — сказал работник, открывая медальон своими грубыми пальцами. — Да, вот голубые незабудки. Я вижу, что медальон принадлежит вам, сударь. Возьмите его.

— А вы возьмите соверен и разделите его пополам с вашим товарищем, — сказал Редмайн, кладя монету в руку работника.

Он взял медальон и, положив его на ладонь, несколько времени грустно разглядывал его. Грация носила его на шее каждый день и дорожила им как подарком любимого человека. «Как я не догадался поискать его здесь, зная, что она любила сидеть под этим деревом?» – спросил он себя. «Она тосковала об этой вещице. Бедное дитя! Она была дитя, если польстилась на такие игрушки».

Он положил медальон в карман и с этих пор постоянно носил его при себе в одной куче с ключами и карманными деньгами. Тайная пружинка мало-помалу ослабла от постоянного трения, и однажды, когда Редмайн выронил медальон, фальшивая крышка открылась и выдала миниатюрный портрет.

Редмайн накинулся на него, как тигр на добычу. Да это то самое лицо, которое ему описывали, но во сколько раз оно красивее, чем он представлял его, судя по описанию мистрис Джемс. Он сидел около часа не сводя глаз с этого портрета и воображая минуту, когда он сойдется лицом к лицу с оригиналом и взглянет на него, как глядит теперь на его изображение. Сама Немезида выдала ему этот портрет.

«Странно будет, если я и теперь не найду его», – сказал он себе.

Он отправился в Лондон, снес портрет к фотографу и заказал снять с него тщательную копию и раскрасить ее так же искусно, как был раскрашен оригинал. Эту копию он снес мистеру Кенделю.

– Вы сказали мне, что могли бы сделать что-нибудь, если б имели портрет человека, которого я хочу отыскать. Вот вам его миниатюрный портрет.

– Необыкновенно красивый господин, – сказал Кендель, рассматривая портрет. – Я сделаю все, что в моих силах, и портрет мне может пригодиться, но я на вашем месте не возлагал бы на него слишком больших надежд.

Глава XXX

«Взгляни назад! Это мысль, граничащая с отчаянием»

Лондонский сезон миновал, и мистер и мистрис Вальгрев Гаркрос отправились по обязанности погостить у мистера Валлори в его вилле на острове Вайте, очень приятном месте после бесконечных улиц и скверов, с их пыльною зеленью и дымным небом. С ними была яхта, на борту, которой мистер Гаркрос любил лежать и читать метафизические книги, не слишком усердно следя за автором, между тем как Августа вела светский разговор с какою-нибудь приятельницей. Само собою разумеется, что они поехали в Райд, когда это место было переполнено приезжими, так что они только перешли из одной сферы обедов и приемных дней в другую такую же сферу, но менее обширную и варьируемую по временам катаньем по морю и пикниками.

Уэстон был с ними. Дядя считал его теперь уже слишком полезным человеком, чтобы относиться к нему с пренебрежением. И действительно, Уэстон со своим неизменным привлечением и осмотрительностью сумел сделаться душою фирмы. В важных делах голос Валлори старшего по преданию все еще считался голосом оракула, но старик все чаще и чаще поддавался подагре и стал думать слишком много о своих обедах, а новое поколение Сити было вполне довольно советами и услугами Уэстона. Он был не такой формалист, как старшие члены фирмы, он придавал менее значения мнению судей и иногда даже позволял себе выказать добродушное презрение к джентльменам в длинных мантиях. Он держал себя доступно, и его способность к ведению дел, его сообразительность и умение разъяснить всякое судебное затруднение были так обширны, что на долю клерков или младших партнеров выпадали только самые мелкие дела и второстепенные подробности дел, которые вел Уэстон. Он был руководителем всей фирмы, но несмотря на это, находил время помогать своей кузине в ее приемные дни и сопровождать ее на классические matinées, когда муж ее был слишком занят, чтобы служить ее провожатым. Один знакомый спросил его однажды в клубе, спит ли он когда-нибудь. Уэстон отвечал:

– Иногда случается, во время большой вакации.

Он был теперь в Райде, красивый и бодрый, с таким свежим цветом лица и моложавостью в своей фигуре, которым могли позавидовать многие молодые патриции, незнакомые с умственной работой и с дымом Сити.

– Не знаю, как вы это делаете, Уэстон, – сказал ему однажды Гаркрос, сидя с ним и с женой в своей красивой гостиной, выходившей окнами на море. – Я подозреваю, что вы обладаете каким-нибудь чудесным эликсиром. Вы или пьете кровь невинных младенцев, или время от времени завертываетесь в свежую обезьяную шкуру, или знаете какое-нибудь другое необыкновенное средство, которым сохраняете в себе этот юношеский вид.

– Разве у меня действительно юношеский вид? – спросил Уэстон с довольною улыбкой. – Мои средства самые простые. Я не наедаюсь до изнеможения, не пью никакого вина кроме амонтильядо, завтракаю сухарь с бутылкой содовой воды, ношу платье от лучших лондонских портных и, главное, считаю долгом относиться к жизни легко. Я стараюсь подражать тому лондонскому гражданину, который, проснувшись однажды ночью и увидев, что половина города охвачена пожаром, рассчитал, что пройдет три часа, прежде чем огонь достигнет до его дома и преспокойно доспал свою ночь. Я никогда заранее не тревожусь невзгодами, которые могут постигнуть меня в будущем.

– Я желал бы всею душой быть способным руководствоваться вашею удивительною философией, – сказал Гаркрос с одною из тех внезапных вспышек чувства, которыми он иногда приводил в изумление свою жену.

Она подняла на него полный недоумения взгляд со страниц последнего модного романа.

— Надеюсь, что жизнь твоя не так тяжела, чтобы ты нуждался в поддержке какой-нибудь философии, Губерт, — сказала она своим самым холодным тоном.

— Конечно. Что может быть приятнее моей жизни? Разве это не такая жизнь, от которой не отказался бы ни один благородный человек? Я знаю, что я должен быть благодарен случаю, открывшему мне двери этого земного рая. Но как на самом светлом небе бывают тучки, так и в моей жизни бывают грустные минуты.

— Ты действительно не можешь похвальтися веселым характером. Ты бываешь весел только в обществе.

— Разве бутылка шампанского может пениться без конца? — спросил мистер Гаркрос. — Общество слишком много требует от человека. Оно хочет, чтобы он беспрестанно раскупоривался и беспрестанно пенился. Не мудрено, что он становится никуда не годным в обыденной жизни. Если бы ты позволила мне проехаться с тобой в нынешнем году по Испании, Августа, ты нашла бы меня очень занимательным спутником. Я хорошо знаком по описаниям со многими испанскими видами и, главное, мы были бы далеко от людей, которых ты называешь своим кругом общества. Ты не можешь вообразить, как я оживился бы под благодетельным влиянием одиночества.

— Какое дикое предложение, Губерт! Ты слышал тысячу раз, что в Испании нет гостиницы, в которую могла бы войти порядочная женщина. Разве ты не помнишь историю о содер жателе гостиницы, который был в то же время сапожник и стряпал котлеты на своем грязном кожаном переднике. Каково есть котлеты, приготовленные на кожаном переднике! Притом ты знаешь, что я обещала быть у Клеведонов после пятнадцатого августа. Двадцать девятого день рождения сэра Френсиса, и в парке будет завтрак, а вечером бал и праздник для фермеров и вообще для бедных.

— Неудачный, конечно, — сказал Гаркрос сухо. — Все такие праздники, имеющие целью соединить высший класс общества с низшим, ведут всегда к фиаско. Разве сэр Френсис не может отпраздновать свое рождение без нашего присутствия? И что за фантазия праздновать рождение!

— Не понимаю, что у тебя за таинственная причина отговариваться от этого визита, Губерт! — воскликнула мистрис Гаркрос с очевидным неудовольствием. — Можно предположить, что у тебя действительно связаны с этим местом какие-нибудь воспоминания, или такие приятные, что тебе не хочется посетить опять это место при изменившихся обстоятельствах, или такие печальные, что тебе тяжело возобновить их.

Мистер Гаркрос нахмурился и взглянул на Уэстона.

Ему тотчас же пришло в голову, что подозрение жецы его возникло не без содействия этого человека.

— Я не имею никакой таинственной причины отговариваться от поездки, в Клеведон, — сказал он, — и, конечно, поеду, если ты так настаиваешь. Я еще никогда не отказывался исполнить твое желание, когда имел возможность его исполнить. Но повторяю тебе, что я терпеть не могу гостить в чужих домах. Когда я имею возможность отдохнуть, — а ты знаешь, что это случается редко, — я хочу жить как мне хочется, а не по чужому звонку. По окончании сезона я всегда стремлюсь пожить подальше от Вест-Энда. Я охотно отправился бы с тобой в Алжирию и пожил бы с маврами, или устроил бы экспедицию в арктические моря, если бы имел на это время. Все что угодно, только не загородная Бельгревия, Тубурния или Кенсингтония.

— Жаль, что обязанности цивилизованной жизни не позволяют нам отправиться на северный полюс, — возразила мистрис Гаркрос с саркастическим смехом. — Но если ты не дорожишь друзьями, то я ими дорожу и очень не желала бы огорчить Жоржину Клеведон. Бедное дитя! Ей будет сначала очень трудно управлять таким большим домом, как Клеведон, и я обещала помочь ей.

— Как! Разве ты смыслишь что-нибудь в этом искусстве? — спросил Гаркрос удивленным тоном. — Разве ты когда-нибудь унижалась до таких мелочей, как хозяйство? Я думал, что Флюмен и мистрис Канди управляют всем нашим домом.

— Как ты бестолков, Губерт. Я конечно, никогда не стану исполнять в своем доме должность экономки. Я никогда не вмешивалась в хозяйство, и ни одна женщина, желающая занимать приличное положение в обществе, не должна обременять себя такими пустяками. С папа у меня было сделано на этот счет условие: «Я никогда не вмешиваюсь в ваши распоряжения, — сказала я, а вы не тревожьте меня никогда хозяйственными потребностями».

— В таком случае не лучше ли было бы послать в Клеведон мистрис Канди? Она научит Жоржину хозяйству.

— Неужели ты в самом деле думаешь, что леди Клеведон нуждается в советах, касающихся супов и желе, жалованья слугам, мыла, свеч и так далее? Я взяла на себя научить ее занять подобающее ей положение в графстве.

— Но, душа моя, знаешь ли ты сама что-нибудь о графствах?

— Я знаю общество, — возразила Августа с достоинством. — Кентское высшее общество не отличается от общества Мастодонт-Кресченда.

— К сожалению, ты права, — возразил мистер Гаркрос со слабым вздохом. — Говорят, что печатный станок уничтожил волшебниц, а я к этому прибавлю, что железные дороги уничтожили всякую индивидуальность в людях. Сельский джентльмен теперь не существует. Если бы сэр Рожер Коверли был еще жив, кто отказался бы погостить у него? Интересно было бы также провести неделю у сквайра Уэстера; это был человек оригинальный.

— Так я могу надеяться, что ты поедешь со мной в Клеведон, — сказала Августа после небольшой паузы, в продолжение которой она возвратилась к своей книге, а мистер Гаркрос к созерцанию моря с нависшими на нем тяжелыми тучами. Уэстон стоял спиной к камину, делая вид, что читает *Times*. Предыдущий разговор имел для него особый интерес. Он все более и более убеждался, что пребывание мистера Вальгрева в Кентской ферме было связано с каким-нибудь эпизодом, о котором не мешает навести справки.

— Я поеду, если ты желаешь. Мне все равно, где ни провести последние недели августа.

— Мы не пробудем там более двух недель, — сказала мистрис Гаркрос, смягченная уступчивостью мужа, — а потом, если тебе не шутя хочется на континент, я с удовольствием поеду куда тебе угодно.

— Даже на северный полюс? — спросил мистер Гаркрос улыбаясь. «Если бы мы проводили жизнь в полярных странах, наши отношения не могли бы быть холоднее, чем теперь», — прибавил он про себя.

— Уэстон тоже приглашен, — продолжала мистрис Гаркрос. — Сэр Френсис пригласил его, когда они встретились в сквере. Папа предпочитает остаться здесь с своею подагрой. Я не думаю, что в Клеведоне собралось большое общество. Сэр Френсис имеет еще мало знакомых в Англии, а Жоржи, конечно, не захочет наполнить дом своею родней.

Итак, было решено, что Губерт Гаркрос отправится в Клеведон и будет есть, пить и веселиться там, где он провел один счастливый летний день и где все должно было живо напоминать ему о Грации. Он вспомнил комнату с полукруглым окном, в которой он открыл ей свою роковую тайну и в первый раз держал ее в объятиях и подумал, какова теперь эта комната, изменилась или нет, и что он чувствует, войдя в нее опять?

Долго после страшного ноябрьского дня жил он постоянно в опасении встретиться с кем-нибудь из родни Грации Редмайн. Но страх его оправдался только посещением Джона Ворта, который обвинил его довольно прямо в том, что он соблазнил и увез Грацию и которому он солгал без зазрения совести. Мало-помалу опасения его рассеялись. Он слышал о переселении мистрис Джемс и всего ее семейства, слышал, что Брайервудская ферма стоит пустая и считал себя в безопасности. Тем не менее ничего не могло быть ему неприятнее поездки в Клеведон,

и он согласился на эту поездку только из опасения возбудить подозрение в жене. Если б у него спросили, чего он опасается или почему он, человек вовсе не склонный к мечтательности, так боится увидеть опять знакомые места, его ответ был бы самый неопределенный. Он только знал, что ему неприятно это посещение и что он дал согласие против своего убеждения.

«Если мне грозит какая-нибудь опасность в этом месте, я сам иду на нее», – сказал он себе. «Но едва ли есть какая-нибудь опасность. Все семейство в Австралии; Брайервудский дом заперт. Бедный старый дом, где я впервые узнал, что мое сердце есть нечто иное, чем простой орган, помогающий кровообращению! Бедный старый сад, где я был так безумно счастлив!»

Глава XXXI Мужья и жены

Сэр Френсис и леди Клеведон оставили швейцарские горы и долины в начале августа и возвратились домой влюбленные друг в друга до безумия, как объявила им Сибilla, пробыв дня два в их обществе.

— Вы нестерпимо ухаживаете друг за другом, — сказала она, — и я этого не вынесу, если это будет продолжаться. Не можешь ли ты подыскать кого-нибудь, кто влюбился бы в меня, Франк? Настоящее положение вещей очень скучно.

Но оно не было скучно для влюбленной пары, для которой жизнь была постоянным праздником. Сэр Френсис и жена его вполне воспользовались неделей свободы, предшествовавшей прибытию гостей. Все теплые летние утра они проводили в парке, осматривая свою территорию или катаясь по окрестным деревням и знакомясь с мелкими арендаторами и рабочими, которые все считали долгом обратиться к ним с какою-нибудь просьбой, пользуясь тем, что сэр Френсис не умел отказывать. Джон Ворт, его управляющий, нередко выговаривал ему за такую неуместную снисходительность.

— Если вы намерены исполнять все их желания, не лучше ли вам прямо разделить между ними ваше имение. Рано или поздно оно все равно перейдет в их руки, потому что я ручаюсь вам, что вы не получите ни гроша с вашего имения, если будете исполнять все капризы ваших арендаторов. Я никогда их не слушаю, это мое правило. Если вам не правится ваша ферма, говорю я, оставьте ее. У меня ни один акр земли и ни один дом не простоят свободными ни одного дня. Пожалуйста не церемоньтесь, если имеете в виду что-нибудь лучшее. Такими словами их всегда можно образумить. Но если сам владелец заодно с ними, что могу я сделать? Стоит только раз уступить им, чтобы их просьбам не было конца. Если вы уступите вершок, они доведут вас до того, что вы принуждены будете уступить им аршин.

Сэр Френсис принимал вид виноватого и робко заглядывал в записную книжку своей жены.

— Я, кажется, обещал опять кому-то печку и еще кому-то поправку сточных труб, а вот еще коттедж, где какой-нибудь небольшой сарай был бы истинным благодеянием. У этого семейства есть осел, который помещается в гостиной, что неудобно и для осла, которому приходится получать много пинков, когда хозяева его суетятся, неудобно и для семейства, которое не может разговаривать свободно, потому что кто знает, что осел понимает и чего не понимает. Моя жена очень просила за осла. Мне кажется, что она сочувствует больше ему, чем семейству, принужденному держать его в своей гостиной. А вот еще печка, которую я обещал одной женщине, коттедж которой представляет образец чистоты. Она говорит, что если бы имела печку, то могла бы иногда испечь пирог мужу к ужину. Полно, Ворт, будьте филантропом, исполните все мои обещания и не ворчите на меня. Я, может быть, поступил неблагоразумно, но ведь женитьба дело не обыденное и мне можно извинить маленькую слабость ради такого случая.

— Я, конечно, должен сделать все, что вы приказываете, сэр Френсис, — сказал Джон Ворт. — Но надеюсь, что вы знаете, что ваши обещания обойдутся нам сотни две фунтов.

— Мы сделаем экономию в чем-нибудь другом, Ворт, — возразил весело сэр Френсис. — Вы не можете вообразить, какой я финансист. Мы с леди Клеведон придумали было построить коттедж в самом прелестном углу парка, куда мы стали бы уходить, когда нам вздумалось бы провести день в одиночестве для того, чтобы слуги могли говорить гостям, не насилия своей совести, что нас нет дома. Мы отложим постройку этого коттеджа и таким образом наверстаем убытки.

— Эта фантастическая затея будет стоить пропасть денег, уж это я знаю, — заметил непреклонный управляющий.

Он сознавал, что сэр Френсис обязан ему поправлением разоренного имения, и считал себя вправе читать ему наставления.

— О, совсем нет, коттедж будет самый скромный, К тому же ведь это не подлежит вашему ведению, Ворт, это чисто домашний расход.

— Я это знаю, сэр Френсис, и знаю, что мало таких хозяев, которые позволили бы мне говорить так, как я говорю с вами, но я так много трудился над вашим имением, что оно стало мне дорого как единственное детище, и я боюсь, чтобы вы не вздумали разорять его, как ваш отец. Все такие постройки в сельском вкусе он очень любил.

— Не беспокойтесь, Ворт, я научился бережливости. Вспомните сколько я проживал за границей. И вы не знаете какое сокровище я приобрел в жене. В нашем хозяйстве не будет расточительности. Да, кстати, Ворт, если вы не спешите, мне хотелось бы предложить вам один вопрос.

— Мое время к вашим услугам, сэр Френсис.

— Так садитесь и будьте как дома. Я прикажу подать хересу с содовою водой. Дело вот в чем. Я рассматривал планы нашего поместья и фамильную историю и увидел, что у нас было небольшое поместье, которое отец мой продал за семь лет до моего рождения, и которое называлось Равенгорстом. Это была, кажется, ферма с тремястами акров земли и с порядочным домом. Удивляюсь, как я ничего не слышал от отца об этом имении.

— А я нисколько не удивляюсь, — отвечал Ворт.

— Почему?

— Потому, что люди не любят говорить о том, что им неприятно, — отвечал управляющий, откупоривая бутылку содовой воды.

— Но как удалось отцу продать это имение? Разве оно не наследованное?

— Нет, сэр, оно было собственностью вашей бабушки, которая была, как вам известно, единственной дочерью полковника Блэнфорда, страшного богача, нажившего себе состояние в Индии.

— Гм! Странно, что я никогда ничего не слыхал об этом имении. Мой отец был уже в затруднительных обстоятельствах, когда продал его?

— Да, конечно. Он не продал бы его без крайней необходимости.

— И все вырученные деньги пошли на удовлетворение кредиторов?

— Да, но не обыкновенных кредиторов, — сказал Ворт, которому этот разговор был очевидно неприятен.

— Ценою Равенгорста сэр Лука заплатил долг чести.

— Карточный проигрыш! Да, Фокс и вся эта компания, вводившая в моду расточительность, много виноваты в поведении моего отца. Кто купил поместье?

— Некто мистер Кинлан, помещик, имение которого было смежно с Равенгорстом. Но после его смерти оно было опять продано и потом не раз переходило из рук в руки. С тех пор как сэр Лука, продал его, прошло уже тридцать семь лет.

Сэр Френсис удовольствовался этим объяснением. Ему казалось странным, что отец его никогда не упоминал о Равенгорсте, но вместе с тем это было в характере его отца, который не любил говорить ни о чем неприятном. Сэр Френсис не страдал ненасытимою страстью некоторых людей к увеличению своих владений и легко помирислся с тем, что Равенгорст потерян навсегда для него и для его потомства.

Эта счастливая неделя с молодою женой показалась ему самою короткою во всей его жизни и слилась в воспоминании в одну длинную верховую прогулку по тенистым рощам и зеленым лугам, в одно утро под каштанами парка, в один спокойный вечер, оживленный пением старых мелодий, всегда отрадных для сердца человеческого.

Они проводили вечера в утренней комнате Жоржины, в той самой комнате с полукруглым окном, в которой Губерт Вальгрев в первый раз обнял Грацию Редмайн. Убранство комнаты не было изменено. Новый персидский ковер, новые шелковые занавески и такие же чехлы на мебели, новый кабинетный рояль, большая клетка с австралийскими птицами, резная рамка, заключавшая все портреты, когда-либо снятые с сэра Френсиса Клеведона, – таких пустяков было достаточно, чтобы сделать эту комнату прекрасною в глазах Жоржины.

Пятнадцатое августа, лень, в который должны были прибыть ожидаемые гости, пришел слишком скоро для влюбленной пары.

– Франк, знаешь ли, что я терпеть не могу принимать гостей? – сказала Жоржи, стоя с мужем в ранний час утра пред отворенным окном гостиной.

– Какое ужасное признание со стороны хозяйки большого имения? Однако помнишь, как тебе хотелось, чтобы мистрис Гаркрос приехала в Клеведон, Жоржи?

– Неужели, Франк? Мистрис Гаркрос! Она действительно принимала большое участие в моем приданом. Ты не можешь вообразить, как она тогда хлопотала. Если бы не она, твоя жена была бы одета как чучело.

Она говорит, что тетушка Гоудер отстала по своим понятиям на четверть столетия.

– Не думаю, чтоб это могло нарушить спокойствие моего духа, Жоржи. Я любил бы тебя точно так же; если б у тебя не было ничего, кроме полинявшего платья, как у Эниды. Я серьезно думаю подвергнуть тебя таким испытаниям, какие вынесла эта молодая особа, или взять на образец страницу из Декамерона и сделать тебя современною Гризелью. Желал бы я знать, как ты вела бы себя в таком положении.

– Ты не можешь, сказать, чтоб я страдала недостатком силы воли, Франк, после того как я для тебя рассталась с Педро. Но не будем спорить. Я хочу поговорить с тобой серьезно.

– Все мое внимание к твоим услугам.

– Неправда, все твое внимание сосредоточено на том, что ты видишь за окном.

– Посмотри, Жоржи, на эту тень от каштанов и на эту группу ланей. Разке это не прекрасно?

– Прекрасно, конечно, но мне надо поговорить с тобой о гостях, которые приедут сегодня. Во-первых, тетушка Гоудер. Мы много толковали с мистрис Миксер о распределении комнат, и мне казалось, что нет возможности распределить их так, чтобы никого не обидеть. Тетушка Гоудер поместится в желтой комнате и ей же мы отдадим маленькую уборную, которая в сущности принадлежит к голубой комнате, но в последнюю мы поместим одного холостого джентльмена, Уэстона Валлори, который может обойтись без уборной.

– Уэстона Валлори! – воскликнул сэр Френсис с вытянувшимся лицом. – Разве мы его пригласили?

– Неужели ты не помнишь, что сам пригласил его, Франк?

– Совсем не помню, душа моя, как это случилось. Но человек, собирающийся жениться, не может быть всегда в полном рассудке. Я, вероятно, пригласил его в какую-нибудь счастливую минуту.

– Разве он тебе не нравится?

– Разве мне могут нравиться пауки, жабы, крысы и другие нечистые твари? Мне кажется, что Уэстон принадлежит к породе крыс и что если б он пробежал по бутылкам в моем погребе, вино было бы отправлено.

– Как ты несправедлив, Франк, Мистрис Гаркрос говорила мне, что ее кузен очень добрый человек и предан ей безгранично.

– Да, и ненавидит ее мужа со всею злобой мелочной натуры. Я тебе говорю, Жоржи, что Уэстон принадлежит к числу ядовитых тварей. Надо было потерять голову, чтобы пригласить его вместе с Гаркросом. Впрочем, в хорошем обществе, кажется, принято приглашать людей, ненавидящих друг друга. Продолжай.

— Комнату с обоями мы назначили Гаркросам, — продолжала Жоржи, считая по пальцам, — комнату, в которой спал принц, для генерала Чевиота и его жены, дубовую комнату для твоего друга капитана Гартвуда, кедровую комнату для моих подруг, мисс Стальмен, и одну из лучших комнат в верхнем этаже для твоего ученого шотландца Галля, который пишет для всех журналов. Кажется, все. Папа будет, конечно, бывать у нас каждый день, но без крайней необходимости он никогда не ночует вне дома, опасаясь, что в Бунгалло случится пожар и все животные сгорят.

— Как музей Барнума, — сказал сэр Френсис непочтительно.

Но несмотря на то, что Жоржи ждала прибытия гостей с неудовольствием, принимать их и чувствовать при этом все свое значение как хозяйки Клеведона оказалось вовсе не неприятным. Она с честию исполнила свою роль, водя гостей по комнатам и галереям и показывая им достопримечательности дома, фамильные портреты, музыкальную комнату с новым концертным роялем, библиотеку с тремя массивными порфировыми колоннами. Мистер и мистрис Гаркрос прибыли после всех. Багаж их, — три громадные сундуки с именем и лондонским адресом мистрис Гаркрос и два скромных чемодана, принадлежавших мистеру Гаркросу, — был прислан с ранним поездом в сопровождении горничной Тульйон. Сами Гаркросы приехали с экстренным поездом в начале вечера, когда Уэстон Валлори уже сидел у чайного стола, стараясь всеми силами быть приятным.

Узнав, что леди Клеведон в саду, мистрис Гаркрос решилась идти к ней немедленно. Туалет ее никогда не страдал от дороги, и ее серое шелковое платье было так свежо как будто только что вышло из рук модистки.

Целый поток летнего света ворвался в полутемный коридор, когда дворецкий отворил дверь в сад. Не этот ли внезапный свет так поразил мистера Гаркроса, что он остановился на пороге?

Нет. Перед ним был сад, в котором он провел однажды несколько счастливых послеобеденных часов в обществе Грации. Как хорошо он помнил этот сад! Арки, обвитые розами и жимолостью, цветы страстоцвета, казенный водоем с золотыми рыбками, в котором не было ничего, кроме дождевой воды и водяных растений, когда он видел его в первый раз. Милый старый сад! Его расчистили, но не беспощадно рукой. Он все еще принадлежал к прошлому, цветы росли по-прежнему в диком изобилии и форма клумб и лужаек не была изменена.

Леди Клеведон разливала чай в той самой беседке, в которой Редмайн, Джон Ворт и дворецкий с женой пили однажды свой молочный пунш. На одном из садовых кресел, окружавших стол, сидел Уэстон Валлори. Сэр Френсис не присутствовал. Он показывал конюшню другу своему капитану Гартвуду.

— Какая великолепная женщина! — сказал мистер Голль, джентльмен, писавший для всех журналов, увидав мистрис Гаркрос, приближившуюся по дорожке. — Кто это, леди Клеведон? Кто-нибудь из ваших кентских друзей?

— Нет, это мистрис Гаркрос.

— Жена адвоката Гаркроса? Да, вот и он позади ее. Я видел его. Какой у него истомленный вид. Он, говорят, очень трудится.

Мистер Гаркрос исполнил как следует свою долю приветствий, подал концы пальцев Уэстону, был представлен генералу Чевиоту и сказал все, чего можно было ожидать от него в данных обстоятельствах, но он был утомлен и расстроен и обрадовался возможности опуститься в спокойное кресло возле Жоржи.

— Какой у вас усталый вид, мистер Гаркрос! — сказала леди Клеведон с участием. — Надеюсь, что дорога была не слишком утомительна.

— Нет, не слишком. Августа ее, кажется, вовсе не почувствовала, но я становлюсь стар и раздражителен, и тряска утомляет меня. Я работал усиленно весь сезон, а потом катался

несколько времени на яхте, и мне кажется, что это не такого рода отдых, какой нужен утомленному нравственно человеку.

— Очень может быть, — отвечала Жоржи. — Так вы были на острове Вайт? Как я завидую вашей яхте.

— А я как завидую вашей...

— Чему, мистер Гаркрос? Может ли такой счастливый человек, как вы, найти что-нибудь завидное в чьем бы то ни было положении?

— Очень многое. Вашу молодость, например, и нераздельную с ней свежесть духа и способность завидовать другим. Поверите ли, что я иногда смотрю вокруг себя и спрашиваю себя, есть ли в мире что-нибудь такое, что я пожелал бы иметь, если бы стоило только пожелать, чтобы получить, и ответ бывает сомнительный.

— Это только доказывает, что ваша жизнь уже полна. Вы обладаете славой, богатством, прелестною женой. Чего же недостает вам?

— Неужели вы не можете придумать ничего такого, чего бы мне недоставало? Детей, например. Помните, что Бордсворт говорит о детях? Но мне и детей не нужно. Я не чувствую себя способным быть хорошим отцом.

Сквозь поверхностное равнодушие, с которым все это было сказано, проглядывало искреннее чувство. В голосе и манерах Жоржини было что-то такое, что вызывало на откровенность. «Она такая женщина, с которой можно говорить искренно, — думал он. — Мне нравится этот твердый рот и округленный подбородок, нравится и тон ее голоса и прикосновение ее руки».

Мистрис Гаркрос между тем стала центром, небольшого кружка. Старый генерал, обвороженный ее красотой, повергался в прах перед ней, между тем как жена его разговаривала со старшею мисс Стальмен об опасных стремлениях английской церкви, ни мало не смущаемая ревностию. Общество еще не успело соскучиться, когда часы на конном дворе пробили семь. Дамы ушли одеваться к обеду, а мужчины еще успели до начала своего туалета заразить дымом своих сигар прохладный вечерний воздух.

Первый обед в Клеведоне был необыкновенно удачен как в гастрономическом отношении, так и по своему оживлению. Говор не умолкал. Генерал Чевиот и полковник Давенант говорили без умолку, но были предусмотрительно размещены довольно далеко один от другого, чтобы каждый мог иметь свой кружок слушателей. Две мисс Стальмен были тоже неумолкаемые говоруны и могли говорить с одинаковою легкостью о самых разнородных предметах: о крокете, о теологии, о лошадях, о ботанике и так далее и умели вызвать самого скучного и молчаливого соседа на дружеский разговор, имеющий издали вид ухаживания.

В таком оживленном обществе мистер Гаркрос мог бы не утруждать себя разговором, тем более что его дама, мистрис Гоудер, тетка хозяйки, была довольна тем, что ей подавали самые вкусные *entrées* и не требовал, чтоб ее занимали.

— Я не могу обедать без курицы с рисом и горького пива, — сказала она. — Вам покажется это вульгарным, но я прожила двадцать лет в Индии, а привычка — вторая натура. Не знаю, заметили ли вы, но в этом рисе не было кокосовых орехов. Надо будет дать кухарке Жоржине рецепт моего бедного Гоудера, то есть копию с рецепта, потому что оригинал написан его собственнуя рукой и хранится у меня с письмами, которые он писал мне, когда я уехала на родину для поправления здоровья.

Но пока мистрис Гоудер наслаждалась обедом, сосед ее не предавался молчанию. Напротив, он говорил много и с неутомимою энергией поддерживал разговор на своем конце стола.

Уэстон Валлори, сидевший по левую руку от Августы, не преминул заметить, это необычайное оживление.

— Как разговорчив сегодня ваш муж! — сказал он мистрис Гаркрос. — Он в каком-то лихорадочном возбуждении.

— Он хочет сделать приятное нашим хозяевам, — отвечала она своим оледеняющим тоном, но бросив в то же время подозрительный взгляд на мужа. — Он не всегда молчалив в обществе, — прибавила она.

— О, напротив! Он как будто для того и создан, чтобы блестать в обществе. Жаль только, что такие люди не всегда приятны в семейном кругу.

Августа бросила на своего кузена один из своих строжайших взглядов, но он уже привык к таким взглядам, как и она привыкла к его злобным замечаниям об ее муже.

— Не понимаю, что вы хотите указать, — отвечала она. — Я никогда не могла пожаловаться, чтобы Губерт был недостаточно разговорчив дома.

— Неужели? — сказал Уэстон своим дерзко недоверчивым тоном. — А мне кажется, что даже Кеннинг и Сидней Смит должны были быть плохими собеседниками дома. Такого рода людям нужно общество, чтобы развернуть свои способности. Но я желал бы только знать, пред кем Гаркрос старается показать себя здесь. Разве ему не все равно, что будут думать о нем эти девушки в розовом, или этот старый генерал, или его дородная дама в зеленом платье, тетка хозяйки, если не ошибаюсь? Что значат для него все эти люди?

— Очень может быть, что ему хочется доставить удовольствие *моим* друзьям, — отвечала Августа с достоинством. — Неужели человек в его положении должен всегда иметь цель, чтобы быть любезным? Он не ищет популярности.

— Да, он один из тех счастливцев, которым стоит только открыть рот, чтобы в него посыпалась манна.

— Он трудится, как редко кто способен трудиться, Уэстон, и способностей у него больше, чем у многих. Не думаю, чтоб его успех можно было приписать особому счастию.

— Вы не думаете? А разве то, что он женился на вас, не следует приписать особому счастию? Чем он лучше других? Как досадно видеть, что вы ему так преданы, Августа.

— Уэстон, я прошу вас не говорить таких вещей.

— О, полноте, Августа. Я веду себя очень хорошо, но молчать постоянно я не в состоянии. Мне иногда невыносимо тяжело видеть, что вы его так любите.

— Неужели! А я считала себя одною из самых холодных жен.

— Холодных! Да вы вспыхиваете, как порох, если скажешь слово против вашего полубога. Он не может быть виноват в ваших глазах. Я уверен, что если бы вы узнали какой-нибудь неблаговидный эпизод из его прошлого, вы продолжали бы обожать его по-прежнему.

— Прошу вас не употреблять таких нелепых слов как «полубог» и «обожать», Уэстон. Я, конечно, люблю моего мужа. Наш брак, как вы знаете, был браком по взаимной склонности, и поведение Губерта с начала до конца было в высшей степени честно и бескорыстно. Что же касается его прошлого, я не считаю себя вправе требовать в нем отчета, но мне было бы, конечно, очень тяжело узнать, что мой муж был не всегда таким строгим нравственным человеком, каким я считаю его.

— Вы примерная жена, Августа! Но что если в то самое время, когда он был вашим женихом, он увлекся другою и это увлечение развились в нечто серьезное? Как вы взглянули бы на такой эпизод?

Мистрис Гаркрос побледнела.

— Я никогда не буду говорить с вами, Уэстон, если вы не извинитесь сейчас же за ваши последние намеки.

— Милая Августа, я готов извиниться перед вами хоть тысячу раз. Я привел только пример, не имея никакого намерения оскорбить вас.

— Вы всегда оскорбляете меня, когда говорите о моем муже. Оставьте его в покое.

— Хорошо. Вперед его особа будет для меня так же священна, как осооба ламы в Тибете. Я могу вынести что угодно, только не ваш гнев, Августа.

— Так не сердите меня вашими глупыми рассуждениями о Губерте. Леди Клеведон встает. Потрудитесь поднять мой веер. Я сейчас уронила его. Благодарю.

Она успокоилась, и румянец возвратился на ее щеки. Она была уверена, что последний намек Уэстона, как и другие злобные речи об ее муже, был только следствием зависти. Ее брак с Гаркросом был тяжелым ударом для ее кузена, и она это знала и не могла сердиться на него за то, что он все еще был предан ей всею душой, все еще ревновал ее.

— Бедный Уэстон готов идти для меня в огонь и в воду, — говорила она своим друзьям.

И действительно, Уэстон готов был идти для нее в огонь и в воду безо всякой определенной цели.

Глава XXXII Счастливое время

Летнее небо и летние рощи, тихие старые сады, изобилие экипажей и лошадей, хороший стол и значительный запас молодого веселения – все это вместе способствовало оживлению клеведонского общества. В окрестностях было много живописных мест и интересных развалин, и гости леди Клеведон редко бывали дома в час завтрака, предпочитая устраивать пикники на мягкой траве разрушенного аббатства, или в лучшей приемной сельского трактира, или на вершине холма над обширным ландшафтом, сливающимся на горизонте с голубыми небесами. Лишь только кончался утренний завтрак и чтение газет, дамы переодевались для экскурсии, и у подъезда начинались деятельные сборы. Дамы садились в коляски и кареты, молодые девушки выходили в длинных амазонках и круглых шляпах, кокетливо надетых на взбитые и завитые волосы, любители приключений ждали с нетерпением, сидя в кабриолетах, запряженных бойкими лошадьми, сигнала к отъезду, собаки лаяли, лакеи и грумы бегали взад и вперед, нося шали и зонтики к тяжелым экипажам, привязывались большие корзины с провизией, наконец Жоржи садилась рядом с мужем в фаэтон, и процессия весело пускалась в путь по длинной аллее.

– Я поеду с тобой, Франк, – говорит молодая жена, усаживаясь рядом с мужем. – Я предпочла бы остаться дома, чем сидеть и зевать в этой ужасной коляске, между тем как ты уехал бы на четверть мили вперед и стал бы курить и хохотать с мужчинами. Почему это мужчины всегда хохочут, когда бывают без женщин? И что они находят смешного? Они бывают или очень остроумны или очень глупы.

– Боюсь, что не первое, – отвечал сэр Френсис. – Я очень рад ехать с тобой, мисс Крузо, но не думаешь ли ты, что тебе приличнее было бы сидеть в коляске и занимать мистрис Чевиот и мистрис Гаркрос?

– Им хорошо и без меня, – отвечает она заискивающим тоном и придвигается ближе к мужу. – Они знают, что мы женаты так недавно и, может быть, сочтут естественным, что нам хочется быть ближе друг к другу.

– А когда мы будем женаты давно, нам будет хотеться быть подальше друг от друга? – спрашивает сэр Френсис, смеясь.

И они едут вперед по веселым кентским дорогам, где каждая изгородь обрамляет новую живописную сельскую картину, где каждый поворот дороги открывает новую панораму лучше последней, едут по холмам и долинам, по полям и рощам, счастливые, как жаворонок, парящий над ними в голубом своде.

Во всех этих веселых экскурсиях мистер Гаркрос не отставал от своей жены. Он никогда не противоречил ей, никогда не выражал желания остаться дома, чтобы поиграть на биллиарде или почитать в большой библиотеке, или погулять по саду, но он был в высшей степени равнодушен. Маленький клеведонский мир считал его примерным мужем. Он был всегда учтив и внимателен со своею женой, носил ее шали и зонтики, подсаживал ее в экипажи, но все это без неуместной поспешности, которая могла бы напоминать окружающим, что он женился на богатстве. Он большую частью молчал, но это никому не казалось странным в таком деловом человеке, как он.

– Этот Гаркрос не перестает думать, Джо, – сказал один из молодых людей своему товарищу. – Не понимаю, как он не сойдет с ума. Пробовал ты когда-нибудь думать, Джо?

– Да, однажды мне пришлось подумать. Мне нужно было сделать расчет для Дербиева дня, но у меня все не выходило то, что должно было выйти. Дело вот в чем, Треби. Если ты поставишь по сто против десяти в pari против одиннадцати лошадей, то так как только одна

из них может выиграть, ты не рискуешь проиграть. Если же ни одна не выиграет, ты выиграешь сто десять фунтов. Вот таким-то образом и наживаются большие состояния.

– Ну, это слишком мудрено, – возразил Треби.

Наслаждался ли мистер Гаркрос свою жизнью среди этого беспечного общества, среди зелени и свежих английских ландшафтов, среди молодых голосов и молодых лиц? Нисколько; он только мирился со всем этим как с неизбежным. Он не мог наслаждаться настоящим, как окружавшие его люди. Его многолетняя погоня за успехом сделала его неспособным пользоваться отдыхом. Клеведонское времяпрепровождение, прогулки между развалинами, питье шампанского в два часа дня, простодушные шутки, все это казалось ему такою пустою тратой времени, и пока другие веселились, он ходил один, взвешивая свою жизнь и сравнивая то, что он приобрел, с тем, что он утратил. Разрушенное аббатство располагало в особенности к таким размышлению. Оно было собственностью лорда, который по профессии принадлежал также к судебному сословию и поместье которого возвышалось невдалеке от развалин.

«Монахи, построившие и поддерживавшие это аббатство, были, по-видимому, людьми с более возвышенными душами, чем наши лорды, законоведы, потому что оставили после себя более величественный памятник, чем лорд Турло и Брум. Что ни говори, но ничто не дает человеку такого верного средства увековечить свое имя, как архитектура, и страсть фараонов к монументальным постройкам очень естественна и простираетя».

Но бывали минуты, когда и мистер Гаркрос становился общительным и снисходительным до того, что начинал ухаживать за одною из мисс Стальмен, которая расположена была обожать его и наедине с сестрою сожалела, что он женат. Вопреки своему обыкновению отдаляться от общества, он был очень популярен, во-первых и главное потому, что был человек известный в своей профессии, а мы любим быть в дружеских отношениях с людьми известными, во-вторых, потому, что он умел хорошо говорить, когда хотел, и имел дар казаться всезнающим.

– Вы так много знаете, мистер Гаркрос, – сказала ему однажды хорошенская мисс Стальмен, когда он рассказал ей одну из легенд о монахах, некогда населявших аббатство. – Мне кажется, что вы прочли все книги, какие когда-либо были напечатаны.

– Далеко не все. Я даже сомневаюсь, прочел ли я столько книг, сколько прочли вы. Говорят, что молодые девушки поглощают ежедневно по трехтомному роману, что составит в год, не считая воскресений и праздников, девятьсот томов, а в семь лет шесть тысяч триста томов. Не думаю, чтоб я прочел так много. Но сегодня, когда я узнал, что мы будем завтракать в монастыре, мне пришло в голову, что всем будет интересно узнать что-нибудь из его прошлого, и пока дамы одевались, я заглянул в историю Кента.

– Как приятно быть с кем-нибудь, кто знаком с готическою архитектурой, – промолвила мисс Стальмен с тихим вздохом: – Я очень люблю все средневековое.

Многие в Клеведоне заметили сходство между мистером Гаркросом и его хозяином. Их можно было принять за братьев или за близких родственников, говорили окружающие. Тип лица Губерта Гаркроса встречался во многих клеведонских портретах, как заметил однажды всевидящий Уэстон Валлори, когда гости, арестованные дождем, бродили по дому, ища развлечений.

– Это сходство – очень странное явление, тем более что лицо друга моего Гаркроса не из обычных лиц, – сказал он. – Легкая выпуклость нижней губы, например, придающая его лицу то, что некоторые называют циническим выражением, есть характеристическая особенность Клеведонов. Это случайное сходство очень любопытно.

В гостиной висел портрет сэра Луки во весь рост, работы Лауренса, в котором сходство Клеведонов с Гаркросом было еще очевиднее, несмотря на то, что мыслящее выражение лица Гаркроса отсутствовало в лице покойного баронета.

– Мой отец был бы очень похож на вас, если бы умел думать, – сказал сэр Френсис. – Но он никак не мог научиться этому искусству, даже в несчастий. Он научился только ворчать.

— Вы узнаете их по их плодам, — сказал мистер Гаркрос нравоучительно. — «Собирают ли виноград с терновника или смоквы с репейника?».

Сэр Френсис посмотрел на него с удивлением, но не сказал ничего. Кто-то из гостей сделал между тем замечание о нарядах двадцатых годов, и разговор принял другое направление.

Глава XXXIII

«Единым с тобою я не могу себя представить»

Мистер Гаркрос остался один в картинной галерее. Внизу капитан Гартвуд и мистер Голль составили большое состязание на биллиарде, и вся клеведонская молодежь, развеселившись после завтрака, который по причине ненастной погоды длился вдвое доле обыкновенного, сошлась посмотреть на игру. Говор и смех доносились до мистера Гаркроса, ходившего взад и вперед по картинной галерее, увешанной портретами усопших Клеведонов, которые смотрели на него и насмешливо улыбались, как ему казалось, в полусвете ненастного дня. Утром еще можно было надеяться, что погода разгуляется после полудня, и клеведонское общество с нетерпением поглядывало на барометры, но темное небо становилось все темнее и темнее, дождь усиливался, и время от времени, при сильных порывах ветра, так стучал в окна, что старые рамы дребезжали, как на корабле во время бури. В комнате было два камина и, несмотря на лето, можно было только пожалеть, что они не затоплены. Мистер Гаркрос содрогнулся несколько раз во время своей одинокой прогулки, но тем не менее не хотел про менять картинную галерею на более уютную комнату. Это утро он провел довольно сносно, играл в шахматы с мистрис Чевиот, ухаживал за младшую мисс Стальмен, откопал в библиотеке несколько редких старинных томов и рассказал их историю в назидание старшей и более серьезной мисс Стальмен, словом, вел себя так, как должен вести себя человек, желающий поддержать свою популярность, но после полудня силы ему изменили. Его профессиональная карьера не приучила его к такому времяпрепровождению. Ему нужна была поддержка более сильных интересов, чем те, которые он находил в таком бессодержательном существовании. В его судебных делах всегда встречалось что-нибудь интересное, какая-нибудь подробность, какое-нибудь юридическое затруднение или возможность устроить искусственную ловушку для противной стороны. Но в общей жизни маленькой колонии гостей, имевших мало общего друг с другом и принужденных постоянно притворяться обязательными и веселыми, он не находил ни пользы, ни удовольствия.

Он продолжал ходить беспокойно взад и вперед, дав полную свободу своим мыслям, когда дверь в конце галереи отворилась и послышался шелест шелкового платья. Может быть, никто не носил таких дорогих материй и длинных шлейфов, как его жена, но он всегда мог отличить шелест ее платья и теперь обернулся в полной уверенности увидать жену и не ошибся.

Она медленно подошла к нему, и выражение ее лица не обещало приятного свидания.

– Что это за фантазия, Губерт, ходить взад и вперед в одиночестве?

– Почему же мне не побыть одному, Августа? Я, кажется, был в обществе так долго, что даже ты можешь быть довольна мною. Мне хочется расправить тут ноги, подумать на свободе, позевать. Если бы ты знала, как часто мне хотелось в последнее время позевать на свободе.

– Что за вздор, Губерт! – воскликнула мистрис Гаркрос с раздражением. – Я искала тебя по всему дому. Все, кроме тебя, в биллиардной.

– Следовательно, во мне никто не нуждается.

– Ошибаешься. Твой друг мисс Стальмен младшая несколько раз вспоминала о тебе: «мистер Гаркрос сумел бы решить этот вопрос; это понравилось бы мистеру Гаркросу», и так далее. Терпеть не могу девушек, которые ухаживают за женатыми.

– Разве мисс Стальмен младшая принадлежит к этому разряду? Не есть ли эта слабость следствие недостатка в холостых мужчинах, которых, по-видимому, стало очень мало. Во всяком случае мисс Стальмен может побывать несколько часов без меня. Может быть, ты соскучилась, Августа?

— Не могу сказать, чтобы мне было весело. Биллиардной игры я не люблю, как тебе известно. В новом ящике книг из Лондона я не нашла решительно ничего интересного. На прогулку сегодня, кажется, и надеяться нечего.

— Конечно, если только ты не пойдешь на борьбу со стихиями. Останься здесь и походи со мной. Эта галерея очень удобна для комнатного мюциона, и мы в настоящее время имеем так редко возможность поговорить наедине. Не правда ли, что наша жизнь похожа на жизнь под стеклянным колпаком?

— Но разве мы пользуемся возможностью говорить друг с другом, когда имеем ее, — спросила мистрис Гаркрос сухо. — Ты несравненно разговорчивее с мисс Стальмен, чем со мною.

— Мисс Стальмен мне не жена, — возразил мистер Гаркрос, пожав плечами. — Я не обязан говорить с ней искренне, я только занимаю ее. Такого рода болтовня — моя профессия и мне полезно упражняться в ней. Полно, Августа, — прибавил он, видя, что жена не смягчается, — неужели ты способна ревновать меня к Люси Стальмен? Мне казалось, что это совсем не в твоем характере.

— Тебе, может быть, также казалось, что не в моем характере любить тебя и оскорбляться твою холодностью?

— Как ты неблагоразумна, Августа! — воскликнул мистер Гаркрос, удивленный этой внезапною вспышкой откровенности. — Как могло прийти тебе в голову, что мне доставляет какое-нибудь удовольствие общество этой девушки и что я сколько-нибудь интересуюсь ей! Мне нужно же говорить с кем-нибудь, чтобы внести свою дань в общую болтовню.

До сих пор они стояли на середине галереи, у большого дубового шкафа, наполненного пыльною коллекцией восточного фарфора, считавшегося редкостью в свое время. Мистер Гаркрос рассеянно переставлял и пересматривал блюдца, как бы играя ими. Мистрис Гаркрос после последних слов мужа отошла с нетерпеливым вздохом к окну и устремила взгляд на серый, мокрый ландшафт.

— Не в том дело, — сказала она после нескольких минут молчания. — Пожалуйста, не думай, что я способна ревновать к такой вертушке, как Люси Стальмен. Не в том дело, Губерт.

Голос ее внезапно прервался подавленным рыданием.

— А в чем же, друг мой? — спросил мистер Гаркрос, подходя к ней. Лицо ее было обращено к окну, так что он не мог увидеть его. Он положил руку на ее плечо и повторил свой вопрос более серьезным тоном.

Ответа не последовало, но рыдания не повторялись. Мистрис Гаркрос стояла непоколебимая как утес.

— Что все это значит, Августа? Какое недоразумение между нами?

— Какое недоразумение между нами! повторила она. — Разве ты не знаешь? Неужели это так трудно понять? Самое пустое недоразумение. Только то, что ты меня никогда не любил.

— Кто внушил тебе такой вздор, Августа?

— Мой рассудок. Я начала подозревать это еще в Лондоне, где мы вели такую суевливую жизнь и где нам редко приходилось быть одним, но убедилась в этом окончательно только здесь, где мы были больше вместе и где я имела возможность насмотреться на других супругов и сравнить их отношения и наши.

— Не сравнивала ли ты меня с сэром Френсисом, который только что женился и находится еще в состоянии одурения. К сожалению я, как тебе известно, не способен так увлекаться. Я десятью годами старше сэра Френсиса и создан из более твердого материала, чем он.

— Я ничего не требую, Губерт, — отвечала ему жена. — Я говорю только, что в этом доме я убедилась окончательно, что ты меня не любишь.

Если она надеялась в ответ на этот вызов услышать горячие возражения или нежное уверение в любви, то спокойный, деловой тон его ответа должен был разочаровать ее.

— Милая Августа, — сказал он твердо. — Я менее кого-либо другого способен доказать тебе, что ты ошибаешься. Такие вещи не доказываются. Клянусь тебе, что я старался исполнить мою обязанность и никогда не пренебрегал ни одним твоим желанием, как бы ни было оно ничтожно. Далекий от того, чтобы желать ослабить наш союз, я желал скрепить его. Я надеялся, что у нас будут дети, друг мой, и что наш дом станет более похож на семейный дом. Я был бы рад, если бы ты отдавала менее времени обществу и интересовалась моими занятиями и целями. Полно, Августа, оставим супружеские укоры менее благоразумным людям, чем мы с тобой. Я говорил, что посещение этого дома будет для меня несчастней, и ты оправдываешь мое предсказание.

— Посещение этого дома будет для тебя несчастней, — повторила Августа, внезапно обратив к нему полный подозрительности взгляд. — Ты этого никогда не говорил. Ты говорил только, что тебе не хочется ехать. Почему это посещение может быть для тебя несчастней?

— Да разве, то, что ты начинаешь высказывать мне упреки, каких я от тебя никогда до сих пор не слыхал, не есть уже дурное предзнаменование?

— Ты не говоришь иначе как загадками, Губерт, и я не знаю человека, от которого было бы так трудно добиться прямого ответа, как от тебя. Я спрашиваю, почему посещение этого дома может быть для тебя несчастней?

— И хочешь непременно получить ответ? — спросил он с оскорбительною холодностью.

— Непременно!

— Так я отвечу тебе в немногих словах, — потому, что этот дом не мой.

Жена глядела на него несколько мгновений в безмолвном удивлении.

— Потому, что этот дом не твой, — повторила она. — Неужели, Губерт, ты хочешь заставить меня считать тебя способным на такое низкое чувство, как зависть? Неужели ты завидуешь сэру Френсису Клеведону?

— Нет. Сэр Френсис славный малый, и я ничего не имею против него. Я даже люблю его. Но будь я расположен к враждебным чувствам, это место способно, как нельзя более развить их. Я человек, Августа, и положение в свете было главною целью моей жизни. Ты знаешь, как я трудился для достижения этой цели и как мало я пользовался тем, что люди называют жизненными радостями. Никто не может служить разом двум господам, и я служил исключительно успеху, я служил удачно. Но тем не менее я предпочел бы положение, котороедается таким именем и таким поместьем лучшему месту, какого я могу достигнуть в моей профессии.

— Очень может быть, — возразила Августа насмешливо. — Я сама не отказалась бы от герцогского титула, но если бы моя лучшая подруга была герцогиня, я не стала бы завидовать ей.

— Твое сравнение не верно, друг мой. Я имею, может быть, особые причины не любить это место.

— Особые причины. Можешь ли ты иметь особые причины не любить место, которое увидел в первый раз только дней десять тому назад?

— Почему ты знаешь, что я не видел его прежде?

— Потому, что ты никогда не говорил, что видел его.

— Может быть, мне неприятно было говорить об этом. Ты знаешь, что мне не хотелось ехать сюда, что ты привезла меня против моей воли.

— Я начинаю думать, что Уэстон был прав, — возразила она, — и что тебе неприятно это посещение вследствие каких-нибудь воспоминаний, связанных с твоим пребыванием в Брайервуде.

Его темное лицо вспыхнуло, побледнело. Вопреки самообладанию мистера Гаркроса, были воспоминания, при которых он не умел скрыть волнения.

— Я не думал о Брайервуде, — сказал он, быстро овладев собою. — Я видел Клеведон прежде, чем увидел Брайервуд.

— В таком случае, очень странно, что ты никогда не говорил об этом, — сказала Августа оскорблённым тоном.

Никогда, даже в ночь их первой ссоры, не сердилась она на него так, как в эту минуту. Искра, зароненная в ее сердце намеками Уэстона, теперь вспыхнула ярким пламенем.

— Повторяю тебе, Августа, что мне тяжело говорить об этом. Ты сейчас помянула об Уэстоне Валлори в таких словах, из которых я заключил, что обязан ему этим неожиданным допросом. Я не имею обыкновения действовать угрозами, но должен сказать тебе откровенно, что его вмешательство в наши отношения скорее всего отдалят нас друг от друга. Я вижу Уэстона Валлори насквозь и терплю его. Но пусть он осмелится вмешаться в мои семейные дела, и я объявлю ему смертельную вражду. Тебе придется выбирать между мужем и кузеном. Но не будем продолжать разговор, не обещающий быть приятным, — прибавил он после небольшой паузы. — Я пойду в биллиардную.

Он направился к двери, но Августа остановила его.

— Ты так не уйдешь от меня, Губерт, — сказала она дрожащим голосом. — Какое мне дело до Уэстона Валлори? Он мой близкий родственник и полезный, предупредительный человек, но я тоже только терплю его. Ты от меня так не отделаешься. Я решила узнать, почему ты не любишь этот дом. Я не могу выносить мысль, что между мною и тобою есть тайна. И я уверена, что в этой тайне замешана женщина, Губерт.

— Что если я скажу, что ты отгадала?

— Так в ней действительно замешана женщина! — вскричала Августа, едва переводя дух.

— Да. Моя тайна касается женщины, которая умерла тридцать лет тому назад и была моя мать.

— Твоя мать!

— Да, Августа. Ты вынудила у меня это признание. Одному Богу известно, послужит ли к лучшему моя откровенность, станем ли мы дороже друг другу, когда ты узнаешь краткую и горькую историю моего рождения, по если ты так настаиваешь и принимаешь так к сердцу мою скрытность, я предпочитаю сказать тебе всю правду. Помнишь ли вечер, когда сэр Фрэнсис обедал у твоего отца и, когда ты увидела его в первый раз?

— Помню, — отвечала Августа, не сводя с него взгляда полного удивления и ожидания. — Но что же тут общего с твою тайной?

— Ты, вероятно, помнишь, что тебя тогда поразило его сходство со мною и, вероятно, также слышала разговоры о моем сходстве с клеведонскими портретами?

— Конечно, слышала.

— И этот факт не внушил тебе никакого подозрения, никакого предположения? Неужели тебе не пришло в голову, что должна же быть причина для такого сходства между людьми, по-видимому, совершенно чужими?

— Какая же, может быть причина? — воскликнула Августа с испугом.

— Та, что отец сэра Фрэнсиса был и моим отцом.

— Что? — воскликнула мистрис Гаркрос с невыразимым ужасом. — Ты незаконный брат хозяина этого дома?

— Я не могу отвечать на этот вопрос ни да, ни нет. Я не имею достоверных сведений, о законности или незаконности моего происхождения. Все, что мне известно, это то, что человек, погубивший мою мать, был сэр Лука Клеведон. Я уже говорил тебе, что мне не удалось узнать, был ли он ее законным мужем или нет. Только один человек был посвящен в эту тайну, лорд Дартмур, ближайший друг моего отца, но он умер, не открыв ее. Я знаю только, что по его настоянию сэр Лука, за год до смерти моей матери, продал довольно богатое имение и обеспечил вырученными деньгами мать и меня. Мне кажется, что сэр Лука был не из таких людей, которые способны приносить подобные жертвы без более сильного повода, чем эгоистическая любовь женщины. Очень может быть, что он обвешался с ней за границей и, что эти деньги

были ценою, которою было куплено ее молчание. Но я уверен, что если бы брак был вполне законный, мать ни за какие деньги не продала бы мои права. Я слишком люблю ее, чтобы считать ее способною быть несправедливою к своему сыну. Я слишком люблю ее, чтобы считать ее способною жить с моим отцом, не будучи его женой.

– А ты и не позаботился доказать свои права? – спросила Августа.

– Нет. Если я имею какие-нибудь права, то не имею возможности доказать их. Я не имею даже метрического свидетельства, не знаю, где я родился и под каким именем записан в списках человечества. Я неспособен предъявить права, которых не в состоянии поддержать, и опозорить имя моей матери. Капитал, оставленный мне отцом, дал мне возможность получить хорошее образование и жить безбедно в ожидании работы. Благодаря лорду Дартмуру, я начал жизнь в Гарро и Оксфорде и избегнул опасности сделаться одним из босоногих карманных воришек, проводящих ночи под темными арками Адельфи.

Августа Гаркрос закрыла лицо руками и, видимо, содрогнулась. Она была из тех женщин, для которых сомнительное происхождение и возможность ходить босоногим и ночевать под темными арками были нестерпимо ужасны. Быть женой человека с таким происхождением, как происхождение мистера Гаркроса, казалось ей непоправимым бесчестием. А она выбрала его именно, потому что считала его способным дать ей известность и имя, которое можно носить с честию. Великий Боже! Какое открытие! Потомство будет знать ее как жену незаконного сына сэра Луки Клеведона! Такие тайны могут быть скрыты при жизни лиц, которых они касаются, но не могут быть скрыты от истории.

– Брат сэра Фрэнсиса! – простонала она наконец. – Непризнанный сын сэра Луки Клеведона! О, зачем ты привез меня сюда?

– Это ты привезла меня сюда.

– Неужели ты думаешь, что моя нога была бы здесь, если бы я знала истину? – воскликнула мистрис Гаркрос с негодованием. – Самое название этого места было бы мне ненавистно.

– Если оно стало ненавистно тебе теперь, то мы можем уехать немедленно. Ничто не задерживает нас.

– Мы возбудим подозрение одним тем, что уедем, – возразила мистрис Гаркрос. – Уехать преждевременно, после всех разговоров о твоем сходстве с Клеведонами! Может быть, многие уже подозревают истину. О, это ужасно!

– Жаль, что я открыл тебе мою тайну, если она так огорчает тебя.

– Огорчает! Ты поразил меня в самое сердце! Каково мне видеть моего мужа гостем в доме его отца и не смеющим назвать себя сыном своего отца и братом своего брата.

– Как жаль, что мои родители были так неблагоразумны относительно своего потомства, – возразил мистер Гаркрос с презрительным смехом. – Если бы мать утопила меня в Люцернском озере или отец выбросил меня из окна кареты в какую-нибудь пропасть, ты не была бы теперь в таком унижительном положении.

– Смейся надо мной сколько угодно, но я скажу прямо, что как ни горячо я тебя любила, я предпочла бы, чтобы тебя давно не было в живых, чем выстрадать, то, что я выстрадала сегодня, – сказала мистрис Гаркрос, и этими необдуманными словами разорвала последнюю связь, привязывавшую к ней мужа чувством, которое было в половину благодарностью, в половину самоосуждением.

– Я уверен, что на свете немного жен, которые на твоем месте сказали бы то, что ты сейчас сказала, – отвечал мистер Гаркрос с неестественным спокойствием. – Впрочем, твой характер есть следствие обстановки, в которой ты выросла, и я не имею права удивляться. Так ты намерена пробыть здесь до окончания назначенного срока?

– Конечно. Я не сделаю ничего, что могло бы возбудить толки.

— Как хочешь. Я приехал сюда по твоему желанию и останусь здесь, пока ты не соскучишься. Половина седьмого, — прибавил он, взглянув на часы. Не пора ли тебе идти одеваться к обеду?

Его спокойный тон не обнаруживал ни малейшего волнения, твердые тонкие губы не дрогнули ни разу. Жена не узнала, до какой степени он был оскорблен.

— Твой туалет требует много времени, — продолжал он, — а я оканчиваю свой в полчаса. Я успею выкурить сигару в колоннаде, пока ты сделаешь выбор между розовым и белым.

И он ушел в одну из каменных колоннад, простиравшихся по обеим сторонам дома, закурил сигару и начал опять ходить задумчиво взад и вперед.

— Я очень рад, что открылся ей, — говорил он себе. — Я рад, что она обнажила предо мной свою мелкую душу. Боже, что это за мелкая, эгоистическая душа! Ни одной мысли о моих потерях, о моем бесчестии. Все помышление о себе и о своем положении. Я понял ее вполне только сегодня. По крайней мере теперь я уже не буду больше укорять себя в том, что взял на себя обязательства, которых не могу исполнить добросовестно. Выходя за меня, она хотела только получить общественное положение, и получила его. Что же касается любви, она меня никогда не любила. Если б она любила меня, она бросилась бы мне на шею сегодня и на моей груди выплакала бы свое горе за меня. Если б рассказал мою историю Грации Редмайн! Воображаю, как она подняла бы на меня свое милое, полное сочувствия лицо, как она взглянула бы на меня глазами полными слез! О, милая моя! Милая моя! Ты пожертвовала бы жизнью, чтоб избавить меня от страданий, но воспоминание о тебе есть тем не менее червь не умирающий и огонь не угасающий.

Не легко было в этот день горничной Тульйон, пока совершился туалет ее госпожи. Хотя обращение мистрис Гаркрос с прислугой всегда отличалось высокомерием, но она обладала характером спокойным и ровным. Она была слишком горда, чтобы позволить себе раскрыться на служанку или огорчиться неудачностью нового платья. Вездесущее грозное божество, называемое обществом, царило и в уборной мистрис Гаркрос. Она не проявляла при горничной таких чувств, какие считала неудобным проявлять при обществе. Но в этот вечер мистрис Гаркрос была, очевидно, не в духе.

— Почему вы не велели затопить камин в моей комнате, Тульйон? — воскликнула она, бросив презрительный взгляд на каминную решетку с ее летними бумажными украшениями. — В такой ненастный день огонь необходим.

— Я затоплю сейчас, если угодно, сударыня, — отвечала Тульйон, готовясь бежать за углеми и дровами.

— И задушите меня дымом! — воскликнула Августа. — Нет, благодарю. Я уверена, что эти старые камни дымят ужасно. С какой стати вынули вы это ожерелье? — спросила она, увидав блестящую бриллиантовую змею на красной бархатной подушке, chef d'oeuvre ювелирного искусства и свадебный подарок ее отца. — Не думаете ли вы, что я буду выставлять каждый день на показ мои бриллианты?

— Извините, сударыня, если я ошиблась, но я полагала, что вы наденете сегодня палевое шелковое платье с черными кружевами, а так как это костюм довольно тяжелый, то к нему следовало бы надеть бриллианты.

— Я терпеть не могу палевого цвета. Всякая брюнетка имеет палевое платье. Мое вовсе не палевое, а маисовое. Пора вам научиться называть цвета их настоящими именами. Выньте мне черное шелковое платье.

— Черное шелковое, сударыня! — воскликнула Тульйон в изумлении. — Разве умер кто-нибудь из коронованных лиц, сударыня?

— Что за вздор, Тульйон!

— Я думала, что вы намерены надеть траур, сударыня. Вы так редко носите черное.

— Пожалуйста, без рассуждений, Тульйон. Я надену черное.

Это было, может быть, только каприсом возвышенного ума, но мистрис Гаркрос внезапно получила отвращение ко всем блестящим украшениям, которые были до сих пор главною отрадой ее жизни. Все драгоценности ее дорожных сундуков утратили в этот вечер всякую прелесть в ее глазах. Боже Праведный! Для чего она будет рядиться? Для того, чтобы обращать на себя внимание и чтобы на нее указывали как на жену незаконного сына сэра Луки Клеведона. Очень может быть, что история его происхождения известна уже многим. Лорд Дартмур мог сообщить ее своим друзьям, а такие сведения распространяются с быстротою степного пожара. Очень может быть, что многие из тех людей, которые жмут его руку и едят его обеды, знают об его происхождении и втайне презирают его.

Смузгаемая такими мыслями, мистрис Гаркрос положила бриллиантовую змею и двух маленьких змеек в виде серег обратно на их бархатное ложе и оделась в черное шелковое платье с трехаршинным шлейфом и с туникой из старых дорогих кружев. В этом платье с пунцовыми бантом в черных волосах и античным крестом из темного жемчуга на шее, мистрис Гаркрос была прекраснее, чем во многих более роскошных нарядах.

— К вам все идет, сударыня, — воскликнула горничная, приподнимая тунику веткой пунцовой герани, — даже черное, которое так опасно для многих брюнеток!

Мистрис Гаркрос окинула презрительным взглядом свою фигуру, отражавшуюся в большом трюмо.

Не все ли равно, хороша она или не хороша? Она только жена незаконного сына сэра Луки Клеведона.

Глава XXXIV Но умерла иным образом

Мистер Уэстон Валлори с своею непоколебимою настойчивостью выдрессировал себя так, что утратил способность проводить время праздно. Он вставал с жаворонком в своем нарядном домике в Норвуде и выходил из дома раньше торговца молоком. Горе было его экономке и его кухарке, если его чашка крепкого чая не стояла на маленьком столе возле его постели в половине шестого утра летом и в половине седьмого зимой. Горе было его садовнику, если барин во время своей утренней прогулки замечал сорную травку в бордюрных цветах, если дорожки не были слажены железным катком и лужок для крикета не выбрит как голова ссыльного. Скромное хозяйство мистера Уэстона Валлори велось безукоризненно. Он умел заставить своих слуг делать вдвое более, чем они делали у других не столь взыскательных хозяев, потому что сам был воплощеною аккуратностью.

— Я никогда ничего не требую от вас не вовремя, — говорил он, — и никогда не заставляю вас просиживать ночи. И действительно, последнее было бы излишнею и неудобною тиранией, потому что он имел свой отдельный ключ, и никто кроме его самого не мог знать часа его возвращения. Слуги редко слышали, как он проходил в свою спальню, но в семь часов утра он уже всегда гулял по саду, свежий и цветущий, как его штамбовые розы.

— Я могу спать очень мало, — говорил он в минуты откровенности. — Право, я считаю обыкновение ложиться в постель каждую ночь глупейшею формальностью. В железный век, я уверен, не было такого обычая. Неужели вы думаете, что Юрий Цезарь и Вильгельм Завоеватель спрашивали каждую ночь свою спальную свечу и валялись в постелях, как мы. В мире не было бы никакого движения, если бы вожди человечества тратили половину жизни на сон.

Один медик, услышав эти рассуждения, заметил, что дома для умалишенных были бы вдвое полнее, если бы сон вышел из употребления.

— Очень может быть, — сказал Уэстон своим небрежным тоном. — Не всякий в состоянии это вынести. Возьмите для примера Наполеона Первого. Он довольствовался четырьмя часами сна, и оставался здоров и телом и душою при таких обстоятельствах, при которых многие потеряли бы голову.

И считая себя, вероятно, созданным из одного материала с Наполеоном I, Уэстон Валлори никогда не спал более четырех часов. В Клеведоне он уходил вечером из курильной комнаты в спальню последний, а вставал и одевался на рассвете, при веселом щебетании пробуждавшихся птиц. На другое утро после ненастного дня, который клеведонские гости привнуждены были высидеть дома, он был уже в саду, когда часы на конном дворе пробили шесть. Утро было прекрасное, с безоблачным небом и с нежным ветерком, игравшим лепестками роз и страстоцвета. Если б Уэстон Валлори был любителем природы, он насладился бы вполне этим утром, если б он был живописцем, он поспешил бы перенести на полотно роскошные образцы форм и слияния цветов встречающиеся во всем, что его окружало, но так как он не был ни тем, ни другим, то увидел только дурно содержимый сад и подосадовал на сэра Френсиса, позволявшего служить себе так небрежно.

Сад не мог занять надолго его деятельный ум. Он не способен был любоваться каплями росы на розах. Он выкурил сигару, походил задумчиво по аллеям и вышел в небольшую калитку, отворявшуюся в парке.

«Я успею сходить до завтрака в этот таинственный Брайервуд, — сказал он. — Воображаю, как приятно Гаркросу видеть меня здесь. Он должен знать, что если с его пребыванием в ферме связана какая-нибудь история, я скорее всех узнаю ее подробности. Как странно, что Августа так любит его и любит не за то, что он лучше, или красивее, или умнее других, а только потому

что он совершенно равнодушен к ней. Прав был тот, кто сказал: единственное средство привлечь к себе женщину в наши дни это не обращать на нее ни малейшего внимания».

Он пошел по запущенной части парка, по той самой дороге, по которой шли Губерт Вальгрев и Грация Редмайн, когда встретили ехидну. В глазах Уэстона эта лесная глушь не имела никакой привлекательности.

«Славное место, – подумал он, – и человек, который содержит его так небрежно, не заслуживает быть его обладателем».

Небольшая готическая сторожка у южного выхода была поправлена и имела более привлекательный вид, чем в дни, когда Грация и ее возлюбленный вошли в парк с этой стороны, через развалившуюся дубовую калитку. По обновленным кирпичным стенам вилась зеленая ипомея, вместо разбитых стекол сияли блестящие решетчатые окна, украшенные белыми кисейными занавесками. На одном из окон стояла плетеная корзинка с цветами и висела клетка с канарейкой.

«Женское дело», – подумал Уэстон, и нисколько не удивился, когда из маленькой готической двери вышла молодая девушка с ключом от калитки.

Это была Джанна Бонд, дочь главного садовника и особа очень известная в своем кружке общества. Она была признана единодушно самою красивою девушкой в трех окрестных деревнях и самою отчаянною кокеткой. В двадцать три года она разбила больше сердец, чем могла сосчитать, и в настоящее время держала в своей власти честное сердце Джозефи Флуда, грума сэра Френсиса. Этот молодой человек, ее отъявленный поклонник, имел деньги в Банке и непреодолимое стремление начать жизнь булочником или кондитером в небольшой деревушке Райтон, состоявшей из ряда домиков и темных лавочек на большой дороге, в недалеком расстоянии от Кингсбери.

Когда Джанна Бонд шла по тенистому, садику сторожки, в красиво сшитом и накрахмаленном ситцевом платье, Уэстон Валлори подумал, что никогда не видал такой красивой женщины. Он был не особенно тонким ценителем женской красоты. Свежий цвет лица, черные волосы, черные глаза и полные пунцовье губы Джанны удовлетворяли его высшим требованиям на этот счет.

Он направился к калитке молча, пораженный изумлением, но быстро оправился и обратился к Джанне с тою грациозною свободой в обращении, которою всегда он отличался.

– Многие ли приходят в Клеведон этим путем? – спросил он, смотря на девушку с нескрываемым одобрением.

– Нет, сэр, – отвечала мисс Бонд, нисколько не смущаясь его взгляда. – Здесь ужасная скуча.

– Если так, то я уверен, что не многие знают, какая прелестная девушка отворяет эту калитку, – иначе люди стали бы делать лишнюю милю, чтобы только пройти мимо вашей сторожки. Мужчины, конечно; женщинам было бы не совсем приятно вспомнить о своем безобразии в сравнении с вами.

Такие комплименты были не новостью для мисс Бонд, и она сумела отвечать ему с дерзкою бесцеремонностью, которую ее поклонники принимали за остроумие. Мистер Валлори был восхищен ее ответом, и несмотря на то, что шел по делу, не мог отказать себе в удовольствии проболтать с ней около четверти часа. Она сообщила ему, что ее отец методист и член секты, предводимой некоим Джошуа Боджем, просвещенным портным, что он очень суров и строг с ней, что ей очень скучно жить в южной сторожке, что до приезда сэра Френсиса в Клеведон они жили в Райтоне, и что она охотно бы возвратилась туда, хотя там у них не было ни такого удобного жилища, ни сада.

– Но там можно было всегда поговорить с кем-нибудь, хотя бы с какою-нибудь старухой или ребенком, а здесь не видишь целый день ни души.

— Возможно ли это? — спросил Уэстон. — А мне казалось, что люди должны приходить издалека, чтобы поговорить с такою красивою и умною девушкой, как вы.

— О, охотников проводить здесь время было бы немало, если б я только позволила, — возразила мисс Бонд, гордо вскинув голову. — Но мне таких гостей не нужно, и я никогда не поощряла их, хотя меня и называют кокеткой.

— А вас разве называют кокеткой? — спросил Уэстон. — Но вы слишком умны, чтобы не знать, что злословие есть род дани, которую общество платит людям с высшими достоинствами. Если бы вы не были самою хорошенъкою девушкой на расстоянии двадцати миль вокруг, никому не было бы дела до вашего кокетства. Иные женщины отдали бы все в мире, чтоб иметь вашу репутацию.

Мисс Бонд не стала оспаривать справедливость этих замечаний.

— Я не обращала бы ни малейшего внимания на эти сплетни, — отвечала она, — если б отец не бранился и не зачитывал меня Священным Писанием, как будто я дочь Сиона или была когда-нибудь на Семи Холмах. Но недолго осталось мне терпеть такое мучение. Я скоро брошу эту скучную берлогу и возвращусь в Райтон.

По тону последних слов Уэстон тотчас же понял их смысл.

— Вы намерены выйти замуж? — спросил он.

— Да, и очень скоро. Я долго колебалась, но наконец потеряла терпение и решилась пристроиться.

— Пристроиться! — воскликнул Уэстон. — Какое ужасное слово и какое ужасное понятие оно выражает. Такая прелестная бабочка, как вы не должна никогда пристраиваться к какому-нибудь одному цветку, когда все сады мира к ее услугам. Пристроиться! Это значит покончить со всеми жизненными надеждами и связать себя навеки с каким-нибудь коттеджем в Райтоне. Если бы вы знали себе цену, моя милая мисс Бонд, вы не думали бы о таком самопожертвовании. Девушка с высшими достоинствами не должна бы и думать выходить замуж раньше тридцати лет. Может ли она оценить свои шансы, пока не достигнет зенита своей красоты? В восемнадцать лет она может сделаться невестой садовника, а в двадцать восемь герцогиней. Но, может быть, вы не знаете истории бедной девушки, которая сделалась неожиданно русскою императрицей, и историю знаменитой Полли, которая сделалась герцогиней Бальтон, хотя далеко уступали вам в красоте.

— А вы знали эту Полли? — спросила мисс Бонд с любопытством. Ей очень нравилось направление разговора. Честолюбивые желания запали в ее душу даже в одинокой южной стражке, но самые нелепые планы, какие мог создать ее необработанный ум, были ничто в сравнении с теми, которые развивал пред ней Уэстон.

— Нет, — отвечал он, смеясь. — Я не имел чести знать Полли. Она жила до меня. Но я видел ее портрет, сделанный Гогартом, портрет женщины бесцветной, с резкими чертами лица. Вы в тысячу раз лучше ее.

Он взглянул на свои часы. Эта болтовня, хотя и очень приятная, была тем не менее пустою тратой времени, а тратить даром время было не в характере Уэстона. Он вышел из дома с намерением сделать дело до завтрака.

— Вы, вероятно, знаете Брайервудскую ферму, мисс Бонд? — спросил он.

Девушка подняла на него изумленные глаза. Этот внезапный переход от восторженных комплиментов к самому обыденному вопросу привел ее в недоумение.

— Конечно, знаю. Брайервуд это ферма мистера Редмайна.

— Да, мистера Редмайна, сколько мне помнится. Но Редмайн эмигрировал, так я слышал. Они уехали в Австралию?

— Уехали, и опять приехали, — отвечала мисс Бонд, помахивая ключом, от калитки, с видом оскорбленного достоинства. — Она не могла помириться с бесцеремонным переходом

от разговора об ее красоте и об ее шансах выйти за герцога к такому прозаическому предмету, как Брайервуд.

– Опять приехали?

– Да, то есть Ричард Редмайн приехал, и давно уже приехал. Говорят, он страшно изменился, и те, кто знали его хорошо лет пять тому назад, едва узнают его теперь.

– Отчего же он так изменился? – спросил Уэстон с сильнейшим любопытством.

– От неприятностей, – отвечала мисс Бонд.

– От каких же неприятностей! Денежных?

– О, нет! Говорят, что он привез несметное богатство из Австралии, и мог бы купить Клеведон, если бы захотел. Не в деньгах дело, а есть другая причина, что он так мрачен. Я встретила его однажды в сумерки – говорят, он никогда не выходит из дома днем – и испугалась его сердитого лица. Я едва узнала его, однако я поклонилась и пожелала доброго вечера, а он только кивнул мне головой, и взглянул на меня каким-то диким взглядом.

– Плохие признаки, мисс Бонд, – заметил Уэстон.

– Боюсь, что мистер Редмайн на плохой дороге. Но почему же он так изменился? Если не вследствие денежных неприятностей, то вследствие каких же других?

– Вы здесь, вероятно, приезжий, если не знаете того, что известно всем, но вы так интересуетесь Редмайном, что можно подумать, что вы его знаете, – возразила мисс Бонд, все еще сердито помахивая ключом, но все более и более увлекаясь разговором о чужих делах.

– Я много слышал о нем, но не знаю всех его семейных дел, – отвечал Уэстон с нетерпением. – Так какие же неприятности? Что было их причиной?

– Его дочь, – отвечала девушка.

– Его дочь?

– Да, его единственная дочь, которую он боготворил. Она умерла, пока он был в Австралии.

– Умерла! Это тяжелый удар, но тем не менее такой, к которому должен быть готов всякий отец, – возразил практический Уэстон. – И только?

– Она умерла внезапно, – добавила Джанна торжественным тоном.

– Наложила на себя руки? – спросил Уэстон с возрастающим интересом.

– Нет, не думаю, хотя никто не знает ничего достоверного. Редмайны были необычайно скромны на этот счет. Она бежала из родного дома.

– О, так она умерла не дома?

– Да, она бежала из дома, но никто не знает, куда или зачем она бежала, где она умерла, и кто присутствовал при ее смерти. Все это касается, конечно, только ее отца и ее родных, но людей, вы знаете, не заставишь молчать, и так как Редмайны сделали из этого тайну, то все заключили, что на заднем плане было что-нибудь, о чем неудобно говорить.

– О чем неудобно говорить? – повторил Уэстон. – Очень может быть. Любовник, например. Вы ничего не слыхали о любовнике?

– Нет, не слыхала. Мисс Редмайн была самая скромная девушка во всем околотке. Отец посыпал ее в пансион в Вельс и воспитал как барышню. Нет, я ничего подобного не слыхала. В последнее лето перед ее смертью у них жил один джентльмен, но его имя никогда не упоминалось у нас в связи с ее именем.

– Не помните ли вы, как звали этого джентльмена?

– Нет, в то время я, вероятно, слышала его имя, но теперь не могу припомнить.

– Но вы его видели?

– Никогда.

– Гм... – пробормотал Уэстон в раздумья. – Так девушка умерла вне дома, и вы не знаете где?

— Наверное, не знаю. Носились слухи, что она отправилась в Лондон. Мистрис Джемс Редмайн, невестка Ричарда Редмайна, всегда очень сердилась, когда ее об этом спрашивали.

— Но она привезла ее тело для погребения?

— О, нет, они напали на ее следы много времени спустя после ее смерти.

— А уверены ли вы, что она умерла? — спросил Уэстон задумчиво. — Может быть, она бежала из дома не одна, и находится теперь в таком положении, что ее родные предпочитают говорить, что она умерла, чем открыть истину.

Джанна Бонд не имела ничего против такого предположения. Она только покачала головой и вздохнула, что могло быть истолковано в какую, угодно сторону.

— Не знаю, — сказала она после небольшой паузы. — Мать мисс Редмайн умерла в молодости и тоже внезапно, но это, конечно, еще ничего не доказывает. Я слышала от тех, кто знает хорошо Ричарда Редмайна, что он был всегда человек очень гордый, хотя и казался таким приветливым. И все знают, как он любил свою дочь. Если с ней случилось что-нибудь неприятное, он должен был принять это горячо к сердцу.

— Да, и потому очень возможно, что он сочинил историю об ее смерти, чтобы защитить ее от злословия. Я готов поручиться, что мисс Редмайн и не думала умирать, а живет где-нибудь очень спокойно и весело.

«По всей вероятности, в каком-нибудь хорошенъком коттедже по дороге в Сент-Джон», — прибавил он мысленно.

— Я готов отдать годовой доход, чтобы только отыскать ее.

Он взглянул опять на свои часы, и простился с мисс Бонд, которая отворила ему новую железную калитку и выпустила на пыльную дорогу. Он употребил на разговор с ней значительную часть своего утреннего досуга, но употребил не без пользы. Джанна сообщила ему много драгоценных сведений.

— Я знал, что тут что-нибудь да кроется, — сказал он себе, торжествуя. — Я прочел это в лице Гаркроуса в тот вечер, когда Августа вернулась со свадьбы Клеведонов и говорила о Брайервуде. Он превосходный актер, но меня ему не удалось ввести в заблуждение. Вот, что было причиной его нежелания ехать в Клеведон. Мисс Редмайн умерла! Какой удобный способ положить конец всяkim толкам. Наши мужики горды, как Люцифер и готовы, скорее солгать, чем навлечь на себя бесчестие. Я почти уверен, что мисс Редмайн спрятана в каком-нибудь хорошенъком коттедже на окраине Лондона, и если это предположение справедливо, я отыщу ее.

Он подошел к Брайервуду, поглядел в калитку на живописный старый сад, на красивый старый дом, долго глядел в окна, но не заметил никакого признака жизни, кроме небольшой струйки дыма, выходившей из за-ней части дома. После того, что Джанна только, что рассказала ему о Редмайне, он не решился проникнуть в берлогу этого раненого льва, и отыскав на расстоянии четверти мили от Брайервуда скромный трактир на большой дороге, спросил себе стакан хересу с бутылкой содовой воды, и прихлебывая эту смесь, начал расспрашивать трактирщика о Редмайне и о его семейных делах.

Трактирщик оказался далеко не столь сообщительным, как мисс Бонд. Он был, очевидно, не расположен говорить о Редмайне и о его дочери.

— Да, у него была дочь, — отвечал он на вопрос Уэстона, — но умерла, и это так поразило Редмайна, что он до сих пор не пришел в себя. Он был в Австралии, добыл кучу золота и купил там имение, в которое отправил своего брата и все его семейство. Брайервудскую землю он отдал в аренду, и теперь, говорят, только и делает, что лежит в саду и курит трубку. Что касается меня, я знаю только, что он теперь ко мне никогда не заглядывает, а в былое время заходил часто, хотя никогда не был пьющим человеком.

Это было все, чего мистер Валлори добился от трактирщика, но это подтвердило рассказ Джанны, и он направился домой, освеженный и телом и духом и со спокойною совестью человека довольного собой.

Глава XXXV

Не думаете ли вы, что я не сильнее других женщин

Клеведон потерял всякую, прелесть в глазах мистрис Гаркрос после признания, которое она выслушала от своего мужа в картинной галерее. Она не была завистлива, и до сих пор еще никогда никому не завидовала, но теперь ее не покидала мысль, что это благородное поместье могло бы принадлежать ее мужу, и ей горько было видеть его гостем там, где ему следовало, быть хозяином. Эти мысли преследовали ее неотлучно, и она с большим трудом вносила свою долю в общее оживление. От наблюдательного Уэстона не ускользнула эта перемена, и он дорого бы дал, чтоб узнать ее причину. Не усомнилась ли Августа в том, что муж ее предан исключительно ей одной, и не полезно ли будет воспользоваться этим сомнением? Но Уэстон не забыл своего разговора с ней за обедом в день их приезда в Клеведон, не забыл, с каким жаром Августа вступилась, тогда за своего мужа. Осторожность была всегда его руководящей звездой, и он начал наблюдать и выжидать.

«Поспешностью можно испортить все дело, – говорил он себе. – Я не коснусь этого предмета, не имея достоверных доказательств. Это было бы большою ошибкой. Когда я нападу на мистера Вальгрева Гаркроса, я нападу с тем, чтобы раздавить его».

Что побуждало его к этому? Причина сложная. Во-первых, он не простил и не хотел простить то, что Гаркрос стал между ним и его кузиной, во-вторых… но второстепенные причины он едва ли и сам мог определить. Он знал, что ему очень приятно будет «свести счеты», как он выражался, со своим недругом, и знал, что с таким расчетом связаны надежды, которых он не пытался определить словами, но которые тем не менее были нераздельны со всеми его планами. Он покончил с увлечениями молодости, и мог теперь отдаваться всецело достижению одной цели.

Катанья, пикники, игра в крикет, питье чая в старомодном саду продолжались по-прежнему, и мистрис Гаркрос по-прежнему принимала участие во всех этих увеселениях, вопреки мучительным мыслям, не покидавшим ее ни на минуту. Она могла бы отговориться головною болью, усталостью или обременительностью своей корреспонденции, и уединиться в своей комнате, но ее страшила мысль, что это покажется подозрительным, и что некоторые проницательные наблюдатели, имея постоянно перед глазами странное сходство сэра Френсиса и Губерта, поймут ужасную тайну, если происхождение Губерта есть еще тайна, в чем она сильно сомневалась. Нет, она будет смотреть обществу прямо в глаза, и не даст повода к подозрению.

Но разве ей не жаль было мужа, который без всякой вины со своей стороны носил пятно бесчестия на своем имени? Ей было жаль его, но это чувство было ничтожно в сравнении с сожалением, которое она чувствовала к себе самой. Она не могла простить ему, что он женился на ней, имея от нее тайну, и такую тайну, зная, которую она ни за что не вышла бы за него.

«Даже если б я его любила до безумия, я согласилась бы лучше разбить свое сердце, чем выйти за него, если бы тогда знала то, что знаю теперь».

Она сердилась и на своего отца, не помешавшего ей навлечь на себя такое несчастье.

«Удивляюсь я, как мог папа при своей опытности не позаботиться разузнать о прошлом моего мужа прежде, чем дать согласие на мой брак».

Мистрис Гаркрос забыла, какой решительный тон она приняла, когда отец попробовал возразить против ее намерения выйти за Вальгрева. Она знала только, что живя в атмосфере права и юристов, попала в такое унизительное положение, от которого не могла теперь освободиться и при всей силе фирмы Гаркроса и Валлори.

«Если б я была только уверена, что это еще никому неизвестно, повторяла она про себя. – Но как могу я быть уверена? Кто поручится мне, что лорд Дартмур сохранил тайну?»

Окна ее спальни и уборной выходили на самую благородную часть парка, и этот вид, очень нравившийся ей вначале, возбуждал в ней теперь невыразимую горечь. Это место могло бы принадлежать ему, и, может быть, принадлежит ему по праву, и по закону, если брак его матери был законный. О, как легкомысленна была женщина, оставившая права своего сына недоказанными!

Даже Жоржина Клеведон потеряла в ее мнении. Она уже не могла относиться к ней так снисходительно, как прежде. При виде Жоржины в душе ее всегда рождался вопрос: не мое ли место она занимает?

Ссора между мужем и женой не возобновлялась, но отношения их стали до крайности холодны. Губерт Гаркрос чувствовал себя глубоко оскорблением. Его брак без любви – без любви с его стороны по крайней мере – во всяком случае был союзом. Он был благодарен жене за то, что она предпочла его другим, он гордился ее красотой, бывали даже минуты, когда он надеялся, что годы спокойного супружества со временем сблизят их друг с другом, разовьют общие симпатии, общие воззрения и надежды! Но теперь она оскорбила его самолюбие, и оскорбила так, как он еще никогда не был оскорблен ни одним мужчиной и ни одной женщиной, и он чувствовал, что будет смотреть на нее как на чужую до конца своей жизни, даже хуже, чем на чужую, как на врага, причинившего ему обиду, которую нельзя простить.

Но Августа, поглощенная своими собственными чувствами, не думала анализировать чувства мужа. Она видела, что он оскорблен, но не пыталась смягчить его. Ей даже странно было, что он может обижаться ее естественным негодованием. Она была из тех людей, которые долго не утомляются такою безмолвною враждой, и никогда первые не протянут руки примирения. Пока правила приличия не были нарушены, она не тревожилась. В обществе Гаркрос был по-прежнему учтив и внимателен с ней; в уединении своих комнат они почти не говорили друг с другом.

Пока эта пара, некогда обещавшая друг другу вечную любовь и преданность, властила отяжелевшие брачные узы, Жоржина Клеведон наслаждалась полнейшим счастием.

– Мы женаты уже более трех месяцев, Франк, и не поссорились еще ни разу, – сказала она однажды мужу. – Как ты думаешь, способны мы поссориться друг с другом или нет?

– Конечно нет, друг мой. Разве человек может ссориться с лучшею частью самого себя.

– Однако, как часто приходится слышать о несчастных браках, – сказала Жоржи с внезапною серьезностью. – Мне кажется, что мужья и жены начинают всегда тем, что любят друг друга, как мы с тобою, то есть, что браки по расчету составляют только исключение. Почему же так мало счастливых браков? Гаркросы, например. Их брак был, кажется, браком по любви. С ее стороны по крайней мере не могло быть расчета, потому что она была богата, а он беден. Но какие они, по-видимому, холодные супруги. Они учтивы друг с другом, и так далее, но все это делается только для света.

– А ты хотела бы, чтоб они так нежничали друг с другом, как мы с тобой, Жоржи, – сказал сэр Френсис смеясь. – Вспомни, сколько времени прошло после их медового месяца, да и мистер Гаркрос, хотя он и прекрасный человек, создан, по-видимому, из слишком твердого материала, чтобы быть способным к нежности. Я не могу вообразить его влюбленным.

– Не говори этого, Франк. Все находят, что ты очень похож на него.

– Физически, может быть. Это еще не значит, что мы должны быть похожи нравственно. Он человек поклоняющийся успеху, Жоржи; ни одна женщина не может надеяться играть значительную роль в его жизни. Жена его должна быть довольна тем, что он со временем приобретет ей титул.

– Августа была бы очень довольна титулом, – оказала Жоржи. – Я люблю ее, Франк, но не могу не видеть, что она очень тщеславна.

Эта любящая чета не могла проводить много времени вместе, пока дом был полон гостей. Хозяева должны были постоянно придумывать новые развлечения, быть постоянно настороже чтобы демон скуки не прокрался в их маленький кружок. Они исполняли это вполне успешно, хотя наедине и признавались друг другу, что Клеведон был несравненно лучше без гостей. Жоржине ее положение напоминало детскую игру в гости. Так странно было ей видеть себя госпожой в царстве более обширном, чем то, в котором обезьяна Педро, гончая Туфта, террьер и моська были главными подданными, так странно иметь слуг, которые едва смели поднять на нее глаза, после толстой кухарки, с которой отец ее любил рассуждать о кулинарном искусстве, что она часто чувствовала себя не на месте.

— Как мне становится всегда неловко, Франк, — сказала она однажды мужу, — когда мистрис Миксер спрашивает меня, не сделаю ли я какого-нибудь изменения в расписании блюд, а я не могу придумать ничего, кроме любимых кушаний папё.

Главным событием года долженствовал быть праздник в день рождения сэра Френсиса, праздник, который с начала до конца был изобретением Жоржине и не совсем нравился сэру Френсису.

— Не глупо ли праздновать День рождения в двадцать девять лет, Жоржи! — говорил он не раз.

— Пустяки, Франк! Разве Георг III не праздновал свой юбилей в твои годы? Это будет твой первый день рождения в Клеведоне, нечто в роде празднования совершеннолетия, потому что разве ты был совершенолетний, когда жил в Брюгге или в каком-нибудь другом фланандском городишке, где все улицы пахнули чесноком. Я начинаю подозревать, что ты не рад, что женился на мне, если не хочешь праздновать день своего рождения, и что тебе стыдно показать твоим арендаторам, какую жену ты себе выбрал.

Она настояла на своем и, получив разрешение устроить праздник, не успокоилась, пока не получила *carte blanche* относительно всех подробностей. Тогда выступил на сцену полковник Давенант. Он приезжал в Клеведон каждый день перед утренним завтраком, и с раннего утра до позднего вечера был занят приготовлениями к празднику и таинственными совещаниями с дочерью. Посторонние люди приходили из города за распоряжениями относительно ламп, палаток и фонтанов, долженствовавших быть между розами; посторонние люди ходили по парку, приготавливая фейерверк. Сэр Френсис приходил в ужас, думая, как дорого все это будет стоить, и как будет ворчать Джон Ворт. Этот преданный слуга, пожалуй, скажет, и будет иметь некоторое право сказать, что сын пошел по стопам своего расточительного отца.

В палатке чудовищной величины имел быть обед для арендаторов, в двух других таких же палатах обед для поселян с двадцати миль вокруг Клеведона, включая и всех рабочих, до последнего мальчика, сгонявшего ворон с засеянных полей. После обеда и в начале вечера предполагались танцы в большой столовой, убранной множеством роз и экзотических растений. Вкусы полковника Давенанта склонялись к восточной роскоши.

— Хорошо было бы повесить золотые занавески на двери, Жоржи, — говорил он. — Не мешало бы также достать танцовщиц, которые исполнили бы интермедию, когда гости устанут танцевать. Но в Англии все это так затруднительно.

По совету полковника, леди Клеведон составила из джентльменов, гостивших в доме, общество почетных распорядителей, которые должны были носить ее кокарду, бутон розы на голубом банте, и заботиться о гостях. Мистеру Гаркросу назначено было председательствовать за одним из обеденных столов. Он покорился, и обещал постараться исполнить свою обязанность.

— Во славу Англии, домашнего блага и красоты, — сказал он. — Надеюсь, что кентские девушки красивы, леди Клеведон.

При последних словах сердце его сжалось. Он вспомнил одну кентскую девушку, которая могла бы составить счастье всей его жизни, если б он захотел.

Глава XXXVI

Врожденный вкус в ее простом наряде

Накануне клеведонского праздника, в необыкновенно жаркий, безветренный день, Джанна Бонд сидела в зеленой беседке хорошенъского садика, примыкавшего к южной стояржке, и время от времени тяжело вздыхала. Вздыхала она столько же вследствие жары как и вследствие естественного волнения, которое возбуждало в ней ее работа. Она шила себе новый наряд к следующему дню, и так как только накануне вечером было окончательно решено, что она наденет новое розовое кисейное платье, а не старое лавандовое, она работала с лихорадочною поспешностью. На решение это имел значительное влияние Уэстон, подаривший ей соверен на новую ленту.

— Я знаю, что вы любите красивые цвета, — сказал он. — Купите себе самую яркую ленту во всем Танбридже. Я купил бы ее сам, но у мужчин нет вкуса на такого рода вещи.

Мисс Бонд не часто имела удовольствие получать такие подарки, хотя отец ее и слыл за достаточного человека. Она была одета всегда прилично, но очень скромно, как и подобает дочери богообязненного методиста. Отец большою частью сам выбирал для нее платья, чтоб она не оскорбляла зрение избранных яркими цветами и пестрыми узорами. Джанна вела хозяйство отца, и каждую субботу обязана была отдавать самый строгий отчет в недельных расходах. На праздник тратилось всегда более, чем Джешуа Бонд считал нужным, но если он восставал против этого расхода, Джанна обыкновенно объявляла ему, что большая часть крахмала пошла на его воскресную сорочку.

— А мне кажется, что весь он ушел на твои гремучие юбки, Джанна, — возражал отец строгим тоном. — Два фунта крахмала в одну неделю! Это ужасно!

Но иногда, когда счеты мисс Бонд были ведены с необыкновенною аккуратностью, когда не было истрачено ни одной лишней копейки, старик смягчался до того, что дарил дочери шиллинг.

— Положи это в твою копилку, Джанна, — говорил он. — Надеюсь, что у тебя есть копилка?

— Конечно, батюшка, — отвечала мисс Бонд, вспомнив сломанную коробочку со стеклянными окошечками, валявшуюся где-то на недоступной верхней полке буфета.

Благодаря этим подаркам, мисс Бонд, получив соверен от Уэстона, который не раз проходил в южную калитку после первой встречи с ней, решилась обратиться к отцу со следующим вопросом:

— Вы не рассердитесь, батюшка, если я раз в жизни оденусь в цветное, — сказала она заискивающим тоном, когда он закурил свою трубку после особенно вкусного ужина. — Я буду казаться таким пугалом между другими девушками в этом вылинявшем платье, которое вы купили мне прошлое лето. Оно не берет крахмала, как вы знаете...

— Не берет крахмала, — воскликнул отец. — Я желал бы знать, что берет больше крахмала, чем твои платья. Я иногда даже подозреваю, что ты кормишь кур крахмалом.

— Как вам не грех это Говорить, батюшка, после всех моих трудов над вашим бельем! Желали бы вы, чтобы ваша воскресная сорочка была похожа на смятую тряпку?

— Два фунта крахмала в неделю на мою сорочку!

— Не сердитесь, батюшка, не то я буду принуждена идти в услужение, и работать на кого-нибудь другого, — возразила мисс Бонд, сердце которой было всегда переполнено мятежными чувствами, готовыми вспыхнуть при малейшем поводе. — Не многие девушки в мои годы...

— Девушки в твои годы! Тебя приличнее называть женщиной, — проворчал отец.

— Не многие девушки согласились бы жить в такой обстановке, в какой живу я, — продолжала Джанна, не слушая отца. — Но я не жалуюсь. Я хотела только сказать, что так как мне уда-

лось скопить несколько шиллингов, которые вы дарили мне в разное время, то не позволите ли вы мне сшить к празднику новое розовое кисейное платье.

— Шей себе что угодно, только не на мои деньги, — возразил отец сердито. — Если ты собственным рассудком не можешь понять, что прилично и что неприлично женщине в том положении, в которое Господу Богу угодно было поставить тебя, мне этого никогда не объяснить тебе. Делай себя посмешищем, если хочешь.

— Что за вздор, — проворчала мисс Бонд. — Посмешищем! Я не вижу причины, почему мне не носить красивых цветов.

Вынудив у отца это неохотное согласие, она сходила чем свет в Танбридж, купила себе розовой кисеи на весь соверен и, возвратясь домой, с жаром принялась за дело, мечтая о будущих победах.

Как все будут смотреть на ее платье, которое она сошьет таким же фасоном, как сшило одно из утренних платьев леди Клеведон! Как будет завидовать Мери Мазон, прачка и ее давнишняя соперница, которая наденет свое коричневое альпага, испещренное шнурками и пуговицами, но ничего не стоящее в сравнении с этой восхитительной кисеей.

— Желала бы я знать, что скажет он, — думала она, собирая чуть не бесконечную полоску кисеи и обозначая именем *он* не жениха своего Джозефа Флуда, а нового поклонника Уэстона Валлори.

Она все еще сидела в беседке, и шила, когда на закате солнца щеколда калитки тихо зазвенела и упала. Кисейная оборка выпала из проворных рук Джанны, и яркий румянец покрыл ее щеки. Но человек, отворивший калитку, был не тот, о котором она думала, и она взялась опять за работу с движением досады. Посетитель был никто иной как Джозеф Флуд. Да она и не имела права ожидать Уэстона Валлори, ибо он никогда сам не отворял калитку. Джанна ему нравилась, но он слишком дорожил своею репутацией, чтобы рисковать быть застигнутым в интимной беседе с дочерью садовника. Поболтать с ней у садовой калитки, где можно было прервать разговор ежеминутно, было все, что он позволял себе.

Но мисс Бонд, не понимавшая, как велика была осторожность ее поклонника и думавшая слишком много о своей красоте, питала в этот вечер слабую надежду, что он придет пред своим поздним обедом провести полчаса в ее обществе. И увы, вместо лондонского денди явился честный Джозеф Флуд, главною заслугой которого было только то, что он любил ее до безумия. Пока Джо шел, переваливаясь, к беседке, Джанна продолжала шить, опустив свои смелые черные глаза и с выражением досады на полных красных губах.

Встречи большую частью обходятся без приветствий в этом классе общества, и грум мог не заметить холодности приема своей возлюбленной. Он сел на скамью возле нее, не сказав ни слова, и по праву жениха обнял рукой ее талию и поцеловал ее в щеку. Джанна сердито оттолкнула его.

— Как ты несносен, Джозеф! — сказала она ворчливо. — Сегодня слишком жарко для поцелуев, а ты еще вдобавок, кажется, не брился.

— Я брился, но, вероятно, в такую погоду борода растет быстрее.

— Не знаю, но твой подбородок царапает, как щетка. Да не прижимайся же ко мне, Джо. Разве на лавке мало места? Мне сегодня надо еще собрать и нашить всю эту оборку.

— Так вот почему ты так сердита! — сказал Джозеф, взглянув презрительно на кучу розовой кисеи. — Надеюсь, что ты не часто будешь шить себе новые платья, когда мы будем мужем и женой.

— Такую вещь только ты можешь сказать, Джозеф, — возразила мисс Бонд обиженным тоном. — Если бы был джентльмен, ты интересовался бы моим нарядом, и не считал бы ничего слишком хорошим для меня.

— Но я не джентльмен, и думаю, что если ты будешь так злиться каждый раз, как купишь себе новое платье, то я желал бы видеть тебя одетою дурно.

Мисс Бонд покачала головой и продолжала шить. Она виделась со своим женихом уже несколько раз с тех пор, как познакомилась с мистером Валлори, и различными намеками дала уже ему понять, что ее красотой восхищаются люди, понимающие в этом больше, чем он. Джозеф был ревнив, и не остался равнодушен к этим намекам.

— Мне все равно, правится ли тебе мое платье или нет, — сказала Джанна. — На свете немало людей кроме тебя, и завтра найдутся такие, которые будут восхищаться мной.

— Ты, может быть, говоришь о господах, — возразил Джозеф мрачно. — Ни одна осторожная девушка не желает им нравиться.

— В таком случае я не осторожная девушка, потому что я желаю им нравиться, и придаю большие цены их вниманию, чем вниманию простолюдина.

— Если так, то мне тебя жаль, Джанна, — возразил ее возлюбленный. — Ты никогда не будешь хорошей женой честному, трудящемуся простолюдину. Впрочем, я тебе не верю. Ты всегда выдумаешь что-нибудь в этом роде, чтобы подразнить меня, хотя знаешь, что ни один мужчина так не любит ни одну женщину, как я тебя. Но я неспособен слушать тебя равнодушно, когда ты говоришь вздор.

Такой протест польстил тщеславию мисс Бонд. Она смягчилась, и позволила своему жениху обвить рукой ее талию и остаться в таком положении все время, пока она шила. Но в течение всего этого вечера жених и невеста не переставали пиковать, и мисс Бонд нашла несколько случаев намекнуть, что она могла бы, если бы захотела, устроить себе жизнь несравненно лучше той, какую обещал ей брак с мистером Флудом. Только под конец вечера, довольная результатом своей работы, Джанна развеселилась, оставила своего жениха ужинать, резала ему самые вкусные куски вареной ветчины, приготовила стакан пуншу, и вообще была с ним очень ласкова, но Джозеф Флуд тем не менее ушел из южной сторожки в самом мрачном настроении духа и направил шаги к своей спальне над конюшней, убежденный, что Джанна задумала изменить ему и размышляя о мщении.

«Она такого рода женщина, что способна это сделать», — думал он. «Она знает, что красивее ее нет девушки на расстоянии пятидесяти миль вокруг, и она этим пользуется. Я уверен, что кто-нибудь из наших лондонских гостей нашептал ей в уши разного вздора; по всей вероятности, капитан: военные самые опасные люди в этом отношении. Но если она вздумает одурачить меня, я поквитаюсь и с ней и с человеком, который станет между нами».

Он был решительный малый, этот Джозеф Флуд, и чувства его к Джанне были отчаянного свойства. Она долго мучила его прежде, чем дала ему согласие, долго держала его в отдалении, один день притворялась совершенно равнодушно к нему, на другой приводила его в восхищение своею любезностью, на третий делала вид, что ненавидит его, и эти попеременные горячие и холодные души, эти переходы от радости к отчаянию произвели надлежащее действие. Приз, так трудно достижимый, казался ему вполне достойным усилий. Он победил дочь садовника своим безграничным терпением. Но когда она дала ему согласие выйти за него, объявив, что делает это только потому, что он слишком надоел ей своею неотвязчивостью, мистер Флуд принял более независимый тон, и стал смотреть на нее, как на свою неотъемлемую собственность, а не как на божество, которому следует поклоняться.

Этот независимый тон и его изменившийся взгляд на нее были чрезвычайно неприятны Джанне. Она не могла успокоиться, пока не отыскала слабую струну своего жениха, то есть что в ее власти было доводить его до бешеных припадков ревности. Открыв в себе эту способность, она стала пользоваться ею при всяком удобном случае, но молодой человек, продолжал любить ее по-прежнему, и смотреть с надеждой на будущее.

— Если ты надуешь меня, Джанна, и выйдешь за другого, я буду способен убить тебя, — сказал он ей однажды, в первые минуты примирения после сильной ссоры.

— Не благоразумнее ли было бы убить соперника? — сказала она смеясь.

— Очень может быть, что я убью и тебя и его, — отвечал Джозеф Флуд таким серьезным тоном, что невеста его испугалась, и польщенная этою угрозой более, чем всеми комплиментами, какие он когда-либо говорил ей, сказала:

— Я верю, что ты меня любишь, Джозеф, и я не понимаю любви без ревности. Ты можешь быть уверен, что я не обману тебя. Я только иногда не могу не желать, чтобы мы были побогаче. Я, кажется, скорее умру, чем сделаюсь такою чучелой, какими делается большая часть женщин после замужества.

— Кто тебя заставляет делать чучелой, Джайна? Ты можешь одеваться всегда так же нарядно, как теперь. Только неряхи делаются чучелами.

— Ты этого не можешь понять, Джозеф. Мужчины не могут себе представить, как много работы у женщин. Ведь я должна буду стряпать и стирать на тебя, как теперь стряпаю и стираю на отца: А если будут дети, то работы не переделаешь, а тут еще лавка, в которой придется сидеть, когда тебя не будет дома.

— А мне казалось, что ты думаешь о лавке с удовольствием, Джанна, — сказал Джозеф, задумчиво потирая подбородок. По его мнению, лавка была средством добывать хорошие деньги без труда и хлопот. Он воображал, что сделавшись лавочником, будет сидеть целые дни за прилавком, читая газеты или дремать, прислонясь головой к стене, между тем как деньги будут беспрерывно сыпаться в денежный ящик.

— Да, лавка дело хорошее, — отвечала Джанна. — Я иногда думаю с удовольствием, как я буду отешивать товар, и как приятно будет иметь в распоряжении множество хорошенеких ящиков, полных крахмалом, горчицей, рисом, саго и тому подобным, а на окнах немного галантейного товара, несколько банок с помадой, шестипенсовые бутылочки с лавандовою водой, хорошенекие коробочки со шпильками и булавками. Говорят, эти мелочи приносят большой доход. Но как вспомнишь, что это будет продолжаться день за днем, и что еще торговля может пойти неудачно, и что это такой же тяжелый труд, как всякий другой...

— Так не думай о лавке, Джанна. Мне все равно, я останусь в услужении.

— О, нет, это еще хуже. Я не хочу иметь мужем слугу. Люди скажут, что мне уж очень захотелось замуж, если я решилась выйти за кучера.

— Они этого никогда не подумают, если даже скажут, но я решительно не понимаю, чего ты хочешь, если ты против лавки в Райтоне, о которой мы говорили так много.

Может быть, Джанна и сама не сумела бы объяснить, чего ей хотелось. Она была только смутно недовольна всем окружающим. Конечно, было бы гораздо приятнее торговать в Райтоне и быть особой независимою и даже с некоторым значением, чем жить под суровою властью отца в южной сторожке, но это казалось ей тем не менее печальным окончанием всех мечтаний, внущенных ей ее многочисленными поклонниками и ее неизменным утешителем зеркалом. Она желала не быть до такой степени утомленною властью отца и скучой своей жизни, и быть в состоянии подождать еще несколько времени, пока не явится жених, о котором пророчество-вали ей многие, богатый джентльмен, который женится на ней, прельстившись ее красотой. Она никогда не читала романов и не смущалась зловещими предчувствиями. Она так долго мечтала о богатом женихе, что теперь ей казалось ужасным, что он не является, и что ей приходится, единственно по невозможности ждать далее, принести себя в жертву груму.

Глава XXXVII

И дом внезапно омрачился

Приглашения леди Клеведон были разосланы ко всем соседям без исключения, и Ричард Редмайн получил, как и другие, один из золотообрезных раскрашенных билетов, скопированных лондонским литографом с рисунка, сделанного самою леди Клеведон. Полковник Давенант настоял, чтобы даже пригласительные билеты отличались оригинальностью.

Ричард Редмайн, который уже давно считал себя неспособным разделять радости и печали своих близких, горько засмеялся и положил билет в карман.

«Как будто это в моем духе», – сказал он себе. «Но леди Клеведон очень добра, что вспомнила обо мне. Она конечно, не знает... Если бы Грация была жива...»

И он вообразил, как он пошел бы на сельский праздник под руку со своею дочерью, как она просияла бы, узнав о приглашении, с каким детским восхищением стала бы она рассматривать билет и потом хранить его в своей рабочей корзинке в воспоминании о празднике. С ней он насладился бы вполне всеми удовольствиями этого праздника; без нее они не имели для него ничего привлекательного.

Он положил билет в карман, и забыл бы о нем, если бы был предоставлен самому себе, но в течение последней недели перед рождением сэра Френсиса, нельзя было жить близ Клеведона и не слышать о предстоящем торжестве. Клеведонский праздник был приправой, котою мистрис Буш сопровождала каждое кушанье. Тщетно объявлял Редмайн, что ему дела нет до Клеведона. Мистрис Буш была так поглощена одною идеей, что не могла молчать, а так как муж ее большую часть дня проводил вне дома, то мистеру Редмайну приходилось быть поневоле ее слушателем. Он наконец не выдержал, и послал проклятие клеведонскому празднику.

– Нечего сердиться, мистер Редмайн, – возразила мистрис Буш с дружеским укором. – Вы лучше сделаете, если пойдете туда и повеселитесь, как все другие. Довольно вам горевать. Если бы вы потеряли десять тысяч дочерей, – не то чтоб я хотела сказать что-нибудь против мисс Грации, которая была прекраснейшая девушка, – если бы вы потеряли десять тысяч дочерей, вы не могли бы горевать о них сильнее, чем горюете об одной. Но на все есть время, как сказал сам царь Соломон, если только не ошибаюсь; по крайней мере я слышала это в Кингсберицкой церкви, прежде, чем Буш не уговорил меня поступить в sectу методистов. Во всяком случае, если не Соломон, то это сказал Давид или Навуходоносор. На все есть время, мистер Редмайн, и когда все вокруг веселятся, и даже я с Бушем приглашены, вы не должны печалиться. Мистер Ворт принес мне вчера билет с золотыми разводами, хотя не такой разукрашенный, как ваш.

Ричард Редмайн выслушал эту укорительную речь, не возражая, но ему и в голову не пришло последовать совету мистрис Буш. Тем не менее, когда наступило долгожданное утро, – утро ясное и безоблачное, и кингсберицкие колокола весело огласили поля и рощи.

– Редмайн почувствовал, что этот день выходит из ряда обыкновенных дней, и что тяжело оставаться в добровольном изгнании из общества своих близких, когда все окружающие счастливы. Если бы погода была ненастная, если бы сумрачное небо нависло над клеведонским праздником, и грозило смочить дождем иллюминацию и фейерверк, и превратить палатки в громадные души, он остался бы спокойно на своем месте, и сидя с трубкой в старой кухне, стал бы смеяться над безрассудством рода человеческого и воображать себе гостей с вытянутыми лицами и в измокших платьях. Но нужно быть закоренелым мизантропом, чтобы не почувствовать тоски одиночества в прекрасный летний полдень и в такой живописной мест-

ности, в какой стоял дом Ричарда Редмайна. В течение последней недели мистрис Буш пробовала не раз уговаривать его идти в Клеведон, но он объявлял решительно, что не пойдет.

— Хорош бы я был среди толпы танцующих безумцев, — сказал он однажды. — Я казался бы там выходцем из замогильного мира.

— Да, если бы вы пошли в этом изношенном сюртуке, которого не снимаете ни в праздники, ни в рабочие дни, что не делает чести такому джентльмену, как вы, — возразила мистрис Буш, полагавшая вероятно, что духи замогильного мира страдают недостатком хорошего пластика. — Но оденьтесь прилично, — у вас два сундука набиты платьями, — подстригитесь, и идите на праздник. Не будьте единственным исключением на расстоянии двадцати миль вокруг. Люди могут подумать, — что вы виноваты в каком-нибудь ужасном преступлении, что боитесь дневного света.

Как ни был Редмайн равнодушен к мнению света, но последний аргумент мистрис Буш не остался без последствий. Но и тут он думал не о себе, а о своей покойной дочери, составившей для него весь мир. Хорошо ли он поступает, удаляясь от общества своих близких? Не подал ли он одним этим повода к подозрениям, которые, может быть, никогда бы и не возникли, если б он смотрел всем прямо в лицо и имел готовые ответы на вопросы о своей дочери.

«Более милостивый, — говорил он себе, размышляя о последнем доводе мистрис Буш, — я, может быть, одним моим поведением заставил людей предположить что-нибудь хуже того, что было на самом деле».

Он долго мучился этою мыслью, но едва ли она была причиной, что в день рождения сэра Френсиса, часа через полтора после ухода мистрис Буш и ее мужа, он внезапно решился последовать за ними. Он не рассчитывал, что праздник доставит ему какое-нибудь удовольствие; он шел с тем, чтобы побродить в толпе, и показать всем, что он все еще прежний веселый и бодрый человек, каким его знали лет шесть тому назад, до его поездки в Австралию для поправления состояния.

Как скучен показался ему его дом в этот прекрасный летний день, когда мистрис Буш и ее муж, после долгой суety и сборов, ушли на праздник, и он остался один! Нельзя сказать, чтоб общество его экономки доставляло ему какое-нибудь удовольствие, и что он когда-нибудь находил ее чем-нибудь иным, как нестерпимо несносною женщиной, по без нее дом тем не менее стал похож на могилу. Редмайн началходить из комнаты в комнату без всякой цели, заглянул даже в парадную гостиную, где каждый стул стоял на том же самом месте, как в день его свадьбы, где ситцевые чехлы были все те же, которые он видел уже полинявшими, когда робко заглядывал сюда ребенком на руках своей матери. Ничто не изнашивалось в этом почти необитаемом доме, но все медленно, незаметно истлевало, как внутренность домов, засыпанных лавою. Присутствие усопшей дочери, которое он всегда чувствовал в своем доме, в этот день возбуждало в нем невыносимую тоску. Пустой дом был ужасен с этим призрачным обществом.

Но если б она могла принять какой-нибудь осозаемый образ и придти сюда и улыбнуться мне, Бог видит, что я встретил бы ее с радостью, хотя бы знал, что она мертвая. О, Грация, если б я мог увидеть тебя хоть на одно мгновение, и услышать от тебя самой, что на небе хорошо, и что ты там счастлива среди ангелов, и сказать тебе, как мне тяжело без тебя!

Много часов просиживал он днем и ночью в ожидании одного из тех видений, какие являлись людям в старину, когда мир ангелов и духов был, по-видимому, ближе к земле, чем теперь. Много раз выражал он желание, чтобы неосозаемый воздух сгустился и показал ему образ его дочери. Он часто видел ее во сне, но всегда в каком-то хаосе страдания и недоразумений. Никогда не являлась она ему светлою и счастливою, как душа, спустившаяся с неба для утешения земного страдальца.

Он вышел в сад и сел курить под старым кедром, но и здесь одиночество, в котором он провел уже несколько лет, было в этот день невыносимо. Трудно определить, что было главною

причиной: веселый ли звон колоколов, или то, что он знал, что все его соседи веселятся так близко от него, но он наконец не выдержал, и решился идти в Клеведон.

«Я могу не принимать участие в их дурачествах, – сказал он себе. – Я буду только смотреть».

Он пошел в свою комнату и оделся в одно из платьев, лежавших долго без употребления в его дорожных сундуках. Он все еще был красивый человек, несмотря на злое выражение, сделавшееся обычным на его лице и на его сгорбленные плечи, – красивая развалина человека, возвратившегося из далекого мира счастливыми полным надежд к своей единственной дочери.

Обед для поселян, фермеров, рабочих, садовников, лесников и прочего мелкого люда был назначен в половине второго, а в четыре обед для арендаторов, к которому был приглашен и Ричард Редмайн. Он имел слишком достаточно времени впереди, чтобы прийти в Клеведон, не опаздывая к обеду, но он не думал об обеде. Он хотел только походить по парку, посмотреть издали на толпу и вернуться домой в сумерки.

Он выбрал самую краткую дорогу, ту самую тропинку, которой шла Грация с Губертом Вальгревом в день пикника. Он шел не спеша, курил трубку, и время от времени останавливался перед созревшими нивами, и смотрел на них критическим взглядом опытного человека, но не с интересом владельца. Если бы эти нивы были до сих пор в его руках, он и тогда интересовался бы ими не более. У него не осталось в жизни никакой цели, для которой стоило бы заботиться об увеличении своих доходов, и вообще никакой цели, для которой стоило бы жить. Он жил только слабою надеждой, что рано или поздно настанет день расчета с человеком, погубившим его дочь.

Теперь, среди мирного сельского ландшафта, он был дальше, чем когда-нибудь, от мысли, что день расчета настал.

Глава XXXVIII

«Из всех людей я избегал только тебя»

Если человек чувствует потребность проживать так или иначе свои деньги, – что, по-видимому, есть непременное условие существования для многих, – он едва ли найдет более приятный способ бросить несколько сотен фунтов, как тот, который придумала Жоржна Клеведон по поводу двадцать девятого дня рождения сэра Френсиса. В такой чаше наслаждения, по-видимому, не может быть ни одной горькой капли, когда соблюдены все условия для успеха, когда нет ни одной забытой волшебницы, которая могла бы явиться среди праздника и накликать несчастье на принца и принцессу дома. Тем не менее кто поручится, что даже в этом идиллическом мире сердце Сусанны Джонс не разрывается от досады при виде нового платья Мери Смит, что чувство унижения не угнетает мистрис Броун при виде новой шляпки мистрис Робинсон? тогда как скучное жалованье ее мужа не дало ей даже возможности украсить свою голову какою-нибудь лентой. Кто решится утверждать, что муки ревности, терзающие сельского Стрифона при виде любезничанья его Хлои с Дамоном, не так же ужасны, как страдания какого-нибудь лондонского денди, смущаемого неверностью графини.

Сэр Френсис Клеведон не задавался такими вопросами, когда смотрел на палатки, флаги, цветы и фонтаны и нарядно одетых поселян, толпившихся на зеленом амфитеатре под полуденным солнцем. Он думал, вопреки мнению Джона Ворта, что Жоржи нашла очень хорошее средство бросить две или три сотни фунтов.

– Так ты доволен, Франк? – срашивала Жоржи, стоя рядом с мужем на площадке перед домом и глядя на толпу. – Я была бы в отчаянии, если бы все это тебе не нравилось. Ужасно подумать, что ты женился на девушке, у которой не было гроша за душой, и что она с самого начала принялась мотать твои деньги. Но ведь это только раз в год, и все для тебя, и я надеюсь, что ты доволен.

– Могу ли я быть недоволен тобою, когда ты в этой шляпке? – отвечал сэр Фрэнсис, глядя на прекрасное молодое лицо, обрамленное азалиями и блондой. Жоржина была в этот день вся в белом, как и Сибилия, стоявшая рядом с ней и любезничавшая с другом своего брата, инженерным капитаном Гартвудом. Гости, приглашенные на этот день, еще не начали съезжаться, гости, жившие в доме, лениво бродили из угла в угол, выглядывали в окна, выходили на площадку и смотрели на толпу людей низшего разряда с удивлением и снисходительным любопытством.

– Я очень рад, что они бедные проведут весело хоть один день, – сказала добродушная мистрисс Чевиот, не имевшая ничего общего с этими илотами.

– Да, – пробормотал Уэстон. – Мы должны радоваться за них, но было бы забавнее видеть их, если бы сегодня шел дождь. Я был на летнем гуляни в Иорке. Дождь лил беспрерывно, и ничего не могло быть забавнее, как видеть публику на открытых местах. Я уверен, что нам было бы веселее, если бы сегодня была дурная погода. Вообразите девушек танцующими в калошах, *pas de galoches*.

Мистрис Гаркрос сидела в садовом кресле и смотрела рассеянно на толпу в парке, бродившую взад и вперед под музыку местного оркестра, игравшего марш из Фауста Гуно. Сельские гости были уже очень веселы. Под деревьями была устроена «тетушка Салли», любимая народная игра, и молодые люди уже бомбардировали лицо старой леди, но все чувствовали, что в дообеденное время не может быть настолько веселья. Арендаторы, аппетит которых был возбужден утреннею прогулкой, готовы были завидовать поселянам, долженствовавшим обедать раньше, и утешались только мыслью, что их банкет будет наслаждением в настоящем, когда обед поселян перейдет уже в область прекрасных воспоминаний.

Тяжелы были чувства Августы, когда она смотрела на эту праздничную толпу и думала, что все эти арендаторы и рабочие могли бы быть арендаторами и рабочими ее мужа. Она не завидовала дешевой популярности, которую приобретал сэр Фрэнсис в этот день, и смотрела на празднин, как на пустую выдумку и совершенно лишнюю трату денег. Она смотрела с пренебрежением на репутацию, приобретаемую жареными быками и бочками пива. Губерт сумел бы воспользоваться как следует средствами, которыми обладал сэр Фрэнсис. Он не стал бы как теперь тратить свои дарования на судебном поприще, а вступил бы прямо на поприще государственного человека, ведущее к почестям, которые были всегда высшим благополучием в глазах англичан. Теперь труд его был выгоден только в материальном отношении, но с шестью или семью тысячами годового дохода и с положением землевладельца было бы совсем другое дело. Такой доход, увеличенный ее богатством, дал бы ему возможность приобрести высокое положение в обществе.

«Он будет в парламенте в следующую сессию», — сказала она себе. «Он приобретет имя, которое общество будет уважать. Слава адвоката не стоит трудов. Я буду гордиться им, если он отличится на политическом поприще, буду гордиться вопреки тому, что знаю о нем».

Ее чувства к нему были смесью эгоистического стыла и сострадательной любви. Если бы она не любила его, она не была бы так оскорблена его скрытностью с ней. Но она любила и жалела его, несмотря на холодность их отношений, холодность, которую она неспособна была прервать словом или делом. Она была уверена, что ссора их продолжится не долго, что он смирится и попросит у нее прощения, и она простит его, и тогда предложит ему вступить в парламент, напомнив ему факт, который они оба долго игнорировали, тот факт, что ее богатство принадлежит ему, и что слава, которую он приобретет на политическом поприще, будет для нее несравненно дороже тех жалких успехов, которых значение оценивается только количеством фунтов, шиллингов и пенсов.

Все это она намерена была сделать со временем. Она была не из тех энтузиастов которые, воодушевившись какою-нибудь новою идеей, бегут сообщить ее первому встречному. Она долго обдумывала свои планы и предоставляла им созревать в глубине ее души. Она сознавала, что ее взгляд на положение мужа становился великодушнее и благороднее, и была уверена, что он примет ее предложение охотно и с благодарностью.

Другая женщина рассталась бы с ним навеки после такого открытия, думала она, и ее первым побуждением, когда она узнала тайну, было также расстаться с ним навсегда, но в ней это чувство было затушено в самом начале ее страхом перед мнением света. Мистрис Гаркрос неспособна была дать свету повод судить и рядить о ней.

Мистер Гаркрос был на празднике одним из почетных распорядителей, и в половине первого он, капитан Гартвуд, мистер Голль и Уэстон Валлори были уже среди гостей, все с голубыми бантиками и розовыми бутонами. Уэстон отыскал мисс Бонд, сиявшую в своем новом розовом платье. Она скрылась от отца, пока этот серьезный господин обсуждал вопрос об оправдании по совести, и теперь принимала комплименты молодых людей тем с большей свободой, что мистер Флуд был в это время занят в конюшне, помогая распрягать лошадей посетителей, уже начавших съезжаться.

Джанна приветствовала мистера Валлори вспышкой румянца и улыбкой. Ее деревенские поклонники скоро почувствовали свое ничтожество в сравнении с этим блестящим лондонским денди, и смущенные ушли искать утешения у других девушек.

— Как вы прелестны в этом розовом платье! — сказал Уэстон, осматривая Джанку своим смелым взглядом. — Ваш костюм лучше всех, какие я видел сегодня.

— Очень рада, что он вам нравится, — отвечала девушка. — Я купила его на ваш подарок, но, конечно, не сказала этого отцу. Он выгнал бы меня из дома, если бы узнал, что я взяла у вас соверен.

— Так я не подвергну вас опять опасности изгнания. Следующий подарок, который вы получите от меня, будет платье, мною самим купленное.

— О, нет! это невозможно. Отец непременно заметит, если я надену что-нибудь новое. Мне пришлось сочинить ему целую историю, чтобы получить позволение купить это платье. Я сама знаю, что не должна была брать деньги у вас, но мне необходимо было купить что-нибудь новое к нынешнему дню, и ваш подарок был как нельзя более кстати.

— Прелестная простота! — сказал Уэстон с своею натянутой улыбкой. — В Лондоне есть женщины, которые забирают на чужой счет у модисток на пятьсот фунтов в год.

Он бродил с мисс Бонд по опушке леса, и находил новее не неприятную эту часть своей обязанности почетного распорядителя. Мистер Гаркрос, встретясь с ним, заметил его спутницу, несмотря на то, что был занят разговором с одним из главных арендаторов, представленным ему самим сэром Френсисом и обещавшим ему свою поддержку за обедом. Дворецкий бросил жребий и мистеру Гаркросу досталось председательствовать за одним из самых скромных и ранних обедов.

— Я буду помогать вам, господин председатель, — сказал фермер Гольби. — Я знаю всех мужчин, женщин и детей на расстоянии двадцати миль вокруг Кингсбери, и желал бы, чтоб их было побольше, и чтобы мне не приходилось иметь дело с ирландскими негодяями во время сбора хмеля.

— Вы принадлежите к Кингсберийскому приходу? — спросил мистер Гаркрос, наговорившись вдоволь об урожае хлеба и хмеля.

— Форма Гигс, сэр, на расстоянии мили от Кингсберийской церкви. Я арендую ее с тех самых пор, как умер старый Гигс, то есть около тридцати семи лет.

— Ферма Гигс. Помню. Это недалеко от места, называемого Брайервуд, не правда ли?

— Да, менее чем в двух милях. Я хаживал в Брайервуд между чаем и ужином, когда Редмайн был не таким угрюмым человеком, как теперь, и когда его покойная дочь была еще вот такая крошка.

Он опустил руку на высоту ярда от земли, и с любовью поглядел вниз, как бы видя хорошенькую головку маленькой Грации.

Сердце мистера Гаркроса облилось кровью при этих словах, и прошло несколько минут, прежде чем он собрался с духом продолжать разговор. Некоторые слова из ответа фермера привели его в недоумение.

— Вы говорите о Ричарде Редмайне, как будто видели его недавно. Я слышал, что все семейство эмигрировало.

— Да, — отвечал фермер возмутительно растягивая слова, — семейство эмигрировало; Джим, жена его и два сына, славные рослые парни, каких мало. Они переселились в Австралию, где Ричард Редмайн купил имение за десятую долю его стоимости, как говорят. Они, то есть Джим, жена его и сыновья, уехали вскоре после смерти дочери Редмайна. Она умерла далеко от родного дома, сэр, и много толков было по этому поводу, но не думаю, чтобы кто-нибудь здесь знал что-нибудь достоверное об этой истории, и что касается меня, я полагаю, что в ней было больше дурного, чем хорошего.

Мистеру Гаркросу пришлось выслушать историю Грации, рассказалую фермером по догадкам и с бесчисленными комментариями.

— Да, это была тяжкая утрата для бедного Редмайна, сэр, потому что дочь его была прекрасная девушка, — заключил фермер Гольби.

Мистер Гаркрос был принужден повторить свой вопрос.

— Я спросил вас, где теперь Ричард Редмайн, в Австралии или нет?

— Нет, сэр, нет. Ричард Редмайн не в Австралии. Джим, жена его и сыновья в Австралии, но Ричард Редмайн вернулся в отчество, и так изменился, что его узнать нельзя. В былое время мы провели с ним немало приятных вечеров за трубками и за домашним пивом, но теперь он

не подходит к своим старым друзьям, и очень ясно им показывает, что и они не подходили к нему.

— Так он дома, в Брайервуде?

— Да, он дома, и я видел его у калитки третьего дня, когда возвращался с ярмарки.

Нельзя сказать, что это известие пробудило в Гаркросе чувство страха. Он не способен был бояться кого бы то ни было. Но тем не менее близость Ричарда Редмайна внушала ему необъяснимый ужас. «Из всех людей я избегал только тебя». Правда, что если бы даже они встретились лицом к лицу, было мало шансов, чтоб отец Грации узнал его. Его неосторожный подарок медальон с его портретом, был потерян. Грация сообщила это ему на пути в Лондон, рассказывая о своем страдании без него. Странно было ему вспоминать все это и думать о том времени, когда он считал возможным служить двум богам: светскому успеху и потребностям своей души.

Он решил, что встреча с Редмайном не грозит ему никакой опасностью. Медальон с его портретом, к счастью для него, был потерян; имя не могло также выдать его.

«Хоть на это пригодилась глупая перемена имени», — сказал он себе.

Между тем как он определял свое положение, раздался звонок к первому обеду, и множество лиц просияло радостными улыбками. Полковник Давенант думал было возвестить обед пушечным выстрелом, но так как эта мысль была отвергнута, он удовольствовался большим набатным колоколом, снятым с небольшой колокольни над швейцарской и вынесенным на лужайку, и звонил в него сам с видом предприимчивого балаганщика на сельской ярмарке.

— Что же вы, друг мой? — воскликнул он, завидев мистера Гаркроса, ходившего с фермером Гольби. — Ведь вы знаете вашу палатку, не правда ли? С голубыми флагами. Ваши гости уже входят, и вам следует быть уже на вашем месте. Пospешите.

— Представление начинается, — отвечал мистер Гаркрос, смеясь.

Он решил выбросить на время из головы отца Грамин, и пошел в палатку в сопровождении своего помощника фермера Гольби.

— Вы должны взять на себя провозглашение тостов, мистер Гольби, — сказал он своим небрежным тоном. — Я, право, не знаю, в чем состоит моя обязанность.

Слова эти были большою несправедливостью в отношении к полковнику Давенанту, который в течение последней недели не выпускал из рук карандаша и записной книжки, составлял подробные планы обедов, назначая каждому его место, для того чтобы ни один сельский Капутетти не очутился рядом с Монтекки, ни один Гибелин не нашел с своим соседством Гвельфа, и составил списки всех заздравных и благодарственных тостов. Сколько трудов стоило ему разъяснить мистеру Гаркросу его обязанности! И все это пропало даром.

Клеведонский луг во время звонка к обеду представлял прекрасное зрелище. Теплая летняя погода, белоснежные палатки с яркими разноцветными флагами, весело разевавшимися в воздухе, нарядная толпа счастливых поселян, запах съестного, и вместо фона прекрасный старый дом с красивыми башенками, резко выделявшимися на голубом небе. Но как ни прекрасен был наружный вид, проголодавшиеся поселяне находили внутренность палаток привлекательнее. Что могло быть живописнее громадных ростбифов с приличными украшениями из хрена и петрушек, и разукрашенной дичи, аромат которой даже издали был восхитителен, и молодых баранов и гусей, погибших раньше времени? Какой контраст цветов мог быть прекраснее контраста темно-бурых цветов мяса с зеленью салата и громадными французскими хлебами, от которых каждый из гостей мог отрезать себе хоть по целому ярду?

На одном конце палатки, возле места председателя, стояла коллекция бочонков пива и бутылок вина, которыми должен был распоряжаться мистер Гаркрос с помощью буфетчика.

Он сел на свое место среди оглушительного стука ногами и лавками и гула голосов поселян, которые усаживались под наблюдением самого полковника, взявшего на себя обязанность главного распорядителя праздником.

— Тише, леди и джентльмены, ради Бога потише! — крикнул он, и вслед за этим возгласом на другом конце стола встал джентльмен с длинными прямыми волосами и в белом галстуке и произнес молитву, показавшуюся гостям слишком длинною. Когда он кончил, раздался общий вздох облегчения, и поднялась страшная стукотня ножами и вилками.

Полковник обошел вокруг стола, призывая внимание гостей на различные блюда.

— Вот тот ростбиф очень хорош, сударыня, — обратился он к толстой матроне. — Я советую вам попробовать его. А если вы, душенька, любите жареных гусей, — продолжал он, обращаясь к покрасневшей девушке, — вам нигде не найти такого гуся, как тот, который стоит перед вами. Кто из вас, джентльмены, возьмется разрезать гуся?

С такими замечаниями полковник обошел стол и отправился в другую палатку.

Мистер Гаркрос между тем исполнял свою обязанность более скромным образом. Он следил, чтобы перед всяkim гостем стоял постоянно стакан пенистого эля или портера, угождал прекрасный пол хересом, и не выпускал из виду даже самых отдаленных гостей. Так как сельское население оказалось не совсем искусным в резании мяса, он сам резал кусок за куском, с быстротой и ловкостью, казавшимися гостям сверхъестественными. В полчаса он изрезал мяса больше, чем во всю свою предшествовавшую жизнь, и в то же время находил возможность любезничать со своею соседкой. Направо от него сидела самая старая женщина в Кингсберийском приходе, которая, по преданию, первая в своем околотке стала употреблять каток. Эта досточтимая матрона оказалась глуха, как камень, и внимательность мистера Гаркроса к ней ограничивалась только тем, что он подавал ей самые мягкие куски цыплят и белого хлеба, и от всей души желал, чтобы она кончила обед, не подавившись. Но его соседка по левую руку, Джанна Бонд, была молода и хороша, и он вспомнил, что видел ее в обществе Уэстона Валлори. Мистер Гаркрос был в том настроении духа, когда человек хватается за всякое развлечение, каково бы оно ни было, чтобы заглушить в себе тяжелые воспоминания и притупить медленную агонию раскаяния. Пустой разговор с сельскою красавицей не доставлял ему ни малейшего удовольствия, но самый процесс разговора развлекал его. Он пил больше, чем имел обыкновение пить в это время дня, и говорил так много, как способен был говорить только на больших обедах, в кругу общества, где считал нужным блеснуть умом, и этим средством заглушал в себе мысли о Ричарде Редмайне. Он не окидывал робким взглядом гостей, сидевших за столом, и не боялся увидеть этот роковой незнакомый образ. Неприятное известие, которое сообщил ему фермер Гольби, оставило в нем только неопределенное чувство беспокойства и предчувствие близкой опасности.

Мисс Бонд между тем была вполне довольна своим положением. Она занимала почетное место, которым завладела в минуту общего смятения, когда более робкие девушки стояли под руку со своими родными или кавалерами и ждали, чтобы их усадили, она обманула Уэстона Валлори, просившего ее сесть рядом с ним в палатке с красными флагами, она бесила своего преданного жениха Джозефа Флуда, сидевшего за несколько человек от нее, и бросавшего на нее свирепый взгляды в негодовании на ее кокетство. Все это доставляло ей большое удовольствие.

— Вот он лондонский джентльмен, о котором она толкует, — сказал себе Джозеф Флуд, и мистер Гаркрос пострадал в его мнении за все грехи Уэстона Валлори. — Она теперь не скажет со мной слова во весь вечер.

Мисс Бонд чувствовала на себе негодящий взгляд своего жениха, и тем с большим удовольствием кокетничала с мистером Гаркросом. За обедом было много говора и еще больше смеха, задушевного смеха по поводу самых незатейливых шуток. Это был говор и смех людей, забывших прошлое, не беспокоившихся о будущем и вполне наслаждавшихся настоящим. Их шутки и прибаутки были так же стары и топорны, как утварь их коттеджей, переходящая по наследству из поколения к поколению.

До сих пор мистер Гаркрос встречался с этим классом только как со свидетелями в суде. Теперь он находил, что они в общественной жизни не интереснее, чем в суде. «Но я думаю, что между ними встречаются и прекрасные характеры, или материал для прекрасных характеров», – думал он, глядя на окружавшие его лица. «Мне кажется, что у известного числа людей этого класса должна быть такая же пропорция природного ума, как у такого же числа людей, воспитанных в Вестминстере или в Оксфорде. Или ум зависит также от крови, и люди подвластны тем же законам, от которых зависит порода скаковых лошадей?»

Но он имел мало времени для таких соображений. Тосты следовали один за другим с необыкновенною быстротой. Официальные тосты за здоровье сэра Френсиса, леди Клеведон и мисс Клеведон, за полковника Давенанта, за управляющего Джона Ворта, за мистера Гольби, самого старого и важного арендатора, благосклонно согласившегося занять место за одним из второстепенных столов, между тем как он мог бы обедать с избранными, все эти тосты и много других были провозглашены самим мистером Гаркросом, в приличных случаях выразениях и с тайною скучкой в душе, и в ответе на каждый тост следовал длинный спич, произнесенный кем-нибудь из гостей. Обед кончился только в половине четвертого, но мистеру Гаркросу, вышедшему из палатки рядом с мисс Бонд, казалось, что он длился целые сутки.

Местный оркестр уже выбился из сил, и ушел освежиться в одну из палаток, и лондонские музыканты, которым предстояло играть беспрерывно в течение **всей** остальной части дня, уже настраивали свои инструменты.

– Вы должны отдать последний вальс мне, – сказал мистер Гаркрос, опускаясь на землю у ног мисс Бонд, усевшейся на скамейке под деревом. – Я думал, что обед никогда не кончится. Как хорошо выйти на воздух, и чувствовать запах соснового леса после атмосферы палатки!

– Я не умею вальсировать – отвечала мисс Бонд, опуская глаза. – Мой отец был всегда против танцев. Но я знаю кадриль и лансье. Я выучила фигуры по книге.

– Так мы протанцуем лансье, хотя это самый глупый танец когда-либо изобретенный для унижения рода человеческого, – отвечал мистер Гаркрос, зевая. Он закрыл глаза, и несколько минут дремал под музыку веселого сельского танца. Он имел весьма неопределенное понятие о своих обязанностях почетного распорядителя, и считал их поконченными. «Протанцевать, если потребуется, танец с самою старою или хорошенъкою женщиной на празднике он готов, – думал он, – но если полковник намерен подвергнуть его какому-нибудь другому беспокойству, пусть ищет его». Мягкая теплая трава, на которой он сидел, благовонная атмосфера соснового леса, прохладаемая легким летним ветром – все это производило на него необыкновенно успокаивающее действие. Он вспомнил другой праздничный день в Клеведоне, и образ Грации восстал перед ним во всей своей молодой красоте. О, Боже, если бы он теперь открыл глаза и увидал себя у ее ног! Он вспомнил две грустные строки Соути:

О, если бы мы могли в позднейшие годы
Насладиться тем, что отвергли в молодости!

Глава XXXIX «Человек этот ты»

В три часа гости высшего класса отправились завтракать в большую столовую. Они съезжались с первого часа, и провели время, бродя по парку и глядя в приличном отдалении на счастливых поселян, как на зверей в клетках. Вероятно, это развлечение и игра в крикет казались им скучными, потому что сигнал к завтраку был встречен с очевидным удовольствием, и гости сэра Френсиса заметно оживились в столовой. Ухаживание, не kleившееся в парке, пошло как нельзя лучше в столовой, под влиянием шипучих вин и одуряющего концерта голосов двадцати трех téte-A-téte. Жоржи, сидевшая против сэра Френсиса на противоположном конце стола, была совершенно счастлива. Праздник оказался необыкновенно удачным и должен был обратить на нее и на ее мужа внимание всего графства.

Окна были отворены, и веселые возгласы в палатах сливались с голосами в столовой. Гостям утешительно было знать, что и бедные люди веселятся.

— Воображаю, как их удивляет шампанское, — сказала хорошенка мисс Стальмен своему кавалеру.

— Они, вероятно, опасаются, что оно вспыхнет, как порох и взорвет их.

— Не знаю, — отвечал джентльмен, — но мне кажется, что они даже не поймут, что это шампанское. Они примут его за пиво высшего сорта.

Было уже около трех часов, когда Редмайн предъявил свой билет у южного входа, оберегаемого в этот цепь полицейским из Танбриджса, и получил в обмен другой билет для входа в палатку.

— Советую вам поспешить, сэр, — сказал полицейский дружеским тоном. — Обед для арендаторов назначен ровно в три.

— Я не намерен обедать, — отвечал Редмайн. — Я пришел только посмотреть.

— Не намерены обедать, мистер Редмайн! — воскликнул полицейский, знавший в лицо владельца Брайервуда. — Обед будет такой, лучше которого и вообразить нельзя. Надеюсь, что вы не будете так неблагородны.

Редмайн молча кивнул ему головой и пошел дальше. Он думал только побродить около толпы, не принимая никакого участия в увеселениях, но лишь только показался он на лужайке, как заботливый полковник, указывавший арендаторам их места, выхватил у него из рук его розовый билет и поспешно взглянул номер.

— 53! — воскликнул полковник. — У нас все места нумерованы. Не хотите ли последовать за этими господами в палатку. Там распорядители укажут вам место. Идите, сэр, идите.

Редмайн пошел без возражений туда, куда вела его судьба, и сел на стул между двумя незнакомыми лицами, оживленными видом «ростбифа старой Англии».

Обед арендаторов мало чем отличался от обеда поселян. Мясо было приготовлено более утонченным образом, такие вульгарные блюда, как гуси и поросенка, не имели места на этом столе. Для женского пола были приготовлены пирожки, сливки, бланманже, пирамиды винограда и фруктов. Но гул голосов был так же громок, как и на обеде поселян, и шутки, хотя более остроумные, были проникнуты тою же сельскою свободой.

Ричард Редмайн в последнее время более пил, чем ел. Он едва отведал ростбифа и паштета, но зато выпил немалое количество шампанского, к которому привык в Австралии, где счастливому золотоискателю приходится часто угощать своих товарищей. Он сидел молча, среди говора и смеха, пил и думал о своих невзгодах.

Присутствие Джона Ворта, сидевшего на конце стола, против полковника Давенанта, пробудило в нем самые тяжелые воспоминания. Он не говорил с управляющим после своего достопамятного свидания с ним в его кабинете.

«Джон Ворт знает его, — сказал он себе. — Он ввел его в мой дом. Если бы Джон Ворт не сделал этого, моя дочь была бы и теперь со мной».

Эту горькую мысль не было даже возможности залить шампанским. Редмайн продолжал пить, но вино вместо того чтобы веселить его, усиливало его тоску.

Тосты долго не начинались. Сэр Френсис должен был сам положить начало этой церемонии. Было уже около полвины четвертого, когда у входа в палатку произошло движение, за столом раздался общий шепот, и многие из гостей встали.

Ричард Редмайн, не принадлежавший к числу арендаторов, для которых владетель Клеведона был солнцем, распространявшим свет и теплоту, поднял глаза с полнейшим равнодушием, и увидел высокого, стройного молодого человека, который шел медленно по палатке, останавливаясь, чтобы поговорить с одним, чтобы пожать руку другому, и у которого было для всех приветливое слово.

Увидев этого человека, Редмайн остался неподвижно на своем месте, и продолжал смотреть на него, едва переводя дух от волнения. Не это ли лицо слилось в его воображении с чувством беспредельной ненависти к обольстителю его дочери, не этого ли человека видел он часто во сне и уже почти утратил надежду увидеть наяву? Да, это он, это оригинал портрета, который он нашел в медальоне своей дочери. Медальон был в этот день с ним.

«Так вот кто этот человек, — сказал он себе наконец, едва переводя дух. Убийцей Грации был сэр Френсис Клеведон». Лишь только это внезапное предположение пришло ему в голову, как он начал удивляться, что оно не пришло раньше, что он давно не догадался, что человек, приехавший в Брайервуд по рекомендации Джона Ворта, человек, имевший свободный вход в Клеведон и которому Джон Ворт угождал во всех отношениях, был никто иной, как сэр Френсис Клеведон. Он вспомнил свое бурное свидание с Джоном Вортом и старание Джона Ворта защитить виновного.

Да, это он. Герой дня, пред которым преклоняются все его окружающие, был убийцей Грации.

Дикая жажда мщения, овладевшая Редмайном при этом открытии, была беспредельна. Уже несколько лет все его помышления и желания были устремлены к одной цели. Его религиозные чувства, каковы бы они ни были в молодости, — а молодые люди, воспитанные так, как он был воспитан, большей частью религиозны, — были заглушены его долгим страданием. Пребывание в Австралии произвело также дурное влияние на его характер, усилив его природную смелость. Он неспособен был теперь остановиться перед каким-нибудь отчаянным поступком из опасения последствий. Он рассуждал не лучше, чем стал бы рассуждать дикий на его месте. Отыскав своего мнимого врага, он обратил все свои помышления на то, как ему рассчитаться с ним.

Он сидел на своем месте и обдумывал этот вопрос, пока сэр Френсис обходил вокруг стола. Это был довольно трудный обход для баронета, ибо он должен был сказать что-нибудь приятное каждому из своих арендаторов. Его задушевным желанием было стать в их мнении выше, чем стоял его отец, быть для них чем-нибудь больше сборщика ренты. Он говорил с матерями, делал комплименты дочерям, рассуждал с отцами и сыновьями об урожае хлеба и хмеля и о наступавшем охотничьем сезоне. Какою толпой льстецов каялись Редмайну эти люди, ставшие засвидетельствовать свое искреннее почтение владельцу их жилищ, и каким лицемером сам владелец.

«Желал бы я знать, не намеревается ли он разбить сердце которой-нибудь из их дочерей», — думал он глядя на улыбающихся матрон и на раскрасневшихся дочерей. Сэр Френсис,

поравнявшись с ним, остановился на минуту, глядя на эту фигуру, оставшуюся неподвижною при его приближении, и пошел дальше. «Этот человек, вероятно, пьян», – подумал он.

Редмайн продолжал пить до конца обеда, и не промолвил ни одного слова. Сэр Френсис, дойдя до конца стола, остановился около места Джона Ворта, произнес небольшой шутливый спич, чтобы положись начало тостам, и ушел, предоставив продолжать полковнику, большому любителю подобного времяпрепровождения. С каким увлечением провозглашал он тосты, награждая субъекта, за которого пили всевозможными добродетелями. Этот почтенный, благородный, достойный английский фермер, которого они все знают и уважают, говорил он, и считают честью знать и не могут не уважать. Какие звучные эпитеты и взрывы чувства, какие отрывки стихов, более или менее уместных, но сопровождавшиеся неизменно громкими рукоплесканиями, изливались из уст доброго полковника, и как хлопали пробки шампанского и старого хереса!

Ричард Редмайн все это высидел, хотя разговор и смех и аплодисменты сливались в его ушах в неопределенный гул. Он сидел, потому что не хотел привлечь на себя общее внимание встав прежде времени, сидел и пил молча, не обращая ни малейшего внимания на то, что происходило вокруг него.

Наконец обед кончился, и арендаторы вышли из палатки. Танцы были уже во всем разгаре среди низшего разряда гостей. Ряды танцоров, двигавшихся на обширной луговине под звуки веселого старинного кадриля, пестрота нарядов, освещение заходящего солнца, все это вместе представляло прекрасное зрелище сельского праздника.

Сэр Френсис стоял на краю луга под руку с своею женой и смотрел на танцевавших послелян. Ричард Редмайн быстро отыскал ненавистный образ, и направился в его сторону, намереваясь объясниться со своим врагом, несмотря на неудобство места и времени.

Его ненависть росла постепенно в течение нескольких лет, и он теперь был не в силах отложить час расчета. Он сам не знал, что он скажет сэру Френсису, но шел с твердым намерением обличить его в присутствии всего общества.

«Я покажу им, что за человек им помешик, – говорил он себе. – Я положу конец их льстивым речам и заставлю их запеть на другой лад. Как бы то ни было, но всякий отец, имеющий только одну dochь, отвернется от него с негодованием».

Прежде чем он дошел до них, сэр Френсис и жена его повернулись, и пошли медленно к дому. Он последовал за ними на приличном расстоянии, выжидая, но не покидая своего намерения. Они прошли мимо парадной двери, вошли в небольшую железную калитку, которая вела в цветник, огибавший дом, и скрылись за углом прежде, чем Редмайн дошел до калитки. Он тем не менее вошел в сад и обошел к задней стороне дома.

На этой стороне находилась библиотека. Из окна ее открывался вид на клумбы с цветами, на зеленые лужайки и на садок для золотых и серебряных рыбок, которых кормила каждое утро сама хозяйка Клеведона. Пред большою отвореною дверью лазил по жерди большой старый какаду, свадебный подарок полковника Жоржина. Это была единственная отворенная дверь на этой стороне дома. Ричард Редмайн перешагнул через куртинку и заглянул в комнату.

После яркого света снаружи клеведонская библиотека казалась почти темною. С потолка до пола стены были уставлены книгами на массивных дубовых стойках, выступавших из стен и образовавших множество углов, в которых можно было читать в полнейшем уединении, хотя бы центр комнаты был полон людей. Стены, уставленные темными томами, имели почти мрачный вид. Тут не было дорогих и роскошных переплетов, украшающих новейшие библиотеки. Книги были собраны в тот век, когда было в моде делать наружность их сколь возможно более отталкивающею, когда знание было достоянием привилегированного класса, и величественные музы истории и поэзии и еще более величественные гении философии и науки пре-небрегали внешними украшениями.

Ричард Редмайн окинул библиотеку быстрым взглядом, нашел ее безобразною, и увидев у одной из дверей белое платье, смело вошел в комнату.

Дама у двери обернулась, услыхав его шаги по непокрытому ковром дубовому полу. То была Жоржи. Она взглянула на него с удивлением, но без испуга. В этот день Клеведон был наполнен незнакомыми людьми, и не было ничего странного, что один из них вошел в дом.

– Вы кого-нибудь ищете? – спросила она с своею приветливою улыбкой.

– Да, я ищу сэра Френсиса Клеведона.

– Он сейчас был здесь, но не думаю, что вам можно будет повидаться с ним немедленно. Он ушел в биллиардную с генералом Чевиотом. Разве вы имеете сообщить ему что-нибудь очень важное?

Она принимала Редмайна за одного из фермеров, явившегося не вовремя просить о починке крыши или о чем-нибудь в этом роде.

– Нечто очень важное, – отвечал Редмайн торжественным тоном. – Я никогда не думал встретиться с сэром Френсисом, так как я встретился сегодня.

Странность слов и той, которым они были произнесены, поразили Жоржи. Незнакомец был к тому же бледен как смерть; она это видела, несмотря на то, что он стоял спиной к свету.

Он, может быть, пьян. Это было самое естественное объяснение, какое она могла придумать. Бедная Жоржи содрогнулась и быстро направилась к двери.

– Я пошлю сказать мужу, что вы его ждете, – сказала она примирительным тоном. – Потрудитесь подождать.

– Не уходите, леди Клеведон. Может быть, будет лучше, если я расскажу мою историю вам. Я много слышал о вашей доброте. Не пожертвуете ли вы мне несколько минут?

Жоржи колебалась. Нет, это не пьяный фермер. Горячность, с которой он говорил, заинтересовала и испугала ее.

– Я не имел намерения идти сегодня в Клеведон, и из сожаления к вам почти раскаиваясь, что пришел. Сама судьба привела меня сюда или проклятые колокола, которые звонили все утро и чуть не свели меня с ума. Как бы то ни было, но я пришел; пришел, чтобы найти человека, которого искал с самой смерти моей дочери.

Он стоял, опершись рукой на дубовую contadorку и смотрел на леди Клеведон, которая уселась немного поодаль и старалась казаться спокойною. Что если этот человек какой-нибудь маньяк, думала она. В манерах его не было ничего такого, что давало бы повод опасаться какого-нибудь насилия с его стороны, но они отличались каким-то неестественным спокойствием.

– Я искал его беспрерывно, с тех самых пор, как умерла моя дочь, – повторил он. – Вы, может быть, слышали обо мне, леди Клеведон? Мое имя Ричард Редмайн.

– Да, я слышала о вас.

– И слышали о моем несчастий?

– Мне рассказывали, что вы лишились дочери, и что ее смерть очень огорчила вас.

– И только? Разве до вас не доходили никакие толки по поводу ее смерти, толки о том, что невинная девушка была обольщена и обманута?

– Нет, – отвечала Жоржи. – Я ничего такого не слыхала. Но если ваша дочь умерла при таких печальных обстоятельствах, умерла обесчещенная, как вы говорите, я жалею вас от всего сердца.

«Этот человек, может быть, выпил лишнее, и вино оживило его горе», – подумала Жоржи. Она была очень терпелива с ним, и готова была слушать его с сочувствием, если ему вздумается рассказать историю смерти своей дочери.

– Кто сказал, что моя дочь умерла обесчещенная! – воскликнул он с негодованием. – Я этого не говорил. Господь не допустил такой несправедливости. Она была слишком чиста,

чтобы сделаться жертвой негодяя. Смерть избавила ее от бесчестия, но да будет проклят ее обольститель!

— Я не совсем понимаю, в чем дело, — сказала Жоржи в замешательстве, — но я искренно жалею вас.

— Жалейте себя, леди Клеведон. Вы жена этого негодяя.

«О, действительно сумасшедший», — подумала Жоржи, и первым ее побуждением было убежать от него. Она встала и повернулась к двери. Редмайн удержал ее за руку.

— Останьтесь, — сказал он. — Я хочу предложить вам один вопрос. Как вы назовете человека, который является в честное семейство под вымышленным именем, обольщает неопытную девушку, обещая ей жениться на ней — я могу доказать это письмом моей покойной дочери — привозить ее в дом, где называет себя другим вымышленным именем, выдает ее за свою сестру, когда, четверть часа спустя после своего прибытия в этот дом, она умирает в его объятиях, пораженная открытием его лживости, хоронит ее в безымянной могиле, и оставляет отца ее в неизвестности об участии единственной дочери? Как вы назовете такого человека, леди Клеведон?

— Я назову его негодяем, — отвечала Жоржи, бледная, как полотно.

— Отъявленный негодяй, не правда ли?

— Отъявленный негодяй.

— Я очень рад, что вы признаете это, — сказал Редмайн, бросая на стол открытый медальон, — признаете это, несмотря на то, что этот негодяй ваш мул?.

— Что это значит? — спросила Жоржи. — Надо быть сумасшедшим, чтобы сказать такую нелепость.

— Взгляните, — сказал он указывая на портрет, — взгляните, и скажите, чье это лицо.

Таково сходство портретов. Лицо Губерта Вальгрева Гаркроса, подкрашенное живописцем, уничтожившим следы забот, трудов и лет, походило несравненно более на красивого баронета, чем на утомленного адвоката. Сердце Жоржи сильно билось, и руки дрожали так, что она едва была в силах поднять медальон. Но она подняла его, и долго смотрела на портрет.

— Это действительно лицо моего мужа, — сказала она тихим, дрожащим голосом. — Но что это доказывает? Неужели вы думаете заставить меня думать дурно о нем?

— О, я уверен, что вы будете защищать его, каков бы он ни был! — воскликнул Редмайн сsarкастическим смехом. — К тому же все это случилось прежде чем он женился на вас, а для женщин прошлое ничего не значит. Я даже слышал, что некоторые женщины любят таких негодяев. Какое вам дело до того, что он разбил сердце моей Грации!

— Кто дал вам право говорить так со мной? Если б я думала, если б я могла на минуту поверить, что он был когда-то таким жестоким негодяем, каким вы считаете его, что он способен на такую низость! Но как я глупа, что дрожу. Как вы смели придти сюда и испугать меня вашим бессмысленным обвинением?

— В ваших руках портрет вашего мужа в медальоне, который он прислал моей дочери.

— Неужели вы думаете, что я этому поверю! — воскликнула Жоржи, готовая защищать своего мужа вопреки очевидности. — Почем я знаю, какими средствами вы достали этот медальон? Вы, может быть, нашли его где-нибудь, и сочинили вашу гадкую историю.

— Медальон был подарен на память моей дочери. Есть люди, которые могут подтвердить это. Тут тайная пружинка, как видите, портрет должен был храниться втайне. Вообще все, что ни делал этот человек, было проникнуто ложью и таинственностью.

— Портрет ничего не доказывает, — возразила Жоржи, овладев опять своим мужеством, — и ваше обвинение так же нелепо, как и оскорбительно. Мой муж возвратился в Англию только в прошлом году. До тех пор он жил постоянно за границей.

— Были ли вы с ним там все время, что так смело ручаетесь за него? Люди часто уезжают и возвращаются, не объявляя об этом всем своим друзьям. Я в течение последних семи лет был

два раза в Австралии. Этот человек явился в Брайервуд под вымышленным именем, и тайком знакомился с своим именем, а когда это ему надоело, он для развлечения занялся моей дочерью. Он приехал по рекомендации Джона Ворта, вашего управляющего, и когда мне понадобилось отыскать его, Джои Ворт стал между мною и им. Если бы сама судьба не привела меня сегодня сюда, я, может быть, никогда не узнал бы имени убийцы моей дочери.

— Я этому не верю, — повторила Жоржи, но в этот раз уже совершенно безнадежным тоном. Обвинение казалось неопровергимым, и миниатюрный портрет в ее руках был самым сильным доказательством справедливости рассказа. Может ли этот человек иметь какую-нибудь цель обманывать? Обвинение, конечно, ложно, но обвинитель говорит, очевидно, с полным убеждением.

Она закрыла лицо рукой, стараясь успокоиться и собраться с мыслями.

— Это какое-нибудь недоразумение, — сказала она наконец. — Я очень жалею вас, но поверьте, что ваше подозрение несправедливо. Если я не знаю всех подробностей его прошлой жизни, я знаю по крайней мере, что он добр и честен, и неспособен на какую-нибудь низость. Я была бы недостойна его любви и доверия, если бы могла поверить противному. Я не знаю, как могло возникнуть это недоразумение, или как попал к вам этот медальон, но я могу сказать и скажу с полным убеждением, что муж мой ни в чем не виноват против вас и вашей дочери.

Она гордо подняла голову и взглянула прямо в лицо обвинителю сэра Френсиса. Она обязана была защищать своего мужа, даже если бы он был действительно виноват; она не верила, что он виноват. Очевидность может быть обманчива, но Френсис Клеведон не может обманывать.

Ричард Редмайн смотрел на нее с полу презрительным сожалением.

— Очень естественно, что вы защищаете его, — сказал он. — Но докажите мне, что он не был в моем доме, что портрет, который вы держите в руках, не его портрет. Мне очень жаль вас, леди Клеведон, но я намерен рассчитаться так или иначе с вашим почтенным супругом. Я хочу объяснить всему находящемуся здесь обществу, что за человек сэр Френсис Клеведон. — Где могу я найти его?

— Неужели вы намерены говорить об этом жалком недоразумении при всех и сделать сцену? — воскликнула Жоржи с женским отвращением к открытому скандалу.

— Я намерен объясниться с сэром Френсисом в какое бы время и где бы я его ни встретил. Отдайте мне медальон.

Он взял медальон из ее рук и привязал его на свою часовую ленту.

— Вы не можете объясниться с сэром Френсисом сегодня. Это решительно невозможно.

— Я решу сам, возможно это или нет, — сказал он, выходя из комнаты.

Жоржи последовала за ним в залу, где он остановился, озираясь с удивлением по сторонам. У одной из отворенных дверей стояли два лакея, и Жоржи почувствовала себя в безопасности. Если понадобится, она прикажет им вывести его из дома. Она не допустит, чтоб он напал на ее мужа среди его гостей. Кто знает, какое впечатление может произвести такое обвинение, как оно ни низко, в их маленьком мире?

Редмайн подошел к одному из слуг и спросил, дома ли сэр Френсис.

— Нет, сэр; барин ушел сейчас опять на луг с генералом Чевиотом, — отвечал слуга, глядя с удивлением на бледное лицо и распущенный галстук Редмайна. Этот странный человек был, очевидно, не из числа гостей, приглашенных в дом, но вместе с тем имел слишком почтенный вид, чтоб явиться в дом с бесчестным умыслом.

— Давно ли ушел он? — спросил Редмайн с нетерпением. — Что значит «сейчас»?

— Минут десять тому назад, если это вас так интересует, — отвечал слуга обиженным тоном. — И позвольте сказать, что если вы один из арендаторов, то вас сюда не приглашали. Ваше место вон в этой палатке.

Редмайн прошел мимо него, не обратив внимания на его замечание. Если Френсис Клеведон ушел опять на луг, он последует за ним. Где бы ни встретиться, только бы встретиться поскорее.

Жоржи стояла в дверях библиотеки, скрываясь в глубокой амбразуре. Когда Редмайн ушел, она вышла в залу.

— Пошлите кого-нибудь к сэру Френсису немедленно, — сказала она слуге, или подите сами, это будет скорее, и скажите ему, что он пришел ко мне немедленно в мою комнату.

— Слушаю, миледи, я пойду сам.

— Да, да идите скорее и непременно передайте сэру Френсису мое поручение.

Она стояла у выходной двери и провожала глазами слугу, поспешно пробиравшегося между толпой, пока он не скрылся из виду, потом медленно поднялась по дубовой лестнице в свою комнату, упала на колени пред своим любимым креслом, спрятала голову в шелковых подушках и горько зарыдала. Она продолжала уверять себя, что никогда не поверит, чтоб ее муж мог быть способен на какую-нибудь низость, но в то же время спрашивала себя, что если она повторит ему слово обвинение Редмайна, и он признает его справедливым? Что если он действительно был обольстителем дочери Редмайна, он так часто повторяющий ей, что в его прошлом нет ни одного намерения, ни одного поступка, которые он хотел бы скрыть от нее. Нет, это невозможно. Но его лицо в медальоне? Она не сомневалась, что это было его лицо, а не кого-либо другого. Ее сердце было слишком полно одним образом. Любовь суживает вселенную в круг не более обширный чем обручальное кольцо. Она не смотрела дальше своего мужа и тени, ставшей между ними.

После тщетной попытки помолиться, она встала, подошла к отворенному окну, и скрываясь за шелковою занавеской, начала смотреть на праздную толпу, двигавшуюся под звуки танцевальной музыки.

«Он отвергнет обвинение, он все объяснит, — повторяла она, негодяя на себя за то, что позволила себе хоть на минуту усомниться в нем, между тем как сердце ее сжалось от непреодолимого страха. — О, если б он пришел и выслушал то, что она узнала, и разъяснил эту странную историю».

«Ему стоит только взглянуть мне в лицо и сказать мне, что я жестоко оскорбила его, и мое сердце успокоится», — сказала она, напрягая зрение в надежде увидеть его знакомую фигуру.

Но он не шел. Она отправилась бы сама искать его, но в их большом доме и в многолюдном парке легко было разойтись с ним, если слуга уже передал ему ее приглашение. Нет, благоразумнее было ждать, и она ждала и смотрела, ничего не видя, на танцовавших поселян и на огни, начинавшие мелькать между деревьями.

Глава XL

«И никогда не было лунной ночи прекраснее»

Уэстон Валлори, покончивший с своею обязанностью почетного председателя обеда задолго до свидания Ричарда Редмайна с леди Клеведон, тотчас же после обеда отправился отыскивать Джанну Бонд, и нашел ее не без труда, на скамейке, под группой сосен и в обществе Губерта Гаркроса, лежавшего у ее ног.

— Я хочу знать, почему вы поступили со мной так жестоко, мисс Бонд? — сказал он, приняв оскорбленный вид. — Вы обещали сесть рядом со мной за обедом.

— Разве я обещала, — отвечала Джанна с глупою улыбкой. — Я право не помню, но вы так пристаете, что может быть я и обещала, чтоб отделаться.

— Клянусь честью, вы поступили жестоко, осудив меня обедать в обществе толстой прачки и ее еще более толстой невестки, — продолжал Уэстон. — Я сидел как между двумя живыми перинами в сорокаградусной температуре. Это была какая-то импровизированная турецкая баня, только без душей. Там танцуют, несмотря на палящее солнце. Прекрасное средство уменьшать вес тела. Не хотите ли и вы потанцевать?

— Нет, благодарю вас. Я приглашена на лансье, и не чувствую расположения танцевать другие танцы. Слишком жарко, — прибавила она, обмахиваясь платком и взглянув на мистера Гаркроса, приподнявшегося в сидячее положение и равнодушно смотревшего на Уэстона полу-закрытыми глазами.

— Я вижу, что вы нашли себе другого кавалера, — сказал мистер Валлори.

Победа была пустая, но мистер Гаркрос, взяv верх над своим врагом даже в таких пустяках, был очень доволен. Есть люди, которые, по-видимому, стоят в природе наряду с тараканами. Единственное возможное удовольствие в отношении к ним это наступить на них ногой.

После поступка Джайны Бонд, мистер Гаркрос счел долгом, как ни скучно казалось ему ее общество, посвятить себя на этот день ей. Они удалились от толпы и докучливых звуков избитых танцев, и углубились в запущенную часть парка. Мистер Гаркрос старался предаться вполне настоящему, пробовал анализировать пустую, тщеславную натуру своей спутницы, распрашивал ее об ее жизни, об ее помолвке с Джозефом Флудом и ее знакомстве с Уэстоном, и узнал ее мечты, пробужденные в ней этим коварным льстецом. Он дал ей несколько полезных советов и предостерег ее против таких людей, как Уэстон, сказав, что все их комплименты не стоят внимания в сравнении с честною привязанностью Джозефа Флуда.

— Что же касается счастья, которое может выпасть на долю такой красивой девушки, как вы, я могу только сказать, что счастье вещь условная. Я уверен, что на одну девушку, выходящую счастливо замуж за человека высшего круга, приходится сотня женщин, которые живут счастливо не выходя из своей сферы. Я на вашем месте не стал бы пренебрегать мистером Флудом из-за блестящего предложения в будущем, которое вы, может быть, получите, может быть, и не получите.

— Мне нравится Джозеф, — отвечала девушка, недовольная практическим оборотом разговора. — Я знаю, что он любит меня и так предан мне, как редкий мужчина предан женщине. Он ухаживал за мною целый год прежде чем я обращала на него внимание, но он такой будничный человек, и если я выйду за него, мне придется трудиться всю жизнь.

— Милая моя мисс Бонд, вам пришлось бы трудиться еще больше, если бы вы вышли замуж за герцога.

— Как? Разве герцогини трудятся?

— Как каторжники. А вам пришлось бы трудиться вдвое больше других герцогинь, потому что вы должны бы были не только играть свою роль, но и учиться играть ее. Нет, если хотите

прожить жизнь спокойно, не добивайтесь герцогской короны. Честный муж, хорошеный коттедж, отрятный очаг, садик с розами и жимолостью, вьющейся вокруг окон – что может быть лучше жизни в такой обстановке и среди любимых людей? К сожалению, мы только на склоне лет начинаем понимать, в чем состоит истинное счастье.

Он вспомнил коттедж в Гайете, который он убирал с такими отрадными надеждами, и вспомнил птичку, так скоро улетевшую из этого рокового гнезда. «Если б я только знал». Эти слова были неизменным приветом к его воспоминаниям о Грации.

Мисс Бонд находила разговор с ним далеко не столь занимательным, как нежный вздор, который говорил ей Уэстон, и утешалась только мыслью, что она гуляет с одним из почетных распорядителей, между тем как простые смертные танцуют на солнечном припеке и смешат своими раскрасневшимися лицами не танцующих зрителей. Приятно было также знать, что Джозеф Флуд следует за нею в некотором отдалении и, скрежеща зубами от бессильной злобы, замышляет отомстить ей и ее кавалеру. Природа наградила мисс Бонд инстинктами кошки, наслаждающейся мучениями своей жертвы.

– Славная у меня завтра будет сцена с Джозефом, – сказала она мистеру Гаркросу.

– Как? Неужели он способен ревновать ко мне?

– Еще бы! Он не выносит, когда я говорю с каким-нибудь мужчиной. Мне кажется, что он скорее согласился бы запереть меня в тюрьму, чем позволить мне повеселиться с чужим человеком.

Уэстон Валлори ушел от Джанны, негодяя на ее дерзость и на Гаркроса как на виновника своего унижения. Такой грубый отпор со стороны крестьянской девушки был в сущности вздором. Джанна не внушала ему никаких серьезных чувств, он только восхищался ее наружностью, но быть отвергнутым ею было для него тем не менее так же тяжело, как если б его отвергла любимая женщина. Он был человек чувствительный к мелким оскорблением, а оскорбление со стороны Гаркроса было для него втрое тяжелее, чем со стороны всякого другого человека. Ему казалось, что Гаркрос умышленно становится ему во всем поперек дороги, что испортив весь план его жизни женитьбой на Августе, он хочет помешать ему даже в таких пустяках, как ухаживание за красивою крестьянскою девушкою.

После такой неприятности он утратил расположение заботиться об увеселении гостей. Обед в душной палатке, говор и шум утомили его до крайности. Если бы не обязанность почетного распорядителя, которую возложила на него леди Клеведон, он скорее согласился бы увидеть всех поселян провалившимися в преисполню, чем выносить так долго их общество. Но надо было угождать хозяйке дома, чтобы на следующий год получить опять приглашение в Клеведон, где время проходило очень приятно и стол был безукоризненный. Дело было, однако, уже сделано, а забавлять буколических юношей и их краснощеких возлюбленных было бы излишнею снисходительностью. Уэстон предоставил их самим себе и ушел в сад, где леди Клеведон в это время имела обыкновение пить чай.

Но в этот день в саду не было чая. В большой столовой только что кончился завтрак, и слуги разносили кофе на террасе, где аристократические гости собирались посмотреть на танцы. Мистер Валлори чувствовал так же мало расположения присоединиться к привилегированному классу, как и плясать на лужайке с поселянами. Словом, он был не в духе и чувствовал потребность в подкрепляющем действии хорошей сигары. Он походил по дорожке, которая вела к любимой беседке леди Клеведон, выкурил две сигары и уселся в беседке, прислонившись спиной к стене и протянув ноги на садовый стул. Он думал о своих невзгодах.

«Лишь бы найти точку опоры и облечь историю этой мисс Брайервуд, или мисс Редмайн, в ощущительную форму, и я не замедлил бы показать кузине Августе, какого рода человека она предпочла мне. Желал бы я знать, что сказала бы она, если б я отыскал для нее мисс Редмайн и доказал ей, что муж ее негодяй. Она нашумела бы немало, нагрозила бы разводом, и в конце концов простила бы его. Другие женщины поступают так, но она не похожа на других.

Мне кажется, она не переварит чего-нибудь в этом роде, и если ей открыть глаза, другу моему Гаркросу придется плохо».

Лучи солнца, падавшие прямо на беседку, палили нестерпимо, и мистер Валлори принужден был покинуть свое убежище. Он вернулся к дому, подразнил какаду, заглянул в библиотеку, и найдя ее прохладною и пустою, уселся в кресло у одного из отворенных окон, в углу, совершенно загороженном одним из высоких книжных шкафов. Здесь он нашел Punch и два новых журнала. Этого было достаточно, чтобы дочитаться до усыпления. Он открыл один из журналов, прочел полстраницы, и книга тихо выскользнула из его рук. Он заснул сладким сном. Ничего не могло быть успокоительнее сна Уэстона. Бремя его неприятностей стало нечувствительно, и осталось только бессознательное наслаждение полнейшим покоем в удобном кресле, в прохладной комнате, под благовонным веянием летнего ветерка, осежавшего его лицо. Долгое время сон его был без сновидений, потом появилось смутное ощущение чего-то, он не знал чего, происходившего в комнате, потом полусознание, что надо проснуться, и наконец слух его был поражен резким мужским голосом.

Он мгновенно проснулся, выпрямился, с широко раскрытыми глазами, и устремил все свое внимание на то, что говорилось за шкафом. Кресло его стояло в самом углу между шкафом и стеной, так что он был совершенно скрыт от лиц, стоявших в центре комнаты.

Он проснулся в ту минуту, когда незнакомый голос произнес: «Вы, может быть, слышали обо мне, леди Клеведон. Мое имя Ричард Редмайн».

Он это слышал и слышал, все что за этим последовало, и без труда сообразил, что фермер считает портрет Губерта Гаркроса портретом баронета.

«Странный оборот принимают дела, и кризис, по-видимому, приближается, – подумал Уэстон. – Теперь я знаю, что за личность этот Редмайн и надеюсь поладить с ним. Человек горячий, как видно. Он не остановится ни перед каким отчаянным поступком. Да, мистер Гаркрос еще не покончил с дочерью Редмайна», – сказал он себе, встав с места и осторожно заглядывая в комнату, когда голоса смолкли.

Библиотека была пуста. Уэстон вышел в садовую дверь и отправился отыскивать Ричарда Редмайна.

– Я возьму на себя труд указать ему его недруга, – сказал он себе. – Сэр Френсис Клеведон хороший человек; и я не допущу, чтобы он вынес на своих плечах следствия чужого преступления.

Он провел несколько времени, тщетно ища Редмайна в толпе, и к своей крайней досаде встретился с полковником Давенантом, который заставил его возвратиться к своим обязанностям почетного распорядителя.

Когда в роще стемнело, мистер Гаркрос и его спутница возвратились на луг, где говор, смех и танцы стали еще оживленнее, чем были днем. Местный оркестр успел отдохнуть и подкрепиться в палатках и, обнаруживая более смелости чем искусства, угощал публику оглушительной музыкой. Пока мистер Гаркрос и Джанна танцевали лансье, на деревьях засветились фонари, освещившие между прочим и Джозефа Флуда, сидевшего поодаль от танцующих, и смотревшего, кусая ногти, на Джанну. После лансье мистер Гаркрос дал своей даме урок вальса, так как мисс Бонд была уже в таком возбужденном состоянии, что забыла думать, что это удовольствие запрещено ей отцом. Мистрисс Гаркрос, гуляя с одним из Кентских магнатов, увидела своего мужа танцующим, и так как не в ее характере было ревновать его к деревенским красавицам, она была только удивлена такой чрезмерной снисходительности с его стороны, которую она извинила бы только в том случае, если б он искал избрания, а эти поселяне были избирателями.

День между тем угас; на ветвях деревьев и вокруг водоемов фонтанов заблистали цветные фонари; люди легкомысленные стали ждать с нетерпением фейерверка; люди положительные все чаще и чаще заходили в палатки, где не было недостатка в прохладительных. Полков-

ник, видя все усилившееся возбуждение гостей, начал беспокоиться. Он устроил как нельзя лучше все подробности праздника, но не позабылся о средствах избавиться от гостей.

— Надеюсь, что они уйдут тотчас после фейерверка, — сказал он мистеру Ворту, стоя с ним у входа в главную палатку.

Управляющий засмеялся.

— Едва ли! Если б у меня хватило телег, чтобы развести их всех по домам, это было бы единственным средством избавиться от них.

Джозеф Флуд выпил свою долю крепкого эля, поданного разгоряченным танцорам. Он старался залить прохладно влагой зеленоглазое чудовище ревности, но чем более он пил, тем оно терзало его сильнее. Голова бедного малого пылала как в огне.

Первый урок в пленительном искусстве вальса, при блеске полной августовской луны, затмевавшей своим серебристым светом разноцветное освещение фонарей, был в высшей степени приятен Джанне, как сам по себе, так и потому, что она знала, что ее жених следит за ней, спрятавшись где-нибудь за деревьями. Мистер Гаркрос был хороший танцор, хотя в последние годы танцевал мало. Было время, когда он считал нужным быть в числе лучших танцов в большой зале. В этот день он выпил больше, чем привык пить, и под влиянием излишнего возбуждения вальсировал так, как никогда еще не вальсировал до сих пор. Он велел капельмейстеру играть скорее и заставил мисс Бонд протанцевать по газону, среди нескольких запыхавшихся горничных и их тяжелых кавалеров, вальс такой же дикий, как полуночные танцы чертей и ведьм на Блоксберге. Другие пары мало-помалу остановились и отошли в сторону, а мистер Гаркрос и Джанна, озаренные полною луной, продолжали вальсировать одни.

Зрители наградили их шумными аплодисментами, когда они кончили, и музыка внезапно смолкла. У мистера Гаркроса ни один волос не шелохнулся, дама же его едва переводила дух, раскраснелась и имела несколько фантастический вид в своем длинном платье и с растрепанными волосами.

— Я не имела понятия, что вальс так прекрасен, — сказала Джанна, с трудом переводя дух.

— Я не имел понятия, что вы так прекрасны, пока не увидел вас при лунном освещении, — сказал ей кавалер, восхищаясь с чисто артистическим наслаждением ее красотой, смягченной и облагороженной лунным светом. — Вы имеете врожденный дар к вальсу, но не может быть, чтобы вы не упражнялись в этом искусстве до нынешнего вечера.

— Я иногда вальсирую одна в саду, когда уверена, что отец меня не увидит, — отвечала Джанна, — и сама напеваю музыку. Но вальс так утомителен.

— Вы вальсируете одни в саду, — сказал мистер Гаркрос с сожалением. — Бедное дитя!

Такое стремление к неведомым наслаждениям, которому суждено было остаться навсегда неудовлетворенным, казалось ему действительно достойным сожаления.

«Жаль, что в этом классе общества встречаются хорошенъкие девушки, — подумал он. — Было бы лучше, если б они все были некрасивы».

Он принес мисс Бонд большой стакан лимонаду и остановился в нерешительности, придумывая какой-нибудь предлог уйти от нее. Он был крайне утомлен своею обязанностью почетного распорядителя, в которой упражнялся с самого полудня, и был бы очень доволен, если бы мог уйти и выкурить сигару в одной из темных колоннад.

Но мисс Бонд, овладев безукоризненным кавалером, не расположена была отпустить его от себя до окончания праздника. В полночь прекрасный сон должен был окончиться, и ей предстояло сделаться опять Сандрильоной, без надежды получить царство вследствие потерянного башмака. Но пока была возможность иметь принца своим кавалером, она намерена была удержать его при себе. К тому же она боялась встретиться без защитника с раздраженным Джозефом. Она решила избегать его, пока он не успокоится и не придет в такое состояние, когда будет возможно развеять его подозрения. Отца она уже не боялась, узнав от одной

из своих подруг, что он сидит в отдалении от танцев и рассуждает о политике, как подобает набожному нонконформисту.

— Вы останетесь показать мне фейерверк, не правда ли? — спросила она мистера Гаркроса, как бы угадав его намерение.

— Разве ракеты и римские свечи будут лучше от того, что мы станем смотреть на них вместе? — спросил он, польщенный тем, что ей так нравилось его общество, но все еще мечтая о сигаре.

— Я уверена, что с вами они понравятся мне больше, — отвечала Джанна. — Останьтесь.

— Я, конечно, останусь, если вы желаете. Не походить ли нам по парку? Фейерверк начнется не раньше, как через час. Теперь ровно девять. Посмотрите, как хорош парк при освещении цветных фонарей, напоминающих мне мой детский рай, — Воксгольм.

Мисс Бонд предпочла бы побродить в толпе под руку с мистером Гаркросом, если бы он был так любезен, что предложил ей свою руку, чего он еще не сделал с тех пор, как они кончили вальс. На то только и нужен ей был великосветский кавалер, чтобы покрасоваться с ним пред завистливыми подругами, клеведонскими прачками и молочницами. Джанна не была расположена к сентиментальности, а освещенный луною парк она могла видеть каждую лунную ночь во всякое время года. Цветные фонари, блиставшие в темных деревьях и местами висевшие фестонами между ветвями, были для нее несравненно интереснее. Как ни жаль ей было оторваться от этой картины, но заметив его намерение уйти от нее, она согласилась на предложение мистера Гаркроса. Они пошли медленно по заросшей травой аллее, променяв свет и шум праздника на невозмутимую тишину и красоту лунной ночи.

Мистер Гаркрос был молчалив. Ему уже давно надоело говорить по обязанности, и воспоминания, которые он не мог прогнать в этот вечер, овладели им всецело. Так горьки и грустны и вместе с тем так отрадны были эти воспоминания, что как ни старался он направить мысли на что-нибудь другое, они возвращались беспрерывно к одной и той же незабвенной эпохе в его прошлом... Даже его неинтересная спутница своею пустотою и обыденностью напоминала ему по силе контраста другую девушку, в обществе которой он никогда не скучал, в невинной душе которой никогда не пробуждалось злого желания.

«Мне необходимо уехать немедленно в Лондон и оттуда в Норвегию или в какое-нибудь другое нецивилизованное место, где жизнь моя была бы в опасности и мне некогда было бы думать о прошлом, — сказал он себе. — Надо положить конец этому праздному времяпровождению. Оно ужасно. Я чувствую, что еще неделя такой жизни погубит меня. Надо придумать какой-нибудь предлог, чтоб уехать. Пусть Августа остается, если хочет, и удовлетворяет общественные приличия, а я уеду завтра во что бы то ни стало».

Глава XLI

Как скоро делается дурное дело

После свидания с леди Клеведон в библиотеке Ричард Редмайн пошел искать сэра Френсиса. Но все его поиски были тщетны. Сумерки уже сгостились в ночь, а он все еще бродил в толпе, не покидая надежды встретиться с своим недругом, ни с кем не говоря и почти не замечаемый веселыми гостями. Он был совершенно одинок в этой счастливой толпе. Он зашел наконец в одну из палаток, чтобы подкрепить силы вином, выпил свой стакан молча и вышел, чтобы возобновить спор бесплодные поиски.

Все цветные фонари уже сверкали на деревьях, веселье и танцы были во всем разгаре, когда Редмайн вышел из палатки. Яркий свет, шумная толпа и оглушительная музыка произвели одуряющее действие на его разгоряченный ум. В последние годы он был большею частью одни и совсем отвык от общества. Он постоял несколько времени, озираясь с недоумением, потом резко повернулся и ушел в темную часть прохладного парка, где трава была ему по колено.

Он шел несколько времени, не разбирая дороги и не зная куда идет, и остановился только когда увидал под ногами распростертное на земле человеческое тело.

Браконьер, может быть, подумал он. Но браконьер едва ли выбрал бы такую ночь для своей опасной охоты. И полная луна и многолюдие остановили бы его.

Редмайн наклонился, чтобы рассмотреть поближе препятствие, преграждавшее ему путь. Это был человек лежавший ничком, без шляпы и положив голову на сложенные руки.

— Что с вами, любезный? — спросил Редмайн, удивленный его позой. — Разве что-нибудь случилось?

— Да, случилось, — отвечал угрюмо незнакомец, приподнимаясь и протягивая руку к лежавшему возле него ружью. — Но того, что случилось, вам не поправить, если только вы знаете какого-нибудь средства против тщеславия и легкомысленности женщин.

Человек, говоривший это, был грум Джозеф Флуд.

— На что вам это ружье? — спросил Редмайн строгим тоном.

— А вам какое дела?

— Вы стреляли дичь?

— Нет, не стрелял.

— Так для чего же вам ружье?

— Я сам не знаю для чего. На всякий случай.

— Оно заряжено?

— Да, оно заряжено пулей. Оставьте меня в покое.

— Здесь вам не место ходить с заряженным ружьем.

— Неужели? А вам здесь место ходить без ружья? Я слуга в этом доме, я грум сэра Френсиса и могу ходить здесь сколько мне угодно.

— Но не с ружьем.

— Почему же не с ружьем? Это мое собственное ружье. Я, может быть, хотел пострелять диких уток вон на том пруду.

— На уток не тратят пулю.

— Мне все равно. Если хотите знать правду, я хотел застрелить одного из молодых лебедей, чтобы достать перо для шляпки моей возлюбленной. Надеюсь, что вы против этого не имеете ничего. И почему вас так беспокоит то, что вас вовсе не касается?

Редмайн поглядел на него подозрительно. В манерах молодого человека было что-то странное, но это могло быть только следствием излишнего употребления крепких напитков.

Редмайну не было никакого дела до его намерений, и он отпустил его без дальнейших расспросов, но интересуясь знать, куда он пойдет, последовал за ним на некотором расстоянии.

Грум шел по извилистой тропинке, то скрываясь, то опять показываясь между деревьями, пока не дошел до пригорка, на котором возвышался небольшой обветшавший храм в классическом стиле. Благодетельный плющ, прикрывающий и украшающий разрушение, вился вокруг дорических колонн; паук растянул между ними свои сети; ласточка свила гнездо над карнизом. Этот храм был одною из фантастических затей, на которые сэр Лука промотал свое состояние. Сэр Френсис намеревался реставрировать его, когда позволят время и карман. Между тем, при лунном освещении, он имел очень живописный вид.

Здесь Джозеф Флуд спрятал свое ружье под каменную скамью, стоявшую перед храмом, и насвистывая невеселую песню, ушел в противоположную сторону. Ричард Редмайн видел, как он прятал ружье, и проводив его глазами, вошел на пригорок и уселся на каменных ступенях храма.

С ним была трубка, его неизменная утешительница. Он стал курить, сидя в тени, падавшей от колонн и от карниза, и следил, как голубые кольца дыма расплывались в тихом воздухе.

Он нашел наконец своего недруга. Долгое искальвание, казавшееся бесполезным даже искальваниям по профессии, увенчалось успехом. Пройдет час или около того, и он будет стоять лицом к лицу с человеком, погубившим его дочь. И тогда – что же тогда? К чему поведет их встреча? Он может обвинить, обличить и опозорить его на всю жизнь в глазах всякого честного человека, может заклеймить бесчестием имя, которым этот человек, по всей вероятности, гордится. Но удовлетворит ли это жажду мести, мучившую его несколько лет? Даст ли это ему спокойный сон и мирную кончину? Успокоит ли это его наболевшее сердце, смягчит ли это его горе?

Тысячу раз нет! Могут ли слова, пустые слова, отомстить за его дочь? Разве ее соблазнитель не заслужил несравненно более тяжкого наказания?

Что замышлял он на далеких высотах, между источниками широких рек, текущих с гор к морю, в том мрачном уединении, где величие природы возвышает душу человека, что замышлял он там, когда думал о дне, в который сойдется лицом к лицу с соблазнителем своей дочери? Не мщение словами, не пустые угрозы. Какую клятву дал он себе среди этого дикого мира, пробуждавшего дикие инстинкты в его сердце? Он хорошо помнил, какая это была клятва.

Он хранил в своей спальне в Брайервуде пару револьверов, которые купил в Мельборне, после вторичной поездки в Австралию, купил для самозащиты, ко и не без мысли, что когда-нибудь они могут пригодиться и на другое дело. Он повесил их над своею кроватью, и часто смотрел на них с мрачным наслаждением, лежа в постели в холодные серые утра.

Он вспомнил теперь о своих пистолетах, и отдал бы все свое состояние за то, чтобы один из них был в этот день в его кармане. Но могло ли ему прийти в голову взять такое оружие на сельский праздник, в день рождения примерного сквайра? Он вспомнил о ружье, заряженном пулей и лежавшем возле него под каменною скамьей.

Для чего понадобилось этому человеку ружье в такой вечер, пришло ему в голову. Но он не остановился на этом вопросе. Он был так занят своим собственным положением, что чужие дела, каковы бы они ни были, не могли интересовать его. Если б он мог предупредить убийство, свернув с пути к своей цели, он этого не сделал бы в этот вечер.

Он выкурил вторую трубку, и его цель, представлявшаяся ему вначале туманною и неопределенной, обозначилась яснее.

Обличить его? Опозорить его? Нет! Он исполнит клятву, которую дал себе в тот день, когда узнал об участии своей дочери. Он останется верен самому себе и ее памяти. О последствиях, о цене, которую придется поплатиться перед Богом и обществом за удовлетворение своей жажды мести, он думал так же мало, как если бы был худшим из язычников и находился наедине с своим врагом в мире, где не существует правосудия. Приняв окончательное решение, он закурил третью трубку с мрачным успокоением, как довольный дикарь, напавший на следы

своего врага и поджидающий его у своего вигвама, в тени камедевых дерев, чтоб убить его томагавком. Он, однако, еще не подозревал, что жертва его приближается к нему, расчищая ему путь к мрачному концу, окончательно определившемуся в его уме.

Полная луна всходила все выше и выше; ясная ночь становилась час от часу яснее, и магический свет, придающий красоту самому обыкновенному ландшафту, разлился над очарованным лесом. Ричард Редмайн вспомнил свое австралийское имение и лунное освещение, которое видел там, вспомнил свои несбыившиеся мечты. Без Грации это имение потеряло для него всякую привлекательность, без Грации даже Брайервуд был хуже, чем могила. С ней он утратил цель своей жизни и свое место на земле, и жил только для того, чтоб отомстить за нее.

В этот вечер он чувствовал в себе сверхъестественные силы, он считал себя как бы осужденным идти к известной цели. Если б он знал старые греческие истории, в которых люди действуют как слепые орудия судьбы, осужденные идти во что бы то ни стало к предопределенному концу, он нашел бы сходство между собою и этими жалкими существами.

Где-то вдалеке часы пробили половину десятого. Этот звук прорезался сквозь лесную тишину, хотя шум праздника и музыка не были слышны. Как еще рано! А ему казалось, что целая вечность прошла с тех пор, как он увидал сэра Френсиса Клеведона.

Его третья трубка подходила к концу, когда он услыхал в отдалении тихий шелест травы, потом заметил мелькавшее между деревьями женское платье, казавшееся белым при лунном свете, потом услыхал женский смех и мужской голос, и наконец увидал девушку и мужчину, которые шли, разговаривая, в его сторону.

Редмайн положил в сторону трубку и стал следить за приближавшейся парой, сначала бесцельно, потом со внезапным интересом, наконец с дикою радостью. Он спустился ниже по ступеням храма, протянул руку под каменную скамью, ощупал в траве спрятанное ружье, вынул его, осмотрел курок, приложил к плечу и прицелился, не колеблясь.

Он много упражнялся в стрельбе в Австралии, когда бродил от некого делать с утра до ночи по лесам и холмам.

Девушка и ее спутник подходили ближе; девушка была, очевидно, простая крестьянка, спутник же ее джентльмен, и лицо его было так же хорошо знакомо Редмайну, как его собственное. Как он наклоняется к своей спутнице, и как она упивается его низкою лестью! Этот человек, кажется, только для того и живет, чтобы соблазнять невинных девушек, думал Редмайн. Разве не следует освободить мир от такого негодяя?

Они были на расстоянии двадцати миль от беседки, и ни тот, ни другая не смотрели по сторонам. Редмайн дождался, чтоб они подошли еще ближе, и выстрелил, прицелившись, в грудь мужчины.

Несчастный упал ничком в траву. Девушка остановилась, дико озираясь, и с криком ужаса упала на колени перед убитым. Ричард Редмайн бросил ружье в заросшую травой ложбину и пошел спокойно домой.

— Я рад, что это сделал, — сказал он себе.

Глава XLII Не тот

Никто не заметил удаления Ричарда Редмайна из Клеведонского парка. Его юношеские похождения за орехами и белками ознакомили его с каждым бугром и рвом, с каждым кустом орешника и шиповника в окрестностях Брайервуда. Он знал, что у южной стены парка стояла лестница, с помощью которой он мог перелезть на Кингсберискую дорогу в таком месте, где в это время можно было не опасаться никакой встречи.

Но чувство страха не смущило его ни на минуту. В его быстром удалении не было ничего похожего на бегство преступника. Он сделал свое дело, и шел домой. Много ли, мало ли времени пройдет, пока его не позовут к ответу за это дело, ему было все равно. А то что рано или поздно придется ответить, он считал неизбежным, и намерен был не отрекаться от своего поступка, хотя бы пришлось поплатиться смертью на виселице.

В результате своего смелого выстрела он не сомневался. Человек, попавший в птицу, казавшуюся точкой в голубом небе, не способен был промахнуться, стреляя в человека на расстоянии тридцати шагов.

Раскаивался ли он в своем поступке? Сожалел ли он, что сделал дело, отлучившее его от его близких и сравнившее его с Каином? Нет. Не раскаяние чувствовал он, а успокоение, словно исполнил задачу своей жизни. Он взглянул на небо, представил себе свою дочь в надзвездном мире, и готов был крикнуть ей, что все ее обиды отмыты.

Первые ракеты показались над деревьями, когда он влезал на лестницу. Он остановился на верхней перекладине и стал смотреть на огненный дождь, сыпавшийся по небу.

«Они еще ничего не знают, если пускают свой фейерверк», – подумал Редмайн.

Он постоял несколько минут на лестнице, ожидая продолжения, но после нескольких первых ракет, быстро следовавших одна за другую, фейерверк внезапно прекратился.

Редмайн спрыгнул на пустынную дорогу и скоро свернул на луговую тропинку, по которой пришел утром. Он не ускорял шагов, как человек, опасающийся преследования, он шел медленно и был спокойнее, чем по время своего утреннего пути в Клеведон.

Было около одиннадцати часов, когда он вернулся в Брайервуд. Какая страшная тишина царила в старом доме, когда он вошел, и как звучно раздавались шаги его по непокрытому полу! Он вспомнил вечер, когда вернулся в первый раз из Австралии, гордый и счастливый, и вошел в этот дом, уверенный, что дочь бросится ему на шею и прижмется головой к его груди. О, несчастная ночь! Неужели человек, погубивший эту девушку, не заслужил смерти?

«Мог ли я не убить его?» – спросил он себя с полным убеждением, что поступил справедливо. Он не зажег свечу в кухне, не остался посидеть внизу, но прошел прямо наверх в свою спальню и тотчас же лег в постель. Воспользоваться ночью, чтобы бежать и спастись от последствий своего преступления, не пришло ему в голову ни на минуту. Он считал бесчестным отречься от сделанного дела, спасти позорным бегством и допустить, чтобы какой-нибудь невинный человек поплатился за его поступок. Ложась в постель, он вспомнил, что было время, когда на ней лежал негодяй, замышлявший в его доме погубить его дочь, и подумал со злобным чувством удовлетворения, как жестко и холодно ложе, на которое он уложил его в этот вечер, и как страшен его сон.

«Таким людям должны сниться дурные сны, когда они спят вечным сном», – сказал он себе.

Но не долго бодрствовал он и думал о своей жертве и о своем преступлении. Он много пил в Клеведоне и провел весь день на воздухе и на ногах, от чего отвык в последнее время.

Размышления его мало-помалу превратились в ряд бессвязных мыслей, и когда кингсберийские церковные часы пробили половину двенадцатого, он уже спал спокойным сном младенца.

Странное чувство овладело им, когда он проснулся на следующее утро, вскоре после восхода солнца, и оглянув яркоосвещенную комнату, мгновенно вспомнил событие прошлой ночи. Сцена в лесу предстала перед ним со всеми своими ужасными подробностями, но он не почувствовал ни малейшего раскаяния. Ему стало только немного жаль молодой, красивой женщины, так мужественно отстаивавшей своего мужа. Его собственное положение не внушило ему ни малейшей тревоги. В память о своей дочери он готов был искупить свое мщение хоть позорною смертью на виселице.

Было только пять часов, когда он сошел вниз и вышел в сад. Буши, утомленные вчерашними треволнениями, еще спали.

«Я наслушаюсь вдоволь об убийстве, когда мистрис Буш встанет», – сказал он себе и начал ходить в ожидании по саду, куря трубку и поглядывая время от времени на окно кухни. Но прошло часа полтора прежде чем отворились ставни, и в одном из окон, повитых плющом, показалась его экономка.

– А вы проспали сегодня, мистрис Буш, – сказал Редмайн, подходя по лугу к растворенному окну.

– Проспала, мистер Редмайн! – воскликнула она.

– Я глаз не смыкала всю ночь, и удивляюсь, как я могла встать с постели. Я до сих пор дрожу как в лихорадке. И это не от расстройства желудка, потому что я ела и пила вчера очень умеренно, а Буш был трезв как судья и плакал от умиления, когда мы пили здоровье сэра Френсиса. Нет, мистер Редмайн, не угощение перевернуло все наши внутренности, а ужасная смерть бедного джентльмена, о которой мы узнали лишь только начался фейерверк.

– Какого джентльмена? Что вы хотите сказать?

– Может ли быть, чтобы вы ничего не знали, мистер Редмайн? Мой муж видел вас, когда вы выходили из палатки арендаторов, и мы были очень обрадованы, что вы передумали и решились повеселиться подобно другим.

– Да, мне неожиданно пришла фантазия пойти на праздник, но я чувствовал себя там как рыба, вынутая из воды, и вскоре после обеда ушел домой.

– Так вы действительно ничего не знаете? – воскликнула мистрис Буш, вытаращив на него глаза.

– Чего не знаю?

– Вы не слыхали, что один из джентльменов был убит возле каменной беседки.

– Джентльмен был убит, – повторил Редмайн смело. – Это любопытно.

– Любопытно, мистер Редмайн? Это ужасно. Говорят, что он умер мгновенно, и никто не знает, кто убил и за что. Может быть, из ревности. Он ухаживал весь день за вертлявою дочерью Бонда, а у нее столько же поклонников, сколько пальцев на руках и на ногах. Бедная жена его, говорят, упала как мертвая, когда его принесли на террасу, где она была с другими гостями.

– Бедная, – сказал Редмайн задумчиво. – Мне очень жаль леди Клеведон.

– Леди Клеведон! – воскликнула мистрис Буш с изумлением. – Да, ей, конечно, тоже тяжело. Траур, похороны и все тому подобное и при таком множестве гостей, и случилось это в день рождения сэра Френсиса.

– Да, в день его рождения, – повторил Редмайн со злым смехом. – Желал бы я знать предчувствовал ли он, делая столько шума по поводу дня своего рождения, что это его последний день.

– Последний, мистер Редмайн? Что это значит? Вы, может быть, хотите сказать, что он уже не будет делать нам никаких праздников в день своего рождения, после несчастья с его другом?

— С его другом? Что вы хотите сказать? Разве не сэр Френсис Клеведон убит в эту ночь?

— Сэр Френсис Клеведон? Что это вы, мистер Редмайн? С чего вам пришло в голову такое ужасное предположение? Я ничего такого не сказала о сэре Френсисе. Избави Бог! Убит его друг.

— Его друг! Да вы с ума сошли. Я знаю, что убит сэр Френсис.

— Ваша бедная голова начинает изменять вам, мистер Редмайн, — сказала мистрис Буш примириительным тоном.

Она была уверена, что ее хозяин вернулся из Австралии не в полном рассудке.

— Разве я сказала вам что-нибудь такое, из чего вы могли заключить, что убит сэр Френсис? Убит один из его друзей, джентльмен из Лондона, какой-то мистер Гаркросинг. Я знаю только, что его имя начинается с Г.

Редмайн отошел задумчиво от окна. Может быть, он действительно не в полном рассудке в этот день, пришло ему в голову, или был не в полном рассудке накануне вечером, и глаза его видели не то, что было на самом деле. Но он был уверен, что лицо, которое он видел в роще при свете луны, было то самое, которое он знал как свое собственное по миниатюрному портрету.

Не был ли он жертвой какого-нибудь страшного обмана воображения, не был ли его рассудок отуманен вином, не убил ли он в пьяном виде невинного? Такое предположение казалось слишком ужасным, чтобы быть возможным. Тем не менее, сэр Френсис был жив; смерть Грации, осталась не отмщенною, а сам он сделался убийцей.

«На слова этой женщины нельзя полагаться, — сказал он себе после долгого раздумья. — Легче допустить, что она ошибается, чем то, что мои глаза обманули меня вчера. Я наведу справки».

И, не теряя времени, он тотчас же пошел по луговой тропинке в Клеведон. Но пройдя немного, он сообразил, что Кингсбери ближе, и что там, должно быть, известно все, что ему нужно было знать.

Проходя по улице, он заметил, что обитатели селения были в каком-то особенном возбуждении. У дверей трактира собралась толпа, у колодца, между высокими вязами, стояли две запряженные телеги, у садовой калитки мистера Ворта ходил верховой. Ричард Редмайн решился войти в эту калитку, зная что от Ворта можно получить более достоверные сведения, чем от деревенских сплетников.

— Дома мистер Ворт? — спросил он верхового, и горько улыбнулся при мысли, что этот человек может быть также полицейский и имеет поручение искать убийцу.

— Мистер Ворт в своей конторе, но он занят с одним джентльменом, — отвечал верховой.

— Как бы он ни был занят, — сказал Редмайн, — мне необходимо видеть его.

С этими словами он направился к двери конторы, в которой не был ни разу после своего неприятного объяснения с управляющим в день возвращения из Австралии. Он вошел смело и застал Ворта в таинственном совещании с начальником Танбриджской полиции.

— Я не принимаю сегодня, — сказал Ворт поспешно, но, взглянув на вошедшего, воскликнул: — Как, Редмайн! Зачем вы пришли в такой день?

— Чтобы узнать, что случилось в Клеведоне, я ни от кого не мог добиться удовлетворительного ответа. Все точно с ума сошли.

— А мне кажется, что все случившееся уже давно известно всем и каждому на расстоянии двадцати миль вокруг Кингсбери. Вчера вечером в Клеведонском парке совершено страшное убийство. Человек застрелен, как кролик. Вот что случилось.

— Но кто этот человек! — воскликнул Редмайн. Можете вы сказать мне его имя?

— Его имя Гаркрос, — отвечал Ворт. — Но вы его не знаете, он здесь приезжий.

— Гаркрос, Гаркрос! — повторил Редмайн с недоумением. — А я слышал, что убит сэр Френсис Клеведон.

— Глуп был тот, кто вам это сказал, — возразил управляющий с нетерпением. — Но не можете ли вы оставить меня вдвоем с этим джентльменом. У нас есть с ним дело.

Ричард Редмайн вышел из конторы, не сказав более ни слова. С него было достаточно того, что он узнал. Он убил невинного, отяготил душу бесполезным преступлением, замарал руки кровью человека, ничем его не оскорбившего. Он не знал куда пойти, что сделать с собой, когда вышел из конторы. Вся жизнь, казалось ему, была рядом ошибок. Если б он исполнил просьбу своей дочери и взял ее с собою в Австралию, она была бы теперь жива, если б он не вернулся из вторичной поездки в Австралию, он не сделал бы этого бесполезного и ужасного преступления. Теперь он впервые почувствовал себя убийцей. Он пошел по большой дороге в Клеведон, не чувствуя ни жары, ни усталости, чтоб узнать какие-нибудь подробности и окончательно убедиться в своей ошибке. Возможно ли, что его глаза ввели его в заблуждение! Сэр Френсис Клеведон жив и торжествует и, может быть, смеется над ним в душе, а невинный человек, убитый его преступною рукой, лежит мертвый.

У южного входа он застал садовника Бонда, двух или трех служителей и несколько человек поселян, рассуждавших о вчерашней катастрофе. Джанна Бонд лежала в спальне наверху в сильной горячке.

— И пусть это послужит ей уроком и заставит ее раскаяться и свернуть с преступного пути, — сказал садовник.

— Не подозреваете ли вы кого-нибудь? — спросил старый лавочник из Гублефорда.

— Виноват только тот, кто спустил курок, мистер Перкис, — отвечал садовник многозначительно. — Я имею, конечно, свои подозрения, но предпочитаю не сообщать их никому. Время покажет.

— А где будут похороны? Здесь? — продолжал расспрашивать любопытный Перкис.

— Нет, его отвезут сегодня ночью в Лондон и погребут в семейной склепе в Кенсаль-Грине.

— Жаль, — заметил Перкис. — Половина графства проводила бы его до могилы, если б его похоронили здесь. В Лондоне, судя по газетам, убийства не редкость, и там ему не окажут такой чести.

Затем разговор пошел о следствии, имевшем быть в два часа, о ране убитого, об оружии, которым было совершено преступление. Обо всех этих предметах было несколько мнений, так как за пределами Клеведона не многие обладали достоверными сведениями. Ричард Редмайн слушал молча. Садовник и мистер Перкис время от времени обращались к нему со своим замечаниями.

— В газетах пишут вслед за всяким преступлением, что полиция уже напала на след виновного, хотя еще никто неизвестно достоверно и не может быть обнародовано, — заметил Перкис. — Поверьте, мистер Бонд, что и в этом случае полиция уже напала на следы преступника. Как вы думаете, из ружья или из пистолета был сделан выстрел?

— Грум капитана Гартвуда был здесь перед завтраком, объезжая лошадь своего барина, и говорил мне, что доктора вынули полдюжины дробинок, следовательно, выстрел был сделан из ружья и без заранее обдуманного намерения. Никто не заряжает ружье дробью, собираясь убить человека.

— Этого нельзя сказать, мистер Бонд, — возразил Перкис. — Чем хуже человек, тем хитнее совершает он свое преступление. Он хотел, быть может, сбить с толку следователей. Но я не могу понять причину преступления. Никто не совершает убийства без причины.

— Кроме сумасшедших, — сказал садовник. — Мне сдается, что это убийство было делом сумасшедшего.

— Что это вы говорите, мистер Бонд? Я называю это насмешкой над законами страны. Стоит только человеку сделать какое-нибудь необычайное преступление, чтобы его провозглашили сумасшедшим.

Ричард Редмайн стоял немного поодаль, рассеянно слушая, потом, решившись взглянуть на сцену вчерашней катастрофы, подошел к калитке, но был остановлен садовником.

— Извините, мистер Редмайн, — сказал он. — Хотя вы человек известный, но я имею строгие предписания от полиции и обязан исполнять их. Сегодня запрещено ходить в парке.

— Почему?

— Не мое дело знать, зачем и почему. Я должен только исполнять приказания.

— Вы правы. Я не особенно интересуюсь этим делом, но если на кого-нибудь падет подозрение и кто-нибудь будет задержан, я желал бы, чтобы меня об этом уведомили. Не можете ли вы прислать кого-нибудь ко мне в Брайервуд?

— Хорошо, мистер Редмайн. Я пришлю сказать вам, если что-нибудь случится.

Минуту спустя к калитке подошел молодой малый с лицом, сиявшим гордостью и сознанием собственного достоинства. Он принес новость, еще не известную этим людям, и они это тотчас же поняли.

— Что нового, Джим? — спросили его.

— Очень важная новость, — отвечал он торжественно. — Нашли ружье, которым был убит джентльмен.

— А, так ружье уже нашли, — сказал Бонд. — Остальное не трудно узнать. Скоро найдут и самого убийцу.

Он задумчиво посмотрел вслед Редмайну, уходившему по пыльной большой дороге.

— Странно, что он так интересуется этим делом, что просит присыпать ему известия, — заметил он.

— Действительно, странно, Бонд, — возразил Перкис. — Но с тех пор, как он вернулся из Австралии, нет на свете человека страннее Ричарда Редмайна. Проклятое золото вскружило ему голову — вот мое мнение. Выкапывая из земли золотые слитки как земляных червей, человек идет против природы и должен нести за это наказание.

— Вы правы, — отвечал Бонд. — В поте лица своего будешь зарабатывать хлеб свой, говорится в Священном Писании, но об откапывании золота и о стофунтовых слитках в нем не упоминается.

Глава XLIII

«Да, брат, прокляни со мной этот ужасный час»

Гробовая тишина воцарилась в Клеведонском доме. Не слышно было ни стука биллиардных шаров, ни взрывов серебристого смеха с аккомпанементом мужских голосов, ни блестящей музыки Шопена и Шульгофа на большом рояле в гостиной, ни веселых вальсов в верхних комнатах, занимаемых гостями женского пола, ни шелеста шелковых платьев. Затих веселый шум дома, полного гостей. Занавесы окон были спущены, мрак и тишина воцарились в опустевших комнатах.

Большинство гостей леди Клеведон обратилось в бегство. Они поспешили уехать с самым ранним поездом, поручив своим горничным и лакеям заботиться о перевозке их багажа. Кому приятно было оставаться в месте, оскверненном убийством? Прекрасный старый дом, освещенный утренним солнцем, казался уезжавшим гостям страшным склепом, за каменными стенами которого скрывались все ужасы могилы. Они уехали вскоре после восхода солнца и остали хозяевам письма, полные изъявлений благодарности и сочувствия и уверенности, что в такое время сэру Френсису и леди Клеведон приятно будет остаться одним.

Клеведонские слуги быстро уничтожили все следы праздника. Убитый лежал наверху, в комнате, которая была его спальней, а жене его была наскоро устроена постель в соседней уборной. Здесь она сидела одна, неподвижная как статуя, с лицом почти таким же бледным, как закрытое лицо в соседней комнате, с руками, сложенными на коленях, и с глазами, бесцельно устремленными в пространство.

Леди Клеведон в течение страшной ночи и безотрадного утра не раз подходила к ее двери и упрашивала ее со слезами позволить ей посидеть с ней. «Милая мистрис Гаркрос, позвольте мне войти. Я не буду надоедать вам; не буду говорить, позвольте мне только посидеть с вами». Августа только качала головой, и движением руки приказывала горничной ответить за нее. Присутствие Тульйон она терпела, как мы терпим присутствие собаки.

Она видела, как мужа ее клали на кровать, она присутствовала, когда доктора осматривали его раны, и когда все было окончено, начала бродить бесцельно по комнатам. Как горячо, как беспредельно она любила его. Она всегда знала, что он дорог ей, но только теперь оценила вполне всю силу своей любви. Она жила только для себя, наполнив свою жизнь одеваниями и визитами, поставив себе главною целью достичь высокого положения в обществе, и вместе с тем любила своего мужа всею душою. Но она хранила свои чувства в тайне; она боялась отдать ему свое сердце, как боялась вверить ему свое состояние. Она думала, что ему достаточно знать, что он ей не противен, что она снизошла до того, что стала его женой. Глубину и силу своей любви к нему она скрывала от него.

Думая об этом теперь, когда его уже не было, она поняла, что обманывала его и повредила этим себе, лишив себя любви, которую могла бы внушить ему, если бы поменяла думала о себе. Он лежал теперь мертвый, и ей казалось, что без него жизнь ее утратила всякое значение, что этот человек, с которым она была так холодна, составлял для нее весь ее мир, что наряды и визиты были только средством наполнить праздное время. Она поняла теперь, как дорога была ей его будущность и то положение, которое он должен был приобрести для нее. Его не стало, и ее будущность превратилась в пустую страницу. «Что значу я без него?» – спросила она себя. Ее молодость, красота и богатство были бесполезны теперь, когда его не стало.

Его смерть была сама по себе несчастьем таким ужасным, что в первое время она мало думала об ее причине. Как будет она жить без него? Этот вопрос заглушал все другие мысли. Привыкнув с детства считать себя центром мира или, по крайней мере, той сферы, в которой она вращалась, она видела теперь в смерти мужа прежде всего ущерб своим собственным

интересам. Она думала: да, даже в этот первый день, когда сидела безмолвная как статуя, она думала о своем доме в Мастодонт-Кресченде и о том, что все его великолепие теперь бесполезно. В состоянии ли она будет привлекать в свой салон знаменитости Лондона и давать такие обеды, о которых говорят, и сделать своей *cordon bleu* средством восхождения по общественной лестнице? Увы, светило ее дома угасло. Она была теперь только богатая вдова, которую свет, кроме нескольких предприимчивых искателей богатых невест, постарается забыть. До сих пор она обольщала себя мыслью, что Губерт Гаркрос имеет значение только через нее и известен более как муж ее, чем сам по себе, но в этот час просветления она поняла, что сама имела значение только через него.

Приготовление постели в уборной было напрасным трудом. Мистрис Гаркрос не прилегла ни на минуту в эту страшную ночь, как ни умоляла ее Тульйон лечь и постараться заснуть.

— Не надоедайте мне, — говорила она с нетерпением. — Я, может, не буду в состоянии заснуть несколько месяцев.

На следующее утро, в полдень, сэр Френсис пришел попросить ее принять его на несколько минут. Рядом с уборной находился маленький будуар, который некогда был молельней, но в котором теперь стояла только пара кресел, письменный стол у окна и красивый шкафчик для книг. В эту комнату сэр Френсис вызывал мистрис Гаркрос, и после нескольких минут, потраченных на переговоры, происходившие с помощью Тульйон, и нескольких отказов со стороны мистрис Гаркрос, она согласилась выйти к нему.

— Неужели вы не наденете свежего утреннего платья, сударыня? — воскликнула горничная, видя, что барыня ее не намерена переодеваться, но мистрис Гаркрос отстранила ее нетерпеливым движением и вышла, похожая на призрак, в своем смятом кисейном платье и с растрепанными волосами.

— Дорогая моя мистрис Гаркрос, мы все страдаем за вас, — сказал он с участием. — Я не нахожу слов для выражения наших чувств, и слова в такое время были бы неуместными. Но я считал необходимым, даже рискуя огорчить вас, попросить у вас этого свидания. Есть вещи, о которых необходимо переговорить немедленно.

— О, Боже! — воскликнула она, смотря на него полными отчаяния глазами, — как вы похожи на него!

«Как глупо с моей стороны забыть о сходстве, — подумал сэр Френсис. — Мне не следовало показываться ей в такое время».

Он поставил ей стул у отворенного окна.

— Пусть мое сходство с вашим мужем даст мне право рассчитывать на вашу дружбу, — сказал он. — Верьте моему искреннему желанию, моей твердой решимости предать в руки правосудия его убийцу и помогите мне в этом, если можете. Дайте мне нить к разрешению этой страшной тайны. Не было ли у него врагов? Не оскорбил ли он кого-нибудь?

— Нет, я не знаю ни одного человека, которого он когда-либо оскорбил и никогда не слыхала, чтоб он имел врагов. Но я знаю, что ему не хотелось ехать сюда и что я заставила его приехать вопреки его желанию.

— Ему не хотелось ехать сюда?

— Да, он был против этой поездки и имел основательную причину, которую я не могу сообщить вам. Если бы он доверился мне с самого начала, мы не приехали бы сюда. Но я привезла его вопреки его желанию, привезла на смерть.

Сэр Френсис поглядел на нее удивленным взглядом и предположил, что она не в полном рассудке.

— Вы не можете дать мне никакого указания, мистрис Гаркрос? — спросил он.

— Никакого.

— Так мы будем действовать без вашей помощи. Полиция работает с самого восхода солнца. На все станции железной дороги послано предостережение, и всякое сколько-нибудь

подозрительное лицо будет остановлено. Мы телеграфировали, чтобы сюда выслали двух следователей, и я уже известил о случившемся мистера Валлори. Вам, может быть, приятно будет иметь при себе отца в такое время.

— Мой отец не может, принести здесь никакой пользы, — сказала Августа апатично, но минуту спустя прибавила со внезапным оживлением: — Да, вы должны непременно отыскать его убийцу. Это ваш долг.

— Я это знаю, мистрис Гаркрос. Мой друг и гость убит на расстоянии четверти мили от моего дома, в ограде моей усадьбы. Неужели вы думаете, что я не считаю себя обязанным отомстить за его смерть?

Августа улыбнулась загадочно, горько улыбкой.

— Ваши чувства очень естественны, — сказала она.

С минуту длилось молчание. Сэр Френсис не находил возможности сказать ей что-нибудь утешительное. Общие фразы, которыми друзья утешают страдающих, были бы в этом случае более чем неуместны.

— Как мне ни тяжело говорить о таком предмете, — начал сэр Френсис, приступая нерешительно к главной цели своего посещения, — но я должен предложить вам вопрос относительно похорон. Где вы желаете похоронить вашего мужа.

Она издала слабый стон и закрыла лицо руками, но минуту спустя отвечала спокойным голосам:

— В нашем фамильном склепе в Кенсаль-Грине. Там лежит моя мать, туда положат и меня, когда придет мое время.

— У него нет своего собственного склепа, то есть такого, где лежат его родные и в котором он, может быть, желал быть погребенным? — спросил сэр Френсис.

— Нет.

— И вы не желали бы, чтобы он был похоронен в Кингсбери, где лежат все Клеведоны, кроме моего отца?

— О, нет, нет.

— Этого достаточно, мистрис Гаркрос. Я больше не буду надоедать вам такими вопросами. Мистер Уэстон Валлори хлопочет неутомимо с раннего утра, и я надеюсь, что вы доверите ему и мне второстепенные подробности.

Он сказал несколько слов в похвалу усопшего, напирая особенно на его общественное и профессиональное значение, выразил уверенность, что его смерть будет почувствована как большая потеря, и в заключение попросил мистрис Гаркрос позволить Жоржи посидеть с ней.

— Вы всегда любили ее, — сказал он, — и Жоржи вас любит и очень огорчена тем, что вы не хотите видеть ее. Я не говорю, что она в состоянии вас утешить, но в ее присутствии вам будет легче, чем в этом страшном уединении. А если бы вы перешли в ее комнату, это было бы еще лучше.

— Вы очень добры, но я предпочитаю быть одной, — быть с ним, — прибавила она, взглянув в сторону комнаты, где лежал покойник.

— Но вам было бы легче, если бы вы ушли отсюда, — настаивал сэр Френсис. Сюда будут приходить посторонние: коронер и другие люди, которых нельзя не пустить. Последуйте моему совету.

— Нет, — отвечала она твердо. — Что бы ни делалось вокруг меня, мне не может быть тяжелее, чем теперь. Я не уйду отсюда.

Сэр Френсис сделал еще одну тщетную попытку уговорить ее и ушел глубоко тронутый и с тяжелым сознанием своей неспособности утешить ее.

Выходя в коридор, он встретил жену, которую почти не видел со вчерашнего завтрака. Он провел ночь в совещании с полицейскими и другими местными авторитетами, разговаривая

о подробностях ночной трагедии с капитаном Гартвудом и двумя или тремя другими гостями, которые собрались в курильной комнате, избегая уединения своих спален.

— Бедный Гаркрос! Он был совсем не такого рода человек, чтобы можно было ожидать, что он умрет такою смертью, — сказал капитан, как будто мистер Гаркрос умер от апоплексии.

— Видел ты ее? — спросила Жоржи, и сэр Френсис в ответ описал ей свое свидание с мистрис Гаркрос.

— Бедная! О, Френсис, это несчастье ужасно для нее, но для меня оно вдвое ужаснее.

Они вошли, пока сэр Френсис описывал свое свидание с Августой, в ту самую комнату, где Жоржи накануне вечером тщетно ждала своего мужа для объяснения, которое еще не произошло до сих пор.

— Милая моя, — сказал сэр Френсис нежно, — я знаю, что это тяжелое испытание для тебя, но подумай во сколько раз оно тяжелее для нее.

— О, Френсис, если б это случилось с тобою, — сказала Жоржи.

Эта мысль так удивила сэра Френсиса, что он только пожал плечами.

— А это могло бы случиться с тобою, — продолжала Жоржи.

— Право, я не понимаю, друг мой, почему это могло бы случиться со мною. Такие вещи не делаются без причины. Бедный Гаркрос, вероятно, возбудил чем-нибудь ненависть убийцы, может быть, неумышленно разорил его, выиграв против него процесс. Некоторые люди принимают так горячо к сердцу всякое зло, причиненное им другими, и так много о нем думают, что сходят с ума.

— Что если он был убит по ошибке, Френсис? Что если убийца принял его за тебя?

— Принял его за меня, Жоржи? Что ты хочешь сказать? Кому может прийти в голову убить меня?

— Не сделал ли ты что-нибудь такое, чем мог возбудить чью-нибудь ненависть, Френсис? Может быть, лет пять тому назад, когда ты был легкомысленнее? Нет ли у тебя какой-нибудь тайны, которая страшила бы тебя в такое время, как теперь? Нет ли чего-нибудь такого, что внушиает тебе страх или раскаяние? Ты говорил мне не раз, что я знаю всю историю твоего прошлого, но нет ли в ней одной страницы, которую ты не решился раскрыть передо мной? О, милый мой, будь откровенен со мной. Никакой грех в прошлом или настоящем не уменьшит моей любви к тебе. Скажи мне правду, Франк. Лучше поздно, чем никогда.

— Честное слово, Жоржи, я совсем не понимаю, на что ты намекаешь. Я не утаил от тебя никакой тайны, ни большой, ни маленькой.

— Так ты ничем не возбудил ненависти к себе в Ричарде Редмайне? Ты никогда не был в Брайервуде?

— В Брайервуде? Я далее не знаю, где это место.

— О, Франк, лицо твое так правдиво, а между тем я его видела в медальоне, который показывал мне этот человек. Это было лицо соблазнителя его дочери.

— В каком медальоне? Какой дочери? Стыдно тебе, Жоржи, мучать меня такими загадками.

— Редмайн обвинял тебя в том, что ты увез его дочь, и показывал мне медальон с твоим миниатюрным портретом.

— Я увез его дочь! Когда же это было?

— Пять лет тому назад.

— А Брайервуд, вероятно, в Кенте? Но ведь ты знаешь, Жоржи, что я приехал в Кент в первый раз только в прошлом году, и что я никогда не снимал с себя миниатюрного портрета, кроме того, который подарил тебе. Право, Жоржи, наша жизнь не обещает быть приятною, если ты будешь время от времени делать мне такие сцены.

Сэр Френсис готов был рассердиться, и Жоржи пришлось извиниться и уверить мужа, что она никогда не сомневалась в нем, но была только очень несчастна, потому что этот ужас-

ный человек казался способным на все и имел сильные доказательства справедливости своего обвинения, и что миниатюрный портрет был как две капли воды похож на ее милого Франка.

– Может быть, это портрет Гаркроса, – заметил сэр Френсис.

– О, нет. Лицо на портрете гораздо красивее и моложе его лица.

– Но портрет снят пять лет тому назад.

– Может быть, – отвечала Жоржи сомнительно, – но он больше похож на тебя. Подумай, что я должна была выстрадать Франк.

– Следовательно, ты сомневалась во мне, Жоржи. Это очень нехорошо с твоей стороны, это супружеская измена. Но ради Бога расскажи мне все, что знаешь о Рейдмане и об его обвинениях. Ты, может быть, дашь мне возможность разъяснить это страшное убийство.

– Я знаю, что он был очень сердит и казался мне способным на все, – отвечала Жоржи, и на дальнейшие расспросы мужа описала сцену в библиотеке и повторила все, что сказал ей Ричард Редмайн.

«Это объясняет, почему Гаркросу не хотелось ехать сюда», – подумал сэр Френсис.

Он поцеловал жену и охотно простили ей ее проступок, который он назвал супружеской изменой.

– Но впредь никогда не сомневайся во мне, Жоржи. Ты рискуешь поддаться какому-нибудь обману, и я, может быть, не буду в состоянии доказать так легко мое alibi, как в этот раз. Теперь я пойду поговорить о том, что узнал от тебя, с констеблем Руфнелем и с Уэстоном Валлори.

– Неужели этого несчастного фермера повесят, Френсис?

– Повесят непременно, если он убийца.

– Но он был оскорблена так жестоко.

– Согласен, друг мой, но закон не дает права убивать обольстителей.

– О, Френсис, как мне будет жаль, если этого человека повесят. Я сочувствовала ему всем сердцем, когда он рассказывал мне свою историю, несмотря на то, что он обвинял тебя.

– Мне также жаль его, Жоржи, но моя прямая обязанность в этом деле отомстить за смерть моего гостя.

Он ушел в свой кабинет, мрачную, просто убранную комнату на задней стороне дома, в котором он принимал мистера Ворта и которая служила теперь сборным пунктом полиции. Сэр Френсис застал в ней Уэстона, стоявшего с сигарой у отворенного окна.

Сэр Френсис повторил ему то, что узнал от жены и что было не новостью для Уэстона.

– Да, – отвечал он, бросая окурок сигары, – сомнения быть не может. Убийца Редмайн.

– Разве вы полагаете, что Гаркрос виноват в этой истории с дочерью.

– Без сомнения. Гаркрос провел лето в Брайервуде пять лет тому назад и был очень скрытен относительно этого времени, не хотел даже сказать нам название фермы, пока мы не узнали его случайно. Я давно подозревал, что тут есть какая-нибудь тайна, но не думал, что она так серьезна.

В эту минуту вошел констебль Руфнель с видом человека, только что вышедшего победителем из необычных затруднений.

– Мне кажется, что я напал на следы преступника, Руфнель, – сказал сэр Френсис.

– В самом деле, сэр? – спросил констебль с саркастическою улыбкой. – А я уже нашел самого убийцу.

– Как, вы нашли…

– Нашел, сэр, нашел ружье, что то же самое. Убийца Джозеф Флуд, ваш грум, и у меня уже готово столько улик против него, что больше и не надо.

Глава XLIV

«Удары судьбы не минуют и невинных»

Ричард Редмайн пошел домой окончательно убежденный в своей ошибке. Тяжесть его преступления не тяготила его совесть, пока он считал себя убийцей соблазнителя своей дочери. По его мнению, убить такого человека было бы не преступлением, а справедливым возмездием. Но убить человека, который не сделал ему никакого зла! Пролить невинную кровь! Это было совсем другое дело. Это было преступление, лежавшее тяжелым бременем на его душе.

Он вернулся в Брайервуд, но не нашел здесь успокоения. Знакомые комнаты привели его в ужас свою тишиной, теснотой и недостатком воздуха. В саду ему показалось также тесно и душно. Голос мистрис Буш, напевавшей старинную песню, терзал его нервы. Он был в том настроении духа, когда жизнь кажется человеку нестерпимою, когда ему приходит охота раздробить себе голову. Он поднялся наверх в свою спальню, снял пистолеты, подержал один из них в руках, нерешительно разглядывая его и думая, как легко положить конец земным страданиям, перейти из нестерпимого настоящего в неизвестное будущее. Но после нескольких минут раздумья он повесил пистолеты на прежнее место.

— Надо дождаться конца этого дела, — сказал он себе. — Было бы малодушием бежать от ответственности.

Если бы не эта мысль и не опасение, что за его преступление может пострадать невинный, он охотно бежал бы из этого тесного мира в Австралию и поселился бы среди обширных пастищ и голубых озер, где мог быть свободен как дикий король. До сих пор он любил свой Кентский дом более всякого другого места в мире, но в этот день сердце его сжалось при виде окрестного ландшафта, стесненного лесами и холмами, которые, казалось ему, он мог достать рукой.

— О, Боже, зачем я поспешил? — думал он. — Зачем я не дождался случая, когда мог бы рассчитаться с ним, не рискуя ошибиться? Я терпел долго и мог бы потерпеть еще немного. Разве моя ненависть могла остыть? Выстрелить наудачу, в темноте! Однако я был уверен, что вижу его лицо. Не дьявол ли подшутил надо мной? Я выпил вчера, вероятно, очень много, потому что не помнил себя после того, как увидел его. Но я вполне владел собою, когда выстрелил, и готов поклясться, что видел его лицо.

Редмайн никогда не был суеверен, но теперь готов был признать себя жертвой какой-нибудь сверхъестественной силы, так был он уверен, что лицо человека, в которого он выстрелил, было оригиналом миниатюрного портрета в медальоне.

Он ходил взад и вперед мимо цветочных гряд, на которых все еще цвели розы, — не тепличные розы, а целые кусты, свободно разросшиеся в ширину и в вышину, — розы, которые так любила Грация, которыми жена его украшала лучшую гостиную в праздничные дни. Некоторые из кустов были старше его.

Он ходил взад и вперед в агонии сомнения и ожидания. Был третий час, и следствие в Клеведоне должно уже было подходить к концу. Каков будет результат? Что, если никто не будет заподозрен? Как ему поступать в таком случае? Позаботиться о своей безопасности и бежать немедленно в Австралию? Но что, если после его отъезда обстоятельства сложатся так, что невинный будет заподозрен, осужден и повешен за его преступление, прежде чем он узнает об этом?

«Нет, — сказал он себе решительно. — Я не способен на такую низость. Я останусь здесь и буду молчать, пока это не может принести никому никакого вреда, но лишь только кто-нибудь будет заподозрен, я выдам себя».

Он стал думать о том, что должно последовать за таким поступком. Тяжело будет умереть на глазах людей, которые знали его с детства и всегда любили и уважали, тяжело обесчестить доброе старое имя Редмайнов, обесчестить таким пятном, которого не смоют несколько поколений честных Редмайнов, тяжело предстать перед людьми в качестве ночного убийцы и негодяя, не давшего своему врагу даже возможности защищаться, тяжело умереть на эшафоте проклятым своими близкими. Что скажут Джемс и Ганна, когда узнают об его поступке? Он вспомнил свое прекрасное австралийское поместье и все, что он мог бы сделать там, и жизнь, на которую он утратил право, показалась ему необычайно прекрасною.

Он ничего не ел со вчерашнего дня, но время от времени в течение долгих часов мучительного ожидания подкреплял силы вином. Напрасно уговаривала его мистрис Буш съесть кусочек поросенка с луком и шалфеем, которого она приготовила в этот жаркий день как нечто «легкое и вкусное». Он отказался от обеда и продолжал ходить по саду, прислушиваясь к отдаленному бою церковных часов и ожидая известий из Клеведона. Он надеялся, что кто-нибудь придет сообщить ему о результате следствия.

И надежда его оправдалась. В половине шестого муж мистрис Буш вернулся к вечернему чаю, который он обыкновенно пил в задней кухне, среди кадок, метл и щеток, потому что мистрис Буш считала главную кухню с ее белоснежной печкой и блестящим таганом комнатой слишком парадной для ежедневных трапез.

Очень тихо и робко, как человек, не понимающий для чего его сотворила природа и считающий себя лишним атомом в мире, возвращался обыкновенно Буш домой, но в этот день он вошел в заднюю кухню с гордым и торжествующим видом и с сознанием своего значения как обладателя новостей, которые в его власти сообщить, в его власти утаить.

– Итак… – начал он торжественно, усаживаясь между узким столиком и оконной рамой.

– Что такое, – сердито спросила мистрис Буш, отрезая ломоть хлеба большим кухонным ножом. – Господи, как он важничает! Что ты сидишь, раскрыв рот как пугало? Что случилось?

– Если ты не хочешь знать, я не скажу, – проворчал мистер Буш. – Что ты лезешь на меня, словно хочешь отрезать мне нос?

– А ты не выставляй его, – проворчала жена презрительно. Что ты важничаешь, как индейский петух? Я вижу, что ты таскался в Клеведон вместо того, чтобы работать, и узнал там какую-нибудь новость об убийстве.

– Я никуда не таскался, но кое-что знаю, – возразил Буш оскорблением тоном.

– А если знаешь, так говори! – воскликнула мистрис Буш в сильнейшем негодовании. – Терпеть не могу, когда люди так ломаются.

– Так я тебе вот что скажу, – начал Буш, едва выговаривая слова ртом, набитым хлебом и маслом. – Следствие кончено, и когда я шел домой, встречается мне Сам Гринвей и говорит: «Ну, Буш, слышали ли вы о следствии?» Нет, говорю, Самуэль, не слыхал. А он говорит: «Я был у южной сторожки и там все разузнал. Подозрениепало на Джозефа Флуда, грума сэра Френсиса, и он уже арестован. И все дело вышло из-за дочери Бонда, которую Джозеф приревновал к этому лондонскому франту, с которым она кокетничала, и Джозеф застрелил его из ревности».

– Бессовестная! – воскликнула мистрис Буш. – Я всегда говорила, что она не кончит добром с своими раскрахмаленными юбками и шейными лентами, несмотря на то, что отец ее такой набожный методист, каких мало. Повесить следовало бы ее, если в законах страны есть смысл и справедливость, а не этого бедного молодого человека.

Буш, принявшийся за овощи, сомнительно покачал головой. Такое перенесение преступлений на их первоначальную причину было для него совершенно новою идеей.

– Мне кажется, что если Джозеф Флуд застрелил человека, то Джозеф Флуд и должен отвечать за свое преступление. Джанна вела себя легкомысленно, я ее не оправдываю, но девушки все на один лад.

— Вот как! — воскликнула мистрис Буш, подавляя свое негодование. — Стоит только девушки быть красивою, чтобы всякий дурак взял ее сторону. Господи! Как вы меня испугали, мистер Редмайн.

Восхищение это было вызвано появлением в окна Ричарда Редмайна. Он слышал новость, сообщенную Бушем.

— Флуд в темнице? — спросил он со смертельною бледностью на лице.

— Да, сэр, его посадили в Кингсберискую тюрьму. Так, по крайней мере, сказал мне Самуэль Гринвей, а он никогда не лжет.

Редмайн не стал слушать более. Он отошел от окна, зашел в дом, чтобы подкрепиться в последний раз вином и отправиться в Кингсбери. Он не хотел, чтобы невинный страдал за его грех.

— Господи! — воскликнула мистрис Буш таким слабым голосом, что, казалось, она сейчас упадет в обморок на каменный пол задней кухни.

— Видел ли ты, Буш, как смертельно бледен был мистер Редмайн, когда заглянул в это окно? Он так поражен, словно Джозеф Флуд его сын.

Глава XLV

Все в том же заблуждении

Ричард Редмайн пошел в Кингсбери все по той же знакомой луговой тропинке. Реши-
мость его ее поколебалась ни на минуту. Он шел предать себя правосудию с уверенностью, что
его ожидает смерть.

Странно, что даже в этот ужасный час мысли его стремились в Австралию, в эту дале-
нюю, прекрасную страну, где, казалось ему, самый воздух имеет свойство делать людей счаст-
ливыми. О, прекрасная страна! Никогда не придется ему гулять по ее плодородным долинам и величественным горам, стрелять диких уток на ее внутренних морях, проводить полные при-
ключений ночи, охотясь за дикими козами. С тех пор, как эта свободная, привольная жизнь стала для него недоступна, ему казалось, что он мог бы быть счастлив, не вполне, конечно, в Ситных Лугах, даже без Грации.

Одним поспешным, необдуманным поступком он лишил себя этого счастья, обрек себя на позорную смерть, обесчестил добре старое имя, за которое отдал бы жизнь. Но тяжелее всего было умереть, зная, что соблазнитель Грации торжествует, что ее смерть осталась неот-
мщенною.

Он шел медленно, время от времени садясь отдохнуть и выкуриТЬ трубку. В его положе-
нии редкий человек пошел бы ускоренным шагом. Солнце садилось, поля спелой ржи слива-
лись на западе с золотым небом.

Редмайн смотрел на знакомый ландшафт грустным прощальным взглядом. Каких тяже-
лых трудов стоило ему сохранить за собой Брайервуд и очистить свое добре имя от долгов!
А теперь и то и другое было потеряно – имя обещанено на веки, имение должно было быть конфисковано как собственность преступника.

Начинало смеркаться, когда он проходил по Кингсберийской улице. Он ждал темноты, не желая выйти при дневном свете из коттеджа Джона Ворта со скованными руками.

Селение имело необыкновенно спокойный вид в этот тихий летний вечер. Утреннее воз-
буждение истощилось. Только в трактире вечернее собрание было оживленнее обыкновенного.
Как ни важно в сельской летописи такое событие как убийство, но нельзя же говорить о нем без конца. Рано или поздно должен наступить период истощения.

Редмайн подошел прямо к конторе, примыкавшей к дому мистера Ворта, отворил дверь и вошел. Он ожидал застать управляющего за работой, но комната была пуста. Из двери кухни, смежной с конторой, выглянула экономка мистера Ворта.

– Дома ваш хозяин?

– Нет, сэр, он с утра в Клеведоне, даже обедать не приходил. Но я ожидаю его с минуты на минуту.

– Так и я подожду, – сказал Редмайн. – Моя трубка вам не помешает?

Это был совершенно лишний вопрос, потому что контора была пропитана табачным дымом.

– О, нисколько, сударь, Я привыкла. Никто не курит так много, как мистер Ворт.

Экономка ушла, а Редмайн вынул свою почерневшую трубку. Набивая ее, он грустно улыбнулся. Долго ли осталось ему пользоваться этим неизменным утешением? Позволят ли ему курить в тюрьме?

Он сидел и курил трубку за трубкой, а в комнате между там становилось все темнее и тем-
нее. Служанка заглянула в дверь и спросила не нужно ли ему огня. Он отвечал отрицательно.

Луна выплыла из-за горизонта. Редмайн содрогнулся, когда первый луч ее серебристого света ворвался в комнату. Он вспомнил ужас прошлой ночи.

«Луна всегда считалась в связи с волшебством, – подумал он, – во вчерашнем деле было нечто хуже волшебства. Если бы дьявол не ослепил меня, я не принял бы одного человека за другого, когда было так светло, что я мог бы читать мою Библию».

Был уже десятый час и светилась лунная ночь, когда Джон Ворт пришел домой. Он обыкновенно входил в дверь конторы, потому что всегда приносил с собой какие-нибудь письма или заметки, которые надо было спрятать в письменный стол, или сам должен был написать письмо, прежде чем приняться за ужин. В этот день он пришел сильно утомленный и был неприятно поражен, увидев в темноте полуосвещенную луной фигуру ожидавшего его посетителя.

– Что еще нужно? – спросил он, не узнав Редмайна.

– Очень многое, – отвечал посетитель.

– Редмайн! Что значит, что вы пришли ко мне опять? Я заметил, что вы избегали меня.

– И имел к тому основательные причины, Джон Ворт. Вы своею ложью погубили мою бедную дочь.

– Свою ложью! Что вы хотите сказать? – спросил управляющий спокойно.

Он не хотел ссориться с Редмайном, с человеком, которого любил и жалел всем сердцем.

– Что вы хотите сказать, называя меня лжецом, Рик? Я никогда не лгал перед вами.

– Никогда! Разве вы не ввели в мой дом своего хозяина под ложным именем?

– Какого хозяина? Что вы хотите сказать, Редмайн?

– Вашего хозяина, который приехал сюда тайком, осмотреть свое поместье, словно замаскированный принц, или обманщик и лжец, каким он и оказался. Вы ввели его в Брайервуд, Джон Ворт, вы налагали о нем невестке. Она никогда не впустила бы в мой дом постороннего, если бы не ваша рекомендация.

– Но разве это был мой хозяин?

– Да, это был сэр Френсис Клеведон.

– Послушайте, Редмайн, – воскликнул Ворт, облокотясь руками на конторку и твердо смотря на фермера, – освободитесь от этого заблуждения раз навсегда, Сэр Френсис, сколько мне известно, никогда не был в Кенте, пока не переселился сюда год тому назад.

Редмайн захохотал.

– Как? И у вас хватает смелости говорить это мне? Он никогда не был в Брайервуде, вы никогда не рекомендовали его моей алчной невестке под именем мистера Вальгри? Сэр Френсис Клеведон и ваш мистер Вальгри не одно и то же лицо?

– Нет, не одно и то же, клянусь Богом, – отвечал Ворт твердо. – Губерт Вальгрев переменил свое имя на имя Гаркроса, когда женился на богатой наследнице.

Редмайн вскочил с места.

– Как! – воскликнул он. – Неужели это правда? Так это его портрет в медальоне, который был подарен моей дочери? Неужели два человека, чужие друг другу, могут быть похожи, как близнецы?

– Сэр Френсис и Губерт Вальгрев были похожи друг на друга, но не так сильно, как вам кажется.

– Принесите свечу, взгляните на миниатюрный портрет, – сказал Редмайн.

Управляющий зажег лампу, висевшую над конторкой. Редмайн молча протянул ему открытый медальон.

– Да, – сказал Джон Ворт, – это портрет Губерта Вальгрева. Он представлен здесь красивее, чем был на самом деле, и лет на десять моложе, но сходство тем не менее большое.

– Так это его портрет? – воскликнул Редмайн со сдержаным волнением. – Портрет человека, который лежит убитый в Клеведоне?

– Да, – отвечал управляющий с нетерпением. – Сколько раз повторял я вам одно и то же.

– Господь справедлив! – воскликнул Редмайн. – Я убил кого следует!

— Вы убили? — воскликнул пораженный Ворт, глядя с невыразимым ужасом на торжествующее лицо фермера. — Вы убили его? Вы убийца. Нет, вы сошли с ума, Рик Редмайн.

— Нет, Джон, я не сумасшедший. Я вполне владел собою, когда выстрелил. Я собирался убить его с тех самых пор, как вернулся из Австралии.

— Не говорите этого ради Бога. Вы, Ричард Редмайн, человек, которого мы все любили и уважали, вы сознаетесь в безумном убийстве?

— Нет, не в безумном убийстве. Я сказал вам, что давно собирался убить его. Разве можно было искупить каким-нибудь другим способом зло, которое он причинил мне? Если б я вызвал его на дуэль, разве он принял бы мой вызов? Повторяю, что я не знал другого способа рассчитаться с ним. Я обязан был убить его.

Джон Ворт посмотрел на него с минуту, кусая ногти в безмолвном удивлении. Спокойствие и самообладание Редмайна и убеждение, с которым он говорил, поражали его сильнее, чем самое преступление.

— Более милостивый! — воскликнул он наконец. — Что вы сделали, Рик Редмайн!

— Убил человека, который убил мою дочь. Вы называете это убийством, а я — справедливым наказанием.

— Но почему вы уверены, что он человек, с которым бежала Грация.

— Почему я уверен! Разве не он прислал ей свой портрет? Разве не он был единственный человек, имевший возможность сблизиться с ней? Он жил в моем доме больше месяца, он был единственный джентльмен, которого она знала. Слушайте, Ворт, вы были некогда моим другом, скажите по совести, неужели вы не уверены, что этот человек был соблазнителем моей дочери?

— Я в этом вполне уверен, — отвечал управляющий с жаром. И, подумав с минуту, продолжал:

— Он умер, и теперь это ему не повредит. Вы уже сделали худшее. Если б он был жив, я ни за какие блага в мире не выдал бы его. Я заподозрил его в том, что он увез Грацию, и сказал это ему прямо. Он отверг обвинение, но я ему не поверил. Никто, кроме его, не мог это сделать. Она была не такая девушка, чтобы любить двоих сразу, а я видел ее однажды вдвоем с ним в Клеведоне. Но он был такой степенный человек, и мне казалось, что на него можно положиться. Я знал его с детства и никогда не замечал за ним ничего дурного и в жизни его были обстоятельства, возбуждавшие во мне сожаление к нему. Клянусь мою душою, Рик, я не мог сожалеть сильнее, чем теперь, о случившемся, если бы Грация была мою дочерью. Но, милый друг, скажите ради Бога, ведь вы говорили не серьезно, когда назвали себя убийцей? Не может быть, чтоб это вы выстрелили из ружья Джозефа Флуда вчера ночью? И как могло попасть в ваши руки его ружье?

— Джозеф бродил с ним по парку вчера вечером. Мне пришло в голову, что он замышляет что-нибудь недоброе, и я последовал за ним и видел, как он спрятал свое ружье возле беседки. Оно было у меня под рукой, когда я увидел этого человека при полном лунном освещении. Сам дьявол подсунул мне это ружье.

— Вы были не в своем уме, когда это сделали?

— Нет, я был в полном рассудке. Моя расправа, может быть, жестока, но я считал ее справедливою.

Мистер Ворт вздохнул и опустился на стул в мрачном отчаянии.

— Для чего вы пришли сообщить это мне, Ричард Редмайн? — спросил он. — В какое положение вы меня поставили? Бедный молодой человек страдает невинно. Мой долг выдать вас.

— Исполните ваш долг, — сказал Редмайн спокойно. — Я пришел сюда для того, чтобы выдать себя правосудию.

— Да? И вы знаете, что вас ожидает? Медстонская тюрьма в течение шести следующих недель, потом суд и смерть на виселице. О Рик, Рик, подумать, что человек из вашего рода дошел до такого конца!

Ричард Редмайн пожал плечами с наружным равнодушием, но с подавленным вздохом.

— Что делать, — сказал он. — Бог свидетель, что я заботился о чести своего имени. Когда я запутался в долгах, я чувствовал себя как на горячих углях, потому что ни один Редмайн не имел таких долгов, которых не мог уплатить. Я смыл это пятно тяжелым трудом. Но я почти уверен, что когда я умру, свет перетолкует в дурную сторону и этот поступок. Я не раскаиваюсь, Джон Ворт, в том, что убил его. Я очень жалел и готов был разбить себе голову, когда я думал, что убил невинного, но клянусь Небом, которое надо мною, я не раскаиваюсь, что убил соблазнителя моей дочери.

— Какая же у вас огрубевшая совесть, Редмайн!

— Не знаю, какова моя совесть, но знаю что я ожесточал сердце против этого человека в течение трех последних лет, и не мог поступить с ним иначе, когда пришло время. Я долго искал его, но все мои старания были неудачны, и я решился ждать, надеясь, что Провидение сведет его со мною. Мир недостаточно обширен, чтобы человек мог скрыться от справедливой мести своего врага. Я ждал спокойно и не расставался с надеждой встретиться с ним прежде, чем умру. И когда случай наконец свел меня с ним, как должен был я поступить, по вашему мнению? — спросил он с саркастическою улыбкой. — Учтиво сказать ему, кто я, и попросить его извиниться в том, что он разбил сердце моей дочери? Нет. Я часто мечтал о нашей встрече, и все мои мечты были окрашены кровью. Я часто воображал свои руки на его горле и видел, как лицо его темнело по мере того, как я сжимал их.

— Вы раздували вашу ненависть, пока она не превратилась в мономанию, Ричард. Мне кажется, что вы были не в полном рассудке, когда это сделали.

— Нет, я был в полном рассудке и готов ответить за мой поступок перед Богом и людьми.

— Не надейтесь оправдывать свой грех перед Богом, Ричард, но старайтесь заслужить Его прощение. Я не имею намерения читать вам наставление. Ваше положение так тяжело, что едва ли когда-нибудь был человек более вас достойный сожаления. Я хочу только сказать, что вы не должны обременять гордостью ожесточенного сердца. Не благоразумнее ли признать себя грешником?

— Об этом еще будет время подумать, — отвечал Редмайн небрежно. — Надо освободить поскорее молодого человека, который сидит за меня в тюрьме.

Ворт оперся локтями на конторку, закрыл лицо руками и тяжело вздохнул, а Редмайн спокойно набил трубку и закурил ее у лампы.

«Как поступить? — думал Ворт. — Выдать его танбриджскому патрулю, охранявшему по ночам мирное Кингберийское селение? Сделать это с уверенностью, что его старого друга ожидает позорная смерть?» Джон Ворт чувствовал себя неспособным на такой поступок.

Нет ли какого-нибудь средства спасения? Нельзя ли дать ему возможность бежать, и вместе с тем освободить Джозефа Флуда? Что если он бежит, оставив письменное признание в своем преступлении с подписью, засвидетельствованной каким-нибудь лицом, которое не знало бы содержания документа? Этого было бы достаточно для освобождения Джозефа Флуда, а Редмайн мог бы бежать в Австралию. Джон Ворт всегда уважал закон, но теперь ему казалось, что никому не будет хуже от того, что Редмайн не будет повешен. Он знал, что ожидает человека, содействовавшего бегству преступника, но надеялся не навлечь на себя подозрения.

— Послушайте, Рик, — сказал он задумавшись. — Нельзя смотреть на ваш поступок строже, чем я на него смотрю, но я лучше всех знаю предшествовавшие обстоятельства, и у меня не хватит духа предать вас палачу.

И Ворт изложил в кратких словах придуманный им план спасения.

– Нет, – отвечал твердо фермер. – Я сделал свое дело и хочу ответить за него. Наказание не страшит меня с тех пор, как я знаю, что убил кого следует. Я покажу свету, Джон Ворт, как отец может наказать соблазнителя своей дочери. Если бы люди прибегали чаще к такой самовольной расправе, в мире было бы меньше подлости. Закон есть большая машина, двигающаяся только по известному направлению. Стоит человеку отойти в сторону, чтобы делать безнаказанно какие угодно подлости.

– Как же вы намерены поступить?

– Предать себя немедленно в руки полиции. Я ожидал, что вы поспешите сделать это за меня, но так как вы, по-видимому, не расположены к этому, я предам себя сам.

Джон Ворт попробовал опять уговорить его бежать, но все его аргументы пропали даром. Редмайн вышел из конторы и пошел по Танбриджской дороге, где встретился с патрулем и рассказал ему о своем преступлении.

Полицейский поверил не сразу. Он видел Редмаина и слышал толки об его уединенной жизни в Брайервуде. Бедняк сошел с ума, подумал он, но, видя, что бедняк настаивает на своем показании, он предложил ему идти вместе в Клеведон и повторить это показание сэру Френсису как ближайшему мировому судье.

Было уже поздно, когда они пришли в Клеведон, но сэр Френсис все еще сидел в своем кабинете, разговаривая с лондонским следователем, который приехал только час тому назад, потому что был занят другим делом, когда пришла телеграмма из Клеведона. Сэр Френсис только что рассказал ему все, что узнал от жены о Редмаине.

– Любопытная история, – заметил небрежно мистер Винч, следователь, – и, основываясь на ней, легко предположить, что Редмайн замешан в этом деле, но это предположение опровергается доказательствами, имеющимися против Джозефа Флуда. Ружье принадлежит ему, девушка, которую он любил, судя по тому, что я узнал из допроса, выводила его из терпения своими капризами и разговорами об его ревности и о своем страхе к нему. Из того, что вы мне рассказали, я не вижу, чтобы Редмайн высказывал угрозы против вас.

– Можно убить человека, не высказав ни одной угрозы, – возразил сэр Френсис. – Вы знаете, что он имел причину мстить. Жена моя говорит, что он казался на все способным.

– Но как могло попасть к нему ружье вашего грума, сэр?

– Решение этой проблемы я предоставляю вам, мистер Винч. Я со своей стороны могу только сказать, что считаю Флуда хорошим молодым человеком. Он служит у меня только год, но я знаю его характер и принял его с прекрасной рекомендацией. Я не считаю его способным на убийство.

Сэр Френсис и мистер Винч продолжали рассуждать о подробностях дела, когда вошел слуга и объявил, что полицейский и еще какой-то господин желают видеть сэра Френсиса.

– Приведите их немедленно, – отвечал баронет.

– Какое-нибудь новое показание, – обратился он к следователю.

– Да, сэр, – возразил мистер Винч с саркастической улыбкой. – Вам придется переслушать немало сказок от местной полиции.

Мистер Винч опасался, чтобы местная полиция не запутала дела сбоим чрезмерным усердием.

Редмайн вошел в комнату первый, подняв голову так высоко, как давно уже не поднимал ее. Он был все еще красивый человек, благородный представитель типа английских фермеров, с примесью свободной грации, дикого в движениях. Когда он остановился против стола, у которого сидел сэр Френсис, последний подумал, что никогда не видел такой замечательной наружности.

Он тотчас догадался, что это Ричард Редмайн.

В довольно связной форме, без помощи многочисленных «я говорю» и «он говорит», полицейский рассказал его историю.

— И так как вы ближайший мировой судья, сэр Френсис, — заключил он, — и, так сказать, замешаны в этом деле, если позволите так выразиться, я решился привести его к вам. Вы можете дать приказ об аресте, и я достану телегу и препровожу его на эту ночь в Танбридж, а завтра его отправят в Медстон. Конечно, если вы только верите, что показание его справедливо.

— Я имею основание быть уверенным, что показание его вполне справедливо, — сказал сэр Френсис, начав писать приказ об аресте. — Как ни отвратительно его преступление, я рад, что у него осталось настолько чести, чтобы самому выдать себя и не допустить, чтоб из-за него пострадал невинный.

— Вы правы, сэр Френсис, — возразил полицейский, взглянув с соболезнованием на Редмайна, — и я надеюсь, что как его добровольное сознание, так и то, что Редмайны известны здесь триста лет за честных людей, послужит в его пользу пред судьями и присяжными.

Сам преступник не сказал ни слова и стоял в спокойном ожидании.

— Я желал бы, чтобы вы повторили ваше признание господину следователю в присутствии свидетелей, мистер Редмайн, — сказал сэр Френсис.

Редмайн тотчас же повторил свое показание в немногих словах и не пытался смягчить свой поступок.

— Скверное дело с начала до конца, — сказал сэр Френсис со вздохом. — Можете увести вашего арестанта, господин полицейский. Мои люди дадут вам экипаж, и вы возьмете с собой грума, если нужно.

— Не лучше ли будет, если я поеду, сэр Френсис? — вмешался мистер Винч. — Я в таком деле буду полезнее грума. Я сам вышел из сержантов.

Ни слова более не было сказано. Показание записали, и полицейский получил приказ об аресте. Редмайн и мистер Винч ждали в сенях, пока готовили повозку. Редмайн сел рядом с кучером и всю дорогу смотрел молча, скрестив руки, на окрестности, как бы стараясь навеки запечатлеть в памяти знакомые холмы и долины, поля и изгороди, чтобы воспоминанием этой картины осветить мрак своей узкой кельи.

Страха он не ощущал ни малейшего, раскаяния также, но ему было жаль расстаться с таким прекрасным миром, лишиться навеки прелести летнего солнечного света, свежести летнего ветра.

Глава XLVI

И к ней принесли ее мертвого воина

Тело Губерта Гаркроса было перевезено в Мастодонт-Кресченд тайно, под покровом ночи. Великолепный гроб поставили на катафалке в той самой мрачной комнате, наполненной книгами и парламентскими отчетами, в которой покойный провел так много одиноких часов за работой. Мистрис Гаркрос возвратилась на следующий день. Жоржи и сэр Френсис старались всеми силами уговорить ее оставаться в Клеведоне, но все их убеждения были напрасны.

— Вы очень добры, но я предпочитаю быть с ним, — говорила она, как будто между ею и мертвым телом было столько же общего, как в то время, когда они были мужем и женой.

Жоржи готова была ехать с ней в Лондон, но и на это предложение мистрис Гаркрос отвечала отказом.

— Нет, я предпочитаю быть одной. Ничто не может сделать мою потерю менее значительной или заставить меня меньше думать о ней.

Мистер Валлори приехал в Клеведон так скоро, как только позволила ему его подагра, и в сопровождении отца мистрис Гаркрос покинула Клеведон и возвратилась в дом, который был сценой ее кратковременной и невеселой замужней жизни.

Этот переезд был очень тяжел для мистера Валлори, и как ни любил он дочь, но охотно уступил бы обязанность ее провожатого Уэстону, который жаждал быть полезным и был очень обижен тем, что Августа не хотела видеть его. Дорога казалась старику бесконечной, несмотря на то, что они ехали на экстренном поезде. Августа сидела молча, и крупные слезы время от времени медленно текли по ее щекам. Отец, при всем желании, не умел сказать ей что-нибудь утешительное.

К медленной агонии горя в сердце Августы примешивалось чувство более тяжелое, — чувство раскаяния. Она любила своего покойного мужа так сильно, как только способна была любить, и вместе с тем обманывала его, скрывая свои чувства, оскорбляя его холодными словами и презрительными взглядами, боясь сблизиться с ним, чтобы не дать ему понять, что она такая же женщина, как и другие.

Она обманывала его, и это ужасное сознание теперь терзало ее сердце. Она гордилась им, но никогда не показывала ему этого, никогда не платила ему дани похвал и нелепой лести, которою любящие жены скрашивают путь семейной жизни. Каждый мужчина более или менее божество в своих собственных глазах, и мир должен казаться холодным герою, не оцененному в своем собственном доме. Губерт Гаркрос принужден был обходиться без домашнего поклонения. Если он возвращался домой, гордясь какой-нибудь профессиональной победой, и в минуту торжества сообщал о своем успехе жене, глаза ее не загорались радостью, она не отвечала ему ни одним сочувственным словом; он слышал от нее только, что опоздал к обеду, или что, если он намерен сдержать свое обещание быть на вечере, то ему осталось только полчаса, чтобы одеться.

Она припомнила теперь все такие мелочи подробности своей замужней жизни, припомнила и свидание в Клевендонской картинной галерее, когда он открыл ей тайну своего происхождения, и она не сказала ему ни одного сочувственного слова, думая только о себе, жалея только себя. Тяжело было вспоминать все эти несправедливости теперь, когда жертва их уже не могла дать прощения. До гроба должна она нести бремя этого тяжелого долга, а дальше гроба она не смотрела. Она была женщина религиозная относительно посещения церкви и исполнения обрядов, но не настолько религиозна, чтобы сказать: мы встретимся в лучшем мире, где ты увидишь мое сердце и простишь меня.

Похороны, оживившие на один час пустынный дом, были необыкновенно пышны. Августа, вопреки всем убеждениям окружавших, проводила тело своего мужа до могилы. Она ехала с отцом в передней карете, безмолвная, бледная как полотно, с сухими глазами. Она видела, как массивный дубовый гроб был поставлен в каменную нишу семейного склепа и взглянула на пустое место, где со временем должен был стать ее гроб.

И этим окончилась история ее замужней жизни. С отчаянием в сердце вернулась она в свой дом и нашла шторы поднятыми, окна отворенными, комнаты и балконы установленными множеством цветов. Во всем была заметна жалкая попытка скрыть, что из дома только что вынесен покойник.

Странное желание овладело ею, когда она отправила своего отца с его подагрой в Акрополис-Сквер и избавилась от неловких утешений, – желание побывать в комнатах покойного в третьем этаже, воспоминание о которых было в числе других тяжелых воспоминаний, мучивших ее в последние дни. Помещение его в эти комнаты было одною из мелочных обид, которые он терпел от нее, одним из средств показать ему и всем домашним, что он только второстепенное лицо в доме.

Она поднялась по задней лестнице, широкой и массивной, как и все в этом доме, но устланной простою холстиной и с грязными серыми стенами, и вошла в комнату мужа. Комната была большая, но не веселая, с окнами, при устройстве которых имелся в виду только наружный эффект. Подоконники находились на вышине груди человека, а верхние стекла были затемнены каменным карнизом. Ничего кроме трех клочков неба не видно было в эти окна. Убранство комнаты было самое простое; большая металлическая ванна; большой комод со множеством длинных узких ящиков (новейшее портняжное искусство открыло, что висячее положение гибельно для платья); дубовое кресло без подушек пред туалетным столом; два ряда сапог на стойке перед камином; несколько расписаний железнодорожных поездов и судебный альманах на камине.

Августа села на кресло и начала медленно осматривать комнату. Сколько раз одевался здесь Губерт к церемониям обедам и скучным вечерам, когда охотно предпочел бы остаться дома и посвятить вечер отдохну, который был для него такою редкостью! Сколько раз входил он в эту комнату, чувствуя себя рабом, запряженным вечно двигающуюся вперед колесницу.

Августа не способна была понять вполне, как тяжела была для него такая жизнь, но она знала, что часто принуждала его ехать в гости, когда он предпочел бы остаться дома, что она стесняла его жизнь своими правилами и не давала ему жить, как он хотел.

Тяжелы воспоминания о таких мелочных несправедливостях, когда жертва их лежит мертвая.

На одной стороне камина стояло несколько сундуков и чемоданов и большой железный ящик, испещренный ободранными ярлыками железнодорожных компаний, тот самый ящик, в котором Губерт Вальгрев возил в Брайервуд свои книги.

«Тут хранятся, вероятно, его бумаги и может быть старые секретные письма, – сказала себе Августа. – Человек, так мало говоривший о своей жизни, должен был иметь тайны».

Она вынула из кармана связку ключей и посмотрела на них с горькою улыбкой. Это были ключи ее покойного мужа, на кольце с его именем и адресом и с ярлыками на каждом ключе.

«Если у него были секреты, я могу теперь узнать их, – подумала она. – Или тайна его происхождения была единственою тайной, которую он имел от меня? Но во всяком случае надо осмотреть его бумаги. Я не хочу, чтобы весь свет знал историю моего мужа».

Она сложила на пол пару пустых чемоданов и, опустившись на колени, открыла ящик.

Вместо ожидаемых бумаг, она нашла сверток шелковых материй и кашмировых платков, французские туфли, головные щетки из слоновой кости, веера, флаконы с духами, связки светлых перчаток, – все вещи, которые Губерт Вальгрев несколько лет тому назад купил для Грации Редмайн.

Мистрис Гаркрос в недоумении выбросила их одну за другую на пол. Вещи были новые, очевидно ни разу не употребленные, хотя и попорченные небрежно укладкой. Ни малейшего клочка бумаги, никакого письма или заметки, которые помогли бы разрешить загадку. Ничего, кроме изящных и дорогих принадлежностей женского туалета, сваленных беспорядочно в большой ящик.

Выбросив их на пол, мистрис Гаркрос принуждена была уложить их снова. Поручить это Тульйон или какой-нибудь другой служанке она не хотела. Она свалила их в ящик как попало, закрыла крышку и два раза повернула ключ, потом с тихим стоном закрыла лицо руками и осталась на полу, неподвижная, как Ниобея.

«Эти все вещи принадлежат какой-нибудь особе, которую он любил, – сказала она себе. – Иначе он не стал бы хранить их».

Она успела заметить, что все вещи были новомодные, сделанные немного лет тому назад, следовательно, не могли принадлежать его матери.

«Этот яблочный цвет был в моде в последнее лето перед моей свадьбой, – подумала она, вспомнив один из кусков шелковых материй. – Буффант сделала мне такое платье для одной загородной прогулки».

Находка этих вещей была тяжелее всех других испытаний, которые она вытерпела в последние дни. Она могла помириться с тем, что муж мало любил ее, но не могла простить ему любви к другой.

«А он должен был сильно любить обладательницу этих вещей, если решился сохранить их», – подумала она.

Все вещи были роскошные и дорогие. Мистрис Гаркрос вспомнила рассказы светских матрон о прекрасных виллах в Фульгаме и Сент-Джонс-Буд и подумала, что эти вещи должны были быть украшением одной из таких вилл. Это предположение ввергло ее в лабиринт тяжелых догадок, но она была далека от мысли, что эти роскошные наряды были приготовлены для чистой, нежной, правдивой деревенской девушки.

Глава XLVII

«Для чего открывать истину? Она не может повредить мертвому»

Ричард Редмайн был заключен в Медстонскую тюрьму. Много тяжелых допросов пришлось ему выдержать, прежде чем был составлен обвинительный акт против настоящего преступника и признано возможным освободить Джозефа Флуда. Потом, около времени уборки хмеля, собрались ассызы, и Ричард Редмайн, владелец Брайервуда, добрый хозяин, веселый откровенный фермер, для многих преданный друг, был вызван в суд, чтобы быть обвиненным в ночном убийстве.

Глубочайшая тишина воцарилась в зале суда, когда преступник, признанный виновным, но заслуживающим снисхождения, был спрошен, не имеет ли он сказать что-нибудь с своей стороны.

— Да, — отвечал Редмайн спокойно. — Я имею сказать нечто, если позволите. Я желал бы, чтобы свет знал, за что я убил этого человека.

И в простых словах, с необыкновенною ясностью и последовательностью, он рассказал историю Грации и свою собственную, рассказал, как он вернулся из Австралии и нашел вместо дочери только ее могилу, как он искал ее соблазнителя, в полной уверенности что она умерла от того, что убедилась в низости своего возлюбленного, и в заключение передал просто и откровенно, что он почувствовал, когда увидел ночью своего врага.

— Я не хочу, чтобы думали, что я был не в полном рассудке в эту ночь, — сказал он. — Я поступил совершенно сознательно, и предпочитаю сказать правду, хотя бы это стоило мне жизни, чем спасительную ложь.

И никакое адвокатское красноречие не могло бы произвести такого впечатления, как эта простая передача фактов. Хотя присяжные уже признали подсудимого достойным снисхождения, председатель подкрепил их приговор своим влиянием. Мы, слава Богу, живем не во дни виселиц, и из десяти осужденных на галеры шесть избегают этой участи. Редмайн был одним из шести. Три дня спустя после его осуждения, тюремный священник объявил ему, что его наказание смягчено на пожизненную ссылку.

Услыхав эту новость, Редмайн вздохнул глубоким вздохом облегчения.

— Благодарю вас, сэр, — сказал он спокойно. — Я очень обязан вам и всем, кто хлопотал обо мне. Из уважения к моему честному старому имени я рад, что не умру от руки палача, но насколько это касается меня лично, мне кажется, что я предпочел бы смертную казнь. Каторжная работа и тюрьма до конца жизни — непривлекательная перспектива.

— Но это тем не менее такая милость, за которую вы должны быть очень благодарны, Редмайн, — возразил священник. — Вы получили возможность раскаяться. Такое преступление, как ваше, искупается не легко. Вы должны много потрудиться для души вашей, Ричард. Вы еще, по-видимому, не сознали, как велико ваше преступление. Подумайте, как ужасно убить врага во тьме ночи.

— Ночь была очень светлая, — возразил Редмайн. — Он мог видеть меня так же хорошо, как я его видел.

— Это нисколько вас не оправдывает, — возразил священник. — Подумайте, как грешно заставить душу предстать перед ее Создателем, не дав ей времени раскаяться. А вы сами говорите, что этот человек был большой грешник. Он, может быть, не раскаялся еще даже в своем грехе против вашей дочери.

Редмайн постоял несколько минут, задумчиво глядя в землю.

— Я не могу ручаться, — сказал он. — Но мне кажется, что он раскаялся.

И он рассказал священнику о своем последнем посещении Гетериджского кладбища и о венке из белых тепличных цветов, лежавшем на могиле Грации.

— Он не вспомнил бы день ее рождения, если бы не жалел о ней. Ему было бы выгоднее забыть ее. Если б эти цветы пришли мне на память в Клеведоне, я может быть, не застрелил бы его.

Это было первое выражение сожаления, вырвавшееся у Редмайна. Священник, заметивший нечто благородное в этом человеке, был рад, что его ожесточенное сердце начинает смягчаться, и начал, надеясь на исцеление своего духовного пациента. Он много трудился над ним до его отправления в Портленд, говорил с ним об его покойной дочери, о Божием Промысле, взявшем ее из мира, полного искушений для неопытных созданий, покинувших родное гнездо, говорил о будущей жизни, где обнаружатся тайны всех сердец; о мире; где не женятся и не выходят замуж, где нет ни слез, ни смерти, ни греха, ни печали, где Редмайн, его дочь и Губерт Гаркрос встречаются утешенные и примиренные.

Труды священника не пропали даром. Редмайн покинул Медстонскую тюрьму и отчество со смягченным сердцем. За день до его отправления посетил его Джош Ворт и дружески простился с ним.

— Слава Богу, что приговор смягчен, Рик, — сказал управляющий. — Я знаю, как вам должно быть тяжело ехать в Портленд, но я слышал, что климат и пища там хороши, и, почем знать, может быть вас освободят, если вы будете вести себя хорошо, — в чем я не сомневаюсь, — будете аккуратно посещать церковь, — что, впрочем, обязательно, будете читать вашу Библию и подружитесь со священником.

— Я убийца, — возразил Редмайн мрачно. — Убийц не так-то легко прощают.

— Почем знать? Бывают случаи исключительные. Вы приедете туда с хорошею репутацией и постараитесь, сойтись со священником.

— Я не способен заискивать, — гордо возразил Редмайн.

— Заискивать! Конечно, нет. Но ведь вы любите вашу Библию и будете читать ее.

— Я желал бы только побывать, прежде чем умру, в Квинсланде и в моем новом имении и посмотреть, что сделал Джим, — сказал задумчиво Редмайн. — Если бы не это, мне было бы все равно — в тюрьме я или на свободе. Я надеюсь, что моя работа в Портланде будет внекомнатная. Я буду видеть над собой светлое небо и дышать свежим морским воздухом.

— Но если вы когда-нибудь освободитесь, Рик...

— Если я когда-нибудь освобожусь, я отправлюсь прямо в Брисбен. Я никогда не вернусь в Кент, где на меня стали бы указывать как на первого из Редмайнов, обесчестившего свое имя.

— О, Рик, мне кажется, что между нами нет ни одного человека, который не жалел бы вас, — с жаром возразил управляющий. — Сэр Френсис был одним из тех, которые всеми силами хлопотали о смягчении приговора. А леди Клеведон говорила мне о вас со слезами на глазах.

— Добрая душа, — произнес тронутый Редмайн. — Я жалел ее, когда думал, что убил ее мужа, но думать дружески о нем я не могу, хотя знаю, что он мне не сделал ничего дурного и даже хлопотал за меня во время следствия. Он слишком похож на того. Боже! Трудно поверить, что такое сходство возможно между людьми совершенно чужими.

— Сходство было действительно, но не такое большое, как вам кажется. Вы видели Гаркроса только ночью, но если бы вы увидели обоих вместе днем, вы заметили бы большую разницу между ними. А в том, что они были несколько похожи друг на друга, нет ничего странного.

— Что вы хотите сказать?

— Вам можно доверить тайну, Рик. Вы не такой человек, чтобы разболтать то, что следует держать в тайне. Эти два человека были более чем случайные знакомые, хотя сэр Френсис этого не знает и, вероятно, никогда не узнает. Они были сводные братья.

— Что?

— Сводные братья. Лет за десять до женитьбы на мисс Агнесс Вильдер, сэр Лука Клеведон увез за границу одну актрису, очень красивую, производившую фурор в Лондоне. Она была известна под именем мистрис Мостин, но была ли она замужняя или вдова, я не знаю, и женился ли на ней сэр Лука, тоже не знаю. Но я имею основание думать, что он был женат на ней. Незадолго до своей смерти он продал имение, которое досталось ему от матери, и весь вырученный капитал отдал сыну, родившемуся где-то в Италии. Лорд Дартмур, по совету которого он это сделал, был одним из поверенных, а я — другим. Капитал был не маленький, а я знаю, что пожертвовать двадцатую долю такой суммы на какое-нибудь благородное дело без крайней надобности было не в характере сэра Луки. Поэтому я всегда подозревал, что они были обвенчаны, и что если этот брак был и не совсем законный, то сэр Лука имел причину опасаться его, и что бедную женщину убедили продать права ее сына. В то время сэр Лука только что вернулся в Англию и ухаживал за одною богатою невестой. Но это кончилось ничем, потому что состояние сэра Луки было уже сильно расстроено, и репутация его была не из лучших. Он получил отказ, вернулся в Клеведон и спрятался в своем доме как раненый зверь в берлоге. Сына своего он, кажется, не видел ни разу с тех пор, как бросил его с его бедной матерью за границей. Все, что нужно было делать для мальчика, делал я, и когда лорд Дартмур умер, я остался его единственным опекуном. Мы дали ему хорошее образование, и из него вышел такой умный, степенный молодой человек, что я считал его совершенным контрастом его отца и был уверен в нем, как в родном сыне. Вы мне верите, Ричард, не правда ли? Я никогда не пригласил бы его в Брайервуд, если бы не считал его честным человеком.

— Я верю вам, — отвечал мрачно Редмайн, — но мне от этого не легче. Я знаю только, что во время моего отсутствия в дом мой был введен человек, который разбил сердце моей дочери.

Глава XLVIII

«А если падет, то падет как Луцифер»

Мистрис Гаркрос прочла историю Редмайна в *Times*, прочла с сухими глазами и с негодованием в; сердце. Так в конце концов оказывается, что жертвой была она, и что ее раскаяние в прошлых ошибках к сожалению о том, что она не была хорошею женой для любимого мужа, было только напрасным страданием. Он никогда не любил ее, его лживое сердце было отдано деревенской девушке, его припадки меланхолии были данью этой погибшей любви. Ее, свою законную жену, он обманывал притворною привязанностью и жил только воспоминаниями о своем погибшем идоле.

Она вспомнила множество мелочных подробностей своей замужней жизни и взглянула на них с новой точки зрения. Она выпила свою чашу разочарования до дна и даже съездила в Брайервуд, чтобы познакомиться с местом, где Губерт изменил ей. Старый дом был все еще на попечении мистрис Буш, которая охотно рассказала бы незнакомой dame все, что знала, даже без соврена, которым поощрила ее мистрис Гаркрос. Она показала ей низкие, старомодные комнаты, старый сад, в котором все еще цвели месячные розы, распространяющие слабый аромат, кедр, под которым так любил сидеть Редмайн и все его семейство. Как вульгарна все это казалось Августе! И он мог изменить ей для девушки, жившей в такой обстановке!

Над камином в комнате Ричарда Редмайна все еще висел портрет Грации, слабое подобие ее прекрасного изменчивого лица. Как мог он поменять ее, Августу Валлори, на девушку с такою незначительною наружностью! Она спросила мистрис Буш: красивее ли была эта девушка в действительности и много ли красивее? Мистрис Буш отвечала только, что Грация была «очень мила», и мистрис Гаркрос принуждена была удовольствоваться этим неопределенным эпитетом. Она попросил позволения походить одной по саду и пошла медленно по аллее, в которой Губерт и Грация цитировали *Ромео и Джульетту* в летнюю ночь, заглянула во фруктовый сад, где они проводили жаркие дни: Грация с какою-нибудь нескончаемой работой на коленях, он – читая и объясняя ей Шелли и думая, как хорошо было бы провести всю жизнь в таком саду у ног Грации. Августа глядела на это место утомленными глазами и удивлялась как он, которому доступно было все великолепие Акрополис-Сквера, мог провести целое лето в таком месте. Насмотревшись вдоволь, она села в экипаж, в котором приехала со станции, и отправилась домой, чтобы там в уединении предаться своему горю.

Удар был ужасный, потому что она любила изменника, любила до сих пор. Но еще ужаснее была минута, когда Уэстон, с газетой в кармане и с довольно улыбкой, против его воли мелькавшую в углах его хитрого рта, явился засвидетельствовать ей свое сочувствие.

– Благородные натуры нередко бывают жертвою обмана, моя милая Августа, и страдают так, как вы страдаете теперь, – сказал он.

Мистрис Гаркрос была менее всякой другой женщины способна вынести такую дерзость. Никакое родство, по ее мнению, не давало права касаться так грубо ее горя.

– Кто позволил вам рассуждать о моих чувствах, – воскликнула она с гневным презрением, – или мерить грехи моего покойного мужа вашею пошлою меркой? Во всем, что он ни делал, он был всегда благороднее вас. Сидите в своей конторе с вашею копировальною машиной и гуттаперчивыми трубами, Уэстон, и не вмешивайтесь в мои дела!

Такой ответ был тяжелым разочарованием для Уэстона, которому путь к его цели стал казаться ровным и легким с тех пор, как мудрое Провидение удалило главное препятствие, Губерта Гаркроса.

Он ушел от своей кузины, упав духом, но не утратив надежды. Слова и обращение Августы были презрительны до невыносимой степени, но женщина в гневе не владеет собою, а он,

может быть, слишком поспешил с своим участием. Он надеялся, что с течением времени она смягчится, решился отомстить ей презрительным молчанием и удаляться от нее, пока она сама не почувствует, что человек, который был для нее всегда полезен, стал ей по силе привычки необходим.

Он возвратился в свою контору, как она посоветовала ему, и стал усердно работать, с твердою надеждой, что придет время, когда Августа и ее состояние сделаются его собственностью и когда ее дворецкий и толпа слуг преклонятся перед ним, как перед своим хозяином. С таким домом, с такою женой и с доходами фирмы Гаркроса и Валлори, которая должна была со временем сделаться также его собственностью, он достиг бы верха земного благополучия, и не променял бы такую участь на все могущество Креза, Александра, Ганнибала, или какого-нибудь другого классического героя, деяния которых составляли мучение его школьных дней.

Вооружившись терпением и положившись на силу времени, мистер Валлори-младший был в скором времени неприятно поражен известием, что Августа намерена уехать на год или на два на континент.

— Вы справитесь здесь с делами и без меня, Уэстон, — милостиво сказал ему мистер Валлори-старший. — Я считаю своим долгом сопровождать Августу. Она очень грустит, и мне кажется, что история, обнаружившаяся во время суда над мошенником Редмайном, поразила ее даже сильнее, чем смерть мужа, хотя она в этом никогда не сознавалась мне. Я очень рад, что она решилась съездить за границу; перемена места и новые впечатления делают чудеса. Она намерена продать контракт на свой дом и всю мебель. Это избавит ее от многих неприятных воспоминаний.

— И причинит ей неисчислимые убытки, — прибавил Уэстон зловещим тоном. — Она вырут столько же сотен, сколько истратила тысяч, но я не сомневаюсь, что это очень утешительно при женской нерасчетливости и женском непостоянстве.

— Деньги при ее теперешнем настроении духа не имеют большого значения, Уэстон, — возразил мистер Валлори. — Когда мы возвратимся в Англию, Августа поселится со мной. Мой дом не был для меня домом с тех пор, как она уехала от меня. Даже кухарка испортилась. Хотя Августа никогда не мешалась в такие мелочи, но ее влияние много значило.

Мистрис Гаркрос отправилась за границу и провела зиму в Риме, где ежедневно каталась с отцом своим по улице Корсо, мрачно-прекрасная в своем вдовьем трауре, лениво развалившись в открытой коляске и не обращая внимания ни на местность, ни на людей. В Риме они жили до конца марта, а лето провели, переезжая с одних германских вод на другие, в надежде отыскать утешительный элексир для подагры мистера Валлори. Следующую зиму они провели в Париже, где наняли роскошный бельэтаж в одной из лучших улиц. Неотступный Уэстон потратил немало времени в течение этой зимы на поездки во Францию. В одну бурную ночь пакетбот, на котором он переезжал канал, столкнулся с французским пароходом, причем Уэстон едва не потонул, но он не смущался такими приключениями, и своею неизменную преданностью и неутомимым угождением наконец, опять овладел своим положением полезного человека. Он привозил ноты и книги и узоры для кружев, и был доволен своими успехами. Между тем время шло, и Августа вернулась с отцом в Англию. Вилла в Райде и яхта, тесно связанная с днями ее помолвки и замужней жизни, были проданы по ее желанию, и мистер Валлори купил имение в Варвикшейре, в нескольких милях от Лимингтона, с семьюстами акров земли, с большим каменным домом, называвшимся Каплестоком, и зажил новою жизнью сельского джентльмена. Он говорил с кафедры на сельских митингах, сидел на лавке судей во время мелких сессий и выводил из терпения провинциальных законодателей мелочными формальностями.

И здесь Уэстон не оставил в покое свою кузину, но хотя мистрис Гаркрос милостиво терпела его как коммиссионера, он никогда не пользовался привилегией кататься с ней по лесным аллеям, или гулять по саду в лунные ночи, или кататься в лодке по извилистой речке.

Он чувствовал себя гостем едва терпимым в ее доме, и бывали минуты, когда звезда надежды его помрачалась.

Мистрис Гаркрос была уже вдовою три года и все еще носила траур, когда надеждам Уэстона суждено было угаснуть окончательно. В течение зимнего сезона он работал особенно усердно, и, три месяца не видавшись с своею кузиной, наконец отправился в ее поместье.

Он приехал в сумерки, в сильную метель, когда переход от ворот к дому походил на путешествие по волшебной стране, хотя эта мысль не пришла в голову Уэстону, который, как известный французский «синий чулок», терпеть не мог красот природы. Войдя в швейцарскую и отдавая распоряжение насчет нескольких пакетов, привезенных для Августы, он заметил, что дом имеет какой-то праздничный вид. Тепличных цветов было больше, освещение ярче, слуги смотрели торжественно и бодро.

— Много гостей у дяди? — спросил Уэстон небрежно.

— Нет, сударь. Лорд Станмор-Эджвар гостит у нас и капитан Пурфлит, и больше никого.

«Лорд Станмор-Эджвар! Новое знакомство», — подумал Уэстон, знаяший этого джентльмена только по известиям *Morning Post*. Он воображал, что Станмор старик и ничего не сделал для прославления своего титула кроме того, что милостиво соглашался существовать.

— Мм! — пробормотал он, довольный предстоящим знакомством. — Милорд, вероятно, имеет поместье недалеко отсюда?

— Нет, сударь. Поместье милорда на севере. Его светлость гостил до Рождества у лорда Мифа, а с тех пор гостит здесь.

Уэстон ушел в свою комнату, оделся тщательнее обычновенного и никогда не был так доволен собою, как когда спускался с лестницы, украшенной в этот день цветами.

— Томми любит лордов, — пробормотал он с насмешливою улыбкой. — Мой дядюшка не свободен от этой извинительной слабости человечества.

В гостиной были только трое, когда он вошел: его дядя, Августа и высокий лысый джентльмен с седыми усами, стоявший у камина спиной к огню. Пред ним сидела в низком кресле мистрис Гаркрос. В волосах ее и на груди черного газового платья были приколоты пунцовые камелии, первый яркий цвет, который увидел на ней Уэстон после смерти ее мужа. Джентльмен с седыми усами разговаривал с ней, наклонившись перед ней с видом рыцарской преданности.

Поза, взгляд и тон сразу объяснили проницательному Уэстону положение его дел, и звезда надежды угасла навеки. В этот же день он узнал худшее. Дядя за бутылкой klarета объявил ему о помолвке своей дочери, когда милорд и его клеврет капитан Пурфлит ушли из столовой вскоре после ухода Августы.

— Мне не хотелось объявлять это вам письменно, — сказал мистер Валлори. — Они помолвлены только три недели, но дело было решено с того самого дня, как мы встретили в первый раз лорда Стармора на одном охотничьем завтраке близ Стоплейфа. Августа сначала об этом и слышать не хотела, но я считал своим долгом убедить ее принять такое лестное предложение. Богатейшее поместье, поднимающееся в цене год от году, целые мили строевой земли на окраинах многолюднейших северных городов, угольные копи, аспидные ломки и человек с безукоризненною репутацией, лет на тридцать старше ее, это правда, но мы знаем по опыту, что такие браки, основанные на взаимном уважении и... и... на желании соединить большие состояния, бывают самые счастливые.

— Да! — воскликнул Уэстон с горьким смехом. — Желал бы я знать, что сказали бы вы, если б она влюбилась в какого-нибудь бедняка таких же лет? Порочная страсть, доказывающая... словом, то, что мы говорим Дездемоне. Но так как он лорд и богат, то вы смотрите на это совсем иначе.

— Вы, однако, принимаете мою новость не совсем любезно, Уэстон. Я думал, что вы будете в восторге. Партия блестящая, такая, какую я всегда желал для моей дочери до ее злополучного

браха с Гаркросом. Да и вы выиграете от этого брака; ваше положение значительно возвысится, когда вы сделаетесь родственником графини. Такое родство стоит тысячи годового дохода, не говоря уже о том, что вы можете в скором времени сделаться поверенным лорда Станмора.

— Мне следовало бы быть бесконечно благодарным, по вашему мнению, — сказал Уэстон, — но ваша новость, тем не менее, поразительна. Я считал мою кузину примерно вдовой, верною до гроба покойному мужу.

— Уэстон! — воскликнул мистер Валлори строго. — Вы становитесь радикалом!

Так в надлежащее время и без заметной поспешности Августа Гаркрос перенеслась в высшую сферу, где забыла об Уэстоне, или вспоминала его раза два в год, когда имя его появлялось в списке приглашений. Августа в эту позднейшую эпоху своей жизни имела удовольствие видеть на своих обедах министров и герцогов, а Уэстон приглашался только на такие многолюдные собрания, что уходил, увидев хозяйку дома только издали. Он утешался мыслью, что его общественное положение выиграло от возвышения его кузины и тем, что многие его знакомые, желавшие воспользоваться покровительством леди Станмор, обращались с своими просьбами к нему. Это было жалким утешением, но все же что-нибудь да значило. Он имел свою нарядную маленькую виллу в Норвуде, имел прекрасных лошадей и мог наслаждаться блестящим положением дел фирм.

Для некоторых избранных жизнь есть, по-видимому, постоянная смена удовольствий. Никакая тень не омрачала Клеведона после убийства Губерта Гаркроса. Тоненькие голоса и топот маленьких ног раздаются в комнатах и в саду. Сибилла Клеведон сделалась Сибиллой Гартвуд и приезжает в Клеведон с детьми, чтобы сравнить новый зуб Тотти с новым зубом его кузины Лотти или справиться, так ли благоприятны симптомы кори у Мигси, как они были у Пипси. Счастливы семейства, о которых, кроме этого, почти нечего сказать. Полковник живет на седьмом небе блаженства. Бунгалло время от времени оживляется детьми, и во время этих вторжений юного поколения четвероногое царство находится более или менее в загоне. Педро выражает свое неудовольствие шипением и гримасами, собаки прячутся под стулья и рычат на гостей, фараонова мышь скрывается и отыскивается вечером, к ужасу служанки, оправляющей постель, под подушкой полковника. Полковник угощает детей вамбейскими ушками, афганистанскими фруктами, вест-индийскими пряниками и удовлетворяет их маленький аппетит так усердно, что продолженные посещения Бунгалло обыкновенно кончаются расстройством детских желудков и употреблением лекарств.

Брайервуд, утраченный навсегда Редмайнами, перешел во владение чужого человека. Дарственная запись, которую Редмайн передал Ситные Луга брату Джемсу, сохранила австралийскую ферму от конфискации в пользу казны, но Брайервуд с его красивою черепичною кровлей, красиво выглядывавшею из густой зелени, был утрачен безвозвратно. Может быть, придет когда-нибудь время, когда в вознаграждение за упорное трудолюбие и неизменно хорошее поведение, за спокойную покорность кающегося грешника Ричард Редмайн получит свободу. Но он никогда не вернется в Брайервуд, эту сцену тяжелых воспоминаний, терзающих его по ночам, а, уедет в прекрасную страну, куда рвется его душа, к горам и водопадам, к плодородным равнинам и озерам Джипсланда.